

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

А.А. Горелов

История мировой культуры

Учебное пособие

3-е издание, стереотипное

*Рекомендовано Редакционно-издательским Советом
Российской Академии образования к использованию в
качестве учебного пособия*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Московский психолого-социальный институт
2011

УДК 930.85

ББК 63.3-7

Г68

Главный редактор *Д.И. Фельдштейн*
Зам. главного редактора *С.К. Бондырева*

Члены редакционной коллегии:
А.Г. Асмолов, В.А. Болотов, В.П. Борисенков, А.А. Деркач,
А.И. Донцов, И.В. Дубровина, М.И. Кондаков, В.Г. Костомаров,
Н.Н. Малофеев, Н.Д. Никандров, В.А. Поляков, В.В. Рубцов,
Э.В. Сайко

Горелов А.А.

Г68

История мировой культуры : [электронный ресурс]
учеб. пособие / А.А. Горелов. – 3-е изд., стереотип. — М. :
ФЛИНТА : МПСИ, 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-9765-0005-1 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-9770-0183-0 (МПСИ)

Пособие написано в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта и охватывает все необходимые программные темы. Книга направлена на создание у студентов целостного представления о культуре (материальной и духовной), ее сущности, месте и роли в человеческом обществе, закономерностях ее развития. Особое внимание уделено значению для культуры искусства, философии и религии. Анализируются причины становления множества культур. Каждая глава сопровождается вопросами для повторения и списком необходимой литературы. Даны словарь терминов и список персоналий.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

УДК 930.85

ББК 63.3-7

ISBN 978-5-9765-0005-1 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-9770-0183-0 (МПСИ) © Издательство «ФЛИНТА», 2011

Оглавление

Предисловие	6
<i>Глава 1.</i> Структура и основные понятия культурологии	8
Структура культурологического знания. — Методы культурологических исследований. — Основные понятия культурологии. — Типология культур. — Культура, природа, общество. — Культура и личность	
<i>Глава 2.</i> Становление Человека Духовного	29
Человек Умелый: начало материальной культуры. — Неандерталец: появление культа. — Человек Разумный: творение языка и наскальные рисунки. — Дикость: охотничье-собирательное хозяйство. — Варварство: земледельческо-скотоводческое хозяйство. — Цивилизация: города и письменность. — Что такое Человек Духовный? — Мир духовной культуры	
<i>Глава 3.</i> Мистика: незримая культура	49
Что такое мистика? — Первая отрасль духовной культуры. — Мистическое единство человека с природой. — Древние культы. — Составная часть культуры. — Современная мистика. — Значение мистики. — Мистика жертвы	
<i>Глава 4.</i> Искусство: становление видимой духовной культуры	71
Что такое искусство? — Происхождение искусства. — Древнее искусство. — Перманентность искусства. — Современное искусство. — Значение искусства. — Жертвенность искусства	
<i>Глава 5.</i> Мифология: становление духовной основы цивилизации	94
Что такое мифология? — Мифологическое единство человека с природой. — Мифология и цивилизация. — Мифология и жертвы. — Основные мифологические сюжеты. — <i>Сотворение мира</i> . — <i>Изгнание из рая (грехопадение)</i> . — <i>Братоубийство</i> . — <i>Всемирный потоп</i> . — <i>Вавилонская башня</i> . — Значение мифологии	
<i>Глава 6.</i> Древний Египет: речные цивилизации	116
История Египта. — Мифология Древнего Египта. — Искусство Древнего Египта. — Научные и практические знания	

Оглавление

<i>Глава 7.</i> Цивилизации Ближнего Востока	134
История Междуречья. — Мифология и искусство Шумера. — Мифология и искусство Вавилона. — Мифология и искусство хеттов и ассирийцев. — Научные и технические знания Ближнего Востока. — Палестина. — Иран	
<i>Глава 8.</i> Древняя Индия	156
Основные представления индийской культуры. — Индийская мифология. — Искусство Древней Индии. — Буддизм	
<i>Глава 9.</i> Древний Китай	181
Основные представления китайской культуры. — Китайская мифология. — Три мыслителя. — Искусст- во и техника Древнего Китая	
<i>Глава 10.</i> Философия: становление рациональной культуры	204
Что такое философия? — Становление философии и роль Сократа. — Смерть Сократа. — Торжество фило- софии. — «Что есть истина?»	
<i>Глава 11.</i> Древняя Греция: морские цивилизации	224
История Древней Греции. — Древнегреческая мифо- логия. — Философия Древней Греции. — Искусство Древней Греции. — Наука и спорт	
<i>Глава 12.</i> Древний Рим	243
История Древнего Рима. — Мифология Древнего Рима. — Философия Древнего Рима. — Искусство Древнего Рима	
<i>Глава 13.</i> Религия: создание мировых культурных систем	265
Что такое религия? — Истоки христианства. — Жизнь Христа. — Смерть Христа. — Воскресение Христа. — Мучения христиан. — Торжество христианства	
<i>Глава 14.</i> Европа и Византия: средние века	287
История средних веков. — Мифология и религия. — Философия средневековой Европы. — Искусство средневековой Европы. — Наука и техника. — Культур- а Византии	
<i>Глава 15.</i> Мусульманская культура	309
История мусульманского мира. — Становление	

ислама. — Этика ислама. — Мусульманская философия. — Искусство и научные знания	
<i>Глава 16.</i> Наука: создание универсальной культурной системы ..... 332 Что такое наука? — Становление науки. — Героический энтузиаст. — Сожжение Джордано Бруно. — Торжество науки. — Научная картина мира. — НТР и кризис науки	
<i>Глава 17.</i> Европа в Новое время: океанические цивилизации ..... 354 История Нового времени. — Новоевропейская философия. — Новоевропейское искусство. — Наука и техника	
<i>Глава 18.</i> Россия и Америка: космические цивилизации ..... 377 История России. — Религия в России. — Русская философия. — Русское искусство. — Кризис русской цивилизации. — История Америки. — Философия США. — Искусство США	
<i>Глава 19.</i> Идеология: кризис духовной культуры ..... 402 Что такое идеология? — Три этапа идеологии. — Три источника идеологии. — Либерально-капиталистическая идеология. — Националистическая идеология. — Коммунистическая идеология. — Массовая культура. — Эволюция идеологии: апофеоз подмен	
<i>Глава 20.</i> Закономерности развития культуры ..... 425 Маятник и прогресс. — Жертвы и подмены	
<i>Глава 21.</i> Будущее и смысл культуры ..... 451 Кризис культуры и определение перспектив. — Экология: единство культуры и природы. — Прогресс и образование. — Смысл жизни и смысл смерти	
Заключение	473
Словарь терминов	482
Персоналии	493

Предисловие

В данном учебном пособии изложена история развития мировой культуры в ее целостности и многообразии отраслей культуры от мистики до идеологии. Последние рассматриваются как ценностно равнозначные (за исключением, пожалуй, идеологии, которая выступает как основная причина нынешнего культурного кризиса, которую культура должна преодолеть, чтобы двигаться вперед). Такого подхода требует научная методология. Наука, писал И. Тэн во Введении к «Философии искусства», «симпатизирует всем формам искусства, даже таким, которые кажутся противоположными; она рассматривает их как проявление человеческого духа; она полагает, что чем многочисленнее и противоречивее они, тем более граней человеческого духа обнаруживается в них». Этот вывод можно распространить на все отрасли культуры.

Согласимся и с таким замечанием: «...мы должны бороться с инстинктивным отвращением при виде того, как разум превращает предметы нашего благоговейного почитания в объекты научных наблюдений и исследований. Разум прежде всего стремится найти место объекта среди других предметов. А когда что-нибудь имеет для нас такое безграничное значение, что вызывает в душе благоговейное чувство, нам невольно начинает казаться, что мы имеем дело с чем-то исключительным, единственным в своем роде» (*Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992. С. 24). Но, продолжает В. Джемс, «нет такой идеальной организации, которая могла бы надеяться обрести истину во всей ее полноте» (Там же. С. 36).

Ни одна отрасль культуры не может рассматриваться как истина в последней инстанции, а лишь как образец. Религиозные и философские учения, произведения искусства вносят вклад в «копилку» моделей, из которых каждый может выбрать то, что ближе его индивидуальной природе. При этом имеет значение традиция, в которой человек родился; детский и юношеский опыт; полученное образование; выполняемая работа. Но важно сохранить непредвзятость подхода к действительности и к отраслям культуры как части мира, не ставя ни одну из них на верхнюю

ступень пьедестала. Если и говорить о высшей ценности, то такой является культура в ее целостности и ее прогресс.

Новое можно строить только на основе всего доступного опыта и культуры. Здесь опасна ориентация на «расчистку» места, о которой говорил герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Базаров. Изучая культуру, мы встречаемся со многими явлениями, которые противоречат общепринятым представлениям и свидетельствуют о том, что мир культуры — особый мир. Попытки объяснить развитие культуры экономическими причинами или вывести ее из деятельности подсознания были, на наш взгляд, неудачными, поскольку нельзя объяснить качественно своеобразное явление из чего-либо другого, кроме как из самой внутренней сущности его. Другими словами, нужно искать внутрикультурные механизмы развития культуры.

Глава 1

Структура и основные понятия культурологии

Без жертвы нет жизни. Вся жизнь — это, — хочешь ли ты или не хочешь этого, — жертва телесного духовному.

Л.Н. Толстой

СТРУКТУРА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Понятие культурологии как науки о культуре возникло в середине XX в. Одна из главных задач культурологии, как любой науки, — выявление закономерностей той области, которую данная наука изучает. В данном случае речь идет о закономерностях развития культуры, отличных как от законов природы, так и от законов материальной жизни человека и порождающих специфику культуры как самоценной сферы бытия.

Своеобразие законов культурологии, впрочем, не означает, что они не могут быть подобны законам других сфер бытия. В дальнейшем мы увидим, что закономерности культуры в чем-то аналогичны законам синергетики и законам развития экосистем.

Культурология выделилась из философии культуры, так же как ранее из философии природы выделились физика, химия, биология, из философии человека — психология, из социальной философии — социология и политология. Соответствующая отрасль научного знания отпочковывается от философии, когда у нее, как у любой науки, появляется эмпирический базис. Таковой начал складываться в культурологии в конце XIX в., когда появилась этнография, изучающая различные культуры, дополненная затем этнологией — наукой о закономерностях становления и развития этносов.

Наука начинается с изучения простых систем, переходя потом к более сложным. Такой путь проходит каждая наука. Поэто-

му неудивительно, что культурология возникла из этнографии и этнологии, изучающих первобытную и современные примитивные культуры, а затем распространилась на исследование более сложных культурных систем.

Причины становления культурологии можно разделить на внутренние, определяемые логикой развития научного знания и постепенным выделением из философии новых дисциплин, изучающих все более сложные феномены реальности, и внешние. К последним следует отнести понимание ведущей роли и самостоятельности сферы культуры; кризис культуры и его связь с экологическим кризисом и кризисами социально-политическими и угрозой уничтожения человечества в термоядерной войне. Появлению культурологии способствовал и кризис евроцентризма в конце XIX в., накопление в недрах этнографии данных о различных культурах неевропейских народов, сложности их структуры и своеобразии.

Как каждая наука, культурология имеет два уровня: первый, эмпирический, и второй, теоретический. Целью первого являются эмпирические обобщения, первоначальная систематизация знания о культуре как уникальном феномене. Целью второго — создание теорий и формулировка законов. Поскольку культурология — молодая наука, а предмет ее исследования очень сложен, она находится пока преимущественно на эмпирическом уровне, хотя можно говорить о теоретических конструктах, принадлежащих Д. Вико, Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А. Тойнби и другим.

Культурология изучает характерные черты и соотношение различных отраслей и типов культур, их эволюцию, проблему лидера в культуре. Хотя это наука о культуре как таковой, она в большей степени занимается проблемами духовной культуры. Культурология является основой гуманитарного знания, так как сообщает наиболее общие сведения, нужные студентам, обучающимся самым различным дисциплинам.

Как отрасль знания, выделившаяся из философии, культурология имеет прочные связи с философией культуры. Философия

культуры выполняет по отношению к культурологии методологические и мировоззренческие задачи, как философия вообще по отношению к любой конкретной науке, анализирует природу и значение культуры. Термин «философия культуры» впервые введен в начале XIX в. немецким романтиком А. Мюллером (1779—1829).

С другой стороны, как гуманитарная наука культурология связана с общественными науками — социологией, антропологией и другими. Соответственно выделяют социологию культуры и культурную антропологию. Социология культуры изучает такие проблемы, как отношение к культуре различных слоев общества. То, что такие особенности есть, не подлежит сомнению, хотя утверждение, что в каждой культуре существует столько разновидностей культур, сколько классов в обществе, будет преувеличением. Но специфическое отношение каждого социального слоя к культуре заставляет выделять и изучать так называемые субкультуры, например молодежную, и т.д. Под социологией культуры понимается также применение социологических методов к объяснению развития культуры; рассмотрение культуры как фрагмента социального бытия с точки зрения ее функционирования в системе общественных отношений.

Культурная антропология изучает связь культуры с существенными характеристиками человека, его психологией и менталитетом. Предметом культурной антропологии является изучение человека под углом зрения созданной им культуры. Культурная антропология базируется на этнологии и занимается исследованием этнической культуры. Под ней можно понимать и раздел этнологии, изучающий развитие этносов с точки зрения создаваемых ими культурных продуктов.

Основой культурологии является история культуры, поскольку невозможно открыть законы развития культуры, не опираясь на историю. История культуры относится к низшему, эмпирическому, фактологическому уровню культурологии, тогда как философия культуры — к высшему, метатеоретическому уровню, что отражено на схеме структуры культурологии и ее связи со смежными дисциплинами.

В иной плоскости лежит деление культурологии на теоретическую и прикладную. Здесь различие идет по линии задач, которые выполняет культурологическое исследование. Теоретическая культурология нацелена на выявление закономерностей развития культуры. Она изучает культурные процессы на основе общих закономерностей социокультурной жизни и занимается решением фундаментальных проблем развития культуры. В то же время культурологические исследования могут быть направлены на решение иных задач. Например, изучение отношения людей к музыке может помочь решению такой социологической проблемы, как социальная стратификация, т.е. выделение различных общественных слоев. Это предмет исследования прикладной культурологии. Прикладная культурология также изучает и разрабатывает методику целенаправленного прогнозирования и управления культурными процессами и ориентируется на охрану и реставрацию культурно-исторического наследия.

МЕТОДЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Одним из первых методов культурологических исследований был в соответствии с происхождением культурологии из этнографии эволюционный метод. Он успешно применялся на заре

культурологии английской этнографической школой Э. Тайлора, а в 1-й половине XX в. Л. Леви-Брюлем в анализе связи культуры с особенностями мышления человека. Эволюционный метод является частью исторического, основного для истории культуры. Другой частью исторического метода является диалектический метод. Последний рассматривает динамику культуры не только как последовательную цепь непрерывных изменений, но и учитывает скачкообразные, резкие изменения, культурные революции. Здесь это понятие употребляется не в том идеологизированном значении, в котором оно употреблялось, когда речь шла о культурной революции в СССР в 20-х годах XX в. или в Китае в 60-х годах. Имеются в виду периоды создания новых типов культур и смены лидирующей роли отдельных отраслей культуры.

Более детальное изучение первобытных культур способствовало обогащению методологического арсенала культурологических исследований. Вслед за эволюционным стали использоваться структурный, функциональный и системный подходы. Соединение двух первых дало название структурно-функциональному подходу. В чем специфика этих методов? Структурный метод ориентирован на исследование структуры культурной системы, т.е. взаимосвязей между элементами системы, скажем, такими отраслями, как наука и религия. Функциональный подход нацелен на исследование функций данной культуры, т.е. значения, которое имеет культурный феномен, к примеру, религия в жизни общества. Согласно функциональному подходу в понимании Б. Малиновского, каждая культура должна рассматриваться не в соотношении с другими, а как внутренне самодостаточная и целостная система, состоящая из набора элементов, связанных между собой функциональными отношениями. При функциональном подходе основное внимание уделяется способам удовлетворения потребностей, запросов, интересов людей. Согласно ему, каждый культурный элемент выполняет особую функцию. Функциональный метод нацелен на обнаружение общих функциональных законов, одинаковых для всех культур, и объяснение с их помощью любого культурного элемента.

Структурный метод подробно проанализирован К. Леви-Строссом, а функциональный — Ф. Баасом. Оживленная полемика сторонников данных методов между собой не ставит под сомнение их значение, а наоборот, помогает более выпукло охарактеризовать необходимость каждого из них в культурологическом исследовании.

Системный подход изучает культуру каждого народа как единое целое, в котором входящие в его состав элементы связаны между собой и создают эмерджентные свойства, которых нет у отдельных элементов системы. Изучение таких свойств позволяет дать общее определение данной культуре, скажем, назвать ее фаустовской или культурой военного типа.

Используется в культурологии также типологический метод, основанный на выявлении типов культур. Он тесно связан с идеализацией, т.е. выделением идеальных типов культур, включающих наиболее характерные черты данного типа. Имеются «идеальные типы», в смысле М. Вебера, обобщающие важнейшие свойства данных культур. На основе этого метода выявляют, например, восточные и западные типы культур.

Успешно в анализе развития культур применяли сравнительный метод Данилевский, Шпенглер и Тойнби. С его помощью, сопоставляя данные культурных феноменов и отдельных культур, им удавалось выявить общую структуру, морфологические особенности и сущностные характеристики культур.

В культурологии используются всеобщие методы, т.е. методы, применяемые во всех областях человеческой деятельности, такие как классификация, т.е. упорядочение культур и культурных феноменов на основе одного или нескольких признаков, анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и т.п.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Существует несколько основных концепций культуры, в рамках которых определяется данный термин. На протяжении 70 лет в СССР господствовало марксистское понимание, в соответствии с которым культура — надстройка над материальным базисом

общества, детерминируемая в главных чертах способом производства. Специфика общественно-экономических формаций дает название стадиям развития культуры — первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической.

На Западе модна психоаналитическая концепция, разработанная в 1-й половине XX в. В соответствии с ней культура является продуктом сублимации первичной жизненной энергии — либидо. С точки зрения З. Фрейда, культура, строясь на принуждении и запрете влечений, навязывается противящемуся большинству меньшинством и требует от людей жертв, которые они ощущают как «гнетущий груз». Поэтому отдельный индивид является «врагом культуры». По мере ее развития внешнее принуждение постепенно уходит внутрь, попадая в особую психическую инстанцию — человеческое сверх-Я. Усиление сверх-Я, по Фрейду, — ценное психическое приобретение. Личности, в которых оно произошло, делаются из противников культуры ее носителями. Однако «с изумлением и тревогой мы обнаруживаем тут, что громадное число людей повинуетя соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения... Бесконечно многие культурные люди, которые отшатнулись бы в ужасе от убийства или инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох» (*Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 100—101*). Называть ли таких людей культурными?

Одна из известных концепций культуры — религиозная, в соответствии с которой культура сформировалась из первоначальных культов. В ее развитие большой вклад внесли русские философы П.А. Флоренский и Н.А. Бердяев. Захоронение предков — по-видимому, следствие осознания смерти и желания преодолеть ее. У человека нет физической возможности достичь этого, и он ищет пути духовные. Так появляется духовная культура,

которая с самого начала фокусируется на данной проблеме (неудивительно поэтому, что древнейшая книга — Египетская «Книга мертвых»). Психологи знают о страхе смерти, который может внезапно напасть на ребенка в возрасте, когда он еще не обладает абстрактно-понятийным мышлением, т.е. не является разумным. Так и осознание собственной смертности первобытным человеком происходит на стадии неандертальца. Попытка справиться со страхом смерти стимулирует мышление, способствуя тенденции рационализации.

Самая распространенная концепция культуры связывает ее с неолитической революцией. Ей помогает этимология слова «культура» как «возделывание» (имеется в виду возделывание земли, к которому переходят от собирательства). Мы говорим о сельскохозяйственных культурах, имея в виду растения, которые были изменены человеком в соответствии с его потребностями. С неолитической революции начинается и период эволюции, ведущий к цивилизации. С этой точки зрения понятия культуры и цивилизации рассматриваются как близкие. Цивилизация — это определенная стадия в развитии культуры.

В начале XX в. О. Шпенглер в книге «Закат Европы» обосновал циклическую концепцию развития культуры, в соответствии с которой каждый народ формирует своеобразную и не сравнимую с другими культуру, вырастающую из особенностей национального духа. Культура «подобна растению, вырастает из своего материнского ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве» (*Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 92*). Культура проходит несколько стадий от рождения до смерти, а цивилизация, по Шпенглеру, — ее завершающая ступень. На основе своей концепции Шпенглер сделал вывод о неизбежной гибели западной культуры в скором будущем.

Шпенглер уподоблял культуры растениям. По А. Тойнби, отдельные культуры — ветви единого дерева человеческого духа. Шпенглера и Тойнби можно считать мыслителями, начавшими изучение культуры с научной точки зрения. В методологическом плане Г. Риккерт обосновал специфику культурологического познания по сравнению с естественно-научным.

Во второй половине XX в. К. Лоренц предложил экологическую концепцию культуры. С его точки зрения, духовная культура — это искусственный механизм, компенсирующий отсутствие у человека инстинкта, предотвращающего самоистребление вида, какой имеется у хищников, обладающих естественными орудиями уничтожения (клыки, когти). По этой концепции важнейшей в культуре является нравственная составляющая, тогда как материальная культура создает технические средства уничтожения, аналогичные естественным у хищников. Духовная культура формирует этические запреты. Так приходим к фундаментальному противоречию между материальной и духовной культурами. Если гипотеза Лоренца верна, то отсюда следует, что развитие духовной культуры отстает от развития материальной. Отдельные культуры, по Лоренцу, аналогичны биологическим видам и развиваются культуры, как виды, — через дивергенцию признаков.

Можно выделить экологическую концепцию культуры, в соответствии с которой культура представляет собой единство творящего духа и окружающей его среды (духовной атмосферы). Черты экологичности культуры: 1) это живая целостность, обладающая эмерджентными свойствами и развивающаяся как органическое, а не механическое единство. «Но так же, как человек, — подчеркивал Т.С. Элиот, — есть нечто большее, чем собрание различных составных частей его тела, так и культура есть большее, чем собрание искусств, обычаев и религиозных верований» (Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 261); 2) отдельные отрасли и типы культуры, подобно живым особям, находятся в непрерывной борьбе между собой и с окружающей средой и в то же время приспосабливаются друг к другу и к среде, достигая гармонии; 3) культуры проходят те же стадии, что и экосистемы — от зарождения до гибели.

Итак, культура — это все специфически человеческое, в противоположность естественному, существующему независимо от человека. Создавая культуру, человек творит искусственное, окультуривая естественное. Простой пример — сельскохозяйственные культуры.

Культуру можно рассматривать со стороны ее содержания и форм, т.е. структур, «законченных в самих себе и претендующих на длительность, более того, на вневременность» (Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 494). Основные формы — это отрасли и типы культуры. Они соответствуют биологическим видам и экосистемам, и их эволюция напоминает эволюцию живой природы: новое не всегда сменяет старое, а сосуществует с ним.

Строение культуры, совокупность ее форм называется морфологией культуры. В более широком смысле под морфологией культуры понимается раздел культурологии, занимающийся изучением культурных форм и их развития как существующих независимо от человека. При этом предполагается, что закономерности образования форм определяются внутренней логикой их развития. В разработку проблем морфогенеза культуры большой вклад внесли в XX в. немецкие философы Г. Зиммель и, особенно, Э. Кассирер, автор трехтомного труда «Философия символических форм».

Формы культуры выражаются в виде языка, естественного и искусственного. По И. Гердеру, язык является основой культуры, его особенности определяют специфику культуры и национального самосознания. В дальнейшем в этом направлении работал основатель структурной антропологии К. Леви-Стросс. Он интерпретировал важнейшие институты первобытного общества (брак, тотемизм, ритуал, миф) как особого рода языки. Культура понималась им как совокупность знаковых систем, скрытым механизмом действия которой выступало «коллективное бессознательное». Языком культуры, таким образом, является вся совокупность смыслов, которые создает человек.

Произведения человека не всегда имеют однозначный смысл. Многозначность творчества позволяет говорить о символах. Творение символов столь же специфично для человека, как сама культура. Недаром одно из определений человека — «символическое существо». Кусок материи, скажем, может рассматриваться и как одежда, и как флаг государства. В определенном смысле все произведения культуры символичны.

Структура языка, в том числе языка культуры, содержит определенный способ мировосприятия данной культуры — ее культурный код. Это понятие появилось по аналогии с генетическим кодом, но в отличие от последнего культурный код передается в результате не биологического, а социального наследования. Понятие генетического кода выражает наследственно закрепленные природные задатки, под культурным кодом понимают социально закрепленные нормы.

Носителями информации о фактах культуры являются знаки. Они составляют язык культуры в широком смысле, в том числе символы-знаки. С точки зрения так называемой символической школы символы составляют ядро культуры. Наука, изучающая знаки как язык культуры, называется семиотикой.

Все создания культуры могут рассматриваться как ценности; те из них, которым полагается следовать, — культурные нормы. Ценности выступают важным средством реализации нормативности. Норма регулирует меру допустимости поведения и обеспечивает добровольное и сознательное сотворчество людей. Главными факторами нормативной регуляции являются мораль и право. Ценности в отличие от норм подразумевают выбор. Ценность, по П. Сорокину, служит основой и фундаментом культуры.

Устойчиво воспроизводимые из поколения в поколение нормы и ценности называются культурными традициями. Совокупность традиций определяет специфический код данной культуры. Культурная традиция призвана обеспечивать сохранение прошлых образов путем устранения новшеств как отклонений.

Способность культуры осознавать самое себя и считать себя следующей определенной традиции называется культурной самоидентичностью. Основой ее является оригинальное ядро культуры, позволяющее узнавать данную культуру и приобщаться к ней. Культурная самоидентичность — это и способность людей относить себя к данной культуре, к стереотипам и символам, существующим в ней. Идентичность может рассматриваться как принцип, посредством которого культура осуществляет процесс

самостоятельного развития. Путем самоидентификации происходит укрепление ядра культуры. Это сила притяжения, аналогичная гравитационной. Процесс идентификации диалектически связан с понятием индивидуализации, развития внутренних творческих способностей личности.

Целостное представление данного народа или человечества о мире называют культурной картиной мира. Она складывается из научной, философской, художественной, религиозной, мифологической, идеологической, мистической картин мира, т.е. из отдельных представлений о мире, функционирующих в отдельных отраслях. Культурная картина мира может строиться по нескольким координатам: одна из них — отрасли культуры, другая — типы культур и цивилизаций. По этим двум координатам будет идти изложение материала в данной книге.

Становление культуры называется культурогенезом. Культурогенез — процесс формирования основных сущностных характеристик культуры. Начинается культурогенез тогда, когда у группы людей появляется необходимость в особых общих формах жизнедеятельности, адаптированных к конкретным условиям места и времени, а заканчивается возникновением форм и стандартов, закрепленных в нравах и обычаях. Протекать культурогенез может или путем эволюции, или посредством революционных, скачкообразных изменений.

Развитие и развертывание во времени называется динамикой культуры. Культурная динамика раскрывает характер, обстоятельства, причины изменений, происходящих в обществе, стадии эволюции культуры и их критерии. Так, Тойнби выделял следующие стадии развития культур: возникновение, рост, надлом, разложение, гибель. Механизмом развития является, с его точки зрения, «вызов и ответ», когда внешние или внутренние факторы неблагоприятно воздействуют на культурную систему, и будущее ее зависит от способности противостоять им, т.е. ответить на вызов.

Различают следующие типы культурной динамики: линейный, при котором предполагается, что все культуры поступатель-

но проходят по одному пути; циклический, в соответствии с которым каждая культура имеет свой цикл от рождения до гибели; и инверсионный, при котором развитие осуществляется по типу маятника — от одного полюса к другому и обратно.

Носителем, субъектом культуры является человек. Разные люди являются субъектами культуры в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько они приобщены к культуре. По участию в культурном процессе можно выделить «творческое меньшинство» (Тойнби), народ, активно воспринимающий культурные традиции, и массы, потребляющие специально создаваемую для них массовую культуру.

Социальными институтами культуры называются социальные институты, имеющие непосредственное отношение к культуре. Это культурные учреждения — театры, музеи и т.п., образовательные учреждения — школы, техникумы и институты в узком смысле, различные творческие организации — союзы, общества и т.д. В разработке понятия социальных институтов культуры, или социально-культурных институтов, большую роль сыграл структурно-функциональный подход. Под социальными институтами в широком смысле им понималась система устойчивых общественных взаимодействий, социальных структур, призванных удовлетворять потребности людей, являющиеся константой культуры. Сама культура понимается в этом смысле как сложная организованная совокупность взаимосвязанных институтов.

Взаимодействия между культурами носят название межкультурных коммуникаций. Их изучение — предмет специального раздела культурологии — культурной семантики, изучающей культурные феномены как средство коммуникации между личностью и обществом.

Под культурной модернизацией понимается изменение культуры в аспекте ее приобщения к господствующим в мире образцам и ценностям. Как и в социально-политическом аспекте, термин «культурная модернизация» обычно используется по отношению к странам третьего мира, в которых происходят кардинальные изменения культурных стереотипов. Важной частью куль-

турной модернизации являются изменения образовательной системы — переход ко всеобщему начальному и среднему образованию, развитие высшего образования, ликвидация неграмотности и т.п. Под культурной модернизацией можно понимать также развитие новых видов искусства — кино, телевидения и т.п., науки и техники, новых социальных институтов культуры и т.д.

В широком смысле культурная модернизация — достижение соответствия культуры современному уровню жизни. В более узком смысле культурная модернизация — это соответствие современному этапу развития западной культуры. Под культурной, в отличие от технико-экономической модернизации, понимается не замещение старого (техники, производства) новым, а расширение содержания тех в принципе немногочисленных тем, которые традиционно обсуждаются в культуре. Культурная модернизация в отличие от технико-экономической ведет не к дифференциации и специализации, а к синкретизму, хотя и в этом случае общий вектор рационализации продолжает действовать.

Можно выделить следующие функции культуры:

- 1) творческую — создания произведения культуры;
- 2) познавательную — познания мира;
- 3) трансляционную — передачи культурных достижений;
- 4) регулятивную — создания норм поведения;
- 5) ценностную — создания системы ценностей, воспринимаемых человеком;
- 6) знаковую — создания языка культуры;
- 7) синтезирующую — соединения больших масс населения в единое целое;
- 8) смысловую — обретения смысла жизни посредством приобщения к достижениям культуры.

Основные понятия и функции будут раскрываться в процессе дальнейшего изучения различных типов и отраслей культуры.

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР

Типология культур предполагает их классификацию по определенным признакам. Такое разделение может быть дихотомич-

ческим, т.е. на два вида, или на большее количество. По социальным признакам можно разделить культуры на этнические и национальные. Этническими называют культуры отдельных этносов. Часто это относится к примитивным культурам, которые изучает этнография. Этническая культура определяется как совокупность культурных элементов и структур, обладающих этнической спецификой и выполняющих этнодифференцирующую функцию. Этническая культура — это культура людей, связанных общностью происхождения и совместной хозяйственной деятельности. Это в значительной мере дописьменная культура, для которой характерны местная ограниченность, обособленность и самодостаточность. Она лишена авторства, анонимна.

Этническая культура вырабатывается с помощью символов прошлого — мифов, легенд, святынь. В современном мире этнические культуры зачастую представляют собой субкультуры национальных культур. Для национальной культуры характерны литературный язык, философия, наука. Национальная культура объединяет людей, живущих на больших территориях и не обязательно связанных кровно-родственными отношениями. Это письменная культура, творцом которой является образованное меньшинство. Ее ценности лежат преимущественно в духовной сфере.

Национальные культуры — культуры наций как более масштабных образований, чем этносы. Формирование наций стало возможным в эпоху развития капиталистического общества, и с этого времени можно говорить о возникновении национальных культур. Своеобразие как этнических, так и национальных культур проявляется и в духовной (верования, язык, искусство и т.п.), и в материальной (особенности ведения хозяйства, способы производства и т.д.) областях.

Локальными называют культуры, развитые на отдельных, относительно обособленных территориях, мало связанные с соседними культурами. К числу таких культур, которых на земном шаре осталось немного, относят культуры примитивных народов Африки, Азии и Америки. Локальные культуры ограничены местными особенностями.

Культуры, стоящие особняком от других культур и обладающие особой спецификой, могут быть названы специфическими культурами. Они не имеют универсальных черт, характерных для большинства развитых культур. Пример: культуры стран тропической Африки. Те культуры, которые тесно связаны с окружающими и содержат в себе их признаки и черты, называются «серединными».

Такие культуры, к которым принадлежит и русская, формируются в результате синтеза культур народов, совместно проживающих в пределах больших географических регионов. Данный тип культуры имеет доминантное культурное ядро, в виде которого выступает культура какого-либо великого народа либо религия. «Серединные» культуры подвержены перекрестным воздействиям и культурной ассимиляции.

Что дает возможность отдельным культурам успешно развиваться? Усвоение ими отраслей культуры, возникших в других типах культур. Это делает данную культуру более разнообразной и тем самым более устойчивой и жизнеспособной. Как показывает глобальная типологическая схема культур, культуры, находящиеся в тесном взаимодействии с другими, имеют преимущества перед специфическими и локальными.

В XX в. национальные культуры распадаются на две части — элитарную и массовую. Под элитарной имеется в виду культура, создаваемая и используемая элитой общества. Появление массовой культуры связано с развитием средств массовой информации и поголовной грамотностью населения, что сделало культуру доступной широким массам. Массовая культура — культура для всех, и ее уровень ниже уровня элитной. Массовая культура не только подстраивается под интересы и влечения масс, но, пользуясь тем, что массы не очень хорошо разбираются в произведениях культуры, формирует их вкусы. Элита, по Х. Ортега-и-Гассету, обладает «органом восприятия», масса — нет. О массовой культуре речь подробнее пойдет в главе 19.

В наше время резко проявляется тенденция укрупнения культур. В качестве одной из ведущих в современном мировом

процессе рассматривается тенденция культурной универсализации, т.е. уплотнения системы межкультурных коммуникаций в направлении создания единой всемирной культуры. Она возникает под влиянием развития системы массовой информации, тенденций информатизации и глобализации, усилением взаимодействия между различными культурами и цивилизациями. Это противоречивый процесс, имеющий положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, он способствует взаимообогащению культур, с другой — унификации и уменьшению культурного разнообразия, что негативно сказывается на устойчивости человеческого сообщества. Об этой тенденции подробно говорится в последней главе книги.

Основное типологическое различие культур пролегает по делению их на восточные и западные. Для восточного типа культур характерно преобладание таких отраслей, как мистика, мифология, религия. Для западного типа культур характерно преобладание философии и науки. Восточные цивилизации более древние. Западный тип впервые появляется в Древней Греции около 3 тыс. лет назад. Данное деление не является жестким. Существуют промежуточные типы культур, к одному из которых относится Россия.

Как писал П.Я. Чаадаев, «мы не принадлежим... ни к Западу, ни к Востоку». Это не исключает синтеза в русской культуре западных и восточных традиций, и может быть, это основная задача русской культуры. Русская культура подробно рассматривается в главе 18. Здесь отметим, что промежуточный характер русской культуры не означает, что она способна развивать все особенности тех типов культуры, между которыми располагается (в таком случае они были бы не нужны и целиком могли бы замениться русской), а свидетельствует о повышенной восприимчивости русской культуры к особенностям культур других типов (что Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью» русской души) и особыми способностями синтеза культур различных типов, что продемонстрировано, к примеру, великой русской литературой XIX в. в лице Толстого и Достоевского.

Наиболее подробно типология культур разработана английским историком А. Тойнби. Немного упростив и модифицировав ее, мы будем следовать ей в нашей работе.

КУЛЬТУРА, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО

Противостояние культуры и природы является фундаментальным. Сама культура как специфически человеческое произведение выделяется из природы с момента становления человека как вида. Культура занимает особое место как совокупность всего созданного им специфически человеческого. На современном этапе развития человека к совокупности основных задач, которые традиционно стояли перед культурой, прибавилась задача разрешения глобальных проблем — экологической, предотвращения мировой термоядерной войны и др. Современный экологический кризис свидетельствует об обострении отношений между человеком и природой и заставляет ставить вопрос о враждебности культуры природе. Такое развитие культуры представляет вызов ей самой. Это вызов, на который она должна дать ответ, чтобы эволюция человечества продолжалась. О том, как отвечает культура на данный вызов, говорится в последней главе книги.

Современный кризис культуры связан с уменьшением культурного разнообразия, процветанием массовизации культур, с установкой культуры на покорение природы. Культурология и возникает как ответ на данный кризис. Культурология как наука возникла в середине XX в. из осознания кризиса современной культуры и в попытке преодолеть его, как современная экология — из осознания кризиса во взаимоотношениях человека и природы. Культура и природа противостоят друг другу, но культура не может существовать вне природы как своей основы. Жизнь человечества во многом подобна жизни животных сообществ. Определенные структурные аналогии несомненны. Для успеха в материальной жизни требуется агрессивность (ее рост повышает ранг животных в иерархии). Но для культурной победы нужны другие качества.

Во взаимоотношении культуры и общества также существуют аналогии, но не тождество. Главный вопрос, имеющий отношение к проблеме «культура и общество», — вопрос о том, какое воздействие оказывает культура на развитие общества, и наоборот, как общество влияет на развитие культуры. Со стороны социальной динамики мы сталкиваемся с природными импульсами, в то время как культурная динамика регулирует биологическую составляющую поведения человека.

КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

Человек — творец культуры. О соотношении культуры и личности подробно говорится в следующей главе. Здесь остановимся на основных понятиях, в которых анализируется данная тема, — социализации и инкультурации. Социализацией называется процесс приобщения личности к основным достижениям культуры. Это понятие не тождественно понятию воспитания, под которым понимается целенаправленное воздействие на личность. Социализация — более широкое понятие, под которое подходят все формы воздействия, в том числе на бессознательном уровне. Фундаментальное значение, которое имеет культура для человека, позволяет назвать его скорее не биосоциальным, а биокультурным существом, тем более, что, как стало сейчас очевидно, социальными являются многие виды животных, а культурен только человек.

Важным является вопрос о соотношении культуры и человеческой природы. Какова она, насколько реализуется в современной культуре? Поскольку здесь трудно провести исследования на эмпирическом уровне, ответ остается пока всецело в области философии культуры.

В процессе социализации человек овладевает культурой и в то же время раскрывает свою сущность, свой индивидуальный творческий потенциал. Под инкультурацией понимается введение человека в систему нормативно-ценностных регуляторов социальной практики, в иерархию этих ценностей.

Ключевыми в данной работе являются понятия рационализации, синтеза, жертвы, подмены. Чтобы ориентироваться в ог-

ромном разнообразии культурных фактов, надо взять что-то за основу. Таковым предстает феномен жертвы. Противоположный ему феномен, нейтрализующий результат жертвы, — подмена. Динамика жертв и подмен — следствие тенденции рационализации.

Вывод о жертве как движущей силе развития культуры может показаться парадоксальным с точки зрения нынешней ситуации, но это не так для традиционных представлений о круговоротах жизни, которые не сводятся к простым повторам хотя бы по причине необратимости времени.

Акцент на роль жертвенности не ведет к проповеди пассивности и смерти. Любой плод должен созреть, на что требуется время, особенное для каждого человека и произведения. Единственное опасение автора, чтобы в самой книге не произошло подмены, желание предостеречь от которой было одним из стимулов ее написания.

Вопросы для повторения

- Когда возникла культурология?
- Какова ее основная задача?
- Какова структура культурологического знания?
- С какими науками связана культурология?
- Чем отличаются теоретическая и практическая культурология?
- Какие методы культурологии вы знаете?
- Что такое культура?
- В чем различия между основными концепциями культуры?
- Что такое цивилизация?
- Что такое морфология культуры?
- Что такое культурный код и традиции культуры?
- Что такое культурная самоидентичность?
- Что такое культурная картина мира?
- Что такое культурогенез и динамика культуры?
- Кто является субъектом культуры?
- Что такое социальные институты культуры?
- Что такое культурная модернизация и как она связана с межкультурными коммуникациями?

Глава 1. Структура и основные понятия культурологии

- Назовите основные функции культуры.
- Что такое типология культур и каковы ее основные результаты?
- Чем отличаются этнические и национальные культуры, локальные, специфические и «серединные»?
- Чем отличается элитарная культура от массовой?
- В чем суть тенденций информатизации, глобализации и культурной универсализации?
- Что такое социализация и инкультурация?

Литература

1. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1889.
2. Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997.
3. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993; Т. 2. М., 1998.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
6. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.

Глава 2

Становление Человека Духовного

Мы еще не люди, а только становимся людьми.
Гердер

ЧЕЛОВЕК УМЕЛЫЙ: НАЧАЛО МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная антропология в качестве первого представителя рода Номо называет Человека Умелого, останки которого найдены английским ученым Л. Лики в 1960 г. в Восточной Африке, и названного так потому, что в тех же слоях была обнаружена речная галька, заостренная при помощи сколов. Останки принадлежат существам, которых относят к австралопитекам, т.е. «южным обезьянам» ростом 120 см и объемом мозга не более, чем у других человекообразных обезьян. Так как сколы на гальке, по-видимому, сделаны ими и представляют собой, таким образом, первые орудия труда, то и назвали их Человеком Умелым. Животные могут применять предметы и даже видоизменять их своими зубами и конечностями, но использование одних естественных предметов (например, камней) для обработки других считается созданием орудий труда, присущим только человеку.

С изготовлением орудий труда начинается материальная культура, т.е. производство специфически человеческих материальных продуктов его деятельности. Человек Умелый начал активное преобразование природы в материальном аспекте.

За 3—5 млн лет, прошедших после начала изготовления орудий, Человек Умелый подрос до 150 см, объем мозга имел 900 см³, применял ножи, сверла, скребки, ручные рубила. Относящийся к Человеку Прямоходящему синантроп питался мясом, использовал сосуды и огонь. Простое объяснение «приручения» огня заключается в том, что при оббивании камней сыпались искры, которые могли зажечь трут.

В то время человек был погружен в природу и жил в мире с ней, что получило название единства человека с окружающей средой. Слово «единство», впрочем, мало что выражает. Любая форма взаимодействия частей является их единством. Единство человека и природы создавалось из отдачи человеком себя природе, как прекрасно изобразил Р. Киплинг в образе Маугли. Первобытный человек был больше похож на Маугли, чем на охотника с дубиной.

Прямохождение называют одним из решающих отличий человека от животных, давшим возможность освободить руки для выполнения других операций. Человек Прямоходящий создавал достаточно сложные орудия и сильнее изменял окружающую среду. Мощной преобразовательной силой стал огонь. Значение огня столь велико, что давший его людям Прометей был наиболее известным мифологическим героем Древней Греции, сравнимым по своей славе с Аполлоном — богом культуры — и Венерой — богиней красоты.

НЕАНДЕРТАЛЕЦ: ПОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТА

Неандерталец известен нам по скульптурным воссозданиям надбровными дугами и выступающей челюстью. Его рост и объем мозга близок к современному. С неандертальца начинается усиленное общественное развитие, и тогда уже существовали стада в шкурах с дубинами в руках, изображенные на диорамах в краеведческих музеях.

Именно у неандертальца возникает обычай захоронения трупов, и, стало быть, с него начинается духовная культура. Без разума и речи, но с верой в сверхъестественное? Можно ли говорить о возникновении таких представлений у бессловесного существа? Изготовление орудий опередило речь на несколько миллионов лет. Почему же захоронение трупов должно начаться только после ее появления? Конечно, развитые обряды требуют наличия речи, но, вообще говоря, представления о высшем духовном начале совсем не нуждаются в ней, как видно на примере мистики — представления о единстве со сверхъестественным, которое не нуждается в словесном оформлении.

Итак, 350—200 тыс. лет назад произошел важный сдвиг в становлении человека — возникли зачатки духовной культуры. Здесь уместно заметить, что термин «культ» служит основой понятия «культура». Отметим вывод М. Элиаде, что «в архаических обществах доступ к духовному выражается через символизм смерти» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 233*).

С осознания смертности и захоронения трупов начинается духовная культура. Известное у обезьян манипулирование предметами, не имеющее практических целей, становится самоценным для человека. Стало быть, самоценной становится духовная культура, в которой проявляется впервые данный феномен.

Захоронения трупов отсутствуют у животных — здесь граница, которую они не могут перейти. Духовная культура выполняет ту же, но по большей части невидимую работу, что и материальная культура. Человек Умелый оббивает гальку, превращая ее в нечто иное с другими функциями. Неандерталец заменяет животное восприятие на нечто, способное создавать произведения духовной культуры. Духовная культура оказывает влияние на материальную, та — на преобразование Среды, та — на человека, и получается контур обратной связи, ускоряющий развитие. Отказ от обязательной непосредственной полезности действия ведет к повышению эффективности практической деятельности. Данный контур обратной связи, по-видимому, ответствен за ускорение исторического процесса и эволюции человека. Духовная культура — главный фактор человеческого прогресса, а движущей силой его становится творец духовной культуры.

Нет ничего удивительного в том, что сначала развивается материальная культура. На определенном ее этапе складываются предпосылки для появления духовной культуры, и с этого момента резко ускоряется развитие человека. Несколько миллионов лет понадобилось для перехода от материальной к духовной культуре. Затем еще 150 тыс. лет — и появляются разум и речь. Отходя все дальше от животных, человекообразное существо превратилось в неантропа.

*ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ:
ТВОРЕНИЕ ЯЗЫКА И НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ*

Наступает решающий этап в становлении человека. Это кро-маньонец, Человек Разумный, похожий на нас внешним обликом и ростом. Закончилась в целом телесная эволюция, начинается эволюция социальной жизни — род, племя... Дальше пойдет эволюция хозяйственной жизни, определяемая развитием техники.

Появляются разум и язык, невозможные друг без друга, а вместе дающие то, чего лишена дочеловеческая жизнь, — социальное наследование приобретенных признаков.

Если и не совсем правильно сказать «в начале было слово», тем не менее речь играет ключевую роль в образовании сознания. С появлением языка и разума изменяется мозг. «Ныне антропологии достоверно известно, что у всех представителей семейства троглодитид, даже самых высших, т.е. палеоантропов (неандертальцев в широком смысле слова), не говоря о нижестоящих формах, в архитектонике мозга отсутствовали все верхние префронтальные формации коры головного мозга, а также те зоны височной и теменной областей, которые осуществляют второсигнальное управление и деятельностью, и восприятием, и всеми вообще функциями организма человека» (*Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 175*).

С появлением языка начинается видимая духовная культура как создание качественно нового, не относящегося к практической материальной деятельности, абстрагирующегося от непосредственных задач (хотя еще у неандертальцев появляется то, что можно назвать искусством — вылепленные фигурки людей).

Главное отличие человека от животных не в материальном бытии, которое у человека также специфично, а в его бытии духовном, которое у животных полностью отсутствует, т.е. в духовной культуре, сотворившей речь и разум. Именно последняя порождает человека в полном смысле слова. С речью и мышлением появляется идеальное и берет начало культурное время (но не социокультурное, поскольку социальность и культурность не

одно и то же — существуют социальное и культурное время, каждое со своими особенностями).

Возникновение языка несомненно связано со словесным творчеством и ведет к становлению новых форм искусства в дополнение к наскальным рисункам. Отметим идею Поршнева, что исходный психофизиологический механизм развития искусства тот же, что и возникновения речи, — преодоление внушения со стороны других индивидов.

ДИКОСТЬ: ОХОТНИЧЬЕ-СОБИРАТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Чем ближе к порогу собственно человеческой истории, тем больше данных о важной роли охоты в жизни общества. Единство человека и природы было разрушено, когда человек стал создавать орудия убийства. Те дубины, с которыми одетый в звериную шкуру первобытный человек гонится за мамонтом на диорамах в краеведческих музеях, были первой подменой жертвы Маугли на благо единства с природой.

По мнению М.М. Будыко, экономической основой жизни человеческого общества в верхнем палеолите (40—15 тыс. лет назад) была охота на крупных животных. Став охотником, человек вступил на путь разрыва с природой. Теперь его отношения с ней стали чреватые опасностью локальных и региональных кризисов, приводивших к гибели отдельных культур, пока наконец не создали в настоящее время глобальный экологический кризис.

Социализированный и производящий орудия человек мог активно воздействовать на природу, противопоставляя себя ей и перестраивая ее. В результате разразился первый экологический кризис, когда технический прогресс средств охоты привел к уничтожению крупных животных и над самим человеком сгустились тучи.

Используя метод математического моделирования, М.М. Будыко пришел к выводу, что «окончание культуры палеолита в Европе, возможно, было в известной мере результатом неразрешимого противоречия между созданной человеком верхнего палеолита техникой массовой охоты на крупных животных... и о-

раниченностью природных ресурсов для этой охоты, которые через некоторый период времени оказались исчерпанными» (Будыко М.М. Глобальная экология. М., 1977. С. 252). Ряд исследователей считают в какой-то степени антропогенно обусловленным исчезновение мамонтов и других крупных млекопитающих. Главная причина данного экологического кризиса, по Будыко, в более высокой скорости эволюции человека по сравнению со скоростью эволюции преследуемых им животных.

Кризис охотника был, в отличие от кризиса австралопитека, не кризисом слабости, а кризисом силы, как и современный экологический кризис, хотя древний охотник не кажется ретроспективно таким уж сильным, как не покажемся, наверное, и мы нашим потомкам через 30—40 тыс. лет.

Дело не только в скорости эволюции, но и в направленности применения человеческих сил, разрушавшей прежнее единство человека и природы. Данный промежуток человеческой истории был назван дикостью — и это верно в том отношении, что преобладал агрессивно-потребительский стиль жизни.

Исследования Будыко показывают опасность агрессивно-потребительского поведения. Конечно, это в определенной мере требуется для существования в «сфере необходимости», но должно преодолеваться культурным прогрессом, который в описываемый период выразился в переходе от присваивающего к производительному хозяйству, к земледелию и скотоводству. Возможности для этого были; вызов превратил их в реальность.

Если экологический кризис верхнего палеолита действительно имел место, то он оказал в той или иной степени влияние на эволюцию человека, способствовал развитию новых форм и способов хозяйствования.

ВАРВАРСТВО: ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Одомашнивание животных, переход от охоты к сельскому хозяйству и оседлому образу жизни (строительство свайных жилищ) получило название «неолитическая революция» (неолит —

новокаменный век). А. Тойнби выделяет два этапа создания земледельческо-скотоводческого хозяйства. «В первый приход засухи доземледельческие предки кочевников от охоты перешли к земледелию, превратив охоту в дополнительный и вспомогательный промысел. А в период второго критического наступления засухи патриархи номадической цивилизации смело вернулись в степь и приспособились к жизни в таких условиях, в каких не могли бы существовать ни земледельцы, ни охотники» (Тойнби А. Постыжение истории. М., 1994. С. 185).

Земледельческие культуры существовали 8 тыс. лет назад в Средней Азии, Малой Азии, Палестине и Северной Месопотамии. Более поздние и значительные зародились в Египте и Шумере 6 тыс. лет назад. Первоначально земледелие дополнялось охотой, позднее появилось скотоводство. Мотыжное земледелие возникло 10 тыс. лет назад, пахотное — на 5 тыс. лет позднее на Ближнем Востоке.

Рассматривая неолитическую революцию с точки зрения исследований, о которых говорилось выше, можно сказать, что мамонты своей жизнью оплатили прогресс человека и культуры.

От неолита идет само слово «культура», означающее в переводе с латинского «возделывание», и словом «растения» как сельскохозяйственные культуры. Это, конечно, материальная культура, но на ее развитие влияла культура духовная.

Интересно, что одомашнивание диких животных — один из главных результатов неолитической революции — некоторые исследователи объясняют религиозными причинами. «Население Юго-Западной Азии, особенно Месопотамии, поклонялось лунному божеству. Из-за формы рогов, похожей на полумесяц, тура использовали как жертвенное животное. Для того чтобы иметь запас жертвенных животных, их держали как пленников. Мясо животных и их шкуры употреблялись человеком как побочные продукты их использования в религиозных целях» (Смит Р. Наш дом планета Земля. М., 1982. С. 103). Древние верования могли, таким образом, натолкнуть на возможность содержания крупного рогатого скота.

Переход к оседлому образу жизни привел к появлению постоянных поселений — деревень, мест наиболее интенсивного воздействия человека на окружающую среду. Производящее хозяйство в какой-то степени гуманизовало отношение человека к природе, так как к убийству животных добавилась забота о них. Однако конечной целью оставалось выращивание с целью прокормления. Природа продолжала быть жертвой, а агрессивнопотребительский стиль жизни в целом не вызывал сомнения.

Название охотничье-собираательной эпохи дикостью, земледельческо-скотоводческой — варварством — не противоречит тому, что создателем их был Человек Разумный. Он отличается от других существ тем, что обладает разумом, т.е. способностью к абстрактному, обобщающему, понятийному мышлению, но это не значит, что он всегда и во всем поступает разумно. Разумность сочетается и с дикостью, и с варварством. Она — предпосылка культуры, но не культурность в ее полноценном проявлении.

Таков путь человека: от единства с природой — к охоте, затем к земледельческо-скотоводческому способу хозяйствования и позже — к промышленному производству.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ГОРОДА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Аналогично этапам хозяйствования выделяют этапы материальной эволюции человечества, исходя из материалов, которые оно применяло для изготовления орудий: каменный век, бронзовый и железный (кое-где добавляют медный). Впоследствии выяснилось, что если каменный век может иметь абсолютную датировку, то следующие два имеют специфичную для каждой культуры дату. Бронзовым веком можно считать время от 5 тыс. лет тому назад до начала 1-го тысячелетия до н.э., когда бронзовые орудия сменились железными. Это период цивилизации как третьего этапа общественного развития после дикости и варварства.

Двумя основными характеристиками цивилизации являются города и письменность. «Город от деревни отличается в основном по двум показателям. Первый из них состоит в существовании организованного социального ядра, вокруг которого увязы-

вается вся структура общины... Наряду с этой смелой эстетической трансформацией окружающей Среды существует и другая тенденция, отличающая город от деревни, — тенденция к утере связей, объединяющих жителей с природой, и изменению, уничтожению или замене естественных условий местности условиями искусственными, которые усиливают господство человека и создают иллюзию ее полной независимости» (Л. Мэмфорд. Цит. по: *Смит Р.* Наш дом планета Земля. С. 168—169). «Каждое из сооружений общественного пользования, характеризующих новую городскую форму, — стена, прочное укрытие, сводчатая галерея, мощеная дорога, водохранилище, акведук, канализация — уменьшало влияние природы и увеличивало господство человека» (Там же. С. 169). Город — это огороженное поселение, в котором имеется рынок для обмена продуктами. Древнейший из известных город — Иерихон в Палестине — возник в конце 7-го тысячелетия до н.э. Письменность появилась 6 тыс. лет назад сначала в виде пиктографической, где каждый знак обозначал понятие, потом иероглифической, клинописной, слоговой и алфавитной. Изобретение письменности существенно расширило возможности приобщения к культуре и передачи «культурного кода». Это, по сути, новое средство передвижения культуры в пространстве и времени, необходимое для становления цивилизации.

Для цивилизации характерна пространственная экспансия, стремление к расширению вовне. Она несет свою культуру, потребителем которой является, и взаимодействует с другими культурами.

Периодизация трех веков — каменного, бронзового и железного — рождает вопрос: откуда появилось представление о золотом веке и что было его основой? Возможно, это отголоски воспоминаний о длительном (более 9/10 человеческой истории) периоде единства человека с природой.

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ?

С изготовления орудий труда начинается материальная культура, но это не дает оснований говорить о появлении Человека

Духовного. Даже в настоящее время, зная, что все люди могут изготавливать орудия, мы далеко не каждого назовем духовным — духовность выше простой способности делать что-либо по определенному шаблону. Становление Человека Умелого — необходимое, но не достаточное условие появления Человека Духовного, поскольку последнее предполагает определенную степень духовного развития, а культура не сводится к материальной, являясь средством общения, обмена чувствами, мыслями, представлениями.

Нет данных, что Человек Умелый имел какое-то отношение к духовной культуре. Становление человека началось с создания материальной культуры, а духовная культура — следующий этап его эволюции.

Нельзя извлечь Человека Духовного и из прямохождения. Прямоходящего мы не назовем духовным за то, что в дополнение к изготовлению орудий он ходит на задних конечностях. Все более выделяясь из природы, Человек Прямоходящий приближает нас к Человеку Духовному опять-таки только в материальном плане.

Неандертальца можно назвать Человеком Общественным, но духовным не был и он. Ни изготовления орудий, ни прямохождения, ни социальной жизни недостаточно, чтобы считаться духовным. Но наличие религиозных представлений у неандертальцев — шаг к становлению Человека Духовного.

Создатели языка были, несомненно, духовными людьми. С появлением слова ускоряется прогресс человека, так как облегчается возможность передачи культурных навыков. У Человека Разумного увеличивается способность к восприятию и наследованию культуры, но реализуется она не у всех одинаково. Разум и речь не делают человека духовным автоматически.

Несмотря на все достижения, цивилизованный человек столь же далек от Человека Духовного, как дикарь и варвар. Две особенности цивилизации в отличие от культуры: 1) преимущественное развитие материальной культуры; 2) ориентация на потребление, а не на производство культуры.

Дикость, варварство, цивилизация — ступени к Человеку Духовному, который возникает в той точке, когда основным законом жизни становится закон развития культуры. «Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» (*Кант И. Философия истории. М., 1995. С. 65*).

Поршнев различал три этапа в становлении человека; неандертальцев, у которых развилась интердикция I, которую можно обозначить словом «нельзя»; дивергенцию неандертальцев и кроманьонцев в процессе развития интердикции II, обозначенную словом «можно»; и кроманьонцев, у которых развилась интердикция III, обозначенная словом «должно». Если перенести это в сферу культуры, то последняя полностью проявляется лишь тогда, когда на первый план вместо «нельзя» и «можно» выходит «должно», т.е. когда человек начинает понимать, что он должен. Можно сказать, рассматривая мысль Поршнева как аналогию: люди делятся на исповедующих установку «нельзя», «можно» и «должно». Из последних и формируются духовные люди. Как посетовал недавно В.Г. Распутин, «от человека разумного до человека ответственного, как выяснилось, дистанция не меньшего размера, чем от прежнего видового “класса” до настоящего».

Человек Духовный формируется не до цивилизации, как думал О. Шпенглер, а после нее. Культура постепенно накапливается, но чтобы она победила, необходимо преодоление цивилизации как способа приобщения к внешним формам культуры и выход в царство творчества, свободы и любви. Этапы эволюции человека предстают в следующей последовательности: Человек Умелый → Человек Прямоходящий → Неандерталец → Человек Разумный → Дикость → Варварство → Цивилизация → Человек Духовный.

Наиболее принципиальное отличие человека от животных — не труд, не речь, не разум, а способность творить в любви к миру,

аналогом чему в животном мире служит триумфальная песнь, о которой пишет К. Лоренц. Одного разума недостаточно для создания культуры. Нужны еще чувства, и не наряду, а в единстве с ним; нужна разумно-чувственная целостность, или духовно-душевное единство, которое отличает человека духовного.

Как и способность любить, способность творить проявляется не у всех. Говорить и мыслить человек начинает сам, а вот созидать надо его учить, причем часто учеба оказывается безуспешной. «Днем с огнем» древнегреческий философ Диоген искал вряд ли человека умелого, прямоходящего, разумного, скорее — духовного.

Культура может быть: 1) продуктивной (творческой) — высший тип, при котором создается новое; 2) подражательной (цивилизация) — перенимание культурных достижений. Духовная культура составляет ядро цивилизации (как есть ядро у атома, клетки, галактики), и процессы, текущие в цивилизации, зависят от духовной культуры (как движение электрона зависит от ядра атома). Духовные силы, по-видимому, во много раз превышают физические, хотя действуют в иной сфере. Они — производное духа человека. Человек, творящий духовную культуру или находящийся в поле ее притяжения, — и есть Человек Духовный.

Духовный человек способен создавать и жить в мире культуры. У него две руки и две ноги, но он отличается от большинства людей. Если принять, что большинство формирует понятие нормы, то можно сказать, что он ненормален. Но если понимать норму как соответствие идеалу, то он нормален в высшем смысле слова. М. Цветаева на просьбы рассказать о своей гениальности отвечала, что она обычный человек, это другие ниже среднего уровня. Огромное большинство людей лишь потребляют культуру, а не живут в ней, проявляя творческую самоотдачу. Есть оазисы культуры в лице отдельных творцов, но нет вида Человек Духовный.

Творческое меньшинство противостоит массе, и каждый выбирает, к какой группе присоединиться. Рост цивилизаций, по Тойнби, дело рук «духовно озаренных личностей», «в то время

как подавляющее большинство представителей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества» (Тойнби А. Постигание истории. М., 1994. С. 260).

К. Маркс говорил о предыстории человечества и переносил начало истории к моменту построения коммунистического общества. Можно говорить и о предкультуре, перенося начало культуры как присущей человеку как виду к тому моменту, когда все люди будут ее творцами, раскрывая свой внутренний потенциал. Это и есть становление Человека Духовного, осуществление мечты, представляющейся утопической.

Некогда были культурные герои, теперь творческое меньшинство. Каковы движущие силы создания творческого большинства? Если культура — механизм, противостоящий опасности самоистребления в ходе роста технического могущества человека, то в самом Человеке Разумном имеется постоянно воспроизводимое тенденцией рационализации противоречие между Человеком Умелым и Человеком Духовным, и совершенствование человека есть способ его преодоления.

Повышение интеллекта не обязательно ведет к духовности. «От того, что мы многое умеем или знаем, мы еще не культивируемся. Специализация не станет культурой, каких бы высот она ни достигала в разработке объективных содержаний. Культура появляется только там, где эти односторонние совершенства упорядочиваются в целостности души... когда эти совершенства способствуют реализации единого целого» (Зиммель Г. Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 480). Отсюда следует вывод, что прогрессирующее разделение труда, увеличивая количество производимых вещей, препятствует становлению Человека Духовного.

Человек Разумный — арена борьбы технических и этических компонентов, и когда преобладает техническая составляющая (как сейчас), кризис переходит в глубь культуры.

Человек культивируется в нечто полезное подобно растению, которое он культивирует в полезный для себя продукт. «Плод, как ни мало был он в состоянии явиться на свет без приложения человеческих сил, в конечном итоге все же выходит наружу в силу

движущих сил самого дерева и является лишь исполнителем заложенной в его собственных задатках возможности... Именно в этом смысле мы не можем признать за данным человеком подлинную культурность в силу одного лишь обладания всевозможными знаниями, виртуозными навыками и всякого рода утончениями, если они действуют лишь в качестве, так сказать, довесков, происходящих из внешней для самой его личности (и остающейся для нее внешней в конечном итоге) системы ценностей» (Там же. С. 447—448).

Глубинное приобщение к культуре связано с понятием выведения. «Выведение отборных сортов винограда, фруктов и цветов, выведение чистокровных лошадей — это и есть культура, и именно в этом смысле — как выражение существования, которое привело само себя к великой форме, — возникает отборная человеческая культура» (*Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 345). Разница между виноградом, лошадей и человеком в том, что их выводит человек, а себя он «выводит» сам, а не кто-либо еще, как думали не столь давно в нашей стране, говоря о «воспитании нового человека».

Чтобы стать духовным, требуется личное усилие. Можно стать духовным, поскольку такие люди существуют, если актуализировать данную возможность. Современный человек — переходный этап от творца-одиночки к личностному творчеству каждого (не «массового», потому что масса творить не способна). Становление Человека Духовного (можно сказать, сверхчеловека, используя популярный термин) зависит от Среды, от того, насколько общество понимает необходимость его существования; осознает, что писатели, ученые, философы обеспечивают подлинный социальный прогресс. Далеко не всем это очевидно.

По Шпенглеру, народы не творцы, а произведения культуры. Вокруг возникающей культуры и идей, продуцируемых ею, формируется нация как культурный феномен и человек как продукт цивилизации. Невозможно, считает Шпенглер, чтобы весь народ был в равной мере культурным. Каждая цивилизация, по Тойнби, представляет собой попытку подняться над примитивной че-

ловеческой природой к более высокому уровню духовной жизни. Но, продолжает Тойнби, хотя отдельным людям это и удавалось, цивилизованного общества никогда не было. Сколько недоумений было по поводу того, что нация Бетховена и Гёте отдала себя в руки фашистов. А дело в том, что Бетховен и Гёте, как Толстой и Достоевский, принадлежат к меньшинству нации. Недавний распад СССР и последовавшие затем события показали, сколько звериной злобы таилось в «самом читающем в мире народе» под лоском советской культуры. Впрочем, называть человека зверем неправильно и несправедливо по отношению к животным. Человек поднимается от природы и не может вернуться к ней, но он может и не выйти к культуре, оставаясь тупиковой ветвью эволюции.

В человеке есть жажда бессмертия, счастья, знания — этим целям служит культура. Но в человеке есть и потребности, которые могут удовлетворяться без и вне культуры. Так что человек может быть и культурным, и бескультурным. Слова Гердера, сказанные в XVIII в., справедливы на пороге XXI. Более того, именно после эпохи Просвещения, по иронии судьбы, начался откат культуры, который выразился в засилье массовой низкопробной идеологической продукции, обострении социальных отношений, кровавых революциях и мировых войнах.

В рамках Человека Разумного существует два типа личности — агрессивно-потребительский и любовно-творческий. Они отличаются друг от друга больше, чем представители разных наций. К Человеку Духовному относится любовно-творческий тип личности, погруженный в культуру как среду, в которой он создает себя по ее законам. Массовый человек потребляет культуру и агрессивен по отношению к несогласным. Он лишь прикрыт культурой, как одеждой. Пока будет преобладать агрессивно-потребительский тип личности, человек не станет духовным.

Первой стадией Человека Духовного можно считать человека интеллигентного (не обязательно интеллектуального, который является стадией Человека Разумного). Чувство интеллигентности — культурное достояние человечества, поскольку интелли-

генция является носителем национального самосознания. По Ю.М. Лотману, интеллигент обладает такими свойствами, как независимость, стыдливость, чувство справедливости, собственного достоинства, уважение к себе и другим, самостояние, высокая требовательность к себе, сознательность, отказ от эгоизма, презрение к богатству, жажда служения, жертвенность (не как самоцель и бравада, а как готовность заплатить за свои идеалы самую высокую цену).

Человек Духовный — носитель принципиально иных ценностей, чем те, которые господствуют в мире. Его можно считать новым видом жизни, как и культуру в целом. Он не потребляет культуру, а сопереживает ей, и обладая интеллигентностью как психологическим свойством, подчас может и не иметь высшего образования и особых знаний.

МИР ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура возникает как новое явление на Земле. Считать ли ее надстройкой или сублимацией — в любом случае она качественно особое образование. Еще у обезьян замечено стремление к манипулированию предметами, не имеющее непосредственного практического значения, и это считается их характерным свойством. Из свободного манипулирования и развивается мир духовной культуры.

Вот как объясняет генезис мира культуры Б. Поршнев: «Это обход неприкосновенности окружающего мира посредством создания отраженного прикосновенного мира, ибо само создание есть приложение рук и телесных сил, а также имеет целью чужое восприятие. Люди заменяют естественную среду искусственной, не естественной — сферой культуры: производством звуков и телодвижений, зрительских, вкусовых и обонятельных воплощений мнимого, т.е. представляемого» (*Поршнев Б.Ф.* Цит. соч. С. 467).

Человек создает собственный символический универсум. Э. Кассирер писал, что «в виде языка, искусства и всех форм своей культуры человечество в известном смысле создало новое тело, которое принадлежит всем вместе. Отдельный человек, конечно,

не может передать по наследству те индивидуальные умения, которые он усвоил в течение своей жизни... но то, что он высказывает в своем произведении, что выражает при помощи языка, что изображает образно или пластично, “срачивается” с языком или искусством и продолжает жить через них. В этом процессе проявляется то, что отличает простое преобразование, совершающееся в кругу органического становления, от образования человечества» (*Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 139).

«Мир идей» Платона, «Град Божий» Августина, «третий мир» интерсубъективного научного знания Поппера — части мира духовной культуры, включающего символические формы, атмосферу (то, что называют экологией духа), духовных творцов и всех, кто попадает в поле притяжения духовной энергии (поле в физическом смысле, как гравитационное или электромагнитное). В этом поле происходит становление человека как творца. «Можно считать доказанным, что гениальные способности даются от рождения, но реализуются они или нет — зависит только от культурного окружения, в котором потенциальные гении оказываются уже после рождения» (*Кребер Д.* Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 228). Связь Человека Духовного с культурными формами не та, что прочитав книгу или станцевав, он возвращается как ни в чем не бывало к повседневным делам. В культуре он находит смысл жизни и действует в соответствии с ним.

Мир духовной культуры отличается и от мира культуры, и от мира материальной жизни человека. От первого тем, что в нем действует человек, а от второго тем, что в нем действует духовный человек. В последующих главах будут прослежены аналогии между миром духовной культуры и миром природы. Как соотносятся мир духовной культуры и мир материальной жизни человека? Бытие не определяет дух (хотя порой определяет сознание), скорее дух определяет бытие. Связующей нитью между миром духовной культуры и миром материальной жизни человека является материальная культура, с которой началось выделение человека из мира природы, но есть иные, не материальные

формы воздействия духа на бытие (например, воздействие словом).

В человеке действует воля к власти, но нет основания переносить ее на мир культуры, который развивается по своим законам. Культура противостоит инстинктам агрессии и потребительства и борется с ними, но не их методами — это лишь утверждало бы их, — а иным путем. Поэтому столь большое значение в духовной культуре приобретали принципы непротivления злumu, ахимсы и т.п. Это неудивительно, если духовная культура возникла из потребности создать механизм преодоления опасности самоуничтожения. Внутривидовое столкновение в животном мире обычно заканчивается признанием себя побежденным более слабым. Инстинкт запрещает хищнику убийство представителя своего вида. У человека подобного инстинкта нет. Если бы кто-нибудь из волков нарушил запрет убийства себе подобного, сородичи сказали бы ему, если бы умели говорить: «Ты ведешь себя, как человек». Могла бы возникнуть поговорка «волк волку — человек». Культура выполняет роль «социального» инстинкта, препятствующего доведению внутривидовой борьбы до убийства и компенсирующего основной инстинкт живой природы — инстинкт агрессии, присутствующий и в человеке.

Культура — специальное завоевание человека, необходимое ему, чтобы выжить и реализовать себя, и поэтому должна тщательно оберегаться. Если этого не происходит, Человек Разумный доводит себя и планету до глобального кризиса, который мы имеем. Прогресс человеческого рода прекращается, если гибнут культурные люди.

К сожалению, становление Человека Духовного идет не такими темпами, как рост количества информации и деятелей культуры. Это заставляет сделать вывод, что далеко не все ученые и писатели являются духовными людьми, что на примере науки показал Т. Кун, а в области массовой культуры заметно невооруженным глазом. Не всех и правителей — не только монарха-людоеда из Центрально-Африканской республики, но иных цивилизованных — можно зачислить в разряд духовных людей.

Появление на Земле Человека Духовного — вопрос не скорого будущего. Есть социосфера, антропосфера, даже ноосфера, но нет сферы духовной культуры.

В данной работе мир духовной культуры подразделяется на семь отраслей — мистику, искусство, мифологию, философию, религию, науку, идеологию, а также на идеальные и реальные типы.

Идеальные типы выделяются в основном по преобладающим в них отраслям культур. Модифицировав схему Д. Фейбмана, мы рассматриваем следующие идеальные типы культур: допервобытный, в котором преобладает материальная культура; первобытный, в котором преобладают мистика и искусство; военный, в котором преобладают технические средства уничтожения; мифологический, философский, религиозный, научный и идеологический, в котором господствуют соответственно мифология, философия, религия, наука, идеология. Всего восемь типов.

Среди реальных типов, модифицировав схему цивилизации А. Тойнби, мы в качестве основных выделяем египетский, критоминойский (или эгейский), шумерский, вавилонский, хеттский, ассирийский, персидский, иудейский, индийский, китайский, греческий, римский, европейский средневековый, византийский, мусульманский, мезоамериканский, андский, западный, американский, южнославянский, русский. Всего 21 основной тип.

Вопросы для повторения

- Что такое Человек Умелый и почему он так называется?
- Чем отличается Человек Прямоходящий от неандертальца?
- Когда появились материальная и духовная культуры и чем они отличаются друг от друга?
- Что такое Человек Разумный?
- Чем отличаются присваивающее и производящее хозяйства?
- В чем суть неолитической революции?
- Какова связь между разумностью и культурностью?
- Каковы основные особенности цивилизации?
- Когда появились города и письменность?
- Что такое Человек Духовный и какими чертами он обладает?

Глава 2. Становление Человека Духовного

- Каковы черты интеллигентного человека?
- Каковы составляющие мира духовной культуры?
- Чем он отличается от мира природы и мира материальной жизни человека?
- Какие отрасли культуры вы знаете?
- Чем отличаются идеальные и реальные типы культур?

Литература

1. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
2. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. Т. 2. М., 1998.
4. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
5. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998.
6. *Уайт Л.У.* Наука о культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996.
7. *Бердяев Н.А.* О культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996.

Глава 3

Мистика: незримая культура

Только пожертвовав собственной личностью,
можно соединиться с Единым.

ЧТО ТАКОЕ МИСТИКА?

Слово «мистика» происходит от греческого «mystikos» — «тайный» — и обозначает практику, нацеленную на единение с тем, что лежит за пределами чувственного мира. В более широком смысле мистика — нерациональное знание, основанное на интуиции и сопричастности с Универсумом. Мистика находится на доречевом и допонятийном уровне. Ее трудно анализировать и описывать, потому что она вне и до слов, но это не дает основания ее отрицать.

Дж. Мак-Тоггарт в книге «Мистика» утверждает, что в основе мистики лежат две фундаментальные идеи: 1) доктрина мистического единства, согласно которой реально существует большая степень единства, чем та, которая распознается в пределах обычного опыта; 2) доктрина мистической интуиции, согласно которой существует способ познания, ставящий познающего в более тесное и непосредственное отношение к тому, что познается, чем отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом в обычном опыте. Мистическая интуиция является примером мистического единства. Третьей фундаментальной характеристикой называют мистическую любовь.

Мистическая сопричастность, по Л. Леви-Брюлю, до- и внелогична. Источник мистики, как и искусства — не логика, а эмоции. Логика начнет преобладать со времени становления мифологии.

Леви-Брюль прав в том, что мистика не соответствует логике, и возможность ее развития облегчается тем, что первобытные

люди не замечают очевидных противоречий. «Эта позиция тесно связана, с одной стороны, с мистической ориентацией их сознания, которое не придает большой важности физическим или логическим условиям возможности каких-либо вещей, а, с другой стороны, с малой склонностью к выработке понятий» (*Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 259).

Мистика отвлекается от всего находящегося в чувственном мире и зовет в иной мир, который становится миром духовной культуры. Создание культуры невозможно без отвлечения от мирского. Мистика — начало духовной культуры в фило- и онтогенетическом смысле. Каждый творец должен пройти этап абстрагирования. Если он на этом остановится, не переходя к другим отраслям культуры, то остается в области мистики.

Формула мистики «все вещи имеют невидимое существование в такой же мере, как и видимое» применяется ко всем существам и явлениям природы. Название мистики сверхъестественным оправдано и в том смысле, что с мистики начинается культура как то, что отлично от природы. Сверхъестественное есть выходящее за непосредственно природное. Этот его аспект является новым и важным с точки зрения культуры.

ПЕРВАЯ ОТРАСЛЬ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мистика отвечает на основные духовные вопросы, стоящие перед человеком: «Что есть истина?», «Что такое жизнь и смерть?», «Что такое сам человек?». В отличие от материальной культуры духовная культура, включая все созданное человеческим духом, не обязательно должна быть видимой. Первая форма духовной культуры — мистика — незрима. Именно с нее началась дифференциация мира и отделение от него человека и его произведений.

Не нуждаясь в понятийном мышлении и слове, мистика возникает до появления разума и речи. Как заметил И.И. Мечников, «быть может, некоторые хорошо установленные явления “ясновидения” можно было бы свести к пробуждению особых

ощущений, атрофированных у человека, но присущих животным» (*Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1987. С. 182*). Многие психологи считают, что нижний этаж человеческой психики и познания человеком материального мира — это чувственное познание, осуществляемое независимо от какого бы то ни было воздействия речевых знаков и речевой коммуникации. Такое познание могло иметь место на уровне неандертальца, когда речи не было, но началось захоронение трупов. Одним из подтверждений этому служит тот факт, что слово «предок» у многих первобытных народов означает также мистическую силу, присущую явлениям природы. Отсюда берет начало культ, из которого развивается духовная культура. Если примем, что магия и религия исходят из мистического мироощущения, тогда понятно, каким образом духовная культура начинается до речи и разума.

Мистика могла появиться из культа почитания предков, которым передавались функции создателей мира и культуры. Фантазия соединялась с реальностью, как соединяются два мира — чувственный и сверхъестественный. Последующая духовная культура представляет собой материализацию мистического опыта. Поэтому духовная культура идет не столько от сельскохозяйственных культур, сколько от культа — первых ритуалов.

Облегчает переход от предков человеческих к предкам мифическим то обстоятельство, что «предки человеческого типа принадлежат, как и другие покойники, к миру невидимых сил. А этот мир очень близок к мифическому миру, если он даже и не сливается с ним... В обоих случаях сношения, которые можно иметь с этими предками принадлежат к тому разделу опыта первобытных людей, который я, в отличие от положительного опыта, назвал “мистическим”. Другими словами, они вводят в действие аффективную категорию сверхъестественного. В этом, возможно, заключается объяснение того, что мифическое существо, “творец” или “создатель” человеческой группы, признается ее предком без признания его прародителем в собственном смысле слова и что, наоборот, человеческие предки часто облачаются таким сакральным престижем, который сходен, если не тождественен,

с престижем, каким окружены мифические существа» (Леви-Брюль Л. Цит. соч. С. 300—301).

Леви-Брюль демонстрирует, каким образом культ предков переходит сначала в мистику, а затем в мифы. Он прав в том, что выделение сверхъестественного мира не требовало предварительного философствования — философии в тот период не было. Мистика не результат рефлексии, а способ непосредственного освоения реальности. По Леви-Брюлю, первобытные умы ориентированы мистически, т.е. всегда готовы видеть во всем мало-мальски странном или необычном действии сверхъестественных существ. В соответствии с основной мистической установкой «внимание их сосредоточено на мире сверхъестественных и мифических существ, в котором находятся подлинные причины» (Там же. С. 326).

Все сверхъестественное познается путем мистического соединения с ним, не связанного логическими ограничениями. Это и дало возможность Леви-Брюлю выделить дологическое мышление, которое в то же время является «интенсивно мистическим».

Для мистически ориентированного мышления не существует неизменных причинно-следственных связей. Все может быть, и чудесное наиболее интересно. «Мистически ориентированные, эти умы сейчас же готовы признать позади существ и фактов нашего мира наличие невидимых сил и потенциалов. Они чувствуют их вмешательство каждый раз, когда что-нибудь странное или необычное поражает их. На их взгляд “сверхприрода”, следовательно, облекает, проникает и поддерживает природу... Именно от нее возникают те мифологические темы, которые так озадачивают наш ум и которые обнаруживают столь любопытное сходство во всех частях света» (Там же. С. 357—358).

Культура господствует над жизнью, а не наоборот — такой вывод делает в отношении мистики Леви-Брюль. «Мистический план является здесь предпосылкой утилитарного плана и господствует над ним, но не сливается с ним» (Там же. С. 419). Основы всей первобытной жизни определяются данной отраслью культуры. Выбрав огромную листовницу, первобытный человек от

нее ведет свой род. Дерево становится тотемом, т.е. прародителем данной группы. Представление о тотемном родстве носит мистический характер, поскольку тотем отождествляется с общественной группой.

Как можно одно и то же принимать за лиственницу, человека и бога? В тумане неясные очертания можно принять и за дерево, и за человека, и за сверхъестественное существо. Столь же туманно дологическое мышление. Разум не появился сразу, а развивался постепенно. И в этот период мышление человека не было логичным, как сейчас. Из того, что мышление ныне существующих примитивных народов является мистическим, Леви-Брюль делает вывод, что и мышление доисторических обществ было таковым. Строго говоря, ни один ныне живущий народ не является дологически мыслящим, так как у всех есть мифы, техника и т.п. Но у этих народов в большей степени сохранились остатки дологического мышления.

Аргументом в пользу мистики как первой отрасли культуры служит и биологический принцип связи фило- и онтогенеза. Физическое развитие ребенка, повторяющее во внутриутробном состоянии все стадии эволюции живого, сопровождается после его рождения духовным развитием, повторяющим все стадии культуры, начиная с мистики. На этапе дологического мышления Дед Мороз существует реально, куклы воспринимаются как живые. Ребенок, играющий с плюшевым мишкой, не проводит различия между живым и неживым, как и первобытный человек, которому лиственница представляется одушевленной. Лет до 12, если не до 14, дети верят, что Дед Мороз приносит им подарки на Новый год и, взрослея, спрашивают: «Правда, что Дед Мороз существует?» — и хотят услышать положительный ответ, а взрослые, поддерживая эту веру, отвечают: «Наверное, существует», — или менее утвердительно: «Может быть», — пока ребенок сам не перестает верить. Так и первобытные люди.

Мистика — духовное детство человека, когда он еще не умеет говорить, читать и писать, но по-своему духовно воспринимает мир.

МИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

Для первобытного человека сверхъестественный мир интимно связан с природой. Мистическое единство основано на том, что сверхъестественное является общим для природы и человека. «Священные камни или деревья почитаются не благодаря их естественной сущности, а лишь потому, что они являются иерофаниями, потому что они “отражают” что-то, уже являющееся не минеральным или растительным, а священным — “совершенно иным”» (*Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 141). Даже рельеф имеет мистическое значение.

Взгляд первобытного человека на природу, по Кассиреру, не является только теоретическим или практическим, а сочувственным. Он глубоко убежден в кровном родстве всех форм жизни («мы одной крови»). Отсюда тотемизм. Данное всеединство было силой, позволяющей противостоять страху смерти, «несомненно, одному из самых общих и глубоко укоренившихся инстинктов человека» (*Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 541).

Мистическое единство является следующим этапом после непосредственного единства человека и природы. Оно сменяет последнее, чтобы затем стать речевым и мифологическим.

На мистической сопричастности, слитности человека с явлениями природы и его возможности влиять на них основывалась магия. Вероятно, магические обряды были продолжением способности первобытного человека к подражанию и посредством этого к внушению как способу добиваться нужных результатов от животных (недаром существует термин «имитативная магия»).

Связывал человека с природой и тотемизм. Для человека тотемного периода живое не может быть просто жертвой. Между группой и ее тотемом существовало полное взаимодействие. «Тотемическая философия туземцев объединяет человека и природу в одно живое целое, символизируемое и сохраняемое комплексом мифов, церемоний и священных мест. Если мифы не будут сохраняться так, как это подобает, если церемонии не будут выполняться, если священные места не будут содержаться как святилища духов, то жизненная связь оборвется, человек и

природа окажутся разъединенными, и ни у него, ни у нее не будет больше той гарантии, которая обеспечивает продолжение их существования» (*Леви-Брюль Л.* Цит. соч. С. 264).

Среди первобытных верований присутствуют фетишизм — вера в сверхъестественную силу природных или искусственных предметов; анимизм — вера в наличие души у животных; обоже-ствление предков и т.п. Человек постепенно отходил от единства с природой, но в своем мышлении продолжал целостно воспринимать мир, а себя — как его часть. Первобытные народы ближе к природе за счет мистических связей, которые очевидны для них. По Леви-Брюлю, главное для них — сопричастность с природой. Душа и тело для них также нераздельны. Ощущение мистической всесвязанности, по Леви-Брюлю, — самая характерная черта первобытного мышления, объясняемая его синтетическим характером. Синтез превалировал над анализом, как в наше время анализ — над синтезом. Преобладание коллективных, синтетических по своей сути представлений Леви-Брюль выводил из однородности строения общества. Эти коллективные представления остаются в человеке, опускаясь на бессознательный уровень (коллективное бессознательное).

Леви-Брюль пишет о сопричастности между землей и общественной группой, жившей на данной территории, когда каждая социальная группа чувствует себя мистически связанной с той частью территории, которую она занимает или по которой передвигается. За каждым кланом закреплялось свое место и направление в пространстве. Отсюда символ земли в виде квадрата или четырехугольника с четырьмя острями на каждой вершине угла.

Мистическое единство между территорией и живущими на ней человеческими и другими существами — «родство по местности». «Продукты ее земли, растения и животные, растущие и живущие на ее земле, это — она сама (общественная группа. — *А.Г.*), не метафорически, а в полном смысле слова... Всякое покушение на то, что растет или живет на этой земле, ощущается туземцами как посягательство на самую жизнь» (*Леви-Брюль Л.* Цит. соч. С. 303, 302).

Природа, окружающая определенную группу, племя или группу племен, фигурирует в их представлениях не как система объектов или явлений, управляемых законами согласно правилам логического мышления, а как подвижная совокупность мистических взаимодействий. Поэтому первобытный человек заботился о сохранении и поддержании того, что для нас является естественным порядком вещей.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТЫ

Зачатки культов, по-видимому, появляются у неандертальцев. Культ предков у первобытных народов означает, если так можно сказать, культ культуры, потому что предки являются ее создателями. Сами предки называются «вечными и несотворенными», и этим подтверждается торжество культуры.

Значение культуры для первобытных народов столь велико, что они считают, что когда жили предки, «все существа и предметы, напротив, обладали еще необычайными способностями: они потеряли их в течение поколений, чтобы сделаться заурядными людьми, животными, растениями» (Там же. С. 318).

В древних культурах нет представления о высших существах, отделенных от мира, потому что нет еще дифференциации, которая связана с возникновением логики. Древние люди относились к миру как к таковому и не разделяли себя с ним. В этом суть мистики. Когда такое разделение начинается, мистика переходит в мифологию.

По Леви-Брюлю, мистическое у первобытных народов слито с физическим, а стало быть, здесь мы имеем дело с генезисом мистики. Имеет место «двойное присутствие» — естественного и сверхъестественного. В древних культурах целью является осуществление мистического сопричастия между общественной группой и животными и растительными видами, необходимыми для ее существования. В более развитых цивилизациях это перейдет в мистическое взаимодействие между человеком и Богом.

Вот пример. «Австралиец арунта, например, под влиянием ритма, пения и пляски, под влиянием усталости и коллективного

возбуждения во время церемонии теряет отчетливое сознание своей личности и чувствует себя мистически связанным с мифическим предком, который был одновременно и человеком и животным. Можно ли говорить, что он “представляет” или мыслит себе принципиальную однородность человека и животного? Разумеется, нет, но он глубоко и непосредственно чувствует это» (Там же. С. 19).

Отсюда представление о мистической силе, заключенной в предметах-талисманах. «Таким образом амулеты, по крайней мере первоначально, оказываются проводниками мистических сил, исходящих от сверхъестественного мира» (Там же. С. 32). В китайской мифологии говорится, «что люди потом сами научились защищаться от бесов, вырезая из дерева фигурки Шань-гу и Юйлэй, в руках которых была веревка» (Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994. С. 497). Та же роль у вещей птиц, мистическая сила которых переходит на почву. Любой камень необычайной формы имеет мистическое значение и может быть объектом почитания.

Первобытному человеку представляется совершенно естественным, что одна и та же мистическая сила может в одно и то же время действовать сразу в нескольких местах. Принцип древних мистических культов таков: нет ничего такого необычайного и странного, что не могло бы случиться, раз вступившая в действие мистическая сила является достаточно могущественной.

М. Элиаде утверждает, что шаманский комплекс в примитивных обществах также основан на мистических переживаниях. Шаман говорит на языке животных, становится их другом и повелителем, подтверждая мысль, что человек на ранних стадиях своей эволюции обладал способностью внушения.

СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ

С развитием речи и понятийного мышления мистика постепенно отходила на второй план, но так как основные психические структуры, обеспечившие ее становление, остались, то мистика заняла заметное место в других отраслях культуры. Искусство возникло как материализовавшаяся в культах мистика.

Вот, скажем, какие характеристики получают русские писатели у исследователей культуры. «Каждый человек обладает нравственной интуицией, различением добра и зла; у Гоголя она граничила с ясновидением... если же не принять мистического реализма Гоголя, то уж дальше за ним идти нельзя. Тут основа всего его мировоззрения» (*Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя // Русская идея. Т. II. М., 1994. С. 451). «Киреевский верил, что посредством объединения в одно гармоническое целое всех духовных сил (разума, чувства, эстетического смысла, любви, совести и бескорыстного стремления к истине) человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию, которые делают для него доступной суперрациональную истину о Боге и его отношении к миру» (*Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 17). К.Н. Леонтьев — «романтик и мистик в корне своем... проповедник изуверства во имя мистических целей» (*Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994. С. 254, 247). «В духовном складе Вл. Соловьева “царство мистических грез”, действительно, всегда занимало не малое место» (*Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 2. Ч. 1. М., 1991. С. 11). Толстовская мистика единой души у всех людей отнюдь не противоречила его рационализму. Апокалиптическая мистичность Достоевского лежит на поверхности.

Особенно большое значение имела мистика в поэзии, и воплотившие свои мистические переживания в стихи поэты порой рассказывали о них самих. А. Теннисон писал: «Исчезновение моей личности представлялось мне не уничтожением, а единственной настоящей жизнью».

«Умное делание», сосредоточение на мандалах (простейших знаках, сочетаниях слов), представление древних индийцев о Едином как истине и источнике всего существующего, йога, теософия, учение кришнаитов — везде встречаемся с очень сильной мистической струей. Д. Судзуки говорит о мистицизме восточной культуры как таковой и пишет «мистицизм, т.е. дзэн», поясняя, что «восточному уму присущи спокойствие, тишина и невозмутимость» (*Судзуки Д.* Основы дзэн-буддизма. Бишкек,

1993. С. 23). Таким образом, к мистике отнесен целый тип культуры.

Большое значение имела мистика в философии, зачастую составляя основу систем и направлений. Первоначальный хаос в философии Древней Греции напоминает мистическую нерасчлененность мира, как и концепция единого и неподвижного Бытия, разработанная Парменидом. Платон выдвинул представление о мистической любви к «миру идей». Продолжил Аристотель: «Действительно, знание тождественно с его объектом».

Сдобренный восточными, прежде всего индийскими учениями, мистицизм оплодотворил философские системы Нового времени. Характерное для мистики представление о тождестве бытия и мышления стало отправной точкой для Шеллинга и Гегеля. Можно сказать, что они философски обосновали современную мистику, хотя шлюзы для этого открыл Кант. «У кого из читавших Гегеля, — пишет В. Джемс, — может явиться сомнение, что его идея о совершенном Существо, поглощающем в себе все, что вне его существует, — идея господствующая над всей гегелевской философией, — родилась как следствие преобладания в сознании этого философа подобных мистических состояний, которые для большинства людей являются подсознательными. Выяснение этой мысли, столь характерной для мистического состояния сознания, является задачей гегелевской философии, зиждущейся, без сомнения, на мистическом чувстве» (*Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992. С. 310).

На протяжении всей своей истории философия, впрочем, имела и особое мистическое направление. По К. Попперу, мистика — реакция на крах закрытого общества, по своему происхождению направленная против открытого общества. «Эта реакция может быть охарактеризована как бегство в мечту о рае, в котором племенное единство раскрывается как неизменная реальность» (*Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 389).

Мы видим мистику не только в плясках и заговорах, где она соединяется с искусством; в мифологических сюжетах, являю-

щихся художественным воплощением мистических видений; но и в религиях, основанных, как, скажем, христианство на мистической сопричастности, осуществляющейся путем схождения Бога в мир для его спасения. Указывая на мистицизм как начало духовной жизни, В. Джемс полагает, что все корни религиозной жизни, как и центр ее, мы должны искать в мистических состояниях сознания. Мистицизм религий называется Джемсом «систематически культивируемым», а название книги Р. Штайнера «Христианство как мистический факт...» говорит само за себя. В этой книге не только христианство, но и философия, и мифология сводятся к мистике.

В основной корпус религий мистика входит как представление о связи между человеком, Богом и святыми. Все христианские таинства мистичны. Обычай приносить пищу на кладбище — остаток мистической всесвязанности. Молчаливость христианских подвижников, посредством которого они приобретали мудрость и ясновидение, несомненно, мистического свойства.

Все три мировые религии — буддизм, христианство, ислам — имеют свое мистическое направление — соответственно дзэн, старчество, суфизм. В них много общего, а различия зачастую оказывались малосущественными или вообще надуманными.

Православный оптинский старец Варсонофий различал такие виды молитвы как способа концентрации энергии и отказа от себя: устную, умную, сердечную, духовную и выходящую за пределы сознания. Это соответствует разделению тел человека на плотное, тонкое, астральное, ментальное и абсолютное сознание. «Души... имеют даже одежды, — подчеркивал о. Варсонофий, — только это будет не грубое тело, а более тонкое, газообразное». Каждый последующий вид молитвы основывается на предыдущем. Умная молитва — молитва в уме, сердечная — молитва всем телом. Первая переходит во вторую. «Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами, но при такой внимательной, неразвлекаемой молитве сердце еще молчит... Вторая молитва, второй дар — это внутренняя молитва, когда уже ум и сердце

соединены, то есть когда мысли и чувства в согласии направлены к Богу... Третий дар есть молитва духовная... Эта молитва — молитва видения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы так, как мы видим чувственные предметы... Они смотрят уже очами духа» (Житие схиархимандрита Варсонофия. М., 1995. С. 219—220). Вот результат одного конкретного переживания: «я поняла тогда, что такое настоящая молитва: индивидуум выходит за пределы своего одиночного заключения, чтобы сознать свое единство со всем существующим, опускается на колена, как смертный, и поднимается приобщенный к бесмертию» (*Джемс В.* Цит. соч. С. 315).

П. Минин писал, что «поскольку христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу и его личность, и поскольку она общение с Божеством, даже в самой таинственно-интимной стороне его, рассматривает, как общение личностей, она, в отличие от языческой натурмистики, может быть названа мистикой личности» (Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 342). Но заключительная ступень «умного делания», о которой говорит о. Варсонофий, когда человек отказывается от своей личности, позволяет вспомнить индийскую мистику. Божественный мрак, в котором человек познает Бога, сродни буддийской нирване, а смирение и самоукорение входит в восьмеричный путь Будды. Христианский мистик Я. Беме говорит о видении трех миров, причем внешний видимый мир представлял собою порождение двух миров, внутреннего и духовного. Это соотносится с представлением о трех мирах, о которых говорилось в первой главе.

Во многих выдающихся людях была мистическая жилка. Дж. Бруно с сочувствием пишет о словах некоего теолога, «что поскольку источником света являются не одни лишь наши умственные способности, но равно и стоящие далеко впереди божественные силы, то и следует этот свет почитать не речами и словами, а молчанием» (*Бруно Дж.* О героическом энтузиазме. Киев, 1996. С. 160). Многие произведения светской культуры в своей основе мистичны, а сам Дж. Бруно сочетал мистику с наукой.

В науку мистика входила в качестве представления о жизненной силе (концепция, идущая от Аристотеля к Дришу) и физических теорий XX в. «Цель мистиков во все времена состояла в том, чтобы избавиться от оков жизни, избежать мучений и иллюзий обманчивого мира. Эйнштейн претворил эту цель в высшее предназначение физики как науки. В то время как мистики стремились жить в этом мире, как если бы он был иллюзией, Эйнштейн, приняв, что окружающий нас мир действительно иллюзорен, поставил перед собой задачу сформулировать законы, которые превратили бы этот мир в прозрачную умопостигаемую Вселенную, очищенную от всего, что так или иначе влияет на человеческую жизнь, будь то память о прошлом или предчувствие будущего» (*Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1996. С. 40).

Многие нынешние по наружности вполне рациональные концепции, как, скажем, концепция ноосферы Тейяра де Шардена с ее идеей свертывания взаимоотношений человека и природы в точку Омега, являются завуалированной мистикой.

Не обходится без мистики и идеология, проявляя мистическое отношение к вождям, классам, нациям, принципам. Таким образом, мистика пронизывает все другие отрасли, что неудивительно, так как она лежит в основе культуры.

СОВРЕМЕННАЯ МИСТИКА

Наше время зачаровано мистикой. Особенно волна мистических увлечений захлестнула Россию. В современной мистике много от представлений первобытных народов. Все нынешние суеверия имеют древнюю основу. По мнению Элиаде, «экстаз временно и для ограниченного числа людей-мистиков — воссоздает первоначальное состояние человечества» (*Элиаде М.* Цит. соч. С. 70). Так называемые посвященные — это люди, могущие поднять со дна духовной культуры раковины с жемчугом.

Мы сталкиваемся с двумя вещами: с одной стороны, повышенный интерес к мистике; с другой — искреннее удивление, как цивилизованный человек может вдруг в такое впасть. Может, во-

первых потому, что он — потребитель культуры, а во-вторых, возврат к мистике как древнему феномену, который навсегда остается внутри нас, никогда не исключен. Правополушарное мистическое мышление может выйти на первый план в любой момент в случае, если левое полушарие подчинится ему и будет нейтрализовано. Люди проваливаются в мистику, как в сон, когда снимаются более высокие этажи культуры. Современная мода на мистику вызвана падением престижа всех других отраслей культуры. Скатывание в мистику происходит, когда нет возможности удержаться за уступы философии, науки и т.д.

Возможно ли сообщаемое в тысячах мистических сочинений? В принципе да, тем более что в мистике имеем дело со знанием, которое трудно проверить. Сейчас много жертв мистических увлечений, поскольку она очень удобна для внедрения: 1) ее нельзя опровергнуть (как науку); 2) не надо обосновывать (как философию); 3) она не нуждается в таланте (как искусство); 4) не обременена соблюдением традиций (как религия); 5) не навязывается (как идеология); 6) не нуждается в каких-либо материальных механизмах (как техника) и в знании преданий (как мифология).

Особенность современного исследования мистики заключается в том, что она изучается не в рамках какой-либо другой отрасли культуры, а сама по себе в своей самоценности и первозданности. Это, по крайней мере, позволяет сделать вывод, что мистические озарения идут из глубин человеческой психики, из ее нижних (по происхождению изначальных) этажей. В мистических рассказах описывается исчезновение пространства, времени и ощущения личности. Мир теряет форму и содержание. Остается чистое абсолютное Я и откровение смысла жизни.

Мистицизм обычно противопоставляют рационализму. Это справедливо в том смысле, что роль мистицизма в обществе в принципе постепенно убывает, а роль рационализма увеличивается. Это два процесса, идущие в разные стороны. «Источник этих (мистических. — А.Г.) интуиций, — пишет В. Джемс, — лежит в нашей природе гораздо глубже той шумно проявляющейся в словах поверхности, на которой живет рационализм» (Джемс В.

Цит. соч. С. 70–71). Это так, потому что более раннее находится в психике глубже образовавшегося позднее.

ЗНАЧЕНИЕ МИСТИКИ

Значение мистики прежде всего в том, что она формирует представления о сверхъестественном и культурных героях, являющихся создателями всего существующего. Образ культурного героя есть образ «предка», с захоронения которого начались культы. В нем культура хранит воспоминание о своем исходном пункте (слово «захоронение» однокоренное со словом «хранение»). То, что культурные герои зачастую оказываются полуживотными-полулюдьми, свидетельствует о том, что в мистических представлениях мир культуры тесно связан с миром природы и миром человека, причем между этими мирами существует единство, которое может быть названо не только мистическим, но в широком смысле слова культурным. «Предки» понимаются великими скорее в духовном, чем в физическом отношении, обладающими способностями, в сильнейшей степени превосходящими способности нынешних колдунов и экстрасенсов.

Культурные герои в современных учениях порой принимают вид Учителей Человечества. «В своих духовных достижениях и психических возможностях каждый из Великих Учителей неизмеримо раздвинул рамки привычных границ пространства, времени и вещества и потому его можно считать Полным, Цельным Человеком, в то время как обыкновенный индивид на сегодняшней стадии эволюции пока еще представляет собой фрагмент подлинного Человека» (*Ключников С.Ю.* Провозвестница эпохи огня. М., 1991. С. 57). Одно из достижений мистики заключается в представлении о высших совершенных существах, восходить к которым должен человек.

В мистике человек отождествляет себя и культурного героя-предка и пытается сохранить то, чего он лишился в процессе эволюции. М. Элиаде пишет, что уход от времени и отказ от истории являются существенно важными элементами всех мистических переживаний. Первое помогает преодолению страха смерти. «До-

стигнув этого состояния мистического экстаза, первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед неподдающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто даже большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, — вот в чем его спасение» (*Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении... С. 129). Значение мистики в том, что оно дает «анестезиологическое откровение», сообщающее покой душе, дает разгадку тайны, содержащейся в самой этимологии данного термина, хотя ее нельзя передать другим в силу неизреченности мистических интуиций. Последующие отрасли культуры и пытаются найти словесную формулировку данных откровений.

В сознании неизбежно присутствует личное Я, а стало быть, представление о смерти. Выход из сознания (или, как еще говорят, приобретение космического сознания, сверхсознания) позволяет преодолеть осознание смертности и страх смерти. Борясь против смерти, мистика соединяет человека с Вечным. «Это не было убеждение, что я достигну бессмертия, это было чувство, что я уже обладаю им», — говорится в одном из сообщений (*Джеймс В.* Цит. соч. С. 318).

С мистикой тесно связана магия, которая находится в таком же отношении к мистике, как техника к науке. Магия — техника мистики, а магические обряды — прообразы последующих более развитых ритуалов. Многие магические действия основаны на стремлении вызвать какое-либо явление природы путем подражания ему, и это свидетельствует о больших возможностях подражания первобытного человека и значении, которое он этому придавал. Мистический закон сопричастности по форме (нарисуй изображение врага и проколи его — враг умрет) и по содержанию (заклинание, прочитанное над волоском с головы человека, гарантирует его любовь) — как хорошо должны были первобытные люди относиться друг к другу, боясь обидеть ближнего, если верили в это! Мистическая культура не создала цивилизации, так как мистика не выходит вовне из сферы духа. Но без нее последующая эволюция была бы невозможна.

Мистическая духовность еще не является в полном виде разумной деятельностью, но она также и не относится к области чувств, так как ее истоком не являются пять чувств человека (иногда имея ее в виду, говорят о шестом чувстве). Это как бы нечто переходное между чувствами и разумом, особый канал связи и приобретения информации.

Мистику можно сопоставить с первым фазисом теологического мышления, по О. Контю. Говоря о трех фазисах теологической стадии мышления — фетишизме, политеизме, монотеизме, — Конт, по существу, имеет в виду три отрасли культуры: мистику, мифологию, религию. На стадии фетишизма, по Контю, преобладают инстинкт и чувство; на стадии политеизма — воображение (главное, что необходимо для искусства, которое упустил из виду Конт). Конт считал, что во втором фазисе предметы лишаются навязанной им жизни, переносимой отныне на вымышленные существа. Здесь подмечен переход мистики в мифологию и процесс становления логического мышления. Внутренняя жизнь отходит от вещей и рассматривается сама по себе. Затем, полагает Конт, разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения. Происходит постепенный переход от мифологии к философии, от теологической к метафизической стадии. Теперь ясно, что на пути рационализма можно выделить не три, а больше стадий. Все началось с дологической стадии, на которой сформировались мистика и искусство. Лишь на стадии мифологии появилась логика, необходимая для того, имело место объяснение как таковое. Каждая предыдущая стадия не сдавалась (да и не сдалась до сих пор), а пыталась взять реванш в иной форме с использованием достижений других стадий, что и удалось дважды (религия и идеология).

МИСТИКА ЖЕРТВЫ

Считая древнейшим культ умерших, Г. Спенсер относил к первоначальному виду жертвоприношений «кормление» покойников. Вторая стадия жертвоприношения — жертвоприношения духам и богам, третья — принесение в жертву себя. Без этого невозможно соединение с Единым.

Когда появились жертвоприношения, сказать нельзя, но они известны в самых примитивных культурах собирателей. Принесение в жертву представляет собой освящение жертвы, которой может быть и животное (в том числе тотемное), и человек. Так как жертва почитается священной, то вкушение жертвенного мяса — это как бы поедание Бога (в христианстве такую роль выполняет причастие: люди распяли пожертвовавшего собой Бога и во время литургии в символической форме причащаются его телом и кровью). Получалось так, что священное животное, родовое божество приносилось как бы в жертву самому себе.

Мистика присутствует в жертвоприношениях на всех исторических стадиях, например, в представлении о мистических свойствах крови как очистительном средстве. «Многие весьма распространенные среди первобытных людей обряды, более или менее различающиеся в деталях, имеют целью использовать мистические свойства крови, добиваясь сопричастия им определенных предметов и определенных существ. Так, в Британской Новой Гвинее... девять человек этих туземцев поднялись по реке Сприби, чтобы построить себе лодку. Когда последняя была готова, туземцы принялись искать жертву, кровью которой они должны были крестить лодку согласно своему обычаю. Они встретили одного несчастного туземца с реки Сприби, которого и убили» (*Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 213—214*). Часто жертва приносилась в начале строительства, и таких примеров можно привести множество. Подобные вещи Леви-Брюль квалифицирует как «мистическую гигиену». Вспомним, что кровопускание долгое время рассматривалось медициной в качестве универсального лекарства от всех болезней для животных и людей. Кровь в этом случае выступает как мистическая сила. «Это жизненное начало борется с другой силой, такой же невидимой, с другим зловредным началом, с дурным влиянием, каковым является болезнь. Кровь имеет силу колдовского средства, лекарства, одерживающего победу над околдованием» (Там же. С. 215). Это справедливо, однако, лишь в случае, когда кровь выходит из тела преднамеренно, т.е. когда речь идет о жертве.

В мифологии это мистическое представление трансформируется в идею очистительной жертвы, которая приносится во время обряда жертвоприношения. «Тот, кто вольно или невольно нарушил традиционные правила и в силу этого считает себя находящимся в преддверии несчастья (нарушение табу сделало его нечистым), тот, кого преследует неудача (доказательство того, что он находится под действием дурного влияния), должен совершить церемонию очищения при посредстве крови из сердца животного, которое обычно указывается ему ведуном или знахарем. Животное приносится в жертву и чаще всего съедается стариками около священного огня. Тот, кто хочет совершить над собой обряд очищения, не получает своей доли мяса. Он обязан энергично натирать верхнюю часть тела и руки кровью, проделывая это до тех пор, пока все корки грязи, наросшие на его теле и несчищавшиеся, быть может, в течение многих лет, не отстанут от кожи и не смешаются с этой кровью» (Там же. С. 224).

Освободиться от своих грехов можно и с помощью так называемого «козла отпущения», в роли которого выступают различные животные и даже растения.

По мнению Робертсона Смита, кровь тотемического животного символизирует единство общины, а ритуальное умерщвление и поедание тотемического животного есть заключение «кровного союза» общины с ее богом.

К теме «культура и жертва» мы будем возвращаться не раз. Пока отметим, что захоронение предков было первой жертвой человека, породившей духовную культуру. Человек все более отходил от окружающего мира, но стремился вернуться в него с помощью жертв, призванных восстановить утрачиваемое единство. Развитие словесной культуры сопровождалось мистическим отказом от слова (христианские молчальники), поскольку, как утверждал еще Лао-цзы, «говорящий не знает, а знающий не говорит». Мистика отказывается и от разума, от всего, присущего человеку на более высоких стадиях развития. Наконец, мистика настаивает на отказе от личности, т.е. на жертве основным, что есть у человека и что рассматривается тождественным са-

мой его жизни. Это присуще буддизму, в котором отказ от личности составляет высшую ступень восьмеричного пути Будды; есть это и в христианской мистике. В видении одной женщины, описанном В. Джемсом, Бог, по ее словам, «как бы покупал ценою моей боли свое существование... Через меня Он свершил нечто, — что именно и по отношению к кому, не знаю — употребив на это все страдание, на какое я была способна» (*Джемс В. Многообразие... С. 313*). Вывод: «вечная необходимость страдания и его вечное назначение свидетельствовать о том, что кроется за ним» (Там же). «Гений похож на человека, — заключает В. Джемс, — который приносит в жертву свою жизнь, чтобы приобрести достаточно средств для спасения от голода своей округи; и в то время, как он, умирающий, но удовлетворенный, приносит сотню тысяч рупий, необходимых для покупки хлеба, Бог отбирает у него эти деньги, оставляя ему лишь одну рупию, со словами: “Вот это ты можешь отдать им; только это ты приобрел для них. Остальное — для Меня”» (Там же. С. 314).

Человек приносит в жертву самое дорогое для него — разум, речь, личность. Ради чего? Ради истины, которую говорящий не может высказать; ради культуры, которая сопровождает человека на всем пути его становления и существования. Жертва предстает как двигатель жизни — и не только в первобытной культуре.

Вопросы для повторения

- Что такое мистика?
- Каковы ее характерные свойства?
- На каком этапе развития человечества возникает мистика?
- Что такое дологическое мышление?
- Как тотемизм, анимизм, фетишизм связаны с мистическим отношением к действительности?
- В чем причина единства первобытного человека с природой?
- Какое значение имеет мистика для развития других отраслей культуры?
- Почему всегда в принципе возможно, а в последнее время имеет место увлечение мистикой?

Глава 3. Мистика: незримая культура

- Как соотносится мистическое и рациональное?
- Каково значение мистики?
- Кого называют культурными героями и Учителями Человечества?
- Как связано возникновение мистики с преодолением страха смерти у первобытного человека?
- Что такое магия?
- Как соотносятся мистика и магия?
- Как связаны с мистическими представлениями жертвоприношения?

Литература

1. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
2. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
3. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
4. Мистическое богословие. Киев, 1991.
5. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.
6. *Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.

Глава 4

Искусство: становление видимой духовной культуры

Искусство требует жертв.

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?

Искусство — отрасль культуры, выражающая не практическое, а эстетическое отношение к действительности. Предпосылкой возникновения искусства выступает мистическое воображение, направленное на достижение определенных культурных целей. «Вряд ли можно сомневаться в том, что все человеческое искусство первоначально развивалось на службе ритуала и что автономное искусство — “искусство для искусства” — появилось лишь на следующем этапе культурного развития» (*Лоренц К.* Агрессия. М., 1994. С. 83). Постепенно воображение отрывалось от мистических корней и становилось самоценным. А когда оно довлеет и претендует на решение основных проблем, стоящих перед человеком, искусство становится главенствующей отраслью культуры.

Искусство — синтез мистики и языка (в том числе языка живописи, пластики и иных форм культуры), и чем большее значение приобретали речь и мышление, тем выше становилась роль искусства. Когда слово появилось, оно должно было рассматриваться как нечто сверхъестественное хотя бы потому, что имело огромное социальное значение, и это отразилось на значении искусства. Литература выростала из словотворчества, творила язык, который затем использовался для создания мифологии.

Искусство создает эмоциональные связи в условиях, когда логические связи еще отсутствуют. В этом смысле искусство названо «мышлением в образах». Вначале так и было. На следую-

пцем этапе эмоциональные связи будут заменяться логическими, приближая искусство к мифологии и философии.

Танцами, наскальными рисунками искусство было на службе мистики, а точнее, магии, которая вдохновлялась мистическими представлениями. И тем не менее это была не только видимая, но и рационализованная мистика, поскольку в самой дифференцированности произведений искусства, их построении, композиции и содержании должны присутствовать элементы рациональности. Говоря точнее, искусство изначально — не мышление в образах, а образы, ведущие к мышлению. В своем развитом виде искусство — целостное мышление-чувствование, в котором слиты отражательный, воображательный и смысловой моменты. Этим искусство отличается от науки, религии и философии, поскольку в первой преобладает отвлеченно-рациональный отражательный момент, во второй — отвлеченно-чувственный воображательный, а в третьей — смысловой, определяемый главным для философии — поиском смысла жизни как высшей цели.

Искусство рассматривалось Л.Н. Толстым как способ единения людей на чувственном уровне. «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» (*Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. соч. Т. XV. М., 1983. С. 80*). Это определение искусства хорошо согласуется с высокой ролью подражания и внушения в жизни первобытного человека.

Это же рождающееся чувство сопереживания, общее для всей культуры, роднит искусство с мистикой. Как и мистика, искусство основано на отождествлении. «Настоящее произведение искусства делает то, что сознание воспринимающего уничтожает разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается глав-

ная привлекательная сила и свойство искусства» (Там же. С. 165). Это слияние достигается не непосредственно, как в мистике, а опосредованно через звуки, слова, движения. Цель искусства, по Толстому, — любовное единение всех людей, и вдохновляется оно любовью, помогающей передавать свои чувства другим.

Вывод Толстого имеет отношение к культуре в целом. Вся культура является способом единения людей, а различные отрасли ее отличаются тем, как именно оно осуществляется. Искусство объединяет людей на уровне воображения, как религия — на уровне веры, философия — на уровне понятий, наука — на уровне теорий. Искусство в социальном смысле отличается от других отраслей культуры формой, но не сутью.

Главным мерилom искусства Толстой считал степень заразительности, хотя важно, конечно, и внутреннее совершенство. Подлинное произведение искусства способно перевернуть душу человека и его жизнь. Искусство самоценно в себе самом и не должно подчиняться какой-либо внешней идее. Но как отрасль культуры оно отвечает высшим потребностям людей и главенствует тогда, когда составляет сердцевину их поисков и переживаний. Вершиной искусства остается время, когда, появившись в форме обрядов и ритуалов, оно играло основную духовную роль в жизни людей, объединяя в них то, что преобладало, пока они не стали видом *Homo sapiens*, — их чувства.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

Духовную культуру можно разделить на невидимую и видимую. К первой относится мистика. Искусство — начало видимой духовной культуры. В своем происхождении оно не что иное, как объективизация мистики. Духовная культура в целом исходит из культа, и искусство является видимым проявлением его, можно сказать, видимой мистикой. Искусство фиксирует прозрения мистики и практической деятельности людей. Выйдя из мистики, искусство — следствие и отрицание ее. Вначале искусство интенсивно мистично, потом все дальше отходит от мистики, но никогда насовсем.

Если истоки мистики коренятся в самом происхождении мира, то истоки искусства — в эволюции природы, и мы замечаем их в животном мире. Искусство основывается на чувствах, а чувства в большей или меньшей степени испытывают и животные. К. Лоренц пишет о триумфальной песне диких гусей, а Д. Вико полагал, что героический стих родился из ликования.

Для того чтобы сформировалась новая отрасль культуры, необходимы три условия. Первое — соответствие ее стадии развития человека. Это условие налицо на этапе перехода от неандертальца к Человеку Разумному, когда стали формироваться образы, мышление и речь. Искусство появляется, когда вычленяются образы, но нет еще понятийного мышления. На пути от неандертальца к Человеку Разумному (а истоки подобного подхода прослеживаются в животном мире) брали какую-нибудь одну черту предмета и называли ею его целиком: «голова» вместо «человека», «парус» вместо «корабля», «острие» или «железо» вместо «меча» и т.д. До сих пор у некоторых примитивных народов обобщающая сила мышления столь слаба, что они имеют, скажем, много слов для обозначения разных видов снега, но не имеют слова, обозначающего снег как таковой. Это частное определение и ведет к появлению в первую очередь более метафоричных видов искусства. Вико делает вывод, что «поэзия зародилась вследствие недостаточности человеческого рассудка и что из-за появившихся впоследствии Философии, Искусства, Поэтики и Критики, и даже как раз вследствие их, не появилось другой Поэзии, даже равной, не говоря уже о большей» (*Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994. С. 137).

Второе. Каждая предыдущая отрасль создает почву для следующей. Это условие в виде закона мистической всесвязанности тоже соблюдается. Наконец, третье условие — социальное. В обществе должны произойти изменения, которые дают стимул развитию данной отрасли культуры. Таковым стало, по Б.Ф. Поршневу, появление частной собственности.

Причина возникновения искусства в ранние времена видится многими исследователями в том, что искусство — это подра-

жание природе, а подражание было сильно развито в первобытном человечестве, как и в современных детях. Как говорит Д. Вико, «люди детского мира были по природе возвышенными Поэтами» (Там же. С. 84). И чуть ниже: «детский мир состоял из поэтических наций, так как поэзия — не что иное, как Подражание» (Там же. С. 88). Здесь искусство возводится к начальным этапам культуры на том основании, что для него имеет большое значение подражание, свойственное детям и первобытным людям. Люди способны на подражание в высшей степени. Но почему эта способность именно в данное время привела к искусству? Чтобы иметь то, что запрещено после введения частной собственности, отвечает Поршневу. За отождествление же образа и вещи ответственна мистика. Таким образом, каждая последующая отрасль вырастает из предыдущей и потребностей среды.

Эволюция жизни с сохранением особенностей мистического отношения к действительности привела к искусству. Искусство начинается с того момента, когда мы можем что-то сделать или сказать. И чем лучше мы делаем или говорим, тем мы искусней. Отсюда и производство называлось «поэма», а искусство — «технэ».

Искусство навсегда останется юностью человечества. «Как в старости человек вспоминает свою юность и справляет праздники воспоминания, так и отношение человечества к искусству будет скоро трогательным воспоминанием о радостях юности», — писал столь нравящийся молодежи Ф. Ницше (*Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое* // Соч.: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 357). Противопоставляя Диониса и Аполлона, Ницше считал, что искусство как аполлоновское рождается из первоначального хаоса дионисийства. Этот первобытный хаос мистичен. Поскольку мистика лежит в основе духовной культуры, можно сказать, что в основе всех отраслей культуры лежит исходный хаос. Источником искусства, по Ницше, являются два бога — Аполлон и Дионис, красота и хаос. Красота появляется из хаоса и создает произведение искусства. Говоря о двух мирах искусства, различных в их глубочайшем существе, Ницше нащупывает истори-

ческое место искусства между мистикой Диониса и мифологией Аполлона. Искусство идет от Диониса к Аполлону. Для того чтобы мистическое начало искусства не разрушило индивида, требуется, по Ницше, гармония Диониса и Аполлона, называемая им предустановленной гармонией. Говоря о взаимодействии Диониса и Аполлона в создании искусства, Ницше в мифологической оболочке представил процесс выращивания образов из мистики.

В мистике образ тождествен предмету. По закону сопричастности наскальные рисунки пронзенных стрелами диких животных появились потому, что первобытные охотники верили в то, что такие изображения воплотятся в жизнь на охоте. Связь данных изображений с местами захоронений позволяет также предполагать, что доисторические рисунки в пещерах должны были активизировать магические силы, обеспечивающие удачную охоту покойника. Такая гипотеза подтверждается анализом искусства Древнего Египта, которое было преимущественно магическим. Лишь затем постепенно выясняется, что образ не тождествен предмету. Искусство выросло из мистической веры, себя не оправдавшей. Это становится ясно, и отказ от ответственности выступает как плата за создание искусства.

Психологическую неудовлетворенность человека выставляет в качестве предпосылки развития искусства З. Фрейд. «Художник — это первоначально человек, отвращающийся от действительности, потому что он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из этого мира фантазий он находит обратный путь в реальность, преобразуя, благодаря своим особым дарованиям, свои фантазии в новый вид действительности, который принимается человечеством как ценное отображение реальности» (Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пг., 1923. С. 87–88).

В какой мере можно здесь говорить о жертве? В человеке формируется образ предмета как психологическая компенсация за

невозможность владеть им как собственностью. Через какое-то время человек осознает, что образ не дает ему, вопреки мистическому закону сопричастности, реального владения предметом. Нарисованное блюдо не насыщает, и в нарисованном доме не укрыться от холода. Если человек отказывается от стремления к обладанию собственностью и продолжает творить, наслаждаясь образами самими по себе, то этот момент есть точка перехода от главенства мистики к лидирующей роли искусства.

Искусство с присущей ему образностью противопоставляет себя потребительскому отношению к действительности, материальному вообще в пользу непрактического, созерцательного наслаждения красотой. «Красота спасет мир», потому что заставляет отказаться от эгоизма собственности, силы вещизма, разделяющей людей. В этом смысле можно сказать, что отказ от собственности после возникновения института частного владения ею — главная жертва художника. Здесь мы находимся в области догадок, потому что практически ничего не известно о времени возникновения искусства. По-видимому, оно потрясло основы общества. В дальнейшей истории искусства мы видим даже слишком много частных жертв, восходящих к главной.

В искусстве кристаллизируются образы, возникшие из мистической ориентации первобытного человека. В процессе развития языка и мышления они превращаются в мифы, связывающие более или менее логично мир повседневного опыта с миром сверхъестественных сил, который в мифе не менее реален, чем чувственный мир.

В выходящем из мистики мифологическом искусстве много сокрытого специально, чтобы профаны не проникли в тайники народного духа. «Женщины и непосвященные знают только их букву, тогда как их глубокий смысл и мистическая сила, на которой основана вся действенность их мифов, открыты лишь мужчинам, которые считаются достаточно квалифицированными для того чтобы быть в них посвященными, чтобы их сохранять и передавать, чтобы выполнить те тайные церемонии, которые с ними связаны» (*Леви-Брюль Л.* Первобытная мифология. М., 1930. С. 265).

По мере развития речи и понятийного мышления искусство все дальше отходит от мистики. Обряды и мифы усложняются, и постепенно начинает забываться источник их, придававший искусству объективное значение. С утратой мистических основ искусство субъективируется. Тяготение великих художников к мистике (например, Толстого, Достоевского и других к Оптиной Пустыни) представляет собой стремление вернуться к корням и обрести объективное содержание.

Преобладает та отрасль культуры, которая определяет жизнь людей. Таковым было искусство, когда оно было священным. «Произнесение этих мифов есть, таким образом, нечто совсем иное, чем простой обряд. Оно равносильно действию, от него в сильнейшей степени зависит сама жизнь общественной группы. Если бы не было больше мужчин в зрелом возрасте, хранителей этих священных мифов, способных произносить их в надлежащий момент, племя было бы обречено на угасание. Ведь молодые люди не могли бы больше обучиться произнесению этих мифов. А в этом случае виды животных и растений, являющиеся источником существования для туземцев, исчезли бы» (Там же. С. 388).

Искусство было господствующим тогда, когда еще недостаточно развилось понятийное мышление и не возникла потребность в систематизации всего культурного наследия. Когда эти предпосылки проявились, из синтеза мистики и искусства сформировалась мифология. Искусство должно было накопить большое количество произведений, для того чтобы наступил следующий этап культуры — мифологический, являющийся по существу систематизацией первобытного искусства.

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Древнее искусство было изобразительным, пластическим и словесным. Последнее воплощалось в мифах, а к современным людям дошло в виде сказок, созданных человечеством в детстве и любимых детьми.

Точка зрения о происхождении мифологии из искусства, в соответствии с которой искусство как бы переходная ступень от

мистики к мифологии, позволяет подвергнуть сомнению представление о том, что ранее существовали целостные мифы, которые потом распались или деградировали. Скорее, вначале они были разрозненными сказаниями, а затем стали соединяться с помощью логики в нечто целое, зависящее от того, насколько логично мышление данного народа и развита в нем мифология.

Одно из объяснений верхнепалеолитических рисунков, с которых начинается наше знакомство с древним искусством, заключается в веровании, что тот, кто владеет изображением, располагает полной властью над его оригиналом. Леви-Брюль обвиняет защитников данной гипотезы в том, что они приписывают авторам этих рисунков и скульптур чисто утилитарные замыслы. Действительно, в искусстве утилитарное отходит на второй план, но в качестве предпосылки развития искусства имеет место. Поршневу объясняет эти изображения запретом на пользование оригиналом. Продолжая мысль в этическом аспекте, можно заключить, что тяга к добру порождает сказки, в которых оно побеждает. В этом смысле прав Ницше, утверждая, что «искусство не есть исключительно подражание природной действительности, а как раз метафизическое дополнение этой действительности, поставленное рядом с ней для ее преодоления» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 153). Искусство выполняет, таким образом, компенсаторную роль восполнения в сфере чувств того, чего человек оказывается лишен в жизни. Это, впрочем, свойственно любой отрасли духовной культуры.

В первобытном искусстве особенно проявляется его способность быть средством общения и единения людей, к чему стремятся ритуалы как таковые. Они выходят из искусства и, будучи сопричастны миру сверхприроды, создают тем самым мир духовной культуры, который первоначально мистичен, а воплотившись в искусстве — мифологичен. В мифах запечатлен бессознательный архетип данного племени, и потому он так оберегается «стариками» — хранителями мудрости.

Древнее искусство повторяет подвиги культурных героев, которые считаются предками и творцами данной общественной

группы, создателями всех ее обычаев, обрядов, празднеств и церемоний. То, что предкам приписывается создание всего существующего, воплощается в уважении к ним как творцам культуры. Культурный герой является главным персонажем мифов и в то же время этим же словом называется главное мистическое начало. Тот, кто породил культуру, отождествляется с порожденным. В самом имени, слове пребывает мистическая сила.

Функцию слова в тот период, когда искусство было главной отраслью культуры, выразил Н. Гумилев в знаменитом стихотворении «Слово»:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

Многие гениальные поэты чувствовали мистическую силу слова, и с этим связано представление о художнике как пророке, возвещающем истину. Насколько всерьез можно относиться к таким претензиям? Настолько же, насколько серьезно можно относиться к мистике вообще. А известно, что там, где в примитивных обществах так относятся к мистике, осуществляется ее обещание. Здесь имеют значение еще два момента. Во-первых, обожествление слова в начальный период после возникновения речи. И, во-вторых, то, отмеченное Вико обстоятельство, что «первый Язык в первые немые времена наций... должен был начаться со знаков, или жестов, или тел, имеющих естественное отношение к идее» (*Вико Д.* Цит. соч. С. 144). Поэтому «логос» означал у древних греков еще и вещь, и слово было едино с делом.

То, что первоначально все виды искусства связаны с мистикой (литература, живопись, музыка, танцы), очевидно, так как мистика была предшествующей отраслью культуры. Вот что го-

ворит Леви-Брюль о плясках, которые устраивали равнинные индейцы Северной Америки перед охотой на бизонов. «В этих плясках индейцы представляли, “разыгрывали” отдельные эпизоды этой охоты. Один из участников, покрытый бизоньей шкурой, подражал движениям пасущегося животного; другие, изображавшие охотников, приближались к нему с бесчисленными предосторожностями, внезапно на него нападали и т.д. Однако не следует задерживаться на этой пантомиме. Это — лишь внешняя, зрительно воспринимаемая сторона церемонии. Последняя имеет также и глубокий символический смысл. Она в действительности представляет собой не игру, а нечто совсем иное. По убеждению индейцев, эта церемония мистически действует на расположение, а следовательно, и на поведение бизонов: действие этой церемонии таково, что они после нее позволяют себя обнаружить, приблизиться к себе и убить себя» (*Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 114–115*).

Следует согласиться с Леви-Брюлем, что первобытные мифы и церемонии — не «элементарные формы религиозной жизни», как полагал Э. Дюркгейм, а скорее «до-религия». «Самый термин “до-религия”, хоть он и не включает идеи необходимости эволюции, указывает, что дело идет о стадии, на смену которой может явиться религия в полном смысле слова» (*Леви-Брюль Л. Первобытная мифология... С. 482*).

Сказания древних народов — элементы, из которых складывается целостная мифология. Развитие искусства в процессе слово- и мифотворчества, порой соединяющихся вместе, ведет к ней.

Отдельные виды искусства также связаны между собой и помогают становлению друг друга. Поэзия возникла не только из словотворчества, но и, по Ницше, из подражания музыке, а трагедия — из дифирамба и хора. Существо трагедии — «видимая символизация музыки... мир грез дионисического опьянения» (*Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 112*).

ПЕРМАНЕНТНОСТЬ ИСКУССТВА

Гипотеза дологичности первобытного мышления хорошо объясняет первичность мистики и искусства по сравнению с

мифологией, философией и другими отраслями культуры. Но по мере того как мышление становится все более логичным, искусство теряет главенствующую роль и лидирующую позицию занимает мифология. С появлением логики жизнь, конечно, не становится всецело логичной. Соответственно, мистика и искусство остаются перманентно действующими, но теперь уже в условиях наличия конкурента, развитие которого они сами подготовили.

Искусство, имея культовую основу, постепенно уходит все дальше от практики, пока не забирается в «башню из слоновой кости», в которой можно заниматься «искусством ради искусства». Однако полностью уйти в себя искусству не удастся никогда. Художника называли пророком, потому что функция его была той же, что и у пророка. Любое культурное творчество — будь то художественное, религиозное или какое-либо еще — есть пророчество.

В отдельные моменты истории искусство в лице своих гениев вспоминает о своей некогда главенствующей роли, и поэт слышит голос: «Встань, пророк, и виждь, и внемли, исполнишь волю моей». В эти минуты он не принадлежит самому себе. Состояние вдохновения бросает его в иной мир, в котором творец чувствует себя как дома. Его самого тянет из мира материальной жизни на мистический простор, где все сходится воедино. Неприкаянность в этом мире порождает стремление художников, наподобие Байрона или Лермонтова, к жертвенной смерти.

Всякое истинное произведение искусства (как культуры в целом) противопоставляет себя материальному миру и таким образом обрекает себя на борьбу со средой. Коллизия «поэт и царь» проходит через всю историю. Творец сталкивается не только с властью, но и с массой, которая не понимает его не имеющих практического смысла устремлений. Эта борьба фундаментальна в человеческой истории, выражая противоречие между культурой и материальной жизнью. Положение художника в обществе обобщил Ф. Ницше: «Если же мы перенесем в область искусства обычай всенародного голосования и преобладание численного большинства и заставим художника защищать свое

дело как бы перед трибуналом эстетических бездельников, то можно заранее поклясться, что он будет осужден» (Философия истории: Антология. М., 1995. С. 135).

Развитие искусства шло также в борьбе со всеми другими отраслями культуры. Помогало искусству то, что, например, в отличие от мифологии оно не претендовало на абсолютную истину и готово было без боя уступить главенствующую роль. Порой казалось, что искусство может снова занять лидирующую позицию, но подмены ослабляли его творческие возможности. И. Тэн пишет о ситуации в Италии после великого полувека конца XV — начала XVI в., «когда живописец, дотоле наивный ремесленник превратился в вежливого кавалера, когда лавка и работники-ученики уступили место “Академии”, когда смелый, вольный художник... сделался дипломатом-царедворцем, убежденным в своей важности, блюстителем этикета, сторонником мелочных правил, тщеславным льстецом прелатов и вельмож» (Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 118).

В истории мы встречаем такие подмены неоднократно. В книге «Умирание искусства», посвященной искусству современному, В. Вейдле пишет, что «подмена искусства утилитарно-рассудочным производством, одобренным эстетикой, привела к чему-то, в принципе общепонятному и потому сплывающему, пригодному для массы, и не так-то легко бороться с тем, чью пользу и удобство докажет любая газетная статья, что одобрит на основании присущего ему здравого смысла всякий лавочник. Эстетические потребности убить нельзя, но искусство убить можно. У человека нельзя отнять зачатков “хорошего вкуса” или вообще вкуса, но его можно отучить от творчества» (Вейдле В. Умирание искусства // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 289).

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Искусство каждой эпохи несет на себе отпечаток времени. Искусство начала XIX в. романтично, середины XIX в. реалистично — и то и другое проникнуто верой в грядущее торжество

разума; искусство конца XIX — начала XX в. символистично или декадентно и проникнуто напряженным предчувствием страшного. Искусство XX в. формалистично или документально. Оно трагично потому, что трагичен век, и отражение судеб века делает искусство трагичным по содержанию. Настоящий художник не может не чувствовать отчаяния, связанного с тем, что его значение ничтожно в век идеологии и НТР, и отчаяние переносит в звуки, на бумагу, полотно. Всякая умильность кажется ложной перед лицом духовного бессилия человека.

Искусство XX в. осознало и отобразило трагизм современного существования. Искусство абсурда — ответ на бессмысленность современной жизни. Но для создания полноценного произведения надо подняться над абсурдом бытия, выйти из его пределов и посмотреть на него как бы со стороны. Тот, кого абсурд поглотил и подмял под себя, не в силах понять самую абсурдность своего существования, а в лучшем случае только смутно догадывается об этом.

В идеологизированный век с искусством борется и часто побеждает его идеологизированное массовое псевдоискусство — оружие борьбы идеологии с подлинным искусством. Оно особенно пропагандируется средствами массовой информации, находящимися в руках идеологии. Герои массового искусства — преступники или разведчики — люди расчетливые, хитрые, живущие широко и удовлетворяющие все свои желания, которым все дозволено и которые сами позволяют себе все. Цель псевдоискусства — сформировать ложное, идеологизированное представление о мире.

В идеологизированном мире искусство отходит на второй план, и сами художники, чувствуя и понимая неуместность искусства в современной жизни, создают, выражая время, антиискусство. Получается парадокс — антиискусство в искусстве. Искусство, по С. Лангер, призвано интенсифицировать чувство. И вот художники интенсифицируют чувство, искусство лишнее в нашем мире. Художник пытается прорвать в своем воображении этот мир, идеально взорвать его, и он обречен на непонимание обывателями.

Искусство постоянно подпитывается мифами и фольклором, и в период кризиса искусства возникает теория возврата к мифотворчеству. Это вызвано не только стремлением вернуться к первоисточкам, но и тем, что первобытное искусство выполняло важную практически магическую функцию, которую утеряло. Это тоска по «золотому веку» искусства. В начале XX в. Вяч. Иванов выдвинул идею искусства как мифотворчества и даже попытался ее реализовать. В широком смысле слова искусство всегда выполняло эту миссию, которая издревле была для него основной.

Некоторые современные поэты обращаются и к другой древней функции искусства, связанной со словотворчеством. Словотворческая миссия искусства сохраняется в качестве атавизма до наших дней, и именно художники изобретают неологизмы. Современное искусство выполняет также роль прояснения того бессознательного, что находится за пределами чувственной реальности. Все эти функции определяет перманентность искусства.

Художниками вновь начинает осознаваться мифологичность искусства. Современный миф — феномен культурного синтеза. В свою очередь, синтетическая культура зачастую мифологична. Через миф идет связь искусства с другими отраслями культуры. Есть современные произведения, в которых миф — подспорье. Таковы «Мастер и Маргарита», «Иосиф и его братья». В первом миф используется для нужд психологически-индивидуалистического романа, во втором — для нужд романа эмпирико-реалистического. Но есть произведения, в которых миф самоценен. В романе столпа современного мифотворчества Вяч. Иванова «Сказание о Светозаре Царевиче» творение самого мифа заново в новой обстановке — основная задача.

Настоящий художник не бесстрастно копирует действительность, создавая бледные подобию жизни, но и не отворачивается от нее. Он ищет и накапливает жизненный материал, стремясь к победе над ним, заключающейся не в подведении его под какую-либо жесткую схему, а в шлифовании и перераспределении его в живом доме нового художественного мира. Художник вкла-

дывает свое знание мира в свое произведение, дух и душу и погружается в стихию творчества, оставаясь земным человеком.

Искусство берет отдельные куски жизни и конструирует из них новое целое в соответствии с идеями, которые вкладываются в произведение. Оно может выпятить какую-нибудь черту действительности, чтобы она стала лучше видна. По существу, создание так называемых типических образов — своеобразный гротеск, когда из многих прототипов конструируют персонаж, в котором ярко выражены наиболее характерные черты, свойственные представителям данной группы. В искусстве жизненность соединяется с условностью, которая, впрочем, не менее реальна, чем эмпирическая жизнь; всегда что-то недоговаривается, что-то придумывается, а остальное из-за факта отражения на бумаге кажется искусственным и тем самым скрывает свою естественную природу. В искусстве всегда присутствует игровой момент, но это игра, сквозь которую проглядывает нечто серьезное, имеющее отношение к смыслу жизни. Этим, кстати, искусство отличается от рекламы или, скажем, порнографии, которые, если представлены в искусстве (как можно видеть в поп-арте), уже не функционируют сами по себе, а представляются в их отношении к смыслу жизни, и рассмотренные под этим углом зрения сразу обнаруживают свою ущербность. Подлинное произведение искусства всегда синтез реалистически-отражательного, фантастически-воображательного и идейно-смыслового моментов.

Искусство принципиально отличается от всех иных отраслей культуры, например науки. Искусство направлено на синтез субъекта и объекта, наука — на объект. Основной метод искусства — понимание, науки — анализ. Источник искусства — интуиция, в науке главную роль играет дискурсивное мышление. Основной нерв искусства — любовь, человечность; наука равнодушна. Искусство имеет личностное отношение к бытию, наука безлична. Поэтому ни одно научное открытие само по себе не страшно власти имущим, в отличие от истинного произведения искусства. Они готовы даже допустить половинчатое искусство, полую истину в искусстве (в реалистических произведениях), или

истину, которая как бы сама отказывается от себя, обращая все в шутку (в сатирических произведениях), но целостной истины боятся как огня. Ведь основа политики — насилие, противоречащее основе искусства. В то же время в народе искусство пользуется большей популярностью, чем другие отрасли культуры. Искусство менее рационалистично и потому более понятно массам. Оно всегда отталкивается от реальных конкретных событий, которые не менее важны и интересны, чем мысли, и составляют основу мышления. Сила произведения искусства в том, что оно, отталкиваясь от конкретных событий, поднимается к вершинам обобщений.

От современной техники, которая тоже когда-то именовалась искусством и которая тоже творит мир, но эмпирический, искусство отличается тем, что оно по природе консервативно. Лучшие произведения искусства всегда выполняли функцию совести. Эту этическую задачу осуществляет создаваемый искусством живой духовный мир. В нем истина неразрывно связана с добром и красотой. Но художник отличается от моралиста. Когда писатель перестает переживать сам и за себя (переживание за себя — неотъемлемая часть переживания вообще), он тем самым отрицает себя как писателя и превращается в моралиста. Писатель может проникнуть в душу другого человека, и глубина его проникновения зависит от того, насколько он способен пережить то же самое.

Искусство — способ творческой деятельности, в максимальной степени соответствующий целостной природе человека, и потому искусству принадлежит великая роль преодоления расщепления. Современные попытки синтеза искусства с наукой, как и попытки синтеза искусства с религией в Средние века, весьма полезны, поскольку с их помощью до уровня искусства поднимается все творческое, что есть в науке и религии. Синтез искусства и философии присутствует во всех выдающихся произведениях искусства.

Специфичность произведения искусства как особого духовного мира осложняет его связи с жизнью. Выдающиеся худож-

ники всегда чувствовали это. Крупнейший современный кинорежиссер М. Антониони заявил, что искусство не может влиять на общественную жизнь, по-видимому, хорошо понимая, что у культуры своя внутренняя жизнь, она развивается по своим законам, и влияние, например, искусства на политику невелико. Если искусство хочет непосредственно воздействовать на текущую жизнь, ему придется утратить свою специфику. Утилитаристское направление в искусстве никогда не поднимется выше схемы, тогда как сторонники «искусства для искусства», если верны подлинному призванию искусства — творению живого духовного мира, — создадут нечто выходящее по значению за рамки «чистого искусства».

Искусство отлично от эмпирической жизни своей способностью проникать в тайники души, изображать нереализованные возможности. Оно отражает жизнь в диалектическом сочетании действительности и возможности. Для создания хорошего произведения надо иметь талант, творческий настрой и чувство меры. Последнее рождается из умения посмотреть на свое произведение как бы со стороны, как на нечто в себе самоценное. Чтобы что-то создать, надо на время отрешиться от себя. Но чтобы копить впечатления, надо быть собой, чувствовать, думать, мечтать. Что же касается творческого настроения, переходящего в горение и перевоплощение, то оно бывает, по-видимому, у каждого, но не каждый способен использовать его в полной мере.

ЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА

Уже в индийской культуре искусство считалось божественным. «Арийцы верили, что “боги рождаются из воздуха, выдыхаемого певцом”, а следовательно, существуют лишь постольку, поскольку существует вдохновенное настроение их почитателя» (*Мечников Л.И.* Цит. соч. С. 414). В «Ведах» утверждается, что мир и существующее в нем возникло из песнопений богов.

Искусство прокладывает новые пути для человечества, обеспечивая посредством воображения поиск альтернатив будущего; творит прекрасное и открывает гармонию в мире; «примиряет с

жизнью» (Н.В. Гоголь); дополняет и завершает бытие, «соблазня на дальнейшую жизнь» (Ф. Ницше). Искусство — способ внутренней гармонизации личности, вид магического воздействия на мир, имитация действительности с целью ее изменения. Искусство выполняет компенсаторную роль при запрете прикосновения к предмету, создавая его копии. Искусство делает вечным слово, и человек — носитель слова — присоединяется к вечному. Это способ художника преодолеть смерть.

И трагедия, и музыка, по Ф. Ницше, ведут к вечному. «“Мы верим в вечную жизнь!” — так восклицает трагедия, между тем как музыка есть непосредственная идея этой жизни» (*Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм... С. 121*). Героическая смерть в трагедии, вынужденная или добровольная, вызывает катарсис у зрителя — чувство очищения, подъема и воодушевления. Аполлон, символизирующий искусство, прославляет вечность явленного. Искусство ведет к вечности, преодолевая страх смерти, т.е. осуществляя высшую цель культуры.

Значение искусства определяется и тем, что слово понимает ся как тождественное обозначаемому им. Давая имена, искусство раскрывает сущность мира. Этим объясняется то, что после мистики оно было главенствующей отраслью культуры. «Главный смысл, наиболее существенное значение церемонии или пляски, как для тех, кто ее выполняет, так и для тех, кто на ней присутствует, заключается в общении, в мистическом слиянии, сводящемся к отождествлению с мифическим или тотемическим предком, человеком-животным или человеком-растением, или “гениями” животных и растительных видов, или с откликнувшимися на призыв предками и покойниками племени» (*Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 129*).

Искусство выполняет и игровые, развлекательные функции и будет существовать столько, сколько соответствующая потребность.

Искусство является способом передачи культуры в древнем обществе, в котором оно может быть столь же тайным, как и мистика, но скрыть которое гораздо труднее. Видимый характер

культуры способствует ее самосохранению, облегчает передачу следующим поколениям, одновременно затрудняя ее сокрытие. В этом диалектика древнего искусства.

Значение искусства и в том, что оно уравнивает две разновидности духовной жизни — нерациональную мистико-религиозную и рациональную научно-философскую. Их видимая противоположность рождает представление о том, что только нерациональное мистико-религиозное мышление духовно. Это имеет свое объяснение в том, что появившаяся рациональность противопоставила себя прежней духовности, но это не значит, что сама она не была духовной. В искусстве гармонично сочетаются и та и другая духовности. Обе нужны для полноценного существования и создания полнокровного произведения.

Исходя из функций искусства можно понять формулу Достоевского «Красота спасет мир», дополненную Рерихом: «осознание красоты спасет мир» или в варианте «творение красоты спасет мир». Понимание и открытие мира в аспекте прекрасного есть выражение непрактического, неэгоистического отношения к действительности, причем культура не нечто добавляемое к миру с целью его раскрашивания, а, как указывал Гёте, важнейшая онтологическая характеристика бытия. Суть спасительной функции искусства в жертве собственническим отношением к миру.

ЖЕРТВЕННОСТЬ ИСКУССТВА

Афоризм «искусство требует жертв» настолько самоочевиден, что, кажется, никогда не оспаривался. В искусстве жертва играет такую же роль, как в мистике, подтверждая, что в культуре в целом жертва есть двигатель жизни. В отличие от мистических культов, где жертва — посторонний человек или «козел отпущения», — в искусстве жертвой является сам творец, начиная от безвестного древнего бродячего певца и кончая самыми последними примерами из жизни любого государства. Идея жертвы близка художникам, и сами они очень часто становились жертвами власти, толпы, своего искусства. Причина конфликта в том, что творец, уходя в сферу культуры от мирских практических взаимоотноше-

ний, всегда оказывался отделенным и противопоставленным остальной массе населения, включая ее вождей. А так как сила и количественное превосходство на стороне массы и правителя, художник неизбежно оказывается трагической стороной конфликта. Как правило, он хорошо себе представляет, на что идет, и, таким образом, его жертва добровольна. Тот огонь, который он чувствует в своей груди, призвание, которое в себе ощущает, не дают ему права свернуть с пути.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен». Здесь слово «жертва» можно понимать буквально, и сам Пушкин тому пример. Деятель культуры в столкновении с жизнью выполняет роль жертвы, но это не значит, что он проигрывает. Благодаря телесной жертве он побеждает как творец, и тем самым культура одерживает победу. Наступает момент, когда Аполлон требует поэта к священной жертве, и поэт сознательно кладет свое сердце на алтарь культуры. В основе искусства лежит жертвенная любовь к миру.

Творец живет в двух мирах — мире духовной культуры и мире материальной жизни — и имеет две природы — творческую и потребительскую, противоречие между которыми разрешает жертвенная смерть. Искусство понимало значение жертвы. «Мать, мать! На крови твоего сына созидается храм будущего — раскрой же мне сердце твоей чудесной властью и благослови на смерть», — восклицает герой романа Л. Андреева Погодин (*Андреев Л. Сашка Жегулев // Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 141*). Н.А. Некрасову, воспевшему жертвенность, принадлежат такие строки:

Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других.

И его же:

Дело прочно, когда под ним струится кровь.

С пронзенных животных наскальной живописи до героев классической литературы (Фауста, который жертвует своей ду-

шой; князя Мышкина из «Идиота» Достоевского; Федора Протасова из «Живого трупа» Толстого и т.д. и т.п.) мы постоянно встречаемся в искусстве с жертвой. Архетип искусства как такового выразил С. Есенин:

Не ищи меня ты в Боге,
Не зови любить и жить.
Я хочу на той дороге
Буйну голову сложить.

Творец жертвует собой, но культура побеждает. Так мы приходим к глубинному пониманию того, что остается неясным в древних ритуалах жертвоприношения. Художник жертвует, чтобы жило искусство. Стремление к гибели Байрона, Пушкина, Лермонтова, метания Гоголя, терзания Достоевского, уход Толстого объясняются желанием добровольной жертвы. Стихи и романы — содержание искусства, — жертва — его энергия. Это та «энергия сожжения», из которой создается пламя духа. Поэтому Достоевский хвалил свою каторгу, Толстой просил Леонтьева поскорее исполнить желание написать на него донос. В идее жертвенности непонятый смысл учения Л. Толстого о непротивлении злу насилием.

И в XX в., когда из всех искусств важнейшим стало кино, гениальный режиссер А. Тарковский назвал венчающий его карьеру фильм «Жертвоприношение». Он советовал молодым кинематографистам принести себя в жертву кино и воплотил идею жертвоприношения на экране. С обывательской точки зрения поступок героя, сжегшего собственный дом, — сумасшествие. С точки зрения изначальной жертвенности искусства — это жертва в чистом виде, возвращение к той жертве, с которой началось искусство.

Вопросы для повторения

- Что такое искусство?
- Под влиянием каких причин оно возникает?
- Чем отличается искусство от других отраслей культуры?

- Какие условия необходимы для возникновения новой отрасли культуры?
- Каковы функции искусства?
- Какие виды искусства вы знаете?
- Какие направления искусства существуют?
- В чем смысл искусства?
- Что можно сказать об искусстве XX в.?
- Каково значение искусства в наше время?
- Как искусство помогает становлению целостной гармонично развитой личности?
- Как понимать изречение «красота спасет мир»?
- Как понимать афоризм «искусство требует жертв»?
- О требовании какой священной жертвы Аполлоном писал Пушкин?
- В чем смысл фильма Тарковского «Жертвоприношение»?

Литература

1. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собр. соч.: В 22 т. Т. 15. М., 1983.
2. Леви-Брюль Л. Первобытная мифология. М., 1930.
3. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
4. Тэн И. Философия искусства. М., 1996.
5. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пг., 1923.
6. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966.
7. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.

Глава 5

Мифология: становление духовной основы цивилизации

Дела, совершенные не ради жертвы, —
оковы для мира.
Бхагаватгита

ЧТО ТАКОЕ МИФОЛОГИЯ?

Слово «мифология» происходит от «mythos» — предание, сказание, но как отрасль культуры есть целостное представление о мире, передаваемое, как правило, в форме устных повествований.

Мифология связана с антропоморфизмом (приписыванием явлениям природы человеческих свойств и поступков), фетишизмом (представлением о наделенности неодушевленных предметов сверхъестественной силой), тотемизмом (представлением о происхождении человеческих групп от животного или растительного предка), анимизмом (верой в одушевленность всего существующего).

Мифологию порой путают с мистикой, поскольку мистические представления занимают в мифах важное место. Многие мифы начинаются с представления о первобытном хаосе как мистической нерасчлененности бытия, хотя не останавливаются на этом. В качестве одной из своих аксиом Вико выдвигает такую: «Все варварские Истории имеют мифологические начала» (*Вико Д. Основания... С. 86*). Мифология, будучи связанной с захоронениями предков, является сущностным свойством человека. «Первых в мире богов создал страх», — писал римский поэт Папиний Статий (45 — ок. 99 гг. н.э.). Добавим, страх смерти — сильнейший из всех для большинства людей.

Миф отличается от сказки или легенды тем, что воспринимается как реальность. Р. Барт определяет миф в противополож-

ность поэзии как «семиологическую систему, претендующую на то, чтобы превратиться в систему фактов; поэзия — это семиологическая система, стремящаяся редуцироваться до системы сущностей» (*Барт Р. Избранные работы. М., 1994. С. 101*).

О соотношении мифа с мистикой и искусством можно заключить из значений слов. Мистика — это таинственное, искусство, это сказание. Миф — сказание о таинственном. Мифология — это синтез мистики и искусства, дошедший до своего воплощения в целостных духовных произведениях, призванных объяснить наиболее важные события преимущественно начала истории. А.Н. Афанасьев выводил мифологию из особенностей образования языка и словотворчества. Творчество языка, которое все более иссякает и передается забвению, продолжается в новом виде творчества — мифологическом. Исходный смысл древних речений становился все темнее и загадочнее, и начинался неизбежный процесс, как говорит А.Н. Афанасьев, «мифических обольщений».

Из искусства появляется мифология, так как, по Вико, «первые Поэты наделяли тела бытием одушевленных субстанций, обладавших только тем, на что они сами были способны, т.е. чувством и страстью; так Поэты создавали из тел Мифы, и каждая метафора оказывается маленьким мифом» (*Вико Д. Основания... С. 146*). Итак, механизмом превращения искусства в мифологию был антропоморфизм.

Мифология появляется в виде разрозненных сказаний. Пока логическое мышление развито недостаточно, разноголосица между мифами не смущает. «Так как соотношение между каждым мифом и остальными таково, как если бы их друг для друга не существовало, то совершенно неизбежно, что между ними возникают противоречия. Однако какими вопиющими эти противоречия ни казались бы нам, туземцев они не смущают ни в малейшей мере. Они не уделяют им никакого внимания» (*Левин-Брюль Л. Первобытная мифология... С. 257*).

В мифологических текстах боги похожи на людей и обладают их достоинствами и пороками. Это результат того, что для первобытных людей не ясна разница между естественным (жизнью

людей) и сверхъестественным (жизнью богов). Для того чтобы божественное предстало в идеальном варианте, необходим длительный период абстрагирующей деятельности. Своим идеальным характером религия отличается от мифологии. Это последующий этап развития культуры.

Интересна мысль К. Леви-Стросса, что миф образует мост между эмотивным опытом и интеллектуалистической мыслью. Мы бы сказали, мост между искусством, в основе которого лежат образы, и философией, в основе которой рациональное мышление. Постепенно под влиянием тенденции рационализации мифы становятся все более абстрагированными, усложненными, логичными и последовательными.

Мифология развивалась из отдельных произведений искусства, которые не обобщались до становления великих речных цивилизаций. Их создание — переломная точка перехода от искусства к мифологии. Мистика и искусство не отрицают, они отталкиваются на периферию культуры. Мифология же достигает своего расцвета в Египте, ближневосточных цивилизациях, Индии, Китае, Греции, переходя в Индии в религию, а в Греции в философию.

Становление цивилизации — социальная предпосылка развития и господства мифологии над другими отраслями культуры. Антропологическая — рост логичности мышления. Мистика вместе с искусством создает внутрикультурные условия для победы мифологии. Хотя есть доля истины в концепции Эвгемера о мифологизации истории, все же в мифологию изначально входит мистический компонент. В мифе соединяются мистика, искусство и жизнь в лице действующих культурных героев.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

Древнейшие памятники культуры свидетельствуют об отношении человека к природе, которое можно назвать мифологическим. Э. Кассирер утверждал, что чувство единства с природой — самый сильный импульс мифологического мышления. Прimitивный человек, по Кассиреру, способен делать различия между

вещами, но гораздо сильнее у него чувство единства с природой, от которой он себя не отделяет.

Становление мифологических представлений накладывается на речевое единство человека и природы, которое переходит в единство мифологическое (комплекс мифологических представлений называют язычеством). Выстраивается цепочка: первая сигнальная система → слово → миф, и соответственно непосредственное единство человека с природой → мистическое → речевое → мифологическое. Речь была формой единства человека с природой в той мере, в какой имел место процесс словотворчества. С прекращением этого процесса язык мог разделять человека и природу, и потребовались иные формы единства. Таковыми стали мифы.

Каждый вид единства имеет качественное своеобразие, которое формируется на основе некоторых общих компонентов и специфических особенностей. В мифе большое значение имеют особенности психологии народа и его своеобразных представлений о жизни и смерти, которые не всегда заметны в обычном языке.

Для мифологического единства помимо сочувственного созерцания природы значение имеет все более полно сознаваемая любовь к ней, которая, впрочем, занимает важное место и на стадии речевого единства. При этом любовь понимается не как лишь человеческое свойство. В соответствии с присущей мифологической стадии мышления параллели между природой — макрокосмом — и человеком — микрокосмом, — сопоставления идут не только по линии уподобления внешнего облика человека явлениям природы (солнце, луна, гром, ветер, а в человеке — очи, глас, дыхание и «мгновение ока — яко молния»), но и по линии его душевного состояния и поведения. Любовь приобретает поэтому космическое значение и уподобляется теплоте от огня (сравните выражение «пламя страсти»), весеннему брачному соитию неба и земли.

В своем мифологическом мышлении человек воспринимал природу как живое существо, одушевлял и одухотворял ее. Отголоски этого находим в языке («солнце всходит и заходит», «ревели буря» и т.п.). Последнее, по-видимому, подтверждает идею

А.Н. Афанасьева о том, что в самом начале творческого создания языка силам природы придавался личный характер, и, таким образом, речевому единству человека с природой также было присуще одушевление и одухотворение природы. Афанасьев объясняет всеобщее обожествление внушением метафорического языка и выводит, стало быть, мифологическое единство из языкового. Спецификой мифологического единства, по-видимому, является не обожествление и не его более творческий характер, чем у единства речевого, а скорее целостность, попытка представить человека и природу и их взаимодействие в космическом масштабе.

Символом обожествленного космоса с подчеркнутой идеей связи земного и небесного была концепция древа жизни. Природа мыслилась совершенной и гармоничной. Человек в своем творчестве также стремился достичь состояния совершенства и в то же время как бы обязывался поддерживать и прославлять совершенство в природе, чувствовал себя ответственным за это, поскольку не воспринимал природу как функционирующую независимо от его действий. На поддержание и сохранение порядка в природе были направлены ритуально-драматические обряды, элементы которых организовывались в соответствии с принципами соразмерности и гармонии. Гармония здесь общий признак, одинаково присущий творчеству и природе.

Для мифологического единства человека и природы характерны персонификация всей природы в виде единого божества с дополняющей его иерархией богов и представление о вечном воспроизводстве этого единства. Скажем несколько слов об одном божестве, важном для нашей темы. Это Лада — богиня брака и веселья, по А.С. Фаминцыну, связанная с весенними свадебными обрядами. Называя ее еще и богиней растительного плодородия, Б.А. Рыбаков сопоставляет ее с греческой богиней Лато и римской Латоной. То, что именно Лада является богиней брака, вполне понятно по самой этимологии слова, поскольку для семейной жизни столь важна гармония тех, кто семью составляет. Но наделение ее еще и функцией растительного плодородия

свидетельствует о зачатках соединения гармонии социальной с тем, что может быть названо гармонией экологической.

Миф, по Р. Барту, превращает историю в природу. «Задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных» (*Барт Р. Избранные работы...* С. 111).

МИФОЛОГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Природные условия имели первостепенное значение для развития ранних цивилизаций. «С нашей точки зрения, основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки», — писал Мечников (*Мечников Л.И. Цивилизация...* С. 355). Соглашаясь с этим утверждением, нельзя не отметить причины культурной.

Цивилизация может возникнуть только на определенном этапе развития культуры, с которой связана неразрывными узами, находясь на границе мира культуры и мира материальной жизни человека. Как указывал О. Конт, «...образование всякого действительного общества, способного к устойчивому и длительному существованию, неизбежно предполагает непрерывное и преимущественное влияние некоторой предварительной системы общих воззрений, которые в состоянии достаточное время держать в узде бурное естественное развитие индивидуальных различий в мнениях». Эта роль настолько важна, что жрецы были особым и руководящим классом в различных обществах. Обратной стороной процесса омассовления культуры было то, что «повсюду цивилизация нарушала естественное равновесие способностей и склонностей, подавляла одни из них и преувеличивала другие, жертвовала будущей жизни настоящей, божеству — человеком, государству — личностью; она создала индийского факира, египетского или китайского чиновника, римского законника и сыщика, средневекового монаха, подданного, подначального (и опекаемого повсюду) гражданина новых времен» (*Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 208*).

Цивилизации, обеспечившие материальными благами людей, возникли на мифологической основе. Именно мифология смогла культурно объединить людей в громадные сообщества. Цивилизация стала возможной с главенства мифологии в культуре, давшей набор общезначимых образов и ритуалов. Сплачивавшая население мифология как система взглядов на мир, позволявшая говорить о едином мировоззрении целых народов, является духовным ядром цивилизации.

Цивилизация потребовала письменности для общения в процессе работы той гигантской мегамашины, которая была создана в Египте в первую очередь для постройки пирамид и для запечатления в вечности напутствий умирающему человеку. Поэтому первым письменным произведением стала «Книга мертвых». С изобретения письменности культура растекается по широким массам и, как вода в долине, теряет свою энергию и силу. Это совпадает с наступлением бронзового века. Тогда же возникают города — большие скопления людей в огораживаемом месте, имеющем рынок.

Не только культура ведет к становлению цивилизации как своей конечной стадии, но и цивилизация влияет на развитие культуры. Она создает человека, умеющего пользоваться папирусом, но разница между культурным и цивилизованным человеком такая же, как между произведением культуры и его копией.

Шаг от культуры к цивилизации сделан с помощью мифологии, но за него пришлось заплатить отказом от свободы ради единства. Эта жертва потребовалась для создания новой отрасли культуры и обеспечила ей главенствующее положение в обществе.

МИФОЛОГИЯ И ЖЕРТВЫ

У всех так называемых примитивных народов важнейшие обряды связаны с жертвоприношениями духам. А. Ельчанинов пишет, что «покинутые дома или места погребения, могилы немедленно становятся священными местами, где воздвигается алтарь (если этим алтарем не служит могильная плита), где прино-

сятся жертвы и совершаются моления. Хижина покойника превращается в небольшой храм; таким же храмом делается пещера или могила, если она устроена не в доме покойного. Насколько глубока и как естественно неизбежна идея связи трупа с храмом показывает пример всех великих религий» (История религии. М., 1991. С. 26). Во многих культурах жертвоприношения являются главным мифологическим действием. Они остаются в развитых мифологических культурах и затем переходят в религии.

В мифологии впервые оформилась идея появления мира как жертвы. В японском мифе о сотворении мира встречаем представление о зарождении съедобных растений непосредственно из тела Богини. «Это зарождение соответствует смерти Изанами, то есть ее самопожертвованию» (*Элиаде М. Мифы...* С. 212). Элиаде делает общий вывод, что сотворение полностью завершается или иерогамией, или насильственной смертью. «Действительно миф о происхождении съедобных растений — широко распространенный миф — всегда связан с добровольным самопожертвованием божественного существа, которое может быть матерью, девушкой, ребенком или мужчиной» (Там же). В соответствии с имеющим широкое распространение и встречающимся во множестве форм и разновидностей мифом, продолжает Элиаде, «сотворение не может свершиться без принесения в жертву живого существа — первобытного обоюбого гиганта, космического Мужчины, Матери-Богини или мифической Девушки. Мы также видим, что “Сотворение” относится ко всем уровням существования, будь то Сотворение космоса или человечества, или какой-то отдельной человеческой расы, или конкретных видов растений или животных. Структура мифа остается одной и той же: ничто не может быть создано без жертвоприношения, без жертвы... Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Это жертвоприношение приводит к огромному переносу: жизнь, сконцентрированная в одной личности, выходит за ее пределы и проявляется на

космическом или совокупном уровне. Единственное существо трансформируется в Космос или возрождается во множестве видов растений или человеческих рас. Живое “целое” разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм» (Там же. С. 213, 214). Возможно, мифы эти созданы в период неолитической революции под влиянием перехода к сельскому хозяйству. Периодическая плодovitость земли отмечается праздниками, во время которых приносятся жертвы и даже происходят массовые самопожертвования, как во время римских сатурналий. Оргии символизируют возвращение в первоначальный хаос.

Обычай человеческих жертвоприношений относится к более развитым классовым обществам. Человеческие жертвоприношения, по-видимому, были распространены и в Старом, и в Новом Свете, у греков, римлян, германцев и других народов. «Даже отвратительное жертвоприношение детей, преподносимых Молоху, имело глубоко религиозное значение. Этим жертвоприношением человек возвращал божеству то, что тому принадлежало, так как первый ребенок часто считался ребенком Бога. Действительно, по всему архаическому Востоку существовал обычай, согласно которому молодые девушки проводили ночь в храме, чтобы зачать от Бога (то есть от его представителя — священника или от его посланника — “незнакомца”). Таким образом, кровь ребенка восполняла затраченную энергию бога, потому что в целях так называемого плодородия божества расходовали свою собственную субстанцию на усилия, требуемые для поддержания мира и обеспечения его богатства, а следовательно, и сами время от времени нуждались в восстановлении» (*Элиаде М.* Мифы... С. 163).

Жертва в мифологии — знак покорности и благоговения человека перед божеством. А. Ельчанинов отмечает, что при жертвоприношении «подчеркивается именно момент жертвы, лишения, отказа поклонника от чего-либо ценного ради Бога» (*История религии...* С. 26). Причем этот момент, в отличие от жертвы ради «насыщения» бога, свое полное развитие получает в по-

зднейших культурах. «Классическим примером такого рода жертвы будет принесение финикийцами в жертву Молоху своих первенцев. Явно, что для насыщения бога безразлично, принесен ли в жертву единственный сын, или нет, так что жертва измеряется не ценностью ее для бога, а тяжестью ее для жертвователя» (Там же. С. 21).

Бог и человек как бы соревнуются между собой. «Божество, довольно часто выступавшее в образе девушки, иногда — ребенка или мужчины, согласилось быть принесенным в жертву, чтобы из его тела смогли вырасти клубни плодоносящих растений. Это первое убийство радикально изменило образ бытия человеческой расы» (*Элиаде М.* Мифы... С. 47—48). Отсюда сама пища становится священной. «Убивая и поедая свиней во время торжеств и поедая первые плоды урожая корнеплодов, человек поедает божественную плоть точно так же, как и во время празднеств каннибалов. Съедобное растение не предоставлено природой. Оно является продуктом убийства, потому что именно таким образом оно было сотворено в начале времен» (Там же. С. 49).

«Смерть, сама по себе, не является определенным концом или абсолютным уничтожением, как иногда считается в современном мире. Смерть приравнивается к семени, которое засеивается в чрево Матери-Земли, чтобы дать рождение новому растению... Вот почему тела, захороненные в период неолита, находят лежащими в зародышевом положении... Люди в своей смерти и погребении были жертвоприношениями Земле. В конечном итоге, именно благодаря этому жертвоприношению может продолжаться жизнь и люди надеются после смерти вернуться обратно к жизни. Пугающий аспект Матери-Земли как Богини Смерти объясняется космической неизбежностью жертвоприношения, которое лишь одно позволяет перейти от одной формы существования к другой, а также обеспечивает непрерывный круговорот Жизни» (Там же. С. 219—220).

В мифологической культуре, как и в первобытной, жертва предстает как источник и двигатель жизни. По Элиаде, «чело-

век архаических обществ стремился победить смерть, придавая ей такое значение, что, в конечном итоге, она перестала быть прекращением, а стала обрядом перехода. Другими словами, для примитивных народов человек умирает по отношению к чему-то, что не является существенным, человек умирает для мирской жизни» (Там же. С. 264).

Жертва в мифологии — коллективная жертва, как само мифологическое сознание — коллективное сознание. Начиная с философии появляется индивидуальное сознание и личная жертва, доходящая до жертвы собственной личностью.

Как подчеркивает Элиаде, в большинстве мифов речь идет о добровольной смерти. С добровольной жертвой связан образ Феникса, который «вечно готовится сам для себя костер и сгорает на нем, а из пепла его вечно возникает обновившаяся молодая, свежая жизнь. Однако этот образ является лишь азиатским, восточным, а не западным. Дух, уничтожая телесную оболочку своего существования, не только переходит в другую телесную оболочку и не только в обновленном виде воскресает из пепла, в который обратилась его прежняя телесная форма, но он возникает из этого пепла, возвышаясь и преображаясь при этом как более чистый дух... Если мы будем рассматривать дух с этой стороны, так что его изменения являются не только переходом как обновлением, то есть возвращением к той же форме, а скорее переработкой его самого, посредством которой он умножает материал для своих опытов, то мы увидим, что он во многих направлениях многосторонне пробует себя и наслаждается своим творчеством, которое неистощимо, так как каждое из его созданий, в котором он нашел для себя удовлетворение, в свою очередь, оказывается по отношению к нему материалом и вновь требует переработки» (Г. Гегель. Цит. по: Философия истории. М., 1995. С. 94). Это уже философская интерпретация мифологии.

Вот как описывает Элиаде реальную добровольную жертву. «*Meriah* — добровольная жертва, покупаемая общиной. Ему разрешалось жить годами, он мог жениться и иметь детей. За несколько дней до жертвоприношения *meriah* освящался, т.е. отожде-

ствлялся с божеством, которому будет принесен в жертву. Люди танцевали вокруг него и поклонялись ему. После этого они молились Земле: “О, Богиня, мы преподносим тебе эту жертву, дай нам богатые урожаи, хорошие времена года и крепкое здоровье!” И они добавляли, поворачиваясь к жертве: “Мы купили тебя, а не захватили тебя силой: теперь мы приносим тебя в жертву и пусть не лежит на нас никакой грех!” Церемония также включала оргию (олицетворяющую регрессию до изначального хаоса. — А.Г.), которая длилась несколько дней. В конце концов *menial* опаивали опиумом и, задушив, разрезали на куски. Каждая из деревень получала часть его тела, которую затем захороняли на полях. Остаток тела сжигался, а пепел разбрасывался по земле» (*Элиаде М. Мифы...* С. 218).

В мифах различных народов жертвоприношение совершается для победы над силами зла (это подробно объясняется в зороастризме). Языческие жертвоприношения очищают человека от грехов и обеспечивают милость богов и нормальное функционирование мира. В дальнейшем мы увидим, что смерть и жертва дают рождение новым отраслям культуры.

ОСНОВНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

В том или ином виде они встречаются у большинства народов Земли. Заимствуются ли они или каждый народ создает их сам, а сходство — результат одинаковости мышления и обстоятельств? Антропологи отмечают, что имеет место и заимствование, и независимое творение близких сюжетов.

Сотворение мира

Наиболее известное повествование о сотворении мира находится в Библии в книге Бытия. Здесь встречаем рассказ о шести днях, в которые Бог создал последовательно свет (первый день), небо и воду (второй день), сушу и растения (третий день), звезды (четвертый день), животных (пятый день), человека (шестой день). Не вполне ясно в сопоставлении с другими текстами, что

появилось раньше: небо, земля или свет, но в целом эта схема напоминает эволюционную картину развития Земли.

Рассказ о сотворении мира, изложенный в Библии, восходит, по мнению исследователей, к так называемому Жреческому кодексу, составленному еврейскими жрецами во время вавилонского пленения (VI в. до н.э.) или сразу после него. Во второй главе Библии имеется еще один рассказ, который отличается от предыдущего. Здесь говорится о создании сначала человека, потом низших животных и позже женщины из ребра Адама. Этот рассказ написан на несколько столетий ранее, вероятно в IX в. до н.э., и различие между двумя образами Создателя характеризует постепенную эволюцию представлений о нем. «Более поздний автор Кодекса имеет абстрактное представление о боге как о существе, которое недоступно человеческому глазу и творит мир простым велением. Более ранний автор Яхвиста представляет себе бога в конкретной форме, как существо, которое говорит и действует подобно человеку, который лепит человека из глины, разводит сад, гуляет в этом саду в часы дневной прохлады» (*Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете*. М., 1985. С. 14–15). Изменения идут в направлении от мифологического восприятия к религии, отражая эволюцию человеческого мышления.

Библейский рассказ является одной из трех модификаций основной мифологической структуры сотворения мира. Двумя другими являются создание мира не из ничего, а из хаоса и из организованного существа.

Представление об образовании мира путем разделения неба и земли встречается у многих народов. Иногда оно дополняется очень поэтичными и трогательными картинками. Так, в мифе народов Океании, несмотря на отделение беспредельного Неба от своей супруги Земли, «их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы» (*Хрестоматия по истории мировой культуры*. М., 1998. С. 29).

Интересно, что человек по-древнееврейски «адам» — мужской род от «земля» («адама»), что объясняет творение его из глины. Подобный миф существовал у вавилонян и египтян. У первых бог Бел отрезал собственную голову, а другие боги собрали кровь, смешали ее с землей и из этого кровавого теста вылепили людей. В египетской мифологии Хнум, отец богов, вылепил людей из глины на гончарном круге. Прометей также вылепил первых людей из глины. По представлениям австралийских аборигенов, создатель Бунджил большим ножом срезал три крупных куска древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом вымесил ее, а затем вылепил человеческие фигуры. После этого он стал дышать им в рот, и они ожили. Аналогичный миф встречаем у маори в Новой Зеландии. Бог Тика назвал созданного им человека Тики-агуа, т.е. подобие Тики.

На Таити бог создал женщину из одной из костей («иви») человека. Параллель вплоть до фонетической: иви — Ева. На островах Тихого океана первые люди созданы из глины, замешанной на крови различных животных, и от этого зависит их характер: люди, в которых течет кровь крысы — воры, змеи — трусы, петуха — храбрецы. Иногда боги обсуждают созданные модели и улучшают их. Создают человека из деревьев, скал, но все же глина остается наилучшим и наиболее распространенным материалом. Порой бог трудится не покладая рук, вылепляя каждого младенца, которому предстоит родиться на свет. Иногда людей создают птицы, и мы возвращаемся к тотемизму.

На Филиппинских островах есть легенда о сотворении богом моря, земли и растений, а затем человека. Аналогичные рассказы существуют в Индии, Африке, у американских эскимосов и на территории России у марийцев. Различный цвет кожи у разных рас объясняют цветом глины. Хорошие люди созданы из хорошей глины, плохие — из плохой.

По словам индейцев племени майду в Калифорнии, первые люди созданы существом, которое спустилось с неба по веревке, сделанной из птичьих перьев. Его тело сияло, как солнце, но лицо было закрыто и невидимо для глаз. Данный миф не может не

вызвать интереса у уфологов, ищущих следы внеземных цивилизаций.

Изгнание из рая (грехопадение)

Библейский рассказ о рае и изгнании из него перекликается с имеющимся у многих народов представлением о золотом веке. В данном мифе присутствует идеал счастливой жизни и объясняется, почему он недоступен людям, а заодно и происхождение греха и смерти. Дж. Фрэзер считал, что в первоначальном варианте речь шла не о древе познания добра и зла, а о древе жизни и смерти. Боги не хотели, чтобы человек стал, как они, бессмертным. Косвенным подтверждением этой версии служит объяснение библейским Богом своего недовольства тем, что, съев плод с одного дерева, люди могут съесть плод и с другого — древа жизни. Другое объяснение можно найти в китайской мысли. В «Дао дэ цзин» говорится: «Когда узнали, что доброе хорошо, появилось зло».

Верующие порой выступают против любых интерпретаций изложенного в Библии, а все неясные места относят к непостижимости путей Господних. Но трудно удержаться от параллелей между библейскими и мифологическими текстами. С данным рассказом сопоставляют легенды, в которых змей, заяц, собака и другие животные приносят человеку ложную весть о его смертности, желая обмануть его; или на самом деле не веря в это; или проклинают его сами, не встретив достойного приема; или по забывчивости. Иногда не бог посылает весть людям, а люди отправляют животных к богу с поручением сообщить, что они хотели бы после смерти снова вернуться к жизни. Иногда божество колеблется, давать бессмертие или нет.

В более раннем, чем Библия, шумерском сказании о Гильгамеше бог открыл герою существование растения, которое обладало волшебной способностью возвращать утерянную молодость, но змей украл его. Змей является отрицательным героем многих мистерий, соблазнителем и источником низшего познания.

Древние люди верили, что спустя три дня после смерти наступало Воскресение в соответствии с трехдневным промежут-

ком между исчезновением старой луны и появлением новой. Многие народы связывают возможность бессмертия с фазами луны.

По легенде племени банар (в Восточном Кохинкине) первоначально людей хоронили под деревом лонг-бло, и через некоторое время покойники всегда воскресали. Поэтому земля была очень густо населена и представляла собой один сплошной город. Люди до того размножились, что ящерица не могла свободно ползти по земле без того, чтобы человек не наступал ей на хвост. И она подала совет хоронить людей под деревом, под которым они не будут оживать. Неприглядная роль змей и ящериц связана, по мнению Фрэзера, с завистью к существам, меняющим кожу.

Интерпретация Фрэзером древа познания добра и зла как первоначального древа жизни и смерти снимает многие вопросы, но при этом пропадает один важный сам по себе мотив — познания как такового. А в нем проявляется тенденция рационализации, которая вела к смене отраслей культуры, и обнаруживается в измененном виде то обстоятельство, что развитие данной тенденции не такое уж тривиальное дело. Познание — плата за смерть людей.

Братоубийство

Библейскому Каину после убийства Авеля было запрещено общаться с людьми. Боясь, что каждый встречный может отныне убить его, Каин стал жаловаться Богу, и Бог сделал ему «знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Бытие 4:15).

Обычай изгнания убийцы из племени широко распространен у многих народов, поскольку существовало убеждение, что земля, на которой он находится, после такого преступления осквернена и не может родить. В древней Аттике убийца, подвергнувшийся изгнанию, в случае новых обвинений имел право вернуться для защиты, но не мог ступить ногой на землю, а должен был говорить с корабля. Ноги человекоубийцы как бы источали яд, который вредно действовал на самого преступника и от которого должна быть защищена земля. В древнегреческом мифе об Алк-

меоне, убившем мать, говорится, что он своим поступком осквернил всю землю. Это переносится на народ. В книге Левит евреи предупреждаются, что оскверненная земля свергнет их с себя, как народы, бывшие до них. Земля выступает в роли божества, которого оскорбляет пролитие человеческой крови и которое поэтому следует умиловать жертвоприношениями (у африканских племен Верхнего Сенегала).

Существовало поверье о том, что убийцу преследует дух убитого. Поэтому часть жертвенного животного следовало оставить ему. Жертвоприношения часто приносятся только если убит представитель своего клана.

С этой точки зрения упоминаемая в Библии «каинова печать» могла обозначать, что убийца полностью отплатил (в том числе в буквальном смысле) за совершенное преступление; целью ее также могло быть изменение вида убийцы до неузнаваемости, чтобы он мог спастись от преследования духом убитого; или приобретение им такого отталкивающего или устрашающего вида, что у духа пропадает охота приближаться к нему.

Сопоставление с широко распространенными мифами позволяет разрешить то противоречие в библейском рассказе, что Бог наложил на Каина печать, чтобы обезопасить его от мести со стороны людей, но мстить Каину некому, потому что все население земли состояло из убийцы и его родителей.

Возможно, в данном рассказе присутствуют отголоски верования, что дух умершего мстит живым, что могло послужить основанием для захоронения предков и заботы о них.

Всемирный потоп

Самая древняя легенда о Всемирном потопе, как и о рае и изгнании из него — шумерская; от них вавилоняне приняли ее вместе с другими элементами цивилизации. Сказанию о потопе больше четырех тысяч лет. Самые древние записи относятся к правлению вавилонского царя Хаммурапи. К тому времени шумеры перестали существовать как отдельный народ, и, стало быть, легенда возникла до занятия семитами долины Евфрата. Легенда о

потопе присутствует в рассказе о сотворении мира, тоже имеющем шумерские корни (Фрэзер даже говорит о шумерской «книге Бытия»). Евреи могли принести с собой эту легенду при их переселении из Вавилонии около 4 тыс. лет тому назад в Палестину или узнать ее от более древних жителей Палестины — хананеян, получивших ее опять-таки от вавилонян.

Представление о потопе не было известно древним ариям, но имелось у дравидов, которых завоевали арии. Здесь та же ситуация, что и в отношении вавилонян к шумерам. Греческая легенда о Всемирном потопе во многих чертах напоминает шумерскую, но греческие историки говорят о трех потопах. Причиной потопа называют дожди, поднятие уровня моря и даже разбитие сосудов с водой. Все было затоплено, кроме вершины одной из гор, на которой спасались люди.

Не все применяли ковчег или лодку. Иногда использовали черепаху с панцирем, покрытым мхом, и т.п. О том, что вода сошла, сообщали голуби и другие птицы, которых выпускал человек с разведывательной целью.

Рассмотрев варианты сказаний о потопе, Фрэзер делает вывод, что их различия не дают оснований усматривать в них копии библейского оригинала, тем более что имеется более древняя шумерская легенда. Многие предания о потопе обусловлены воспоминаниями о действительно происшедших природных катастрофах, что подтверждает тот факт, что они преобладают в местах земного шара, где реально могли иметь место разрушительные наводнения, — на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Америке, на островах Тихого океана, и их мало или почти нет в Китае, Африке, Европе. Найденные высоко в горах раковины морских организмов служили материальным подтверждением подлинности рассказов о потопе.

Вавилонская башня

Данная легенда отражает мотив богоборчества, или желание человека сравниться с богом, за которое бог покарал смешением языков. Исследователи приписывают происхождение сказания

глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников-семитов, попавших сюда из уединенной и безмолвной пустыни. В Вавилоне имелось два огромных храма, которые могли дать повод для легенды о Вавилонской башне, и реальное смешение языков разных народов. На близлежащих территориях также находились храмы-башни, в том числе недостроенные, возведенные в III тысячелетии до н.э., т.е. до рождения Авраама, который мог их видеть.

Аналогичные легенды существуют в Африке и Америке. В сказании о Вавилонской башне выражено и стремление людей после изгнания из рая попасть на небо, т.е. тоска по золотому веку, и стремление узнать, что находится в небесах, которым вдохновляется нынешнее освоение космоса.

У различных народов существуют разные легенды о смешении языков, не обязательно связанные с Вавилонской башней.

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ

Мифология отвечает на запросы становящегося все более рациональным человека объяснить происхождение и развитие мира. Первичная функция мифа, по С.А. Токареву, — ответ на детские вопросы «почему?» и «зачем?». Отвечали также «дети», и ответ с современной точки зрения может показаться детским. Но первобытного человека он устраивал. Для вопросов и ответов использовались достижения предыдущих стадий развития культуры: мифологические сфинксы и т.п.

В социальном аспекте мифология обеспечивает цивилизационное единство народов. Искусство слишком индивидуально и субъективно для выполнения данной миссии. Смысловая сторона мифа отмечена Ницше: «Миф может наглядно восприниматься лишь как единичный пример некоторой всеобщности и истины, неуклонно обращающей взор свой в бесконечное» (*Ницше Ф. Рождение трагедии...* С. 124). Господство мифологии в культуре служит фундаментом становления цивилизации.

Мифология играет такую же интегративную роль в духовном отношении, как реки — в физическом. Впоследствии функция рек

переходит к морям и океанам, а мифологии — к философии, религии и науке. В индийской, а затем греческой цивилизации уже не столько привлекают сами мифы, сколько выводы, которые из них следуют.

Говоря о функциях мифологии, У.Н. Браун пишет: «...если люди простые и неискушенные могут считать миф реальностью, то для посвященных он является только символом, отталкиваясь от которого, они переходят в дальнейшем к строгому и логическому анализу. В этом смысле мифология является как бы преддверием философии» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 333). Браун справедливо подчеркивает преимуществом отраслей культуры, но до философии доходят не все, а лишь достаточно развитые мифологии. Миф проясняет бытие, но пока не на понятийном уровне, как философия.

Мифологическое произведение состоит как бы из двух уровней — верхний, образный, и внутренний, понятийный. Постепенно в процессе роста рациональности мышления ценность верхнего уровня начинает убывать; наконец мифологическая оболочка прорывается, и внутренний уровень выходит на поверхность в своей автономности и самоценности. Это точка перехода от главенства мифологии к главенству философии. Мифология предшествует религии, но непосредственно стыкуется с ней в тех культурах, в которых отсутствует философия.

М. Элиаде обосновал господство мифологии в культуре в течение длительного времени тем, что она обещала, как ранее мистика и искусство, избавление человека от смерти, для чего и возникает вера в богов. Одна из задач мифа — сделать бытие вечным и неизменным, остановить мгновение, чего жаждет человек и для чего создает культуру. Миф, как и культура в целом, выполняет функцию борьбы со страхом смерти.

Мифологический подход играет ту же роль, что и философский, религиозный, научный. Отказ от мифологических представлений не означает, скажем, отказа от жертвенности, но изменяет ее содержание. В мифологической культуре жертвуют в основном животными. На смену приходят добровольные чело-

веческие жертвы. Функции мифа сохраняются другими отраслями культуры, которые выполняют их по-своему.

Каково положение мифа в современном мире? «Мы не можем сказать, что современный миф полностью исключил мифологическое поведение, изменилось лишь поле его деятельности: миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества» (*Элиаде М. Мифы...* С. 39). Следы мифа находят в искусстве, идеологии, политике. Во всех сферах культуры обнаруживается мифологическая сторона, свидетельствующая о значении данной отрасли культуры. Без мифа, писал Ницше, «культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое» (*Ницше Ф. Рождение трагедии...* С. 149). Усилиями Р. Барта и других методологов почти все в культуре стали называть мифом — и религию, и идеологию, и даже науку. В этом есть рациональное зерно: созданный после мифа несет на себе его отпечаток.

Вопросы для повторения

- Что такое мифология?
- Какова связь мифологии с предшествующими отраслями культуры?
- Каковы культурные и социальные причины возникновения мифологии?
- Каковы функции мифологии?
- Какие уровни мифа вы знаете?
- Какие проблемы решает миф?
- Каковы особенности мифологического единства человека и природы?
- Каково значение мифологии для образования цивилизации?
- Какое значение в мифологии имеют жертвоприношения?
- Почему мифы разных народов бывают похожи друг на друга?
- Как мифология объясняет сотворение мира и человека?
- Каков основной сюжет мифа об изгнании из рая?

- Каково отношение в мифологии к убийству?
- В мифах каких народов существовали сказания о Всемирном потопе и почему?
- Каково общее значение мифологии?

Литература

1. Мифологии древнего мира. М., 1977.
2. Древний Восток. СПб., 1995.
3. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
4. *Фрэнгер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
5. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
6. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.

Глава 6

Древний Египет: речные цивилизации

Награда Феникса — возрождение из пепла.

А. Тойнби

В изложении материала отдельных культур сначала представлена их история, затем основные отрасли. В истории нас интересуют моменты, оказавшие влияние на развитие культуры, особенно культурные последствия завоевания одной цивилизацией другой.

ИСТОРИЯ ЕГИПТА

«Aegyptos» — так древнегреческие писатели называли резиденцию фараонов Мемфиса — «жилище богов». Египетскую цивилизацию можно рассматривать как древнейшую из полноценных цивилизаций, т.е. обладающих городами и письменностью. В том, что она находится здесь, нет ничего странного, если, как считают антропологи, родина человека — Восточная Африка. «За четыре тысячи лет до начала нашей эры, т.е. почти шесть тысяч лет тому назад, Египет обладал памятниками, бывшими уже древними для современников основателей Мемфиса; в эпоху первых фараонов эти памятники приходилось уже реставрировать» (*Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 345*).

Из всех древних культур, по Шпенглеру, только египетская обладала исключительной предрасположенностью к истории; все другие, включая греческую и римскую, антиисторичны. Шпенглер подтверждает эту заботу о прошлом и будущем распространением мумифицирования (сюда же относятся пирамиды). По значению, которое придавалось в египетской цивилизации захоронениям, ее можно назвать цивилизацией смерти. Это не удивительно, если вспомнить, что духовная культура как таковая на-

чалась с захоронений сородичей. Бердяев писал, что египетская культура «была основана на жажде вечности, жажде Воскресения, вся была борьбой со смертью. И египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней» (*Бердяев Н.А. О культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 196*). Это подтверждает мысль, что культура возникла как способ борьбы со смертью и преодоления страха смерти.

Историю Египта делят на несколько периодов.

I. Додинастический период — до 3200 г. до н.э.

II. 3200—2620 — период ранних династий после объединения Верхнего и Нижнего Египта в единое царство под властью Менеса.

III. 2620—2280 — Древнее царство.

IV. 2280—2131 — первый переходный период.

V. 2131—1786 — Среднее царство после объединения Египта фиванской династией.

VI. 1786—1575 — второй переходный период: вторжение гиксосов из Азии и установление их власти над Египтом.

VII. 1575—1087 — Новое царство. VIII. 1087—332 — Поздний период.

IX. 332—30 — период Птолемеев, потомков сподвижника Александра Македонского, завоевавшего Египет в 332 г.

X. 30 г. до н.э. — 364 г. н.э. — Римский период: Египет — провинция Римской империи.

Египтяне называли свою страну «двумя землями» — Верхний и Нижний Египет. Это примерно соответствует долине и дельте Нила (так как Нил течет с юга на север, то Верхний Египет находится под Нижним). Египетское государство появилось тогда, когда Верхний и Нижний Египет соединились в результате покорения севера югом. Первой столицей объединенного Египта стал находящийся на границе двух частей Мемфис. Другой знаменитый египетский город, ставший столицей позднее, ставшие Фивы с массивными храмами Карнак и Луксор.

Египтяне называли также свою страну «Черной землей», потому что с обеих сторон Нила находится полоса богатой почвы,

ежегодно удобряемой разливами реки, а окружающую ее пустыню называли «Красной землей». Длина долины Нила примерно 1000 км, ширина — 16 км. С востока и запада «Черная земля» ограничивается Ливийской и Аравийской пустынями, с юга — Нубийской пустыней. «Красная земля» тоже была бесполезной для Египта. Она давала золото и драгоценные камни, медь для изготовления инструментов, известняк, мрамор и т.д. Египет демонстрирует большое значение природных условий для становления цивилизации. Тут и великая река, и то, что она, в отличие от других рек, приносит на поля удобряющий их ил.

Вот как описывает разливы Нила греческий историк I в. до н.э. Диодор Сицилийский: «Тем, кто видит наводнение Нила, оно кажется удивительным... Ибо в то время, как все другие реки начинают убывать во время летнего солнцестояния, а в последующее время лета еще больше мелеют, только он один тогда, начиная подниматься, день за днем увеличивается настолько, что под конец затопляет почти весь Египет. Таким же самым образом он возвращается к прежнему положению, понижаясь за равное время до тех пор, пока не вернется к прежнему состоянию» (Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 28).

Все природные факторы соединились для того, чтобы создавалась великая цивилизация. Но она бы не возникла без тяжелого труда земледельца. «Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под львом. Болеет он постоянно... И едва он возвращается домой вечером, ему вновь надо идти» (Там же. С. 30). Крестьянин подчинялся своему господину и государству, но не был рабом (рабства, по-видимому, не было до конца Нового царства).

Правитель почитался в Египте божеством. По утверждению «Текстов пирамид», фараон существовал еще до того, как возникли небеса и земля. Фараону «принадлежали земля и народ; он даровал все посты, выслушивал все жалобы, предводительствовал всеми войсками и был верховным жрецом каждого бога» (*Мерц Б.* Красная земля, Черная земля: мир древних египтян. М., 1998. С. 146).

Помимо фараонов и крестьян в Египте известны сапожники, пекари, столяры, пчеловоды, кузнецы, рыбаки и т.д., включая

новую профессию — писца. Особенностью Египта было то, что чиновник одновременно мог быть жрецом. «То обстоятельство, что ранняя царская власть и ранняя мифология были фактически одним и тем же, было причиной того, что в Египте управление страной и религия оставались нераздельными на практике до 525 г. до н.э.» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 82). Верховный судья наделялся титулом «жрец Маат». Высшим чиновником был министр, заместитель фараона во всех государственных делах. Этот пост часто занимал принц, и он мог переходить по наследству.

В Египте существовала моногамная семья. Вот какой совет мужу давал мудрец эпохи Древнего царства Птахотеф, оставивший книгу наставлений: «Наполни живот ее, одень спину ее, умащение требуется ее телу. Делай сердце ее довольным, куда ты живешь: она плодородное поле господина своего. Ты не должен состязаться с ней перед законом, держи ее вдали от управления... Да будет сердце ее утешено тем, что тебе достанется» (Цит. по: *Мерц Б.* Красная земля... С. 66—67). Самая известная египетская семья — фараон Эхнатон, знаменитый еретик, заменивший всех богов одним — Атоном, — и его жена прекрасная Нефертити, родившая ему 7 дочерей.

В Египте был широко распространен культ животных, о чем свидетельствует частое изображение богов в виде животных или с головами животных. «А кто убьет ибиса или ястреба, должен во всяком случае умереть», — свидетельствует Геродот (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. С. 38). Символами единства человека и природы были сфинкс и кентавр, и их распространение говорит о том, что в египетской мифологии воплотились представления о существовании полулюдей-полуживотных и даже полурастений, широко распространенные в первобытных обществах. Следствием единства человека с природой было одомашнивание многих животных, в том числе кошки, которая выполняла важную роль у сельскохозяйственных народов, спасая их зернохранилища от грызунов. Одна из почитаемых египетских богинь имела кошачью голову. Найдено много изваяний кошек и даже их мумии, что свидетельствует о том, что они почитались священными или их очень любили.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Мифология египтян неоднородна по сравнению, скажем, с греческой, что не удивительно, так как она более древняя. Обычным было наличие нескольких представлений об объекте. Так, небо изображалось в виде крыльев коршуна, поддерживаемых двумя столпами, коровы и т.д. Отсюда делается вывод, что все представления рассматривались как символы. «Нет сомнения, что в самом начале их истории, около 3000 г. до н.э., египтяне понимали, что идею неба нельзя постичь непосредственно разумом и чувственным опытом. Они сознательно пользовались символами для того, чтобы объяснить ее в категориях, понятных людям их времени. Но поскольку никакой символ не может схватить всю суть того, что он выражает, увеличение числа символов скорее способствует лучшему пониманию, чем вводит в заблуждение» (Мифологии древнего мира... С. 59–60).

В египетской мифологии отсутствует логическая последовательность, что указывает на древность мифов. Каждый бог выполняет много функций, и сами боги часто замещают друг друга. То, что многие из них имеют головы животных, указывает на тотемические корни египетской мифологии. Такие боги — модификации тотемов отдельных поселений.

В доисторических мифологических представлениях фигурирует первобытный океан, из которого поднялся земляной холм «в виде пламени и породил первое живое существо. Это была либо змея, которую рассматривали как первое “тело” любого местного божества в исторические времена, либо жук, впоследствии ставший скарабеем египетской религии» (Там же. С. 67). Эти представления перекликаются с реальным ежегодно повторяющимся освобождением земли, когда нильское половодье идет на убыль. Позже появилось представление о боге Солнца Ра, который создал все на Земле и из слез которого появились люди.

В мифе о сотворении мира верховный бог утверждает, что все создал из первоначального хаоса, который был его отцом. Из вод хаоса выступил бугорок сырой земли. На нем появился Атум, создатель. Он породил бога Шу и богиню Тефнут, воздух и вла-

гу. Шу и Тэфнут породили богов земли и неба Геба и Нут, родивших Изиду, Осириса, Сета и Нефтис. Эта группа составила «гелеопольскую девятку»; Атум слился с богом Солнца Ра и стал называться Ра-Атум.

В другой мемфисской версии творцом мира является Птах, главный бог Мемфиса, а мир создается не физическим процессом, а материализацией слов, являющихся следствием мыслей сердца.

Наиболее значительный в Египетской мифологии и популярный не только в Египте миф об Осирисе известен 5000 лет. Согласно «Текстам пирамид» Осирис был древним царем Египта. Все любили его, за исключением брата Сета, который, завидуя, убил его. Жена Осириса Изида долго искала тело мужа и, наконец, найдя его, воскресила и зачала от него ребенка, Гора. Сет, не успокоившись, во второй раз убив Осириса, разрубил его тело на мелкие куски и разбросал по всему Египту. Изида собирала эти части и хоронила каждую там, где находила. Воскрешенный богами Осирис стал правителем царства мертвых, а сын его Гор, одолев дядю, возвратил отцовский трон. Смерть Осириса — символ ежегодной смерти растительности, воскресающей в побегах следующего года. Это миф о вечном возвращении творящего бога. Погибший бог растительности воскресает в виде новых растений. Предполагают, что находимые в пирамидах кучи зерна могут олицетворять Осириса. Так или иначе, параллель между мифом об убийстве Осириса и основополагающей для Древнего Египта сельскохозяйственной реальностью очевидна.

В последний месяц сезона наводнения, когда вода начинала спадать, в Древнем Египте совершался обряд прорастания зерна и праздновалось воскрешение Осириса. «Ликующий крик “мы нашли его, мы радуемся” громко звучал по всей стране, когда нильской водой смачивали землю и помещали ее с зерном в глиняную форму» (Мифология древнего мира... С. 106).

Данный миф повторяется в сказке о двух братьях Правде и Кривде. Кривда ослепляет Правду, а сын последнего борется с Кривдой на суде, чтобы отомстить за отца. Связь умирающего и

воскресающего Осириса с воскресением мертвых позволяет вспомнить и представление о Фениксе — священной птице древних египтян, сжигающей себя и возрождающейся из пепла.

Миф об Осирисе важен для египтян еще и потому, что человек мог надеяться воскреснуть после смерти, как Осирис. В пользу этого предположения говорит то, что погребальный ритуал повторял легенду об Осирисе, отождествляя покойного с этим богом. А сам гроб делался в форме Осириса.

Миф о борьбе Осириса и его сына Гора с Сетом можно трактовать как борьбу почитаемых на севере богов Осириса и Гора с богом юга Сетом. В мифе Гор побеждает Сета, тогда как в реальности, наоборот, юг завоевал север.

Так как в основе мифов лежат мистические представления, можно комментировать их мистически, что и делает Р. Штайнер. Он интерпретирует миф об Осирисе как миф о рождении мира путем разрывания тела Осириса. Это первое рождение через жертву. Ставший жертвой бог возрождается, чтобы умереть вновь. Осирис — бог-отец, а Изида — великая мать, не только дающая людям пропитание, но и приобщающая их к божественному.

Идея вечного и вселенского бога засвидетельствована в самом начале египетской истории и возникла вследствие политического объединения страны. На звание высшего божества претендовали также бог Фив Амон и бог Атон, которого приказал почитать в качестве высшего и единственного фараон Эхнатон, названный «первой личностью в истории». Попытка ввести монотеизм, предпринятая во II тысячелетии до н.э., погибла вместе с Эхнатоном, который правил с 1419 по 1402 г.

Одним из важнейших для египтян, определявшим их погребальные ритуалы и содержание древнейших текстов, было представление о суде после смерти, который решает дальнейшую судьбу человека. Загробный суд — один из высших культурных принципов человечества наравне с концепцией происхождения и развития мира. На загробном суде, возглавляемом Осирисом, обвинителем был бог мудрости и божественный писец Тот с головой ибиса — очень важный бог, изобретший весьма ценное египтя-

нами письмо, а Анубис, бог с головой шакала, взвешивал сердце покойного на весах, причем оно должно было уравновесить страусовое перо, символ богини истины, закона и справедливости Маат. Рядом был Пожиратель Теней, зверь с головой крокодила, передней частью туловища льва и задней — гиппопотама. Тот заставлял свидетельствовать душу покойного. Вот один из ответов. «Я давал хлеб голодному, воду жаждущему, одежду нагому. Никогда не делал я ничего дурного против какого-либо человека. Я защищал слабого от того, кто был сильнее его. Я судил между двумя людьми так, что они были удовлетворены. Я был почтителен к моему отцу и добр к моей матери. Никогда не брал я вещи, принадлежащие другому. Никогда не говорил я ничего дурного ни против кого. Я говорил правду, я поступал по справедливости» (Цит. по: *Мери Б.* Красная земля... С. 392—393).

Тот объявлял заключение суду, основываясь на показаниях весов. Суд принимал доводы Тота и выносил приговор. Если умерший был оправдан, он получал земельный участок в одну десятину, находящийся в Полях Удовлетворения. В потустороннем мире праведник тоже работал, только злаки там вырастали выше человеческого роста. Но если человек грешил на Земле, его сердце перевешивало перо и приговором была «смерть во второй раз». Если боги решали, что злодеяния человека более многочисленны, чем добрые дела, они отдавали его во власть Пожирателя Теней, который разрывал на части его душу и тело, так что дыхание жизни к нему уже не возвращалось никогда.

Египетская цивилизация имела самый сложный посмертный ритуал из известных на Земле. В основе была надежда на достижение вечной жизни при надлежащем погребении. Погребальные обряды основывались на двух представлениях. «Первое — это вера в то, что умершие вели некое призрачное существование и могли быть враждебны по отношению к оставшимся в живых... Второе... естественное человеческое побуждение снабдить покойного тем, что ему принадлежало, в чем он нуждался и что любил на земле, чтобы он мог радоваться этому и пользоваться этим так долго и таким образом, как только возможно» (Мифологии древнего мира... С. 86).

Древние египтяне заботились о богах и мертвых больше, чем о живых. Что касается богов, то в этом на них похожи некоторые другие нации, а вот что касается мертвых, то здесь египтяне уникальны. Для них, как потом для Гильгамеша, смерть была врагом № 1, которого нужно победить во что бы то ни стало. Для этого строились пирамиды и применялось бальзамирование. К этому прибавлялась боязнь духов умерших и вреда, который они могут причинить оставшимся в живых (это характерно в наибольшей степени для китайской культуры, но также и для египтян). В «Письмах к мертвым» муж спрашивает у своей покойной жены: «Что дурного сделал я тебе, за что должен был я прийти к такому жалкому состоянию, в котором я нахожусь?» (Цит. по: *Мерц Б.* Красная земля... С. 327).

Египтяне считали, что на подобающее существование после смерти нельзя надеяться без надлежащего погребения. Это относилось ко всем людям, но особые размеры приобрело в отношении к правителям. Фараон в соответствии с египетской мифологией с начала первой династии считался богом Гором, который изображался в виде сокола. Таким образом, Гор представлялся троицей из небесного царя, земного царя и сокола. Цель египетской космологии состояла не только в том, чтобы объяснить происхождение мира, но и доказать божественность царя. Вот отрывок диалога, который происходит после смерти царя с его сыном, становящимся царем и богом.

«Вопрос: Ты человек. Это твой отец Гор.

Ответ: Я бог Гор, потому что мой отец — Гор, умер. Он стал Осирисом, потому что тело его погребено в земле, как зерно, а его дух поднялся к небу в виде растительности.

Вопрос: Как случилось, что Гор, бог умер?

Ответ: Смерть бога не может произойти иначе, как посредством убийства. Только равный Гору, его брат Сет, имел достаточно силы, чтобы убить его» (Мифологии древнего мира... С. 76).

Боги давали царям новую жизнь. Как зерно, прорастая в земле, возрождается, так и фараон, обретя вновь душу, возрождается. Тело его должно сохраняться и быть готовым к тому, чтобы в

него снова вошла душа. В сохранении тела суть мумификации, что может стать причиной бальзамирования и в наше время. Смысл строительства пирамид понятен из следующих слов: «Умерший царь становится Осирисом в своей гробнице, где должен теперь начаться цикл трансформации: мертвый бог будет рожден вновь» (Там же. С. 84).

Египтяне верили в то, что умершие продолжают существовать. Пирамида была местопребыванием тела бога, обожествленного и преображенного царя. Все излишки средств шли на строительство пирамид для фараонов, саркофагов — для элиты, что считалось важнейшим делом. Пирамиды, как и сфинксы, стали символами египетской цивилизации.

Божественность фараона можно интерпретировать как его приобщение к вечному, находящемуся в человеке. После ознакомления с мистикой понятны слова Штайнера, что «Осирис, как мировое существо, есть Единый, и однако он пребывает неделимо в каждой человеческой душе. Каждый человек — Осирис, но тем не менее должен быть представлен и Единый Осирис, как некое определенное существо. Человек подлежит развитию, и в конце пути его ожидает божественное бытие... Живя, как Осирис, и проделав все, что проделал он, человек становится совершенным. Миф об Осирисе приобретает, так сказать, более глубокое значение. Он становится прообразом того, кто хочет пробудить в себе вечное» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 79—80).

Древний Египет — это классическая цивилизация мистерий. Мистерии в духовном аспекте столь же характерны для египетской культуры, как в материальном — пирамиды и мумии. Основу мистерий составляет борьба между низшей, животной, и духовной природой. Мистерия является формой приобщения к высшему знанию. «Человек, стремящийся к высшему бытию, должен микрокосмически повторить в себе макрокосмический мировой процесс Осириса. Таков смысл египетского “посвящения”... Все, что мы знаем об обрядах посвящения, получает свое объяснение отсюда. Человек подвергнулся таинственным про-

цедурам. Этим убивалась его земная природа и пробуждалась высшая» (Там же. С. 80—81).

Вера в загробный мир не была безусловной и разбавлялась скептицизмом. «Никто еще не приходил оттуда, чтобы рассказать, что там», — читаем в одном из текстов.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Египетская письменность, изобретенная более 5000 лет назад, представляла собой употребление рисунков в виде знаков. «Некоторые знаки обозначали звуки, другие — идеограммы и целые слова, третьи — целые классы объектов, к которым принадлежало слово» (*Мерц Б.* Красная земля... С. 136). А. Кребер говорит о трех стадиях развития письменности. Первая — изобразительное письмо. Следующая — стадия ребуса, когда рисунки используются для обозначения звуков, смыслов и вещей (скажем, рисунок медведя может изображать само животное, идею силы или звук «медведь»). Третья стадия — фонетическая, когда знак изображает только звук. Египтяне дошли до второй стадии. Нет ничего удивительного в том, что самая древняя письменность менее абстрактна и ближе к рисунку. Это показывает генезис письменности.

Египтяне писали иероглифами. В буквальном переводе слово «иероглиф» означает «священные письмена», так как вначале письменность воспринималась как нечто священное и использовалась в религиозных целях. Из иероглифического письма образовалась скорописная форма — иеротическое письмо. Изобретение письменности создало основу для политического объединения Египта в единое государство, что, в свою очередь, вело к развитию целостной мифологической системы и единого стиля в архитектуре и изобразительном искусстве.

Письменность возникла и ценилась помимо ее практического значения также потому, что сохранение имени даже в чьей-то памяти означало сохранение личности после смерти, а это желание было главным в египетской культуре. «Человек угасает, тело его становится прахом, все близкие его исчезают с земли. Но пи-

сания заставляют вспоминать его устами тех, кто передает это в уста других» (Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 53).

В эйфории письменности сам факт письма окружался ореолом. Писцы пользовались таким почетом, какого эта профессия никогда позже не имела, и принадлежали к высшему слою общества. Вот каких возвышенных тонов достигает «Прославление писцов»:

«Их пирамиды — книги поучений,

Их дитя — тростниковое перо,

Их супруга — поверхность камня» (Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 102—103).

В одном из рассказов отец говорит сыну, поощряя его учиться: «Писец в Египте... поважнее фараона... Смотри, нет должности, где бы не было начальника, кроме должности писца, ибо он сам начальник» (Хрестоматия по истории древнего мира... С. 30). Несомненно значение подобной профессии в централизованном бюрократическом государстве. И все же так могли относиться к письменному слову только в культуре, в которой оно возникло.

Лишь постепенно отношение к письменности подходило к настоящему. Вико пишет об одном английском законе, по которому присужденный к смерти, если он умел писать, оставлялся в живых. Во многих языках слово «грамотный» рассматривалось как синоним слов «ученый», «знающий». И в русском языке слово «грамотный» до сих пор сохраняет это как одно из значений. В XIX в. Т. Карлейль писал: «Выражать незримую мысль, существующую в человеке посредством написанных букв, — это величайшее изобретение, какое только сделал когда-либо человек. Это в некотором роде вторая речь» (*Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994. С. 26).

Писали египтяне на папирусе, керамике и камне тонкими тростинками, расплюснутыми или разжеванными с одного конца в виде кисточки, обычно черной твердой краской, сделанной из сажи, которую разводили водой. Использовались красивые иероглифы-рисунки и иеротическая скоропись.

К древнейшим относятся тексты, которые высекали на стенах пирамид. Тексты пирамид представляли собой магические заговоры, призванные помочь преодолеть опасности, подстерегающие душу на ее пути к Земле Вечности, и обеспечить благоприятную жизнь в ней.

Тексты пирамид сменились Текстами саркофагов. Знатные люди в своих гробницах описывали и изображали свои деяния. Это обязывает. Надо думать о том, что будешь писать и что будут читать о тебе после смерти. Около 3600 лет назад на основе Текстов пирамид и Текстов саркофагов была составлена записанная на папирусных свитках так называемая «Книга мертвых». Египтянам принадлежат древнейшие в мире сказки. «Так вот, если мужествен, овладей собой!» — советовал добрый змей в самой древней сказке «Потерпевший кораблекрушение», которой 4000 лет. Многие сюжеты, хорошо известные по сказкам разных народов, — кораблекрушения, троянский конь и т.д. — первоначально встречаются в Древнем Египте.

В Египте существовали жанры любовной лирики, гимна, молитв и заклинаний, но не было драмы, эпоса и исторических сочинений. «Поскольку он, царь, был единственным посредником и связующим звеном между людьми и богами, мотив героя, вторгающегося в мир богов, чужд египетской мифологии» (Мифология древнего мира... С. 70).

Египтяне очень любили музыку. Флейта, арфа и гобой появились в эпоху пирамид.

Искусство Древнего Египта строго подчинялось канонам, что понравилось Платону, оставившему в своем идеальном государстве только египетское искусство. Недаром египтянам принадлежит слово «манерос», обозначающее соблюдение умеренности во всем. Постоянство канонов египетской культуры, ее неизменность на протяжении долгого времени объясняется относительной изоляцией, отдаленностью от других культурных центров.

Самые знаменитые архитекторы Древнего Египта: Имхотеп, которому принадлежит первая в истории пирамида царя Джосера из третьей династии (Древнейший период), послужившая об-

разцом для подобных сооружений (он был также врачом, за что древние греки отождествили его со своим богом Асклепием); Аменхотеп, живший на 1000 лет позже и создавший Луксорский храм и обелиски Мемнона; Сенмут, автор погребального храма царицы Хатшепсут в Деир-Эль-Бахри.

Ранние пирамиды были ступенчатыми, на более поздних ступени заполнялись и стены делались гладкими. Почему пирамиды имели такую форму и высоту? Одно из объяснений заключается в том, что пирамиды были символами восхождения в область Ра, куда надеялся попасть умерший царь. Ступенчатая пирамида напоминает лестницу, а гладкие склоны — наклонные лучи солнца.

Помимо пирамид строились гробницы в скалах и в виде обычных домов порой с подземными погребальными камерами и поминальными храмами отдельно (не путать с храмами, в которых почитались боги, хотя иногда царские поминальные храмы также служили домами богов). Во времена Второго переходного периода сформировалась классическая форма гроба — деревянный со множеством надписей и рядами сценок или фигурок богов. Во времена Тутанхамона у царей было три гроба, вставленных один в другой, и они помещались в каменный саркофаг.

Большая часть произведений искусства Древнего Египта имела утилитарную функцию и служила тому, чтобы мертвый имел в загробном мире все вещи и удовольствия, которые изображались в росписях гробниц. Здесь подтверждение того, что искусство обязано своим происхождением магии. Древнеегипетское искусство служило в основном загробным целям. В основе его лежит вера (а скорее тяга) к вечности.

Канон искусства был выработан в середине 2-го тысячелетия до н.э. В египетском рисунке отсутствует перспектива. Лицо и ноги изображались в профиль, а глаза и плечи — анфас. Так проще. Еще одно объяснение исходит из того, что такие изображения полнее, что требуется для магических целей наиболее подробного изображения предмета.

Египетские статуи тоже следуют канону. Они фронтальны и квадратны, т.е. почти все линии параллельны или находятся под

прямым углом (особенно квадратно сидящая скульптура, одна из наиболее распространенных). Вторая черта египетской скульптуры — отсутствие узнаваемости, индивидуальности изображенного человека.

Одно из самых знаменитых произведений искусства Древнего Египта — бюст Нефертити — найден при раскопках в Амарне, городе, в который на недолгий срок своего царствования перенес столицу Эхнатон, в мастерской скульптора Тутмоса. Следует сказать, что в правление Эхнатона искусство отходит от жестких канонов и следует так называемому принципу «маат», что значит «правда», а специалистами по египетскому искусству трактуется как «искренность» (сейчас сказали бы «реализм»). Этот период в развитии искусства называется амарнским. После смерти Эхнатона при Тутанхамоне, знаменитом сокровищами своей гробницы, обнаруженными в начале XX в., столицей опять стали Фивы.

НАУЧНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Научные знания в Древнем Египте не отделялись от мифологических и магических. Науки как таковой не было, как и независимых от магии знаний. Медицинские рецепты были тесно связаны с заклинаниями. На примере Древнего Египта видим, как постепенно наука и техника отпочковывались от магии и мифологии. Развитие бальзамирования, скажем, всецело определялось желанием вечной жизни, подкрепленным египетской мифологией, и это способствовало накоплению медицинских знаний.

Технология в Древнем Египте не основывалась на науке, хотя использовала научные законы, не формулируя их.

По поводу строительства пирамид Б. Мерц пишет: «Не имея железа, не имея машин, обладая одной лишь мускульной силой человека и человеческой волей, они вырубали в карьерах эти монументальные камни и раскладывали их по своим местам» (*Мерц Б. Красная земля... С. 247*). Для самой большой пирамиды царя четвертой династии Хеопса (примерно 2600 лет до н.э.) понадобилось более 2 млн блоков известняка, самый большой из которых весил 15 тонн, а в среднем 2 тонны каждый. Стены

почти точно ориентированы по сторонам света. Каждая из сторон имеет длину более 200 м, а высота около 150 м. «Каменные блоки изготовлялись с помощью каменных и медных орудий и для подъема их на высоту 150 м использовались только насыпи и рычаги» (Мифологии древнего мира... С. 66).

Геродот пишет об обстоятельствах строительства пирамиды Хеопса: «Царь Хеопс подверг Египет всевозможным бедствиям... Он заставил всех египтян работать на себя. Одних он заставил перетаскивать камни из каменоломен Аравии до самого Нила. Другие должны были тащить эти камни, переплавленные через Нил на плотях, до так называемого Ливийского хребта. Так работало около 100 000 человек в течение трех месяцев каждый. Народу пришлось около 10 лет трудиться только над проведением дороги, по которой тащили камни... Постройка же самой пирамиды продолжалась 20 лет» (Цит. по: Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956. С. 7—8). Быть богом и сыном бога обязывало, и мы не знаем о фараонах ничего особенно плохого помимо того, что они были готовы на все ради пирамиды. Про Хеопса Геродот говорил, что он был настолько подл, что отдал свою дочь в публичный дом.

На примере Древнего Египта хорошо видна противоположность индивидуально-творческого характера культуры и массово-организационного характера цивилизации. Строительство пирамид по своей организации было таким сложным делом, как и работа современных машин, только составными частями ее были люди, а не материальные объекты.

С магической верой в единство тела и души связана мумификация: с душой будет все хорошо, если тело сохранится, и человек будет жить в раю так долго, как долго сохранится какая-нибудь часть его в этом мире. Объясняют бальзамирование и верой в возвращение души в свое тело. В любом случае здесь присутствует то же желание вечной жизни, которое выражено героем ближневосточного эпоса Гильгамешем.

Идея бальзамирования, т.е. преднамеренного сохранения тела от разрушения, возникла благодаря тому, что иногда тела слу-

чайно сохранялись. Мумификация — одна из форм бальзамирования, являющаяся в основном процессом высушивания, — применялась в древности в различных странах Старого и Нового Света, причем автономно в каждой из стран. Мумифицирование в Египте, наиболее удачное и известное, стало распространяться после строительства Великих пирамид. В развитом к Новому царству варианте мумии высушивались с помощью соды.

Древнеегипетской цивилизации присущ высокий уровень медицинских знаний. Египтяне открыли пульс. Медицинские папирусы, найденные в Египте, являются самыми древними научными сочинениями мира.

Около 2800 г. до н.э. засвидетельствованы первые юридические документы.

В Древнем Египте развивалась математика. Египтяне пользовались десятичной системой, в которой одна черта обозначала единицу, две — двойку и так до 9. Особые знаки были для 10, 100, 10 000 и 1 000 000. Более громоздкая, чем римская и арабская, египетская математика не выходила за рамки арифметики, построенной в основном на сложении.

Египтянам принадлежат самые древние географические карты. Египетский календарь включал 12 месяцев по 30 дней плюс 5 дополнительных. Не совсем точно, но лучше лунного календаря, который применяли другие народы. Египтяне делили день и ночь на 12 частей, но их час различался по длине в зависимости от времени года. Имелись солнечные и водяные часы.

Около 3000 г. до н.э. был изобретен гончарный круг. Египтяне умели обрабатывать металл, изготавливать папирус, вино и пиво, фаянс, стекло и керамику. Из папируса делались древнейшие египетские лодки. В эпоху Нового царства появился колодец «журавль».

По мере усиления контактов с другими народами шел прогресс в военной области. Когда из Азии вторглись гиксосы, то вместе с ними пришли кони и колесницы, ставшие элитной частью египетского войска. В Новом царстве стали применяться шлем и латы в виде полотняной или кожаной рубашки, покрытой перекрывающимися металлическими пластинами.

Вопросы для повторения

- Каковы главные особенности египетской цивилизации?
- Почему египетскую цивилизацию называют «цивилизацией смерти»?
- Каковы причины становления египетской цивилизации?
- Какие основные мифы существовали в Египте?
- В чем суть мифа об Осирисе?
- Каково содержание мифа о загробном суде?
- Каков смысл погребальных обрядов в Древнем Египте?
- Для чего строились пирамиды и применялось бальзамирование?
- Что такое мистерии?
- Расскажите о египетской письменности и роли писцов в Древнем Египте.
- Каковы стадии развития письменности?
- Расскажите о самой древней книге.
- Какие жанры литературы существовали в Древнем Египте?
- Каковы особенности египетского изобразительного искусства?
- Какие научные и практические знания существовали в Древнем Египте?

Литература

1. Древнеегипетская проза. М., 1978.
2. Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956.
3. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
4. *Мериц Б.* Красная земля, Черная земля: Мир древних египтян. М., 1998.
5. *Монтэ П.* Египет Рамзесов. М., 1989.
6. *Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.

Глава 7

Цивилизации Ближнего Востока

Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе...

И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Бытие

ИСТОРИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ

Междуречье, или Месопотамия (от греч. *mesos* — средний, *potamos* — река), находится между двумя великими реками Ближнего Востока — Тигром и Евфратом. Именно на Ближнем Востоке, скорее всего, произошла неолитическая революция, так как здесь встречаются дикие виды животных, которые были одомашнены и окультурены.

К началу 3-го тысячелетия до н.э. в Южной Месопотамии существовала цивилизация шумеров, представлявшая собой в политическом отношении города-государства Ур, Урук и т.д. Шумеры, племена неизвестного этнического происхождения, освоили болотистую, но очень плодородную долину рек Тигра и Евфрата, осушили болота и, создав систему искусственной ирригации, справились с нерегулярными, порой катастрофическими разливами Евфрата. «Дикие орды семитов, нахлынувшие за несколько тысячелетий до нашей эры из Аравийской пустыни в плодородную долину Нижнего Евфрата, застали там уже сложившуюся

ся цивилизацию. Потомки первобытных бедуинов постепенно перенимали искусство и нравы покоренной страны точно так же, как гораздо позднее северные варвары позаимствовали известный культурный лоск от покоренного ими населения Римской империи» (*Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 74). С фактом заимствования культуры побежденных народов победителями мы будем встречаться неоднократно.

Период с 2316 по 2176 г. до н.э. называется Аккадским, так как вождь новых завоевателей Саргон объединил весь Шумер и построил новую столицу Аккад. Он же учредил, по-видимому, первое регулярное войско и ввел практику поголовного порабощения населения покоренных городов. Но шумерская культура победила поработителей, хотя сами шумеры исчезли. Из слияния шумеров и аккадцев появился народ, говоривший по-аккадски — вавилоняне. Шумерский язык к тому времени становится мертвым языком науки и искусства.

Город Вавилон (от «Баб-Или» — «врата бога») возвысился в XIX в. до н.э., когда его цари объединили под своей властью Междуречье. Объединение завершилось в середине XVIII в. до н.э. при царе Хаммурапи (1792—1750). Государство, созданное Хаммурапи, получило название Вавилонии от своей столицы (по нынешней терминологии Старовавилонское царство). При нем был издан и введен в действие свод законов, известный как законы Хаммурапи. Прокламируемая цель законов — «чтобы сильный не угнетал слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове» (Хрестоматия по истории древнего мира... С. 57). Отец не имел права лишить сыновей наследства и был обязан обучить их своему ремеслу. Регулировались отношения между должниками и кредиторами и т.д.

С XVIII по XIII в. до н.э. существовало Хеттское царство со столицей, находившейся примерно в 100 км от нынешней Анкары. Около 1595 г. до н.э. Вавилон был разграблен царем хеттов Мурсалисом I.

В начале XIV в. до н.э. в северной Месопотамии образуется Ассирийское государство (по названию столицы Ашшур), кото-

рое достигает возвышения в XII—XI вв. до н.э. и становится могущественным государством Передней Азии, подчинив Вавилон и даже Египет. Ассирийцы захватили Вавилон, но восприняли его культуру. Они были на редкость жестоки и заслужили эпитет «сеющие разрушения». Чего стоит один Сарданапал! «Я их (врагов) отводил в свою столицу Ниневию и повелевал сдирать с них живых кожу... непокорный народ по моему повелению отводили к великим каменным быкам, воздвигнутым дедом моим Сеннахеримом, бросали их там в ров, отрубали им члены, бросали на растерзание собакам, лисицам и хищным птицам, для того чтобы обрадовать сердце моих повелителей, великих богов» (Цит. по: *Мечников Л.И.* Цивилизации... С. 402). Хорош и его менее известный дедушка, с которого брал пример внук: «Мои трофеи плавали в крови, как в реке, мои колесницы давили людей и животных и терзали еще трепетавшие члены врагов. Я воздвиг себе пирамиды из убитых мною врагов; всем тем, кто падал и сдавался, я велел отрубать руки» (Там же).

У ассирийцев был высокий уровень военной техники. «Победоносные ассирийские войска были первыми в мире, полностью экипированными железным оружием» (*Фейблман Д.* Типы культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 211). Д. Фейблман приводит их как пример военного типа культуры, который он отличает от религиозного и цивилизационного. «С другими культурами они поступали просто: все, что не могли забрать или увести с собой, уничтожали... На военную культуру, как правило, оказывает влияние лишь самое худшее, сохранившееся от культур, в контакт с которыми она вступает... Военная культура в конце концов оказывается побежденной тем, против чего она воевала» (Там же. С. 212).

Наш век не удивишь жестокостью. Невероятным кажется феномен, с которым будем не раз сталкиваться дальше: победители не могут уничтожить культуру народа, если она более развита, и в конечном счете, несмотря на физическую победу, воспринимают ее и подчиняются ей. Культура Вавилона не только устояла перед этими хищниками в человеческом облике, ставши-

ми олицетворением злодейства, но победила их. «Историческая миссия ассирийских царей выражалась в распространении по всем странам, прилегающим к бассейну Евфрата и Тигра, завоеваний халдейской цивилизации. А для исполнения этой своей миссии в эту эпоху у них не было никаких других средств, кроме абсолютного деспотизма, кроме угнетения, доведенного до крайности», — великодушно оправдывает извергов Л.И. Мечников (*Мечников Л.И. Цивилизации... С. 403*).

С Сарданапала и до него, с самого начала цивилизации человек оказался по колено в крови, сопровождавшей его на всем пути. Можно сказать, что культура прорывается к небу и, увы, все время оступается и скатывается в кровавый поток. Как только какая-либо отрасль культуры становится господствующей, она сразу начинает активно уничтожать соперников. Термин для обозначения этого феномена — подмена — и его объяснение дано ниже.

В конце VII в. до н.э. вавилоняне наносят Ассирии поражение, после которого Нововавилонское царство существует до захвата его Персией в 539 г. до н.э.

МИФОЛОГИЯ И ИСКУССТВО ШУМЕРА

Мифологию Ближнего Востока делят обычно на три группы: мифология Шумера и Аккада, хеттская и ханаанская. Говоря о различиях между мифологией первобытных народов и развитой мифологией Ближнего Востока, следует отметить, что за последней чувствуются серьезные теологические и космогонические размышления, которые остаются на заднем плане, постепенно накапливаясь, чтобы в свое время и в своем месте прорвать мифологическую оболочку.

Наиболее важным божеством шумерского пантеона был отец богов, «царь неба и земли» Энлиль. Он отделил небо от земли, произвел на свет «все полезное», изобрел для возделывания земли мотыгу, сотворил все деревья и злаки, установил изобилие и процветание, т.е. имел все черты культурного героя, который знаком по мифам первобытных народов. Энлиль способен принимать облик других богов — пример божественных метаморфоз,

наводящий на мысль, что египетская неоднозначность богов может иметь такую же причину. Недаром Э. Кассирер в качестве характерной черты мифологического мира предлагает закон метаморфоз, в соответствии с которым внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Метаморфозы рассматриваются Д. Вико как способ различения формы и субъекта на пути овладения абстрагированием формы и свойств от субъекта, т.е. как шаг рационализации.

Культурным героем был и бог воды Энки, который занимался творчеством в своей сфере, создавая дождь, болота и тростниковые заросли и населяя их рыбой. Он же составляет божественные законы, управляющие вселенной и следит за их действием.

Соотношение между шумерскими богами, как и между египетскими, не очень понятно, но постепенно в Вавилоне оно проясняется. Трансформация культуры дает возможность проследить ее рационализацию.

В Шумере было развито представление о рае как божественном саде, которое затем перешло к вавилонянам и в Библию (это же относится к древу познания добра и зла, сотворению Евы из ребра Адама, всемирному потопу и др.). Прототипом рая (эдема), возможно, явился о. Бахрейн. Миф о потопе возник после действительного наводнения в Южной Месопотамии в 3-м тысячелетии до н.э.

В египетской мифологии главным является мотив жертвы Осириса, этот же мотив основной у шумеров. Он изложен в тексте «С Великих небес к Великим недрам». Тут еще не ясно, почему богиня плодородия Инанна должна спуститься в подземный мир, чтобы воскурить погребальные травы супругу ее сестры Эрешкигаль, хозяйке подземного царства, «взгляд которой смерть». Если судить по аналогии с египетским мифом, речь идет об одной из основных структур мифологического мышления, которая имеет параллели в сельскохозяйственном производстве. Для всех сельскохозяйственных культур характерно представление об умирающем и воскресающем боге. Покинуть «страну без возврата» можно, но

Кто из спускавшихся в мир подземный
Выходил невредимо из мира подземного?
Если Инанна покинет «Страну без возврата»,
За голову голову пусть оставит!
(Поэзия и проза Древнего Востока... С. 151)

Так говорят злобные духи подземного мира, осуществляющие его законы, — демоны «галла», которые

Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Из объятий человека вырывают жену,
От груди кормилицы отрывают дитя (Там же).

У шумерского мифа есть параллели и с греческим мифом об Орфее и Эвридике. Разница при сохранении структуры в том, что сама Инанна убивает своего супруга Думузи, который заменяет ее в подземном мире. Почему Инанна отдает демонам не своего слугу, а возлюбленного, можно лишь гадать, так как объяснения нет, да и напрасно было бы на данной стадии развития мифологии его ждать. Думузи удастся бежать с помощью бога, который «в лапы ящерицы руки его превратил, в лапы ящерицы ноги его превратил», и демоны снова подступили к Инанне, упрекая ее, что она ушла из подземного мира, не обеспечив замены. Тогда Инанна в страхе вцепилась в руку Думузи: «О юноша! Ноги свои в кандалы продень! О юноша! В ловушку бросься! Шею в ярмо продень!» (Там же. С. 154). Вторично бог спасает Думузи, превратив в горную змею. Демоны снова нашли его у сестры Гештинанны, которая готова на жертву ради брата, и наконец решение демонов относительно Думузи:

Твой срок — половина года,
Твоей сестры — половина года!
День твой да придет,
И в день тот вернешься.
День твоей сестры придет,
И в день тот она вернется (Там же. С. 165).

Так решается проблема замены, а шире — проблема жизни и смерти.

Противоречивое поведение Инанны — она оставляет в подземном мире своего возлюбленного вместо себя и сама же плачет о нем — не смущало современников. Очевидны параллели этого мифа и с греческим мифом о Деметре и Персефоне.

Первоначальная шумерская письменность к началу III тысячелетия до н.э. была пиктографической и состояла из более чем 1,5 тысяч знаков-рисунков, которые возникли на основе системы «учетных фишек» (6—4-е тыс. до н.э.), регистрировавших передачу тех или иных продуктов. Затем фишки заменили оттиски, а их — процарапанные палочкой значки-рисунки. Каждый рисунок означал слово или несколько слов. Постепенно количество значков сокращалось, и в результате их упрощения и схематизации появились клинописные (состоящие из комбинаций клиновидных оттисков, оставляемых концом трехгранной палочки) знаки. Они означали не только слова, но и отдельные слоги. Такая форма письменности более совершенна, чем египетские иероглифы.

С середины 3-го тысячелетия до н.э. шумерская клинопись использовалась аккадцами, завоевавшими Шумер. В начале 2-го тысячелетия до н.э. ее заимствовали хетты. Около 1500 г. до н.э. жители Угарита (город-государство в Финикии) на ее основе создают свою упрощенную слоговую клинопись, которая, возможно, повлияла на формирование финикийского алфавита. Другим ранним письмом было протобиблское (Библ — город в Финикии). В протобиблском письме было 30 знаков, но в XIII в. до н.э. это число было сокращено до 22. Финикийцы изобрели алфавит примерно 3 тыс. лет тому назад, и, таким образом, до этого момента прошла половина времени от изобретения письменности. В финикийском алфавите не было гласных букв. Они появились в созданных на основе финикийского греческом и фригийском (малоазиатский народ) алфавитах.

Шумерские произведения безличны. Иногда имеется примечание «записано из уст бога» или даже «из уст коня».

Отношение к писцам напоминает египетское. В стихе «Труд писцов, собратьев моих» отец говорит сыну: «С тех пор Энки все-му название дал, столь искусной работы, как дело писца, что я избрал, не могу назвать!» (Поэзия и проза Древнего Востока... С. 141). Здесь же говорится о важности традиций: «Сын да наследует дело отца! А не то — ни почета ему, ни привета!» (Там же). Письму обучали в специальных школах — «эдуббах», или «домах табличек».

По древней шумерской одежде легко определить, что первоначально люди носили шкуры животных. Она имитировала мех, напоминая его длинными ткаными полосами. Любовь к меху переняли потом ассирийцы. Их плащи первоначально также были отделаны мехом, который впоследствии стали заменять напоминающей его бахромой. Длина плаща зависела от общественного положения лица. Высшие слои носили длинные по щиколотку плащи, низшие и воины — короткий плащ.

МИФОЛОГИЯ И ИСКУССТВО ВАВИЛОНА

Основные сюжеты ближневосточной литературы выходят из шумерских. Аккадцы, завоевав шумеров, восприняли их культуру, которая потом прошла через Вавилон и Ассирию. Мифы вавилонян и ассирийцев связаны с их шумерскими прототипами. Два из них — «Сошествие Иштар в Подземное царство» и рассказ о потопе — почти идентичны шумерским. Структура мифов и содержание остались неизменными, но богам дали иные имена. Богиня любви, плодородия и восхода Инанна превратилась в Иштар, Энлиль в Эллия (бог воздуха, ветров и обитаемой земли, царь богов), Энки в Эйя (водный бог и бог мудрости).

Главным богом вавилонского пантеона был Мардук. Вавилонский миф о мироздании в основе своей восходит к шумерам. Найденный во время раскопок в г. Ашшуре, он написан на 7 глиняных табличках, причем каждая из них соответствует описанию одного из этапов мироздания. Первоначально существовал известный нам хаос в виде чудовища Тиамат. Мардук разрубил его тело на две части. Из верхней он создал небо со звездами, из ниж-

ней — землю с растениями и животными. Затем из глины, смешанной с кровью одного из богов, он вылепил первых людей по своему образу и подобию.

Для мифологии Ближнего Востока характерно «творческое слово», о котором писал Н. Гумилев и которое в качестве главного начала присутствует в Библии. Достаточно что-то сказать в мифе, как слово немедленно превращается в деяние. Здесь мифология продолжает то, что характерно для искусства.

Культурные герои находятся во взаимодействии с богами, и судьбы людей и богов тесно переплетены. В эпосе как жанре действуют вместе боги и люди. Сравнивая шумерские песни-сказы о Гильгамеше с самым известным на аккадском языке вавилонским эпосом о Гильгамеше, видим, как отдельные волшебные сказки-былины соединяются в эпопею. Сохраняя все шумерские сюжеты, вавилонская литература более последовательна и логична. Появляется единый авторский замысел, компоновка материала становится более продуманной, мысль более глубокой. Здесь видна та же тенденция рационализации — меньше повторов, больше логической связанности, но еще не все четко и понятно, как и следует на заре цивилизации при переходе от мистического искусства к мифологии. Эпос способствует синтезу мифов и становлению мифологии как целостной системы. Э. Кассирер интерпретирует культуру как плод платонической любви, которая, в свою очередь, определяется как желание бессмертия. Эпос о Гильгамеше иллюстрирует этот вывод.

Гильгамеш — по-видимому, исторический персонаж, царь, который жаждет славы и бессмертия.

В моем городе умирают люди, горюет сердце!
Люди уходят, сердце сжимается!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я?
Воистину так, воистину так!

(Поэзия и проза Древнего Востока... С. 130).

Гильгамеш является типичным культурным героем, встречаемым на всех этапах развития культуры. Таким образом цивилизация фиксирует и запоминает созданное до ее возникновения. Гильгамеш защищает свой народ от захватчиков, хотя все в руках бога:

Без Энлиля, Могучего Утеса,
Не выстроен город, не заложен поселок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рожден,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска (Там же. С. 139).

И дальше, напоминая библейское: «Твои замыслы кто угадает? Твои тайные силы никому не подвластны!» и еще: «Слово твое небесам опора, слово твое земле — основа! Сия хвалебная песнь богу — превыше всего», — заключает гимн Энлилию (Там же).

Устроив дела в своем городе, Гильгамеш решает добыть славу в борьбе с природой. Это имеет материальное основание, так как в период становления сельскохозяйственной цивилизации необходимо рубить леса. Бог Ану на совете богов говорит: «Умереть подобает тому, кто у гор похитил кедры!» (Там же. С. 191), но Эллил предлагает, чтобы умер друг Гильгамеша Энкиду, а не он сам. Так и случилось. «Его постигла судьба человека!», сокрушается Гильгамеш (Там же. С. 201).

После смерти Энкиду Гильгамеш, по его собственным словам, устрасился смерти и убежал в пустыню.

Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков? (Там же. С. 201–202).

Хозяйка богов убеждает Гильгамеша:

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали (Там же. С. 206).

Человек не должен стремиться к невозможному. Сам погибший Энкиду пытается убедить Гильгамеша, что он должен выполнить свое человеческое предназначение:

Издревле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец пашет землю, урожай собирает,
Пастух и охотник со зверьем обитает,
Надевает шкуру, ест их мясо.
Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало (Там же. С. 199–200).

Но Гильгамеш безутешен. Главная мечта его теперь — обрести вечную жизнь. Мотив борьбы со смертью — основной в эпосе о Гильгамеше.

Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка (Там же. С. 211).

Великие боги ведают судьбой человека.

Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому! (Там же).

Вспоминая о египетских пирамидах и мумиях, можно сказать, что египтяне практически стремились к тому, чего так страстно желал Гильгамеш. Страдания Гильгамеша по поводу неизбежности смерти напоминают страдания Будды.

Что же делать,
Утнapiшты, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду! (Там же. С. 218).

Стремясь обрести бессмертие, Гильгамеш проходит путем солнца в подземном мире после того, как оно умирает, чтобы утром возродиться снова. Наконец, единственный бессмертный чело-

век Утнапишты дает Гильгамешу цветок вечной молодости, но змея крадет его.

В эпосе о Гильгамеше встречаем сказание о всемирном потопе. Боги решают устроить потоп на своем совете, но один из участников, светлоокий Эа сообщает о решении богов хижине и через нее дает совет человеку:

Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилие, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое (Там же. С. 212).

Так Утнапишты и сделал. Высота бортов ковчега была 60 м, площадь ковчега 1/3 га. Дождь и страшная буря продолжались 7 дней, так что сами боги раскаялись в своем поступке. Выпущенный из ковчега через 7 дней голубь вернулся назад, не найдя себе места. Вернулась и ласточка, посланная позже, но не вернулся ворон. Тогда Утнапишты вышел из ковчега и принес жертвы богам, главный из которых, организатор потопа Эллиль, сделал его бессмертным.

Храмы богам в Двуречье строились на высоких платформах, что в какой-то степени предохраняло от частых наводнений. К концу 3-го тысячелетия до н.э. стали строить храмы на нескольких платформах, так называемые зиккураты. Один из них в Уре был высотой 20 м, причем нижний ярус имел высоту 15 м, а два верхних относительно невысоки.

МИФОЛОГИЯ И ИСКУССТВО ХЕТТОВ И АССИРИЙЦЕВ

Хеттский язык принадлежит к группе индоевропейских. Хеттские гимны, например, гимн солнцу, обнаруживают влияние вавилонских гимнов, однако имеют ряд особенностей (в частности, отмечая значение Солнца не только для людей, но и животных). Влияние на хеттов оказал и хурритский мифологический цикл (хурриты обитали в Северной Сирии и Северной Месопотамии), а через них он воздействовал на греческие мифологические сюжеты. Поэтому хеттскую литературу можно считать про-

межуточным звеном между литературами Месопотамии и Древней Греции. Цикл «О царствовании на небесах» напоминает греческую теогонию Гесиода, в которой каждое следующее поколение богов побеждает предыдущее.

Исторические хроники, написанные от имени хеттского царя Мурсалиса II (XIII в. до н.э.) особенностями формы (притчи) и содержания (мысль о переходе греха от отца к сыну, идея искупления) обнаруживают сходство с ветхозаветной литературой и ее более поздними продолжениями. В гимне Солнцу имеется оборот «Я иду своей дорогой правды», который прямо соответствует Ветхому Завету («Я хожу по пути правды» — «Книга притчей Соломоновых» 8: 20).

Еще одно произведение хеттского искусства — «Песнь об Улликумми» — имеет параллель с греческим мифом об Антее, который побежден, будучи оторванным от земли, дававшей ему силу.

В искусстве Ассирии доминирует образ могучего правителя, не связанный с представлением о боге, но являющийся образцом для подражания. Преобладают темы восхваления воинской мощи страны, славятся подвиги царей, их облик, пышное убранство.

Ассирия прославилась в культурном отношении библиотекой царя Ашшурбанипала (669—630 г. до н.э.). Желание завоевывать территории трансформировалось в этом случае в желание собирать книги. Это, по-видимому, первая в мире систематически подобранная библиотека, из которой получены основные представления о ближневосточной культуре.

НАУЧНЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Большого развития в Междуречье достигло определяемая астрологическими целями изучение звезд. «Значительные успехи их в астрономии объясняются тем обстоятельством, что разливы Евфрата и Тигра отличались своими особенными характерными чертами и делали очевидной для всех тесную связь между явлениями на небе и переменами в уровне реки, а следовательно, и связь между небом и судьбами человека на Земле» (*Мечников Л.И. Цивилизации... С. 397*).

В основе изучения неба лежала вера в зависимость человека и государства от расположения светил. Современный интерес к гороскопам коренится в этой древней вере. Результаты наблюдений, в течение тысячелетий осуществлявшихся жрецами с вершин зиккуратов, тщательно фиксировались и привели к важным астрономическим открытиям. Предсказывались солнечные и лунные затмения, известны были знаки зодиака и деление зодиакального круга на 360 градусов. День делился на 12 частей, дни складывались в семидневную неделю. Шумерам мы обязаны изобретением минуты. Существовали специальные школы «звездочетов» и «Руководство по астрономии».

Медицина в Месопотамии не достигла столь высокого развития, как в Египте, по-видимому, потому, что здесь не вскрывали трупы для бальзамирования. Но до наших дней дошла ваза с символическим изображением бога здоровья в виде змей, обвивающих жезл, взятым медициной в качестве эмблемы.

Шумеры изобрели колесо. Известен шумерский «Календарь земледельца», в котором изложен весь цикл земледельческих работ, начиная с затопления полей и кончая молотью собранного зерна, а также вавилонские садоводческие книги. Одно из семи чудес света — висячие сады Семирамиды, жены ассирийского царя Нина (IX в. до н.э.), которая избрала своей столицей Вавилон и украсила его со сказочным великолепием.

На карте мира времен Саргона Аккадского изображен круг Земли, обвитый «Горькой рекой» и пересеченный рекой Евфрат; кружки обозначали местоположение крупных городов; треугольники — отдельные страны.

В Месопотамии выработана метрическая система и система мер и весов (максимальная мера — талант — 30,3 кг).

ПАЛЕСТИНА

В XXII в. до н.э. в юго-западную часть Ханаана на восточном побережье Средиземного моря пришли филистимляне. Место их поселения названо в Библии Пелешет; позже вся земля Ханаан получила название Палестина. Около 1800 г. до н.э. в Ханаан из

окрестностей Ура пришли евреи — западносемитские скотоводческие племена. Через 200 лет они переселились в Египет, а около 1320 г. до н.э. произошел их исход из Египта, и к югу и юго-востоку от Палестины они образовали племенной союз с общим культом бога Яхве, принявший название Израиль («бог сражается»). Союз состоял из 11 племен и одной специально посвященной культу Яхве родоплеменной группы — левитов («двенадцать колен Израиля»). В XIII—XII вв до н.э. эти племена вели войны с городами-государствами других западносемитских жителей Палестины — ханаанеев (к ним принадлежали и финикийцы). Многие ханааннейские города (например, Иерихон) были разрушены. Позже в ходе борьбы с филистимлянами создается Израильское царство. Прочная государственность на рабовладельческой основе была создана Давидом и его сыном Соломоном (конец XI — первая половина X в. до н.э.). Соломон впервые построил храм Яхве в Иерусалиме (до этого был лишь шатер — «скиния», содержащий особый ларец — «ковчег завета»). При преемнике Соломона государство распалось на два царства — Израильское на севере Палестины и Иудейское на юге (жителей второго стали называть иудеями вне зависимости от происхождения). В 722 г. до н.э. Ассирия уничтожила государство Израиль. В 586 г. вавилонский царь Навуходоносор II завоевал Иудею и разрушил Иерусалим. В 537 г. персидский царь Кир, покорив Вавилон, разрешил иудеям вернуться из вавилонского плена на родину и восстановить иерусалимский храм. После захвата Иудеи Римом два восстания против римского владычества (66—70 гг. н.э. и 132—135 гг. н.э.) привели к разрушению второго иерусалимского храма, построенного после возвращения евреев из вавилонского плена и окончательному выселению иудеев из Иерусалима.

Ханаанская мифология созвучна библейской, но кое в чем резко противоположна ей. Борьба бога плодородия Баала со своим главным врагом — богом смерти Мотом, стремящимся отнять у него царскую власть, заканчивается победой последнего, хотя потом его, в свою очередь, убивает мстящая за Баала богиня охоты и битвы Анат, а сам Баал воскресает, чтобы продолжить борьбу

бу. Главное произведение еврейской культуры — Ветхий Завет. К IX—VIII вв. до н.э. восходят книги «Бытие», «Исход», «Левит» и «Числа», излагающие мифологическую историю мира и израильских племен в духе концепции «Завета» и включающие в себя основные моральные нормы, в том числе 10 заповедей, которые, впрочем, за исключением первых двух, присутствуют в египетской «Книге мертвых». Вместе с «Второзаконием» эти четыре книги составили так называемое пятикнижие Моисея, или Тору, наиболее почитаемую часть иудейского Священного Писания, основу иудаизма.

В книге Бытия есть потрясающий рассказ о том, как бог потребовал у Авраама принести в жертву собственного сына Исаака, и Авраам, несмотря на любовь к сыну, готов был это сделать, но в последний момент Бог остановил его. Позже Бог сам пошлет на смерть своего сына, чтобы он принял на себя грехи людей. Хотя ветхозаветный Бог создает мир в отличие от многих других богов без использования жертвы, он затем для нормального функционирования мира принесет себя в жертву, искупая грехи людей. Здесь жертва перенесена во времени, но без нее не обходятся.

К VII—VI вв. до н.э. относятся книги, излагающие историю Палестины с XIII по начало VI в. до н.э. К периоду царств относятся культовая лирика (псалмы царя Давида), к вавилонскому пленению — собрание пословиц и афоризмов («Притчи Соломоновы»), нравоучительная поэма («Книга Иова»), образец древнего философствования («Екклесиаст»), сборник любовной и свадебной лирики («Песнь песней»). Написаны книги Ветхого Завета алфавитным письмом на папирусе или коже.

В I в. до н.э. окончательно формируется иудейский канон, состоящий из трех частей: 1) «Тора»; 2) «Пророки»; 3) «Писания», куда относятся «Псалмы», «Притчи», «Книга Иова», «Плач Иеремии», «Песнь песней», исторические книги «Екклесиаст». Они составили часть Библии (по греч. «Книги») христиан, а именно Ветхий Завет, в отличие от Нового Завета, написанного по-гречески.

Пророками называли неофициальных жрецов, составлявших особую корпорацию. Они обличали социальную несправедливость, грозили грешникам божьим гневом и карами, были сторонниками признания Яхве единственным богом, который заключил договор («завет») с израильским племенным союзом и обязался вручить евреям «землю обетованную» в Палестине. Пророки были миролюбивы (Исайе принадлежит призыв «перековать мечи на орала») и в то же время отличались религиозной нетерпимостью, противопоставляя Яхве другим богам. Это послужило потом оправданием средневековых религиозных войн в христианском мире и образцом для учения о «священной войне» в исламе.

Главная отличительная черта иудаизма и предпосылка возникновения мировых религий — монотеизм, который, возможно, связан с попыткой ввести его фараоном Эхнатоном; тогда эта «первая личность в истории» не зря старалась. Имеется связь иудаизма с иранским зороастризмом — идея мессианства (ожидания грядущего Спасителя), концепция борьбы доброго и злого начал (у евреев — Господа и Сатаны).

Достижением древнееврейской литературы явилось создание художественной прозы, которой не знала ни вавилонская, ни древнеегипетская (до середины I тысячелетия до н.э.) культура. В искусстве поэтический способ выражения появляется раньше прозаического. Вико объясняет это таким образом: «Ибо Поэты раньше образовали Поэтическую Речь, составляя частные идеи... а появившиеся впоследствии народы образовывали прозаическую речь, соединяя в каждом отдельном слове, как бы в одном родовом понятии, те части, которые уже составила поэтическая речь» (*Вико Д. Основания... С. 177*). Таким образом, и здесь причиной является тенденция рационализации. Художественная проза более рациональна, чем поэзия, и потому возникает позже.

Неритмизованную художественную прозу впервые создали авторы древнееврейских исторических повествований («Книги Судей», книга Царств). Еще один вполне оригинальный жанр древнееврейской литературы — короткая сюжетная назидательная

повесть («Книга Руфи», «Книга Ионы»). В «Песне песней» встречаем изречение «любовь как смерть, сильна», прочно вошедшее в мировую литературу.

В III—V вв. н.э. сформировалась книга, признаваемая священной в иудаизме — «Талмуд» («Учение»), представляющая собрание догматических, религиозно-этических, правовых и бытовых предписаний, основанных на Ветхом Завете и приспособляющих его к нуждам повседневности, в чем сказался практицизм евреев.

Главной святыней Израиля и самым значительным архитектурным сооружением был храм Соломона в Иерусалиме, который построен в IX в. до н.э., разрушен, восстановлен, снова снесен, заменен новым и, наконец, окончательно уничтожен римлянами. Место, на котором построен храм, считается святым в иудаизме и христианстве, так как именно на нем патриарх Авраам (которому явился Бог Яхве и заключил с ним союз — в других землях боги также общались с царями, которые им поклонялись) должен был принести в жертву своего сына Исаака, а также в исламе, так как, по преданию, именно с этого места пророк Мухаммад вознесся на небо. Храм состоял из притвора, дома Божьего, в котором стоял жертвенник, или Золотой алтарь, и Святого Святых, в котором хранился ковчег завета.

Жилые дома в Палестине были такие же, как на всем Ближнем Востоке: преимущественно одноэтажные постройки располагались вокруг внутреннего двора. Как и в Египте, в жаркое время года крыши служили террасами.

Изобразительного искусства у евреев практически не существовало, так как по религиозным соображениям запрещалось изображение живых существ (заповедь «не сотвори себе кумира»).

Большое значение имело обучение, прежде всего Торе. «Доколь еврей обязан учиться закону? По день смерти своей» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 93).

ИРАН

Ираноязычные индоевропейские племена проникли на территорию Ирана во 2-м тысячелетии до н.э. В середине VI в. до

н.э. к востоку от Междуречья на Иранском плоскогорье образовалось Персидское государство. Основателем его был Кир II (559—530 г. до н.э.), завоевавший Вавилонию и Финикию. Старший сын Кира Камбиз (530—522 г. до н.э.) в 525 г. завоевал Египет. При Дарии I (522—486) восточная граница Персидской державы доходила до р. Инд; западная включала Македонию. В 500—449 г. шли ожесточенные греко-персидские войны, а конец Персидскому царству положил Александр Македонский.

Персам мы обязаны словом «магия», происходящим от древнеперсидского «*magā*» — жертвоприношение. Слово «сатрап» произошло от названий персидских провинций — сатрапий.

Ханаанские мифы о борьбе сил добра и зла воплотились в иранскую религию — зороастризм (по имени ее легендарного основателя Зороастра). Мотив борьбы света с тьмой широко распространен в мифологии различных народов, но в зороастризме он звучит особенно настойчиво и драматично.

Зороастр жил около 1200 г. до н.э., а его религия господствовала с V в. до н.э. по VII в. н.э. Он создал религиозный идеал, за которым последовали христианство и ислам. Добрые боги (например, Митра) являются знатоками закона, олицетворением договора, успокаивающими, благосклонными, покровителями честных деяний и карателями неправого, в то время как злые (например, Варуна) вооружены узами и путами, т.е. действуют «насилием немедленным и непреодолимым» (Мифологии древнего мира... С. 349).

История делится в зороастризме на три периода, первый из которых называется Творением. Творец мира — верховный бог добра Ахурамазда (букв. «Владыка Мудрость») — создал сперва бессмертных святых, а из материальных объектов «первым небо, вторым — воду, третьим — землю, четвертым — растения, пятым — скот, шестым — человека» (Мифология древнего мира... С. 342). Встречаем в иранской мифологии и антропоморфные представления о творении. В пехлевийском сочинении «Датастан-и-денник» говорится, что различные объекты создались из человекоподобного тела: сперва из головы было сотворено небо, затем из

ног — земля, из слез — вода, из волос — растения, из правой руки — бык и, наконец, из разума — огонь. Данный текст в общих чертах сходен с содержания известного гимна Пуруше в «Ригведе», что доказывает наличие общих индоиранских корней.

Второй период истории — Смешение, когда силы зла, устремившись в мир, смешиваются с силами добра. Третий период — Разделение — приведет к окончательной победе сил добра, т.е. творчества. Здесь весь тяжкий путь человечества — от культуре к культуре же через преодоление зла. В конце концов материальный мир навеки веков станет бессмертным.

Персидские цари объясняли свои победы желанием и помощью Ахурамазды. Каждый должен выбрать свое место в борьбе сил добра и зла. Поклоняющиеся Ахурамазде попадают в рай, вкушая там блаженство в ожидании грядущего Воскресения; поклоняющиеся Анхраманью («Злой Дух») должны знать, что их душа сгинет в аду, ожидая в мучениях Последнего Суда и уничтожения.

Сущности Ахурамазды — власть, справедливость, благочестие. То, что одна из сущностей — власть — и данная религия призвала сражаться с противниками и злым началом и отличалась бодростью и жизнерадостностью, видимо, и привело к тому, что немецкий философ Ф. Ницше свое главное произведение назвал «Так говорил Заратустра».

Свод священных текстов зороастризма, написанных в 1-й половине 1-го тысячелетия до н.э., называется Авеста. Три главных книги Авесты — Ясна, Яшта и Вендидад. Ясна (букв. «жертвоприношение», «молитва») состоит из 72 глав, 17 из которых составляют Гаты («песни») Зороастра. В них утверждается, что Ахурамазда создал человека, скот и растения. Упоминание о скоте очевидно для кочевых народов, так же как и заключение: «кто хочет, чтобы после смерти его жилище было в чертогах Ахурамазды, тот должен оберегать скот от насилия и жестокости» (Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. II. М., 1980. С. 62). Яшты — гимны божествам зороастрийского пантеона. Сюда относятся и гимны Митре, почитавшемуся до возникновения зоро-

астризма. Вендидад (букв. «Закон против дэвов» — так назывались божества злого мира) — более поздний свод религиозно-юридических положений. В Авесте Ахурамазда говорит о трех мерах — добрая мысль, доброе слов, доброе деяние, четырех условиях — жрец, воин, скотовод, ремесленник — и пяти наставниках — семьи, рода, племени, страны и отдельно Зороастр. В ритуале зороастризма главное место занимал культ священного огня, поэтому зороастрийцев называли огнепоклонниками.

В III в. н.э. в Иране получает распространение манихейство, названное по имени его основоположника Мани (216–277), которое представляет собой синтез зороастризма, христианства, буддизма и гностицизма. В дополнение к идее борьбы добра и зла в манихейство включены представления о карме, пророках-спасителях и грядущем всеобщем воскрешении.

Сравнивая египетскую культуру с ближневосточными, следует признать, что прогресс идет быстрее в местах пересечения и интенсивного взаимодействия культур, в то время как изолированная культура достигает большей глубины своего развития. Обособленные египтяне и китайцы остались с иероглифами, в то время как Ближний Восток создал алфавит.

Вопросы для повторения

- Какие цивилизации Ближнего Востока вы знаете?
- Каковы особенности шумерской цивилизации?
- Почему ассирийская культура относится к военному типу?
- Что такое клинопись?
- Как и кем был изобретен алфавит?
- Каковы особенности вавилонской цивилизации?
- Каково содержание эпоса о Гильгамеше?
- Каковы особенности хеттской культуры?
- Каковы особенности ассирийской культуры?
- Каковы научные и технические знания цивилизаций Ближнего Востока?
- Каковы особенности ханаанской культуры?
- Каковы особенности древнееврейской культуры?
- Что вы знаете о содержании Ветхого Завета?

- Каковы особенности древнеиранской культуры?
- Расскажите о зороастризме.

Литература

1. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
2. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
3. Древний Восток. СПб., 1995.
4. Мифологии древнего мира. М., 1977.
5. Библия.
6. Авеста.

Глава 8

Древняя Индия

Ты дал мне жизнь той жертвой,
которую совершил.
Веды

В 3-м тысячелетии до н.э. в долине Инда возникла цивилизация, названная Индской, или культурой Хараппы, — по местности, в которой найден один из ее центров; другой находится в Мохенджо-Даро («холм мертвых»). В конце 2-го тысячелетия до н.э. на территорию Индии пришли арийские племена и освоили долину Ганга. Индию пытались безуспешно покорить персы и Александр Македонский. Борьбу против Александра Македонского возглавил Чандра Гупта, основавший династию Маурьев. Своего расцвета созданная им империя достигла при его внуке — Ашоке (268—232 гг. до н.э.).

Соотношение между цивилизацией Хараппы и арийской в принципе такое же, как между цивилизациями Шумера и Вавилоня. Пришедшие племена завоевали территорию коренных народов, но переняли ее культуру. Культура побежденных, которые, скорее всего, не оказали сопротивления, победила. Если бы арийцы не восприняли более древнюю культуру дравидов, индийская мифология никогда не достигла бы таких высот. Это очевидно хотя бы из сопоставления «Авесты» и «Ригведы», в которых имеются сходные моменты, но которые все же разделены духовной пропастью. Мы опять видим рядом как причину и следствие военную победу и культурное поражение.

История развития индийской цивилизации не вполне известна, поскольку, как подчеркивал Д. Неру в своей книге «Открытие Индии», большой интерес к потустороннему миру привел к тому, что в Индии мало внимания уделяли историческим фак-

там. Можно утверждать, что Древняя Индия была конгломератом небольших государств (в том числе городов-государств). Пелопонесскую войну в Древней Греции Неру сравнил с войной Махабхараты.

Арийские племена, пришедшие в Индию с запада, смешались с коренным дравидским населением. Социальным результатом этого было образование каст. Последующие завоеватели использовали эту систему. «У подножья лестницы образовывались новые касты, а победители-пришельцы превращались в правящий класс кшатриев» (Открытие Индии. М., 1987. С. 104).

Природные условия, история и национальный характер придали определенную направленность индийской культуре, создавшую целостный оригинальный архетип.

ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди древних культур индийская наиболее загадочна и поразительна. В одежде, поведении, танцах, мышлении индийца много необычного для нас. В индийской культуре смещена привычная нам граница между жизнью и смертью. Но без индийской культуры невозможны были бы ни возникшие 100 лет назад теософия и антропософия, ни современное увлечение йогой и дзен-буддизмом.

Чтобы понять культуру народа, надо знать условия его жизни и историю. Диодор Сицилийский предполагал, что индийцы «сведущи в искусствах, быть может, оттого, что дышат они чистым воздухом и пьют тончайшего состава воду» (Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 83). «Волею судеб, — пишет С. Радхакришнан, — географическое положение Индии оказалось исключительно благоприятным — щедрые дары природы обеспечивали необходимые условия для успешного развития» (Открытие Индии... С. 456). Океан и Гималаи защищали от иноземных вторжений. «Природа в изобилии предоставляла пищу, и человек был избавлен от тяжкого труда и борьбы за существование... Когда нет необходимости затрачивать энергию на решение насущных жизненных проблем, на освоение природы и подчи-

нение ее сил, люди начинают думать о более возвышенных материях, о том, как сделать жизнь более духовной. Возможно, что расслабляющий климат склонял индийцев к покою и уединению» (Там же). В таких природных условиях выработался своеобразный характер, определивший специфику индийской культуры.

Каждая культура имеет свою глубинную черту, которая сообщает ей уникальность и является самым ценным из того, что вносится ею в мировую цивилизацию. Чтобы понять какую-либо культуру, надо принять за основу изучения то, чем она наиболее отличается от нашей. Для индийской культуры это концепция перевоплощения (реинкарнации) и воздаяния (кармы) как результат напряженного внимания к проблеме жизни и смерти и взаимоперехода из жизни в смерть и из смерти в жизнь. В свою очередь, развитие концепции перевоплощения предопределило то, что проблема жизни и смерти стала главной в древнеиндийской культуре. Налицо взаимовлияние между преимущественно духовно-мистической направленностью индийского национального характера и формированием концепции перевоплощения.

Махатма Ганди, написав Л. Толстому письмо с предложением опубликовать его статьи в Индии, просил разрешения исключить места, где Толстой критиковал перевоплощение. «Вера в перевоплощение или переселение душ очень дорога миллионам людей в Индии, а также в Китае. Можно сказать, что для многих это уже вопрос личного переживания, а не только теоретической допустимости. Она разумно объясняет многие тайны жизни. Она служит утешением» (Весть. М.; Дели, 1987. С. 48). Толстой отвечал с христианских позиций: «по моему мнению, вера в реинкарнацию никогда не может быть так тверда, как вера в неумираемость души и в справедливость и любовь Бога» (Там же. С. 49).

Концепция переселения душ, как и предшествовавшие ей не столь развитые концепции, есть реакция на осознание смерти и попытка преодолеть ее страх. Духовная культура произошла из осознания смертности, и этот вопрос являлся наиважнейшим для многих культур. Проблема смерти была решена в индийской культуре отрицанием ее.

Понятие кармы — ключевое для индийской мысли и в основе своей имеет этический характер. Оно примиряет с тем, что тиран, уничтожив миллионы подданных, после смерти с почестями укладывается в мавзолей на всеобщее обозрение и поклонение; что вор живет припеваючи, имея все блага жизни и не опасаясь ни тюрьмы, ни сумы. Наше чувство справедливости оскорблено этим. Но что можно сделать с тираном на троне, с теми, кто грабит народ? Если не видим возмездия на земле, ничего не остается, как верить в справедливость потустороннюю, и мы говорим: «Бог накажет». Если не здесь, то после смерти злодея ждет возмездие. Но Бог сам решает, кого наказать, кого помиловать, а не по нашему разумению и просьбе. В соответствии же с концепцией кармы возмездие наступает неизбежно. И тираны боятся неотвратимости наказания, поэтому немного их было в Индии. Бога пытаются умиловить молитвами, покаянием, соблюдением обрядов, принятием монашества перед смертью. В индийской культуре наказующий Бог не нужен, и поэтому буддизм вполне последовательно отказался от веры в богов.

Учение о карме — это учение о естественной нравственной причинности. Г. Спенсер считал, что этика станет подлинной наукой, когда можно будет вывести общее правило жизни из ясно определенной причины и открыть неизбежные соотношения между поступками и их последствиями. Хотя индийцы не создали этики в научном смысле, но они были убеждены в существовании естественной этической причинности. Поэтому С. Радхакришнан справедливо пишет, что психология и этика являются в Индии основными науками. Существует опыт, подтверждающий естественную причинность (воспоминания о предыдущих рождениях и т.п.), но нет общезначимости полученных результатов. Тут открывается поле для научных исследований. Быть может, естественную этическую причинность можно будет когда-нибудь научно обосновать, но для этого понадобится иная наука по своему соотношению с нравственностью, хотя столь же строгая, как физика и математика.

В соответствии с законом кармы, что посеешь в этой жизни, то пожнешь в жизни будущей. Нравственный закон приобрета-

ет абсолютный статус. Законом кармы обосновывается социальное устройство Индии — наличие каст, наследственный характер которых имеет, по-видимому, расовую основу. Законом кармы объясняются страдания невинных и гибель младенцев — значит, в предыдущих жизнях ими были совершены прегрешения.

С верой в перевоплощение связаны главные особенности индийского национального характера. Индийцы не столь индивидуалистичны, как европейцы, в том отношении, что не склонны придавать основополагающее значение собственной личности как таковой, коль скоро она не более чем одежда вечного Я. Однако они индивидуалистичны в том смысле, что осознание и слияние с высшим Я, одинаковым во всех людях (высшее не имеет качественных различий), требует личных усилий и не может прийти извне.

Далее. Индийцы более терпимы к чужим мнениям и верованиям, более склонны к ненасилию, более заботливы к окружающему миру, коль скоро их души после смерти могут войти в других людей и даже в животных.

Индийцы более склонны обсуждать проблему долга и обязанностей, а не прав личности, коль скоро главным является не становление собственной личности, а соединение с Единым, частью которого является собственная душа. Имеется в виду долг по отношению к богам, пророкам, предкам, животным. «Тот, кто выполняет свои обязанности перед всеми ими — хороший человек» (*Радхакришнан С.* Индийская философия: В 2 т. Т. 1. М., 1956. С. 107).

По индийским верованиям человек рождается дважды: первый раз телом, а второй — духом. Это есть рождение в культуре, и такой человек называется дваждырожденным. Человек в Индии может быть физически закрепощен, но духовно свободен. Вера в перевоплощение душ уменьшает чувство страха, которое сильнее при ощущении единственности и конечности существования; настраивает на то, чтобы ближе подходить в своем мышлении к границе между жизнью и смертью и устремляться к потустороннему, лежащему за обычной жизнью. «Это не призыв

отказаться от мира, а только призыв оставить мечту о его обособленной реальности» (Там же. С. 182). Причем эта устремленность не умозрительного или словесного свойства, а сопровождается тягой к проверке метафизических положений на собственном опыте. Престиж мудрецов и отшельников, которые посвящали себя этому, был и остается очень высок. Нравственный идеал Древней Индии — аскет, нищенствующий странник, достигший освобождения от оков чувственного бытия.

Поскольку наш мир всего лишь проявление высшей реальности, одним из основных достоинств человека выступает непривязанность к нему, освобождение от страстей и желаний, связанных с миром. Большое значение имело приобретение власти над собой. В описании идеального общества в «Рамаяне» есть такая строка: «И не было там над собой не имеющих власти» (Махабхарата. Рамаяна. М., 1974. С. 389). Достигалось это с помощью аскетизма и специальных упражнений. О йогах еще в древности рассказывали чудеса. Цель йоги — достичь полного освобождения от уз мира, спокойствия и состояния, в котором человек перестает чувствовать и мыслить и сливается с Единым. Йоги могут угадывать будущее, мгновенно перемещаться в любую точку пространства, изменять параметры своего тела и т.д. Изучение возможностей психики достигло впечатляющих размеров, и люди, овладевшие ими на практике, как и жрецы, почитались выше богов. Вера в то, что все в мире едино в своей основе, расширяло масштабы видения и способность к синтезу самых разнообразных взглядов. Эти черты характера определили индийскую мысль, но мышление, в свою очередь, влияло на развитие характера нации, так что нелегко выяснить, что первично, а что вторично.

Положение, общее для всех индийских систем мысли, — о Единой истинной реальности, материализация которой — наша Вселенная. В «Махабхарате» имеется такое обоснование того, что индивидуальная душа человека — часть Единого: «ведь не может восстановиться разбитое палицей тело, так и обособленное сознание (джнана) стать иным не может» (Могшадхарма.

Ашхабад, 1983. С. 167). Значит, в этом случае и перевоплощение невозможно. Оно возможно, только если есть Единое, и оно само служит доказательством наличия Единого. Если бы Единое могло распадаться на части, то уже не было бы вечным. Единство и вечность оказываются двумя неразрывно связанными свойствами. Вечное и неизменное в то же время истинно. Слово «сат» (бытие) означает и реальность, и совершенство, поэтому Единое не только реальное, но и совершенное.

Индийская культура, подчеркивал Неру, не отрицает жизнь, но делает упор на ее конечную цель. «Индийские мыслители являются пессимистами, поскольку они смотрят на мировой порядок как на зло или ложь; но они оптимисты, так как чувствуют, что имеется выход из него в царство истины, которое является также благом» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 37*). Индийская философия мистична, и это не удивительно, если согласиться, что чувственный мир — иллюзия («майя»), а истина вне его. Значит, чтобы достичь истины, надо уйти из мира, погасить все чувства и мысли, поскольку они обусловлены этим миром. В этическом смысле отрешенность означает отказ от мирской суеты для настройки на божественную волну. Конечно, если считать, что настраиваться не на что, и ничего, кроме чувственного мира нет, иллюзией будут все подобные попытки.

Мир — иллюзия, потому что существует высшая реальность — Единое. Вивекананда приводил пример призмы, смотря через которую на качественно однородный предмет, видят его в цвете. Так на весь мир мы смотрим как бы через призму. Но наличие в культуре понятия «майя», конечно, не означает, что каждый индеец считает жизнь нереальной.

Добро и зло — свойства майи, но для слияния с Единым человек должен обладать определенным набором нравственных качеств: отрешенность от суеты, стремление к истине, воздержание, незлобивость, непричинение вреда живому и т.д. Особо следует отметить принцип ненанесения вреда живому («ахимса»). «Доброта и сострадание ко всему живущему на земле является главной чертой индийской этики» (*Радхакришнан С. Индийская фи-*

лософия... С. 183). Принцип ахимсы в отличие от христианского «непротивления злу» распространяется и на животных, в которых тоже может перейти в следующих воплощениях душа человека. По отношению к ненасилию диапазон древнеиндийских взглядов простирается от последовательной ахимсы джайнистов до оправдания насилия «Бхагавадгитой», а по отношению к страданию вообще — от понимания его как школы жизни, что получило законченное обоснование у Вивекананды, до стремления как можно скорее кардинально преодолеть его, отказавшись от цепи перевоплощений у буддистов. Что насилие — зло, не вызывает сомнений, а вот страдание — если и зло, то отнюдь не всегда и меньшее, чем насилие (лучше страдать самому, чем заставлять страдать других).

Мир — зло, но человек путем добра может освободиться от него. «После категории реальности наиболее важным понятием в индийской мысли является категория дхармы» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 38*). Неру пишет, что «дхарма означает больше, чем религия. Корень этого слова имеет значение “держаться вместе”. Это внутреннее строение вещи, закон ее внутреннего бытия. Это — этическое понятие, включающее кодекс морали, праведность и весь круг обязанностей и ответственности человека... Сама эта дхарма была частью риты, основного морального закона, направляющего жизнь вселенной и всего, что содержится в ней» (*Открытие Индии... С. 47, 63*). Дхарма — долг и имеет то же значение для индийской культуры, что права личности для западной. Понятие дхармы потому так важно для индийцев, что они видят высшую цель человека в слиянии с Единым, а чтобы достичь этого, необходимо личное нравственное совершенствование.

В каждом человеке есть индивидуальная душа — атман, которая соотносится с Единым, как капля воды с океаном, как воздух в сосуде с воздухом вокруг него. Приобщение к Единому идет через молитвы, ритуалы жертвоприношений, изучение Вед и т.д. Идеальная жизнь предполагает жертвенные церемонии, гостеприимство, милосердие, любовь к людям, защиту живого. Нрав-

ственный долг человека — дхарма — в соответствии с одним из древнейших индийских правовых трактатов «Законы Ману», имеет 10 признаков: «постоянство, снисходительность, смирение, непохищение, чистота, обуздание чувств, благоразумие, знание Веды, справедливость и негневливость» (Законы Ману. М., 1960. С. 125).

Отношения с другими людьми регулируются правилом: «Надо тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой воли, но что зависит от своей воли, надо исполнять ревностно. Все зависящее от чужой воли — зло, все зависящее от своей воли — благо; необходимо знать это краткое определение блага и зла» (Там же. С. 92).

Знание связано с добродетелью не на уровне интеллекта, а на уровне высшего духовного мышления (или сверхсознания), которое есть источник вдохновения поэтов, художников, проповедников. Так поэт оказывается близок пророку, а гений и злодейство становятся несовместными. Тут совпадение с античностью и разрыв с Западом, разведшим знания и добродетель.

Хронологически древнеиндийскую культуру можно разделить на три периода: 1) ведийский (приблизительно 1500—600 лет до н.э.); 2) эпико-религиозный (от 600 до 200 лет н.э., когда были созданы два главных индийских эпоса «Махабхарата» и «Рамаяна» и две религии — джайнизм и буддизм); 3) образование философских школ и индуизма (от 200 г. до н.э.).

ИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Один из древнейших памятников мировой культуры, которому более 3000 лет, — Веды (в переводе с санскрита «знание»; тот же корень в русских словах «ведать», «ведьма») имеет мифологическую основу. В нем действуют дравидские боги, которым поклонялись еще до прихода ариев: Вишну — бог Солнца, Шива — бог Плодородия, Брахма — верховный бог, отождествившийся с Единым, и присоединившиеся к ним боги арийских племен во главе с Индрой — богом-громовержцем, аналогичным Зевсу древних греков и Перуну славян. Представление о каждом из трех высших богов развивалось своей кастой: Брахме — кастой брах-

манов, Вишну — кастой кшатриев, Шиве — двумя низшими кастами.

В Индии издавна бытовало представление о четырех стадиях жизни, которые должен пройти человек: ученика, изучающего Веды; главы семьи, приносящего жертвы; отшельника, соблюдающего пост; аскета, у которого нет жилища и собственности, а только стремление к слиянию с Единым. Им соответствуют четыре части Вед — гимны, брахманы, араньяки, упанишады.

Самая древняя из Вед — Ригведа («Веда гимнов»). Гимны пелись во время жертвоприношений с целью умиловать богов и природу. В Ригведе повествуется о созидающей роли жертвоприношения: учредив данный обряд, боги в ходе его «произносили имена всевозможных предметов и живых существ, которые тотчас же по назывании обретали бытие» (Мифологии древнего мира... С. 289). Так идея жертвоприношения связывается с рождением.

В Ригведе же говорится о том, что боги вменили в обязанность первому человеку совершать на земле жертвоприношения ради торжества истины и гармонии. Здесь стремление к жертве, хотя последняя перекладывалась на животных. Жертвой был и первозданный человек — Пуруша, от которого произошла Вселенная и четыре касты индийского общества. Боги рассекли Пурушу на части. Брахманы, или жрецы, произошли из уст Пуруши; кшатрии, или воины, из его рук; вайшьи, или ремесленники, торговцы, земледельцы, — из его бедер; шудры — из его стоп. Разум Пуруши стал месяцем, глаз — солнцем. Дыхание стало ветром, а изо рта Пуруши родился огонь. Расчленение Пуруши — жертвоприношение во имя людей, аналогичное добровольной гибели Христа, но здесь речь идет о создании, а не о спасении людей.

Первый жертвенный обряд богов представлял собой первый акт творения; «при этом все, тогда еще неупорядоченные, элементы космоса были заключены в теле приносимой жертвы, мыслившейся в образе гигантского антропоморфного мужского существа (пуруша)» (Мифологии древнего мира... С. 292—293). Боги создали мир сообщая, устроив первое жертвоприношение. «Сила,

таким образом, заключена не в Индре, а в жертвенном обряде» (Там же. С. 292). Идея создания космоса посредством жертвоприношения ближе к истине исходя из современных научных представлений, чем идея происхождения из хаоса, которая наиболее подробно изложена в греческой мифологии.

Смысл жертвоприношений заключается и в последующем поддержании того мирового порядка, который создан первым жертвоприношением. «Беспрерывное ритмичное функционирование космического механизма зависело от совершения согласованными усилиями богов и людей жертвоприношений, посредством которых они взаимно усиливали друг друга. Этот процесс представляется бесконечным. Когда сила привела вселенную в движение, тенденции к беспорядку, дезорганизации не были полностью искоренены. Каждый день солнце заходит, и его необходимо снова вывести на небо из темного подземного пространства; воды должны ниспадать с небес, чтобы питать влагой растения и обеспечивать человечество пищей» (Там же. С. 290—291). В «Бхагавадгите» говорится о йоге жертвы.

В Ригведе встречаем представление о Едином. «Един Огонь, многообразно возжигаемый, едино Солнце, все проникающее, едина Заря, все освещающая, и едино то, что стало всем (этим)» (Ригведа. VIII, 58). Из единства реальности вытекает важное в философском смысле представление Вед о единстве истины. Единое неопределимо, так как всякое определение есть ограничение, а первоначало ничем не ограничено, представляя собой недифференцированную целостность. В одном из гимнов Ригведы говорится, что время породило небо и землю, и это согласуется с современной научной моделью происхождения материи, созданной в синергетике.

В самой духовной и терпимой культуре мира — индийской — сформировалось представление о неистинности нашего мира в том смысле, что есть другой мир единственно истинный, который является и источником духовной культуры. В этом отражается понимание того, что для творения духовной культуры надо отречься от земного. Индийцы создали великолепно-зага-

дочную культуру, ключ к которой в отречении от заземленно-низменного. Эти идеи дошли до наших дней и воплотились в XX в. в ненасильственное сопротивление М. Ганди, приведшее Индию к политической свободе.

Ни в какой другой культуре жертвенность не была так обоснована, как в индийской. То, что Ригведа состоит из гимнов, предназначенных для исполнения в ходе общественных жертвоприношений, говорит о важности этого ритуала в Древней Индии. Об этом свидетельствует и то, что высшей кастой была каста брахманов, которой подчинялись правители, принадлежащие к следующей по значению касте воинов.

«Брахманы» представляют собой ритуальный комментарий к Ведам, написанный для жрецов, и содержат тексты, используемые при жертвоприношениях. Они требовали правдивости, благочестия, уважения к родителям, любви к людям, доброты к животным, воздержания от воровства, убийства, прелюбодеяния. «Араньяки» (от «аранья» — лес) — тексты для отшельников.

Большое значение в древнеиндийской традиции придавалось непосредственной передаче знания. «Лишь знание, полученное от учителя, ведет по самому прямому пути» (Древнеиндийская философия. М., 1963. С. 98). Упанишады буквально означает «сидеть подле». Имеется в виду ученик, слушающий наставления и разъяснения учителя Вед. На стадии Упанишад более ценится не жертвоприношение, а размышления. В Ведах Единое представляет собой Бога. В Упанишадах Единое — безличное начало. Совершается постепенный переход от политеизма к монотеизму и монизму, эволюция представлений об основе всего сущего от понятия мира-Пуруши через личное начало — Праджapati до безличной причины — Брахмана.

Человек в Упанишадах образно определяется так: «Знай, что атман — это едущий в колеснице, тело — колесница. Знай, что разум — возница, мысль поистине узда. Говорят, что чувства — это кони, а то, что действует (на чувства) — их пастбище. Мудрецы говорят, что упряжка из тела, чувств и мыслей и есть наслаждающийся (атман)» (Древнеиндийская философия. М., 1972. С. 231).

Человек состоит из намерения. «Каков замысел человека в этом мире, таким он будет в том мире» (Чхандогья-Упанишада. III, 14, 1). Вследствие греха телесных деяний человек идет к состоянию неподвижности (т.е. возрождается растением), словесных — к состоянию животного, умственных — к состоянию человека низкого рождения.

Так как чувственный мир — иллюзия, — тот, кто ищет земных благ, заблуждается. Он ищет приятного и тем самым удаляется от истины. Жизнь в реальном мире неистинна, поэтому цель человека — достигнуть такого нравственного совершенства, чтобы преодолеть колесо перевоплощений и больше не рождаться вовсе. Упанишады ориентируют на внутреннее очищение разума: «не ненавидь и не поддавайся гневу, злости и жалости». Этика Упанишад индивидуалистична, но в идеале индивидуализм преодолевается в слиянии с Единым. Нравственное требование любви осуществимо именно потому, что есть Единое. Моральная активность не является самоцелью — когда «познание Атмана достигнуто, всякое действие, а потому также всякое моральное действие лишено значения» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 192*).

В Упанишадах опорой человека называется дыхание, и это предопределяет роль дыхания в системах йоги. «Ибо поистине дыханием достигается бессмертие в этом мире, разумом — истинный замысел» (Древнеиндийская философия. М., 1972. С. 203). Приняв это, индийцы разработали йогические упражнения для дыхания и разума.

Интерес Упанишад к Единому объясняется тем, что человек смертен, и единственный способ мыслить его вечность в том, чтобы представить его как часть, а еще лучше как тождество с Единым. «С мыслью: (есть лишь) этот мир и нет другого — он снова и снова попадает в мою власть», — говорит бог смерти в «Катха-Упанишаде». «Постоянно держа поднятыми три (части) тела (голову, шею, грудь. — А.Г.), вовлекая чувство и мысли в сердце, пусть мудрец переправится на ладье Брахмана через все потоки, внушающие страх» (Там же. С. 249). Это и стало основной целью индийской культуры.

Важной заслугой Упанишад было переосмысление ритуальной жертвы в жертву духовную, и тем самым сделан шаг от мифологии к философии и религии. Жертвоприношение не теряет своего значения, оно меняет форму. Дальше в этом направлении шли Будда и Сократ.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Искусство Индии мифологично и, можно сказать, философично, учитывая, что в Индии не было философии как дисциплины. Примерно в середине 1-го тысячелетия до н.э. возникли два выдающихся эпоса «Махабхарата» и «Рамаяна». Ауробиндо Гхосх писал о «Рамаяне»: «С одной стороны, перед нами предстает идеальное мужество, божественная красота добродетели и этического порядка, цивилизация, опирающаяся на дхарму и претворяющая в жизнь моральный идеал, который заключается в едином неудержимом стремлении к красоте и гармонии; с другой стороны, дикие, анархические и почти аморфные силы сверхчеловеческого эгоизма, своеволия и торжествующего насилия» (Открытие Индии... С. 370).

Основной мотив «Махабхараты» — идея дхармы. «Здесь ведическая концепция борения двух начал — правды, света и единства с силами тьмы, разделения и лжи вынесена из сферы духовной, религиозной, внутренней в сферу внешнюю, интеллектуальную, этическую, жизненную» (Там же. С. 368). Мир, спокойствие и гуманность побеждают эгоизм и самоволие. «Это — все та же борьба дэвов с асурами, богов с титанами, но представленная как конфликты человеческой жизни» (Там же. С. 369).

В «Махабхарате» разъясняются основные положения древнеиндийской этики. Человек должен быть не привязан к себе и своему деянию, но действовать должен сам: «Свой долг надлежит выполнять в одиночку, нет общности дхармы» (Могшадхарма. Ашхабад, 1983. С. 71). «Истина движет богами» (Там же. С. 95). И, стало быть, выше богов.

Интересное обоснование концепции перевоплощения сновидениями заставляет вспомнить рассказы переживших клиничес-

кую смерть. «Как во сне человек видит от себя отличным свое на земле распростертое тело, так (после смерти) связанный со слухом и прочими (чувствами), с превеликим, с буддхи от одного образа переходит к другому» (Там же. С. 111).

Наиболее важной частью «Махабхараты» является «Бхагавад-гита» (песня о Бхагаване — одно из имен бога Кришны). Управляющий колесницей Кришна, считающийся воплощением Вишну — одного из трех главных богов индуистского пантеона, объясняет царю Арджуне, как он должен себя вести. Кришна советует Арджуне выполнять все обязанности, которые вытекают из принадлежности его к касте кшатриев, но быть при этом безразличным к результатам деятельности.

Арджуну одолевают сомнения в праведности битвы с врагами. «Мы грех совершим, убивая!.. Счастливыми, близких убив, мы не будем!» Кришна возражает: «Как можно пред битвою битвы страшиться? Смятение твое недостойно арийца. Оно не дарует на поприще брани небесного блага и славных деяний» (Махабхарата. Рамаяна. М., 1974. С. 172, 173).

Арджуна задает вопрос: «Еще мы не знаем, что лучше в сраженье: врагов победить иль познать поражение?» Кришна отвечает: «Мудрец, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть ни живых, ни усопших», — и объясняет почему: «Мы были всегда — я и ты и, всем людям подобно, вовеки и впредь мы пребудем» (Там же. С. 174). Далее Кришна излагает концепцию перевоплощения и продолжает: «Есть в чувствах телесных и радость и горе; есть холод и жар, но пройдут они вскоре; мгновенны они... О, не будь с ними связан, о Арджуна, ты обуздать их обязан! Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин, кто стоек в несчастье, кто в счастье спокоен» (Там же). Преходящие тела не истинны, истинно только вечное, которое нельзя убить: «Не плачь же о тех, кто слезы достоин, и если ты воин, — сражайся, как воин! Кто думает, будто бы он есть убийца, и тот, кто в бою быть убитым боится, — равно неразумны: равно не бывают и тот, кто убил, и кого убивают» (Там же. С. 175). Это опасные слова — ими можно оправдать — и так было — физическое убийство, коль скоро тело

подобно «обветшавшему платью», которое мы сбрасываем и надеваем другое. Бренному телу Кришна противопоставляет Единое — «всепроницающее, вездесущее, неподвижное, устойчивое, вечно живущее, неопалимое и неуязвимое». Поэтому «исполни свой долг, назиданье усвои: воитель рожден ради правого боя» (Там же. С. 176). Это долг, разрушающий карму, и исполняющий его безгрешен, но что касается цели, то «удача подобна потере... горе и счастье равны в полной мере... победе равно поражение» (Там же. С. 177). Совершая должное, следует быть незаинтересованным в плодах деяний. Если же человек привязан к миру, он не достигнет самадхи — состояния «восторга и счастья». Человек должен быть свободен от желаний. «Итак, не плодов ты желай, а деянья, а ради плодов прекрати ты старанья» (Там же. С. 178).

Сказанное Кришной любопытно сравнить с другими местами «Махабхараты», в которых критикуется деятельность и которые давали основания для обвинения индийской культуры в проповеди пассивности. «Дела связывают существа, познание — освобождает, поэтому подвизающиеся, прозревшие Запредельное, дел не совершают» (Мокшадхарма... С. 261).

Человек, заключает Кришна, должен забыть и счастье, и несчастье и быть приверженным только той радости, которая внутри него. «Кто в счастье спокоен и стоек в несчастье, не ведает гнева и страха, и страсти» (Махабхарата. Рамаяна... С. 178). Человек не получает награды за добрые дела, потому что «ни зло, ни добро не приемлет Всевластный» (Там же. С. 186). Творя добро, лучше не напраиваться на благодарность. Тем более не ждет ничего хорошего творящего зло, потому что действует закон кармы.

«Бхагавадгита» — самое популярное произведение в Индии, потому что обращено к обычному человеку и обещает ему, что, занимаясь повседневной деятельностью, он может надеяться на преодоление кармы и выход из колеса перевоплощений, не будучи ни знатоком Вед, брахманом, ни отшельником. Достаточно выполнять все, что полагается по долгу касты.

В «Бхагавадгите» раскрываются основные противоречия древнеиндийской культуры. Нравственное призвание личности

признается в выполнении долга, предписанного кармой, однако сама личность считается как бы ненастоящей, и как тогда серьезно говорить об ее ответственности? В этом уязвимость оправдания убийства, с которым нравственное чувство не может примириться.

Основание стойкой в Индии веры в Единое в том, что истина может содержаться только в вечном, нерушимом, но не в преходящих телах. Однако представлением о всеобщей истине оправдывалось и существование тоталитарных обществ. Неру утверждал, что Махатма Ганди и его последователи не видели противоречия между ненасилием и «Бхагавадгитой», где бог Кришна побуждает Арждуну идти на бой. «Ясно, что концепция ненасилия значительно больше связана с побуждением, с освобождением от желания совершить насилие, с самодисциплиной и умением сдерживать ярость и ненависть, нежели с физическим уклонением от насильственных действий, когда они становятся необходимы и неизбежны» (Открытие Индии... С. 88). К несчастью, Кришна очень четко обосновал свою мысль, и его аргументы пытались использовать, подменяя суть для пропаганды насилия.

Разрыв «Бхагавадгиты» и ахимсы — разрыв между идеалом и реальной жизнью, который всегда существует. «Ахимса — всеобъемлющий принцип. Все мы — слабые смертные, пребывающие в пламени химсы. Пословица, гласящая, что живое живет за счет живого, таит в себе глубокий смысл. Человек не может ни минуты без того, чтобы сознательно или бессознательно не совершать внешней химсы. Уже сам факт, что он живет — ест, пьет и двигается, — неизбежно влечет за собой химсы, т.е. разрушение жизни, пусть даже самое незначительное. Поэтому приверженец ахимсы будет преданным своей вере лишь в том случае, если в основе всех его поступков лежит сострадание, если он старается избежать уничтожения даже мельчайших существ, пытается спасти их и таким образом постоянно стремится высвободиться из смертельных тисков химсы. Он будет становиться все воздержаннее, сострадательнее, хотя никогда полностью не освободится от внешней химсы» (Открытие Индии... С. 246–247).

Действие невозможно без греха, но результатом деятельности должно быть добро, а это случится, если идеал всегда будет находиться перед глазами.

БУДДИЗМ

Индийская культура — культура самой древней религии, претендующей на то, чтобы считаться мировой. Будда («Просветленный») хотел того же, что и Гильгамеш, и подобно зороастрийцам рассматривал смерть как главное зло. Сына царя, жившего в VI—V вв. до н.э., ожидали все радости, доставляемые богатством и властью. Но он покинул свой дом и стал странствующим искателем истины. Изучив существовавшие в Древней Индии взгляды, он создал религию, не похожую на все, что было до него.

Самая важная тема для Будды — тема человеческих страданий. Не он один говорил об этом. Древнегреческий философ Гегесий на основе вывода, что страдание в нашей жизни превышает удовольствие, утверждал, что смерть предпочтительнее жизни, за что получил прозвище «Учителя Смерти». Что страдания превышают удовольствия, утверждал и Будда, но его рекомендации отличались от древнегреческих. Решение Будды базируется на всем мифологическом и метафизическом богатстве индийской культуры и прежде всего на представлении о мире как иллюзии.

Как Сократ, Будда опирался на разум и опыт, но главная задача для него — избавить людей от страданий. Исходные цели и инструменты те же, но выводы определяются спецификой данной культуры. В соответствии с основным направлением индийской культуры Будда пришел к выводу, что окончательного освобождения от страданий можно достичь, избавившись от колеса перевоплощений, от всех рождений и последующих смертей.

В проповеди в городе Бенаресе Будда сформулировал четыре истины.

«Вот, о монахи, благородная мысль о страдании. Рождение есть страдание, болезнь есть страдание, соединение с нелюбимым есть страдание, разлука с любимым есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность (к земному) есть страдание.

Вот, о монахи, благородная истина об источниках страдания: это жажда (бытия), ведущая от рождения к рождению, связанная со страстью и желанием, находящая удовлетворение там и тут, а именно: жажда удовольствий, жажда бытия, жажда могущества.

Вот, о монахи, благородная истина о прекращении страдания: это уничтожение жажды путем полного подавления желаний, ее удаление и изгнание, отдаление самого себя от нее, ее недопущение.

Вот, о монахи, благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания. Это священный восьмеричный путь, а именно: праведная вера, праведное намерение, праведная речь, праведные поступки, праведный образ жизни, праведное усилие, праведная мысль, праведная самососредоточенность» (*Чаттопадхья Д.* История индийской философии. М., 1966. С. 177).

Полное освобождение от страданий возможно в состоянии нирваны (буквально «затухание», «остывание»), когда, потеряв все связи с миром, представление о собственном Я, иллюзии внешнего мира и собственных мыслей, человек сливается с неизменной и невыразимой полнотой бытия, как капля воды впадает в океан.

К достижению нирваны призван подготовит восьмеричный путь Будды. Он включает освобождение от заблуждений; отрешение от привязанностей к миру, от дурных намерений, от вражды к людям; воздержание от лжи; отказ от уничтожения живого, от воровства; зарабатывать на жизнь честным путем; искоренение дурных мыслей, постоянное повторение ранее усвоенного; правильное сосредоточение.

Из восьми ступеней первые две: правильные взгляды (осознание четырех истин) и правильное стремление (достичь нирваны) — относятся к сфере сознания. Три следующих: правильная речь (воздержание от лжи), правильное поведение (ненанесение вреда другим существам и т.п.), правильный образ жизни (добывание питания честными способами) — относятся к внешним формам деятельности. Три последние: правильное усилие (контроль за состоянием психики и т.п.), правильное направление мысли (не думать «это — я», «это — мое», т.е. не концентрировать внимание

на собственной личности), правильное сосредоточение (достижение состояния отрешенности от мира и избавление от желаний) — относятся к внутрилличностной трансформации.

Понятие нирваны как цели человеческого существования — основное в буддизме. Это такое состояние, под которым понимается «освобождение от собственного Я», преодоление любых мирских связей и как результат «абсолютная свобода» от уз двойственности. Человек освобождается не только от страдания и угнетения, но и от самого себя как источника страданий. Это радикальное освобождение от страданий путем освобождения от собственного Я.

Буддисты считают, что Будда открыл тайну, как избежать перевоплощений. Его подход предполагает признание неограниченных возможностей человека изменять свою внутреннюю природу, хотя и отрицает индивидуальную душу, соглашаясь лишь на возрождение характера в последующих воплощениях.

Буддизм возник в Индии на почве требования отрешенности от чувственного мира. Его цель — нирвана, состояние интенсивной духовной деятельности, но описать ее можно лишь в негативных терминах, поскольку всякий термин ограничивает, а нирвана есть приобщение к безграничному. «Нирвана или избавление — это не растворение души, а ее вступление в состояние блаженства, которое не имеет конца. Это освобождение от тела, но не от существования» (*Радхакришнан С. С.* 281). Это отказ от действия и желания, абсолютное спокойствие. «Нирвана есть лишь разрушение пламени вожделения, ненависти и невежества» (Там же. С. 381). Это духовный покой без напряжения и конфликта, состояние совершенства, которое трудно постичь.

Будда отрицал существование богов и тем самым последовательно развивал древнеиндийские представления. Если мир — майя, тогда и боги неистинны. Свое невнимание к метафизике Будда объяснял так: «человек, в теле которого застряла стрела, должен стараться извлечь ее, а не тратить время на размышления по поводу того, из какого материала она сделана и кем пущена. Но когда буддизм стал религией, сам Будда был обожествлен.

Буддизм отрицал необходимость молитв, священный характер Вед, и в отличие от йоги считал излишними физические упражнения, признавая достаточным духовное сосредоточение, или медитацию, особенно ценимую в модном ныне дзен-буддизме.

Главный аргумент буддизма против брахманических представлений: мир полон страданий, значит Создатель, если бы он был, не всемогущ или не всеблаг (возражение индуизма: мир — школа). Если мир кем-то создан, то человек лишь произведен от высшей силы, и нет места для нравственного выбора (возражение христианства: человеку дана Богом свобода воли).

В отличие от брахманизма и йоги буддизм сделал ставку не на определенную систему обрядов и упражнений, разных у различных народов, а на общечеловеческие нравственные ценности. Буддизм выбрал средний путь между потворством желанием, обычным для человека, и умерщвлением плоти, характерным для аскетов. Основной мотив буддизма этический — преодоление страданий, и именно это сделало буддизм мировой религией.

Буддистские монахи (бхикшу) — нищие, живущие милостыней, для которых главное — духовное развитие. С их точки зрения, «хорошие поступки — это те, которые совершаются с целью получить счастье в ином мире... Дурные поступки — это те, которые совершены с целью приобрести счастье здесь» (Указ. соч. С. 356). Если человек в этой жизни достигнет просветления и избавится от страстей, у него не будет кармы и ему придется воплощаться снова. Праведная жизнь приводит к окончательному избавлению от страданий.

Следование принципу ахимсы способствовало отрицательному отношению буддизма к жертвоприношениям, распространенным в традиционном брахманизме, как и в других языческих верованиях.

Жизнь разрушать, хотя бы для молений,
В том нет любви, в убийстве правды нет.
Хотя б за эти жертвоприношенья
И длительная нам была награда,
Живое как могли бы умерщвлять мы?

(*Ашвагхоша*. Жизнь Будды. М., 1990. С. 124).

Будда был против жертвоприношений, но его жизнь построена на желании принести в жертву себя. Будда имел все, что нужно для жизни, и ушел от ожидавшего его царства, пожертвовав благами мира. Переход от жертв другими и своей собственностью к жертве собой является прообразом Христовой жертвы, которая в индийской культуре не могла иметь такого резонанса, поскольку телесная жизнь никогда не ценилась в ней так высоко, как в других культурах. Очевидно, однако, что несмотря на разнообразие религий, они обладают общей чертой, которую можно определить как освобождение через жертву.

Буддизм выступил против разделения людей на касты (человек — брахман не по происхождению, а по поступкам), что сыграло большую роль в приобщении к нему простых людей и превращение его в мировую религию. Буддизм обещает спасение всем людям, как и христианство, которое тоже смело социальные и национальные перегородки, заявив, что «нет ни эллина, ни иудея». Обратясь к душе человека, обе религии стали мировыми.

Говоря о сходстве буддизма и христианства, можно отметить, помимо обещания вечного блаженства и отказа от земных благ, которыми искушал Иисуса Сатана и Будду бог смерти Мара, также индивидуальность спасения (в буддизме спасти не может даже Бог), потребность в добродетели для обретения просветления и святости (творить благое делом, словом, помышлением).

К отличиям же буддизма от христианства относится помимо концепции перевоплощения отрицание им Бога-творца, индивидуальной души и священных книг, отказ от страдания как земная цель. Вера в достижимость полного знания на Земле, возможность для человека стать выше богов путем достижения нирваны (человек поднимается ввысь к Единому, нравственно совершенствуясь, а не Бог спускается к людям для их спасения и искупления их грехов). В христианстве Бог становится человеком Иисусом, в буддизме человек Будда становится выше богов.

Есть определенное сходство в направленности развития от Вед к буддизму и от Ветхого Завета к Новому. Оно заключается, помимо преодоления социальной и национальной разобщенности, в

том, что Бога дополняет Богочеловек (в буддизме человек сменяет богов) и усиливается устремленность к нравственному идеалу, когда главное значение приобретают наравне с действиями внутренние намерения. Можно сказать, что буддизм относится к брахманической религии, как Новый Завет к Ветхому.

Почти одновременно с буддизмом сформировалась еще одна религия — джайнизм (от имени ее легендарного основателя Джайны, что значит Победитель), в которой наряду с такими моральными принципами поведения, как милосердие, терпение, смирение, простодушие, умиротворенность ума, воздержание от лживости, воровства, всех привязанностей и земных интересов, потворства своим слабостям, особую ценность приобрел принцип ахимсы. Уважение ко всему живому и воздержание от нанесения ему вреда — одна из главных черт джайнизма. Последователи этой религии полагали, что, поскольку индивидуальная душа (жива), являющаяся частью Бога, находится во всех живых существах, надо воздерживаться от причинения вреда не только людям, но и животным и растениям. В «Книге о хорошем поведении» из джайнистского канона говорится: «Причинение вреда земле подобно избиению, ранению и убийству слепого». Джайнистские монахи ходили с веничком, подметая землю перед собой и надевали на лицо сетку, чтобы ненароком не навредить живым существам.

Интересно сравнить ахимсу с христианским идеалом непротivления, выдвинутым в полемике с известным положением Ветхого Завета «око за око». Идеал ахимсы относится к большему кругу объектов и говорит не о непротivлении, а о непричинении вреда живому. В применении к человеку это, по существу, одно и то же, потому что непротivящийся злumu, конечно, не будет сам первым причинять зло. Но принцип ахимсы относится и к животным. Он не исключает, впрочем, ненасильственного сопротивления.

В отличие от «среднего пути» джайнизм выбрал аскетизм как средство достижения истины. С его помощью очищаются от грехов и покидают круг перевоплощений, в котором души блуждают, пока не найдут спасения через Джайну.

Заключительным этапом развития древнеиндийской мысли стало возникновение философских систем Веданты, Санхьи, Йоги и других, которые строились на основе богатейшего материала индийской мифологии и метафизики. В Веданте («анта» — конец), возникшей в IV—II вв. до н.э., брахман понимается как «пребывающая в абсолютном покое, вечная и бескачественная субстанция, из которой все исходит и в которую все возвращается; она является не объектом поклонения, но объектом абстрактного мышления, посредством которого верующий стремится слиться с ней».

В это же время сформировалась и основная религия Индии — индуизм, который по-своему монотеистичен, признавая Бога-Творца, но не отрицая других богов. Смысл индуизма, по Неру, «живи и жить давай другим». «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными способами. Человек может не верить в бога и все же называть себя индусом» (Открытие Индии... С. 48). Понятие «индус» — религиозное, а не национальное.

Развивались в Индии также естествознание, психология, логика, математика, особенно алгебра. Из Индии пришли цифры, которыми мы ныне пользуемся, называемые арабскими.

Вопросы для повторения

- Каковы основные представления индийской культуры?
- Что такое карма и реинкарнация?
- Что такое Единое и атман?
- Что такое дхарма?
- О чем повествуют Веды?
- Каковы содержание «Рамаяны» и «Махабхараты»?
- В чем значение «Бхагавадгиты»?
- Каковы особенности буддизма?
- Что такое нирвана?
- Каково отношение Будды к жертвоприношениям?
- Как соотносятся буддизм и христианство?
- Каковы особенности джайнизма?
- Что такое ахимса?

Глава 8. Древняя Индия

- Каковы особенности индуизма?
- Что такое Веданта?

Литература

1. Открытие Индии: философские и эстетические воззрения в Индии XX в. М., 1987.
2. *Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 1956.
3. Упанишады. М., 1991.
4. Классическая йога. М., 1992.
5. Дхаммапада. Рига, 1991.
6. Махабхарата. Рамаяна. М., 1974.
7. Бхагавадгита. СПб., 1994.

Глава 9

Древний Китай

С тех пор поныне тысячи лет
Жертву приносим, все как один.
Шицзин

Древнейшие города-государства возникли в Китае во 2-м тысячелетии до н.э.; важнейший из них город Шан, правившей которым династии Инь удалось объединить значительные территории. На рубеже 2—1-го тысячелетий была создана цивилизация Чжоу, представлявшая собой совокупность отдельных государств. Первой централизованной империей на территории Китая было царство Цинь (III в. до н.э.). В этот период начинается строительство Великой Китайской стены. Следующая династия, правившая Китаем до IV в. до н.э., — Хань. После периода раздробленности под властью династии Суй в VII в. возникает могущественная Танская империя, а затем Китай объединяет династия Сун.

В конце XIII в. Китай был завоеван монголами, но через 100 лет освободился от иностранного владычества. Следующие две династии — Мин и маньчжурская Цин. Процесс восприятия завоевателями культуры завоеванных народов имел место и в Китае. Например, монголы быстро приняли законы, нравы и даже язык побежденных. Афоризм китайского мыслителя Лао-цзы «слабейшее побеждает сильнейшее» может быть приложен к ситуации победы культуры над насилием, тогда как повелевающий другими не должен ли быть всегда, по утверждению Шуцзи, в страхе?

ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Особенностью китайского национального характера является обращенность к проблемам социума и нацеленность на иссле-

дование взаимоотношений людей. Китай соседствует с Индией, и часто мудрость обоих народов объединяют, говоря о философии Дальнего Востока. Но какая разница во взглядах, даже в постановке проблем! Индийская культура основана на представлении о перевоплощении душ и карме. Китайская исходит из того, что «рождение — начало человека, смерть — его конец... Смерть наступает один раз, (человек) не возвращается» (Древнекитайская философия: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 18). Индийцы думают о том, как выйти из колеса перевоплощений и обрести вечное блаженство вне мира; китайцы считают, что «жизнь — это хорошо, а смерть — это плохо» (Там же. С. 13). Индийская мысль создает учение о Едином, которое является основой бытия и высшей истиной; китайская — учение о двух противоположных началах ян и инь, господствующих в нашем мире. Индийской философии присущ монизм, китайской — дуализм.

Если душа человека часть Единого — это служит оправданием индивидуализма. Поэтому современный индийский философ Раджниш говорил: «Я не спаситель. Я спас самого себя, а вы должны спасти себя». Совсем иначе ориентирована нравственно-философская мысль Древнего Китая. Конфуций, сопоставляя личный успех человека с делами в государстве, говорил:

Есть в Поднебесной путь — будь на виду,
А нет пути — скрывайся.
Стыдись быть бедным и убогим,
Когда в стране есть путь;
Стыдись быть знатным и богатым,
Когда в ней нет пути (Лунь-юй. 8, 13).

Если бы Конфуцию предложили стать миллионером в нищей стране, лишившейся мощи и достоинства, он вряд ли согласился бы.

Это не значит, впрочем, что можно оправдывать собственное зло влиянием окружения. Человек сам отвечает за свои поступки. «Осуществление человеколюбия зависит от самого человека, разве оно зависит от других людей?» — риторически спрашивал Конфуций.

Исходя из социально-практической устремленности китайской мысли иным, чем в Индии, был престиж мудрецов. Их ценили не за взгляды, а за службу, которая считалась обязательной, и термин «использовать», применявшийся при этом, удачно передает суть дела.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

У древних китайцев не было пантеона богов, и они ограничивались представлением о Небе как создателе всего сущего. Небо в китайской мифологии понималось как сознательное существо, управляющее миром.

В Толкованиях к «Книге перемен» говорится, что Небо называют отцом, а землю — матерью, что соответствует языческой терминологии, известной во многих культурах. Понятие неба выполняло минимальные функции объяснения происхождения мира, и это удовлетворяло китайцев. Глубже в метафизику они погружаться не хотели.

С представления о божественности Неба начинается мифология, так же как с погребальных обрядов начинаются культы. То, что высшим божественным авторитетом для китайцев являлось Небо, еще одно доказательство того, что они остались в области мифологии, как в религиозных обрядах, на первой стадии. Важная мифологическая роль неба подтверждается и тем, что в гербах многих народов присутствует орел — символ неба и высшего бога — Неба.

Китайский взгляд на соотношение жизни и смерти выразил Конфуций, отвечая на вопрос о смерти: «Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?» А на вопрос: «Как служить духам и душам умерших?» — Конфуций ответил: «Не научившись служить людям, можно ли служить духам?» (Лунь-юй. 14).

Китайцы старались не задумываться о потусторонних вещах и ограничивались двумя принципами: «бояться воли Неба» и «почитать духов и души умерших, но держаться от них подальше».

Особенности национального характера определили стержневую линию развития китайской культуры. Она не религиозна. В

роли мифологических существ выступают люди, которые создают сельскохозяйственные культуры, ремесла, язык и все остальное, чем пользуется человечество. Речь идет о культурных героях, которые ввиду отсутствия в Китае пантеона богов и выполняли роль главных творцов. Надо сказать, что в Китае они создали много такого, до чего другие народы додумались гораздо позже. Представление о культурных героях получило особое развитие в Китае.

Китайская культура может служить хорошим подтверждением концепции Эвгемера (конец IV — начало III в. до н.э.), в соответствии с которой истоки мифов следует искать в действительной истории, а мифологические боги и полубоги были вначале реальными человеческими существами.

Постепенно функции предков, живших в легендарные времена и одаренных сверхъестественными способностями, брали на себя боги. Но китайская культура из-за слабости мистического компонента задержалась на начальном этапе. Культурные герои наделены необыкновенным рождением, их нередко охраняют животные-защитники, и они становятся мудрыми правителями или же иным путем совершают великие деяния. Культурными героями выступают легендарные правители Яо и Шунь, отнесенные традицией к XXIV—XXIII вв. до н.э.; Юй, основатель первой китайской династии Ся (XXIII в. до н.э.), Желтый Император и др. Их можно воспринимать как творцов, которые передали свои произведения другим людям.

Китайский миф о происхождении мира из яйца, известный и по другим источникам, заставляет вспомнить о точке сингулярности из современной модели Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной. В этом же мифе фигурирует расширение Небес и Земли, на которые распалось яйцо. В других текстах порожденный в яйце Пань-гу выступает как аналог Пуруши. Когда он умер, «его дыхание превратилось в ветер и облака, голос — в гром, левый и правый глаз соответственно в солнце и луну, четыре конечности и пять “тел” (пальцев?) — в четыре стороны света и пять великих гор, кровь — в реки, мускулы и вены — в слои зем-

ли, плоть — в почву, волосы и борода — в созвездия, кожа и волосы на теле — в растения и деревья, зубы и кости — в металлы и камни, костный мозг — в золото и драгоценные камни, а пот — в дождь. Паразиты на его теле, оплодотворенные ветром, стали человеческими существами. В графических его изображениях... он обычно предстает как рогатый творец, который высекает вселенную с помощью молотка и тесла» (Мифологии древнего мира... С. 379—380). Это напоминает представления Индии и Шумера. Первобытный хаос, который встречается и в китайской культуре, аналогичен неустойчивой системе в синергетике.

Вот ее мифологическое описание: «В очень древние времена четыре столба [по четырем странам света] (поддерживающие небо. — А.Г.) были низвергнуты, девять областей [обитаемого мира] раскололись на части. Небеса не покрывали всего [мира], а Земля не поддерживала полностью [Небеса]. Огонь бушевал — и никто его не тушил, воды разливались — и никто их не сдерживал. Лютые звери пожирали людей, хищные птицы терзали старых и слабых своими когтями. Вот почему Нюйгуа (божество-устроительница. — А.Г.) сплавил вместе камни пяти цветов и залатала ими лазурное Небо. Она отрезала ноги у черепахи и укрепила ими четыре столба... она собрала тростниковую золу, чтобы запрудить непокорные воды» (Мифологии древнего мира... С. 383). Далее текст сообщает, что после этого установилась всеобщая гармония — переход к устойчивой линии развития.

В китайской культуре, совсем не религиозной, существует почитание предков с целью умиловить их и тем самым обезопасить живущих от их возможного вредного воздействия. Дж. Фрэнклер полагал, что страх перед мертвыми вызывается страхом перед смертью, а так как последний существует повсеместно, то и первый также, хотя бы данная культура и была нерелигиозна. По одной из концепций само захоронение умерших обязано страху.

Среди натурфилософских представлений Древнего Китая следует отметить учение о пяти стихиях: воде, огне, земле, дереве и металле. «Вода увлажняется и течет вниз, огонь горит и под-

нимается вверх, дерево сгибается и выпрямляется, металл подчиняется [внешнему воздействию] и изменяется, земля принимает посев и дает урожай» (История китайской философии. М., 1989. С. 31). Пять стихий соотносятся с пятью вкусовыми ощущениями. «То, что увлажняется и течет вниз, создает соленое; то, что горит и поднимается вверх, создает горькое; то, что сгибается и выпрямляется, создает кислое; то, что подчиняется [внешнему воздействию] и изменяется, создает острое; то, что принимает посев и дает урожай, создает сладкое» (Там же). Интересно сопоставить это учение с натурфилософскими представлениями древних греков, возникшими примерно в то же время, с их четырьмя главными элементами: водой, воздухом, огнем и землей.

Важной чертой китайской культуры была ее диалектичность. И не удивительно. Если мы ориентированы на посюстороннюю жизнь, в которой «все течет и все изменяется», переходя из одного состояния в свою противоположность, и не рассматриваем само бытие как нечто единое, то неизбежно приходим к диалектике как способу изучения действительности.

В древнейшей «Книге перемен» большое место занимают рассуждения о двух противоположных началах, взаимодействие которых обуславливает появление вещей, смену явлений природы и т.д. Это ян и инь, соответственно светлое и темное, твердое и мягкое, мужское и женское, успешное и неудачное.

В Толкованиях к «Книге перемен» образование мироздания объясняется так. Первоначально существовал хаос. Борьба противоположностей внутри него привела к образованию неба и земли. В результате их взаимодействия сформировались четыре сезона года, а установившееся единство между небом, землей и четырьмя сезонами привело к возникновению ветра, грома, воды, огня, гор и болот, а также человеческого общества. Небо, земля, ветер, гром, огонь, горы и болота образовали восемь триграмм.

Становление мира описано диалектически. «Перед началом перемен существовал Великий Предел, который породил два начала [темное и светлое], два начала породили четыре символа [четыре черты, символизирующие стихии металла, дерева, воды и

огня], четыре символа породили восемь триграмм» (Джоу-и. Гл. 7). Поскольку «твердое и мягкое взаимно трутся друг о друга, а восемь триграмм взаимно подавляют друг друга» (Там же), происходят бесконечные изменения.

А. Радклиф-Браун выводит китайскую диалектику из дуально-родовой организации древнего общества. Китайская диалектика была не разрушительной, а созидательной, поэтому в ней большое значение имели понятия гармонии и «золотой середины» («держат в руках две крайности, но использовать для народа лежащую между ними середину» — комментарий к «Лунь-юй»). «Чрезмерность так же плоха, как и отставание», — говорил Конфуций (Лунь-юй. 14).

О гармонии применительно к человеку сказано так: «Когда не проявляют удовольствия, гнева, печали и радости, это называется [состоянием] середины. Когда их проявляют в надлежащей степени, это называется [состоянием] гармонии. Середина является наиважнейшей основой [действий] людей в Поднебесной; гармония — это путь, которым должны следовать [люди] в Поднебесной. Когда удастся достигнуть [состояния] середины и гармонии, в природе устанавливается порядок и все сущее расцветает» (Древнекитайская философия: В 2 т. Т. 2. С. 119).

Китайской мысли была присуща черта, которая роднила ее с индийской (в этом оба дальневосточных народа схожи) — стремление к постоянству. «Небу свойственны постоянные явления, земле свойственна постоянная форма, человеку свойственны постоянные нравы. Однажды созданные, [они] не меняются; это называется тремя постоянствами» (Там же. С. 15). Постоянство китайцы хотели обрести на земле, а не по ту сторону жизни. Отсюда значительная роль, которая отводится ритуалу (знаменитые китайские церемонии), и чувство долга. Чтобы достичь согласия и устойчивости в быстротекущем мире, китайцы нашли способ, аналогичный медитации индийцев, но вполне земной. С его помощью текучее становится неподвижным. «Ритуал — высшая мера поведения людей как безмен — высшая мера веса», — писал Сюнь-цзы (Там же. С. 179).

Теперь становится понятно, почему Будда отказался от жертвоприношения, а Конфуций нет. Индийцы искали постоянство и истину в ином мире, а китайцы — в этом. Цель китайцев не изменение и прогресс, а благоденствие как результат постоянства, охраняемого ритуалом и долгом. Отсюда традиционное миролюбие китайцев, которое сродни миролюбию индийцев. Стремление к устойчивости как повторению прошлого — общая черта китайского понимания времени, а будущее имеет религиозное оправдание лишь постольку, поскольку оно способно точно воспроизводить прошедшее.

Поскольку, однако, чувственное бытие текуче, возникает проблема обеспечения гармонии начал, являющейся источником развития. «А ведь гармония фактически рождает все вещи, в то время как единообразие не приносит потомства. Уравнение одного с помощью другого называется гармонией, благодаря гармонии все бурно развивается и рождаются предметы... Именно поэтому покойные ваны смешивали землю с металлом, деревом, водой и огнем, создавая благодаря этому все вещи» — эти слова сказаны в VIII в. до н.э. (Цит. по: История китайской философии. С. 33). Все существующее, стало быть, — результат гармонии между ян и инь. Связь между двумя началами порождает гармонию, а затем рождается все сущее.

Стремление к постоянству связано у китайцев с тем, что они так же как и индийцы, признают неизменное более истинным. Для самой возможности познания необходим покой — здесь китайская мысль также солидарна с индийской. Сердце выступает органом познания, а сердечный покой дает возможность постичь истину.

ТРИ МЫСЛИТЕЛЯ

Три величайших мыслителя Древнего Китая, достойные наибольшего внимания, — покрытый ореолом таинственности Лао-цзы, всеми почитаемый Конфуций и мало кому ныне известный Мо-цзы, который, однако сформулировал за четыре с лишним века до Рождества Христова концепцию всеобщей любви.

Познакомиться со взглядами этих мыслителей довольно просто. Имеются три текста, прямо связанные с их именами. Правда, автор и время написания «Дао дэ цзин» не совсем ясны. Основное произведение конфуцианства представляет собой записи учеников, трактат «Мо-цзы» тоже, скорее всего, написан его последователями, хотя это единственный из трех связный текст с внутренней логикой в пределах глав, а не просто сборник афоризмов.

Лао-цзы — прозвище, означающее «старый учитель». Сведений о его жизни очень мало, но известно, что он был хранителем императорского архива Чжоуского двора — величайшего книгохранилища Древнего Китая. Жившего ранее двух других великих китайских мыслителей Лао-цзы (VI—V вв. до н.э.) нелегко понять не только потому, что основное его понятие «дао» очень неоднозначно — это и «главное над множеством вещей», и «матерь земли и неба», и «первооснова мира», и «корень», и «путь», — но и потому, что в постижении этого понятия мы не имеем возможности, как в других культурах, опереться на какие-либо мифологические образы, которые облегчали бы усвоение. Дао столь же неопределенно у Лао-цзы, как понятие Неба во всей китайской культуре.

Сам Лао-цзы полагал, что его «слова легко понять или легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять» (Дао дэ цзин. 70). И тут же диалектически утешался: «Когда меня мало знают, тогда я дорог» (Там же). К диалектике Лао-цзы обращался часто. «Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны». Как это понять? А дальше: «Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни». Тут что-то приоткрывается. И вдруг: «Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь» (Там же. 75). Это образец отрывочности текста, в котором надо искать общеглубинный смысл.

Чтобы понять Лао-цзы, надо определить дао. Дао входит в предметы, делая их истинными и объединяя их в единое целое. Дао — источник всех вещей и основа функционирования бытия. Дао определяется как «корень». Корень находится под землей,

его не видно, но он первичен по отношению к растению. Так же первично и невидимо дао, из которого продуцируется весь мир. Знакомство с индийской культурой наводит на мысль, что дао близко к понятиям Единое, нирвана и другому буддистскому термину «пустота». «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо» (Там же. 4). Если сравнивать с западной философией, то дао близко к понятию небытия («В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии» (Там же. 40)). В отличие от понятия нирваны почитание дао не обязывает объявить чувственный мир иллюзией, китайцы для этого слишком практичны и менее метафизичны, но видимый мир как бы второстепенен.

Лао-цзы отличается от Будды тем, что, исходя из главенства дао, думает не об уходе из мира, а о том, какие отсюда проистекают следствия для жизни. В этом смысле дао понимается как естественный закон развития природы. Основное значение иероглифа дао — «дорога, по которой ходят люди». Лао-цзы преимущественно метафизик, но его главное понятие вполне посюсторонне. Дао — путь, по которому идут люди в этой жизни, а не только нечто вне ее. Человек, не знающий пути, обречен на блуждание, он заблуждающийся.

В то же время дао можно интерпретировать и как энергию (вечным источником жизненной энергии называет дао современный исследователь Чень Чупинь), и как пространство («одинокое стоит, но не меняется, ходит повсюду, но не устает» (Там же. 25)).

Дао можно трактовать и как единство с природой через подчиненность одинаковым законам. В этом значении дао созвучно понятию «риты» в индийской культуре. «Путь благородного мужа начинается среди [обычных] мужчин и женщин, но его глубинные [принципы] существуют в природе» (Древнекитайская философия. С. 121). Коль скоро есть этот всеобщий закон, нет необходимости в каком-либо моральном законе: как в естественном законе кармы, так и в искусственном законе человеческого общежития.

Дао нужно искать в себе. «Кто знает самого себя, тот сможет выяснить [сущность вещей], а кто знает людей, тот способен вер-

шить дела» (Там же. С. 38). Сравни с античным «познай самого себя». Чтобы познать дао, надо освободиться от собственных страстей. Познавший дао достигает «естественного равновесия», потому что все противоположности приводят к гармонии.

Дао ничего не желает и ни к чему не стремится, и в этом смысле вполне соответствует советам Кришны в «Бхагавадгите». Так же должны поступать и люди. Все естественное происходит само собой, без особых усилий личности. Естественному ходу противостоит искусственная деятельность человека, преследующего эгоистические, корыстные цели. Такая деятельность предосудительна, поэтому основным принципом Лао-цзы выступает недеяние («увэй»). «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, чтобы оно не делало» (Дао дэ цзин. 37). Здесь опять диалектика. Увэй не есть пассивность, а скорее непротивление естественному ходу событий и деятельность в соответствии с ним. Действуйте, говорит Лао-цзы, но помните, что нарушение естественного закона приводит к противоположному результату, тогда как следование ему дает желаемое. Встречаются такие словосочетания: «действовать своим недеянием», «управлять, не управляя» и т.п.

Увэй — это отказ от деятельности, вступающей в противоречие с естественными законами и, стало быть, требующей борьбы. Такое понимание приближается к принципу ахимсы и христианскому «не противься злему», но по иным основаниям. «Недеяние дао означает соблюдение естественности [вещей]. Соблюдение естественности [вещей] — это значит, что [человек ничего] не прибавляет [к вещам] и ничего не отнимает [у них]» (Древнекитайская философия. С. 30). Быть спокойным, действовать без привязанности к миру — тут мотив «Бхагавадгиты», но Лао-цзы подчеркивает, что «дао совершенномудрого — это деяние без борьбы», поскольку естественный закон побеждает сам собой.

Недеяние столь же важно, как деяние. Недаром библейские заповеди излагаются в форме ограничений — не убий, не укради и т.д. Надо знать, что делать и что не делать. Это и есть знание дао.

В применении к правителю, а китайские мыслители всегда давали им советы, это звучит так: «Кто служит главе народа посредством дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него». Война, с точки зрения китайцев, — нарушение дао.

В соответствии с представлением о благодати Неба и естественного закона следование дао добродетельно. Добродетель («дэ») есть проявление дао. «Дао и дэ существуют неразрывно. Если говорят [о дао или дэ], то [по существу] говорят об одном и том же» (Там же. С. 28).

Доверчивость, доброта и забота о народе отличают мудрого, следующего путем дао. «Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность. Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей» (Дао дэ цзин. 49). Взаимоотношения в обществе сопоставляются Лао-цзы с отношениями внутрисемейными, что присуще китайской традиции. Несмотря на преимущественно метафизический характер учения Лао-цзы, общая настроенность китайской мысли на социальные отношения сказывается и здесь. Единство дао и дэ, знания и добродетели приводят Лао-цзы к выводу: «Только настоящий человек обладает истинным знанием».

Традициями «Книги перемен» определяется нацеленность Лао-цзы на выявление противоречий, порой сформулированных в парадоксальной форме. Дialeктика выражена у Лао-цзы часто непонятно резко, хотя и завораживающе. «Когда в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло» (Там же. 2). «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье» (Там же. 58). И т.д.

Рассмотрим еще такое изречение Лао-цзы. «Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость»,

народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освобождаться от страстей» (Там же. 19). Здесь и высокая просветительская оценка знаний, и понимание огромного значения нравственного состояния общества, и ирония относительно того, что разговор о мудрости, гуманности и справедливости часто скрывает то обстоятельство, что именно этого недостает.

Какое значение имеет эта концепция для современности? Лао-цзы считается основателем даосизма — направления китайской культуры, дошедшего до наших дней. На близость даосизма к нарождающемуся новому пониманию природы указывают экологи. Лао-цзы советует приспосабливаться к естественным циклам, подчеркивает самодвижение в природе и важность равновесия.

В трактате «Джуан-цзы» сообщается о беседе Лао-цзы с Конфуцием, которая могла состояться между 518 и 511 гг. до н.э. Была ли она на самом деле или нет, но сообщение о ней ценно в том смысле, что показывает различия между двумя крупнейшими мыслителями Древнего Китая. Лао-цзы сказал: «Гуманность и справедливость, о которых ты говоришь, совершенно излишни. Небо и земля естественно соблюдают постоянство, солнце и луна естественно светят, звезды имеют свой естественный порядок, дикие птицы и звери живут естественным стадом, деревья естественно растут, тебе также следовало бы соблюдать [естественное] дао и его дэ [проявление]. Нет необходимости с усердием распространять учение о гуманности и справедливости... Этим ты только смущаешь народ» (Чжуан-цзы. V).

Однако именно признание человеколюбия основой отношения между людьми принесло славу Конфуцию. Ирония Лао-цзы не смогла помешать Конфуцию, потому что общество, с опаской взирающее на метафизику, больше нуждалось в осмыслении социальных взаимоотношений.

Младший современник Лао-цзы Конфуций (ок. 551 — ок. 479 гг. до н.э.) отдал традиционную для китайцев дань Небу как творцу всех вещей и призывал беспрекословно следовать судьбе, но главное внимание уделил сознательному конструированию необходимых для нормального функционирования общества социальных связей.

Родился «учитель Кун» в бедной семье, рано остался сиротой и познал нужду, хотя по преданию происходил из царского рода. Он занимал невысокие должности в царстве Лу, путешествовал, а вернувшись на родину, жил в окружении многочисленных учеников. Основное произведение Конфуция «Лунь-юй» («Беседы и высказывания»), записанные его учениками, пользовалось на протяжении всей последующей истории Китая таким влиянием, что его заставляли заучивать наизусть в школах. Оно начинается фразой, почти дословно совпадающей с хорошо нам известной: «Учиться и время от времени повторять выученное».

Конфуций, как и Лао-цзы, действовал в трудный для китайского общества период перехода от одной формации — рабовладельческой — к другой — феодальной, и в это время было особенно важно не допустить крушения социальных устоев. Подходы Конфуция и Лао-цзы были разными, но цели одинаковыми.

Примат нравственности, проповедуемый Конфуцием, отражал стремление китайского духа к устойчивости, спокойствию и миру. Учение Конфуция о том, как сделать счастливым государство через нравственное совершенствование прежде всего высших слоев общества, а затем низших. «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклониться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуалов, народ будет знать стыд и он исправится» (Лунь-юй. II, 3).

Нравственный образец для Конфуция — благородный муж: преданный, искренний, верный, справедливый. «Благородный муж ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает поступки, основываясь на ритуалах, в словах скромнен, в поступке

правдив» (Лунь-юй. XV, 17). Противоположность благородного мужа — низкий человек. «Благородный муж ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одинаково» (Там же. II, 14). «Благородные живут в согласии [с другими людьми], но не следуют за ними, низкие — следуют [за другими людьми], но не живут с ними в согласии» (Там же. XIII, 23).

Главная характеристика благородного мужа — человеколюбие. «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять [качеств], является человеколюбивым... Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успеха. Если человек добр, он может использовать других» (Там же. XVII, 6). Слово «использовать» следует понимать здесь не в привычном сугубо утилитарном смысле. В нем слышится китайская практичность, так как имеется в виду предоставление человеку достойной его работы.

Человеколюбие проявляется в первую очередь в отношениях между отцом и детьми, братьями, друзьями, государями и чиновниками, а затем и между всеми людьми. Государство, по Конфуцию, должно напоминать большую семью, в которой правитель как отец заботится о подданных, подданные почитают его и любят друг друга как братья. Конфуций уподоблял государство живому организму. «Правитель в столице страны, как сердце в теле [человека]» (Древнекитайская философия. С. 22).

Государство необходимо для справедливого и достойного существования людей, которые разделены на чиновников и простолюдинов, занимающихся соответственно умственным и физическим трудом. «Тот, кто является правителем над людьми, озабочен [мыслями о судьбе страны], но не трудится [физически]; народ же трудится [физически], однако не озабочен [такими мыслями]» (Там же. С. 21–22). Конфуций сформулировал принцип социальной гармонии. «Верхи [должны] добросовестно заботиться о низах, а низы [должны] честно служить верхам» (Там же. С. 15). Тогда образуется «моральное согласие».

Правильное управление государством — основа благосостояния народа. Во главе государства должны стоять мудрые люди, а самые знаменитые и лучшие правители — это совершенномудрые, которые от рождения несут в себе знание, дарованное им небом, и передают его людям. Правитель должен быть «величественным, но не заносчивым; строгим, но не жестоким» (История китайской философии. М., 1989. С. 74).

Искусство управления заключается в «исправлении имен», т.е. в том, чтобы каждого поставить на должность, на которой он способен приносить наибольшую пользу государству. Требование «исправления имен» означает, что правителем должен быть человек, могущий править, слуга же должен служить и быть способен к этому; отец должен исполнять обязанности отца, сын — сына и т.д. Если «имена неправильны, речь противоречива; когда речь противоречива, дела не завершаются успехом; когда дела не завершаются успехом, не процветают правила поведения и музыка; когда не процветают правила поведения и музыка, наказания и штрафы налагаются неправильно; народу некуда поставить ноги и положить руки» (Лунь-юй. XVI).

Стремление к реалистичности привело Конфуция к следованию правилу «золотой середины» — избегания крайностей в деятельности и поведении. Благородный муж «[строго придерживается] середины и не склоняется ни в одну сторону. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве царит порядок, [он] не отказывается от того поведения, [какое у него было раньше]... Когда в государстве отсутствует порядок, [он] не изменяет своим принципам до самой смерти» (Древнекитайская философия. С. 121). Так же считали и греческие философы. Благородный муж не безрассуден. «Когда в государстве царит порядок, его слова способствуют процветанию; когда в государстве нет порядка, его молчание помогает ему сохранить себя» (Там же. С. 132).

Большое значение в истории Китая вообще и в учении Конфуция занимало следование определенным раз навсегда заведенным правилам и церемониям. Будда отказался от жертвоприно-

шений, следуя принципу ахимсы. А Конфуций возразил желавшему положить конец обычаю принесения в жертву животных: «Ты заботишься о баране, а я забочусь о ритуале» (Лунь-юй. III, 17). На вопрос, что значит не нарушать принципов, Конфуций ответил: «При жизни родителей служить им, следуя ритуалу. Когда они умрут, похоронить их в соответствии с ритуалом и приносить им жертвы, руководствуясь ритуалом» (Там же. II, 5). «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию» (Там же. I, 12). Ритуал ограничивает поступки теми, которые освящены и проверены традицией. «Почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости» (Там же. VIII, 2).

Цель ритуала добиться не только внутрисоциальной гармонии, но и гармонии с природой. Ритуал по образному выражению — «это красочность долга». «Что называется долгом человека? Отец должен проявлять родительские чувства, а сын — почтительность; старший брат — доброту, а младший — дружелюбие, муж — справедливость, а жена — послушание, старшие — милосердие, а младшие — покорность, государь — человеколюбие, а подданные — преданность. Эти десять качеств и именуются человеческим долгом» (Древнекитайская философия. С. 106). Неоднократно повторяется, что «чувства человеческие были для совершенномудрых правителей пашнею. С помощью ритуала пахали ее; разбрасывая долг, засеивали ее; наставляя в науках, полли ее; укореняя человеколюбие, убирали ее; посеяв музыку, давали ей отдых» (Там же. С. 109).

Конфуций провозгласил принцип, который проходит через всю историю этики: «Не делай людям того, чего не желаешь себе». Встречаем у Конфуция и много других мыслей относительно правил общежития. «Не печалься о том, что люди тебя не знают, а печалься о том, что ты не знаешь людей» (Лунь-юй. I, 16). «В дела другого не входи, когда не на его ты месте» (Там же. VIII, 14). «Слушаю слова людей и смотрю на их действия» (История китайской философии... С. 72).

Путь Конфуция, как разъясняли его ученики, «лишь преданность и сострадание». «Учитель, — сообщали они, — категорически воздерживался от четырех вещей: не вдавался в пустые размышления, не был категоричным в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично» (Там же).

Понимая значение знания, Конфуций предостерегал от превеличенного представления о собственных знаниях («зная что-либо, считай, что знаешь; не зная, считай, что не знаешь, — это и есть [правильное отношение] к знанию» (Там же) и подчеркивал важность соединения обучения с размышлением («напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения» (Лунь-юй. II, 15).

Лао-цзы по преданию уехал из Китая на запад (в Индию), и эта легенда отражает его близость к индийской мысли. Но и Конфуций, полно выразивший дух китайского народа, тоже потерпел неудачу в распространении своих взглядов. Сходство между Лао-цзы и Конфуцием в том, что оба они в соответствии с архетипом китайской мысли искали постоянства, но Лао-цзы нашел его в недеянии, а Конфуций в постоянстве деятельности — ритуале. Общим был и призыв к ограничению потребностей. Различие же в том, что считать более важным. Ведь и Лао-цзы писал о человеколюбии, и Конфуций сказал: «Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть» (Там же. IV, 8).

Китайская культура — культура древнейших праидеологий. Это связано с ее слабой религиозностью и посяторонностью. За неимением достаточного количества богов был обожествлен сам Конфуций с обычными в таких случаях жертвоприношениями. «В Ханьский же период начались и жертвоприношения при гробнице Конфуция. Около 37 г. н.э. культ его стал государственным. В 59 г. Хань Мин-ди повелел совершать жертвоприношения в честь Конфуция в казенных школах» (Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 288). По всей Поднебесной сооружались храмы, посвященные Конфуцию. Конфуцианство, по существу, стало государственной религией.

Однажды ученик спросил Конфуция: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Конфуций ответил: «Это сло-

во — взаимность». Мыслитель-практик понимал важность общения людей на основе согласия и взаимной помощи, но не был утопистом. На вопрос: «Правильно ли отвечать добром на зло?» — Учитель ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью, на добро отвечают добром» (Лунь-юй. XIV, 34). Но как в любой культуре, в китайской существовали утописты-идеалисты (в смысле стремления к идеалам), и величайшему из них Мо-цзы (ок. 479 — ок. 400 гг. до н.э.) было мало просто взаимности. Ссылаясь опять-таки на волю Неба, он изрек: «Повиновение велению Неба — это взаимная любовь и взаимная выгода» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 195). Об опасности стремления к выгоде только для себя предупреждал Конфуций: «Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу» (Лунь-юй. IV, 12). Но в понимании значения любви Конфуций остановился на полпути. «Знающему далеко до любящего, любящему далеко до радостного» (Там же. VI, 20). Мо-цзы же совершил настоящую революцию в отношении к этому понятию.

Утопизм Мо-цзы в том, что все свои представления он взял, в отличие от Конфуция, для которого образцом была семья, в буквальном смысле слова с неба. В главе «Подражание образцу» главного сочинения, связанного с его именем, — «Мо-цзы», большую часть которого занимают записи слов и деяний самого Мо-цзы и написанного его последователями в III—II вв. до н.э., задается вопрос: «Что же можно рассматривать как образец для управления? Отвечаю. Готовясь к действиям, необходимо сопоставить свои поступки с [желаниями] Неба» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 179—180).

А что желает Небо? «Действия Неба обширны и бескорыстны. Оно щедро [и не кичится] своими достоинствами, его сияние длительно и не ослабляюще» (Там же. С. 179). Вопреки Лао-цзы, который в полемике с Конфуцием сказал, что «Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью» (Дао дэ цзин. 5), Мо-цзы считал, что «Небо непременно желает, чтобы люди взаимно любили друг друга и приносили друг другу пользу, но Небу непри-

ятно, если люди делают друг другу зло, обманывают друг друга» (Там же. С. 180).

Конфуций говорил: «Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду» (Лунь-юй. IV, 11). Мо-цзы происходил из мелких собственников и за основу взял выгоду, но всеобщую. «Если говорить о делах гуманного человека, то он обязательно должен развивать в Поднебесной то, что приносит выгоду, и уничтожать то, что причиняет Поднебесной вред» (Мо-цзы. 4). Для этого нужно вместо разъединения, которое, по Мо-цзы, лежит в основе социальных бедствий, объединиться на принципах всеобщей любви и взаимной выгоды. Это значит «смотреть на чужие владения как на свои, смотреть на чужие дома как на свои, смотреть на других как на себя» (Там же) в смысле заботы о них, как о себе и своей собственности. Здесь взаимная любовь совпадает со взаимной выгодой. Если «в Поднебесной царит всеобщая взаимная любовь, в ней порядок, а если царит взаимная ненависть, в ней происходят беспорядки».

Исполнение долга важно именно потому, что приносит выгоду, «поэтому долг называют великолепной драгоценностью Поднебесной» (Там же. 11). Управление должно быть основано на выдвижении не родственников и близких, а мудрых, и наделении их чинами, жалованьем, подчиненными. Современник Сократа, служилый человек, а затем учитель Мо-цзы, подобно Сократу, отождествлял мудрость и добродетель, а своей проповедью любви он близок к Христу. Принцип всеобщей любви Мо-цзы сформулировал в четкой форме, противопоставив любовь, «не знающую различий по степеням родства», любви отдельной, эгоистической. Отметим, что любовь в понимании Мо-цзы касается только отношений между людьми, а не к Богу, как в христианстве.

Мо-цзы писал о роли труда в жизни общества. «Человек в отличие [от представителей животного мира] живет, опираясь на свои усилия, и тот, кто не опирается на свои усилия, не живет» (Мо-цзы. 8). Это прообраз трудовой теории развития общества. Слово «усилия», которым Мо-цзы обозначал труд, иногда заме-

няется понятием «сила», и вот у нас уже уверенность в важной роли насилия в жизни общества. Лао-цзы и Конфуций подчеркивали значение воли Неба как высшей силы. По Мо-цзы, события нашей жизни зависят не от воли Неба, а от прилагаемых усилий. Мо-цзы постулировал зависимость поведения от материальных условий жизни. «Если год урожайный, то люди становятся гуманными и добрыми, если же год неурожайный, то люди становятся негуманными и злыми» (Древнекитайская философия. С. 181). Подобно всем великим утопистам Мо-цзы создал свою концепцию идеального государства и даже представление о трех последовательных фазах общественного развития: от эры «неустройства и беспорядков» через эру «великого благоденствия» к обществу «великого единения». Чем не привлекательная перспектива! Ведь все люди хотят перехода от неустройства и беспорядков к благоденствию и единению. В отличие от Конфуция Мо-цзы отрицал судьбу, необходимость ритуалов, преклонение перед древними обычаями, а также изучение музыки, стрельбы из лука и пр.

Учение Конфуция отражает естественный процесс образования государств из родов (Семей, как пишет Вико с большой буквы), объединившихся в племена, в то время как Мо-цзы обращает нас в доисторические времена, когда вообще не было частной собственности.

Взгляды Мо-цзы были очень популярны в IV—III вв. до н.э., но потом реализм Конфуция все же победил в практической душе китайца. Учение Конфуция также устремлено к идеалу, но то был идеал нравственного самосовершенствования. Мо-цзы был социальным утопистом и хотел принудительного внедрения всеобщего равенства. Конфуций был между Лао-цзы с его надежанием и Мо-цзы с его насилием, и его концепция оказалась «золотой серединой» между пассивностью и экстремизмом.

Проповедь естественности (Лао-цзы) и противопоставляемое ей искусственное конструирование межчеловеческих отношений (Конфуций), реакции на него — демократическая (Мо-цзы) и государственно-иерархическая («законники», которые превыше

всего ставили подчинение праву) — так развивалась нравственно-философская мысль Древнего Китая. За многочисленными различиями проступают главные моменты: недеяние Лао-цзы, человеколюбие Конфуция, всеобщая любовь Мо-цзы. Насколько неясен Лао-цзы, настолько почти банален Конфуций и столь же понятен, но невыполним Мо-цзы. Три варианта обеспечения устойчивости общества — космическо-метафизический, личностно-нравственный и социально-утопический — исчерпали собой философский диапазон, и дальше были лишь систематизация и перепевы.

Древнекитайская мысль сформулировала свои варианты решения основных проблем, стоящих перед человеком. Для китайцев истинен этот мир. Китайская мысль реалистична и социально-феноменологична по преимуществу.

Двумя великими народами заложена содержательная база философии как дисциплины. Но для ее формирования нужны формальные предпосылки: метод получения результатов и их общезначимость. Это обеспечила древнегреческая мысль, начиная с Сократа, который не только, по заключению Диогена Лаэртского, «ввел этику», но и создал философию, став ее олицетворением.

ИСКУССТВО И ТЕХНИКА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В Древнем Китае не было эпоса, но были исторические сочинения, а также стихи и ритмизованная проза. Самый известный историк Китая — Сыма Цянь, чьи «Исторические записки» («Шицзи») датируются II—I вв. до н.э. Очень популярна в Китае «Книга песен и гимнов» («Шицзин») — свод песен в основном устного народного творчества 1-й половины 1-го тысячелетия до н.э.

В число книг, считавшихся в Китае обязательными для обучения, входили также «Книга перемен» («Ицзин»), «Книга истории» («Шуцзин»), «Записки о ритуале» («Лицзи») и «Весны и осени» («Шуньцю») — хроника царства Лу. Вместе они составили 5 книг конфуцианского канона.

Китайцы изобрели порох, фарфор, бумагу, которая появилась к началу новой эры, и бумажные деньги — в X в. В VIII в. в Китае

появилось рулевое управление современной конструкции в мореплавании (для сравнения в Европе — в XIII в.). Руль стал большим по размерам, устанавливался на достаточной глубине, и стало возможным строить крупные корабли, могущие плавать против ветра. С XI в. китайские моряки пользовались компасом. Больших успехов достигли медицинские знания: определение диагноза по пульсу и т.д. С IV—III вв. до н.э. применялось иглоукалывание. Одним из чудес света может считаться Великая Китайская стена, построенная в 220—210 гг. до н.э. Ее длина свыше 6 тыс. км, ширина 5—5,5 м, высота в среднем 9 м, а дозорных башен — 12 м.

Вопросы для повторения

- Каковы основные представления китайской культуры?
- Чем она отличается от индийской?
- Каковы особенности китайской мифологии?
- Какова роль неба в китайской мифологии?
- Что вы знаете о китайской диалектике?
- Назовите трех основных мыслителей Древнего Китая.
- Что такое дао и дэ?
- Что такое увэй?
- Чем учение Конфуция отличается от учения Лао-цзы?
- Каковы представления Конфуция об идеальном государстве?
- Что такое «золотая середина», по Конфуцию?
- Каковы основные особенности учения Мо-цзы?
- Каковы характерные черты китайского искусства?
- Каковы особенности китайской техники?
- Что изобрели китайцы?

Литература

1. Древнекитайская философия: В 2 т. М., 1972, 1973.
2. История китайской философии. М., 1989.
3. Шицзин. М., 1987.
4. *Шуцзин* Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
5. *Конфуций*. Я верю в древность. М., 1998.
6. *Сыма Цянь*. Исторические записки. М., 1992.

Глава 10

Философия: становление рациональной культуры

Если вы меня казните, меня назовут мудрым всерьез.
А если вы дадите мне спокойно умереть, меня скоро забудут.
Сократ

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Мы определили мифологию как систему из двух уровней: образного, доставшегося ей от искусства, и более глубокого — понятийного, который по мере эволюции логического мышления становится все более важным. В определенное время в определенном месте этот развившийся из мифологии глубинный уровень прорывает оболочку образов и выходит на поверхность, заявляя о своей самоценности. Философия начинается с осознанного применения понятий. Это и есть точка перехода от мифологии к философии.

В переводе с греческого философия определяется как любовь к мудрости, и это исходный пункт ее становления. В целом философия представляет собой отрасль культуры, вдохновленную любовью к мудрости и занимающуюся рациональным поиском ответов на все те же основные вопросы: каково происхождение и устройство мира; что такое человек; как познается мир; в чем смысл жизни; что такое истина, добро, красота и т.п. Размышление над этими вопросами отличает мудрость, которую Г. Марсель относит к метатехническому уровню, поскольку она «часто вынуждает ставить под вопрос технические приемы и вообще технику как таковую» (*Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 352*).

Одна из главнейших проблем философии — проблема жизни и смерти. «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути

вещей, только одним — умиранием и смертью» (*Платон. Федон.* 64). Под умиранием можно понимать способ философского мышления — использование вечных понятий, и жизнь философа, который умирая для всего временного и обретая знания, готовит себе бессмертие. «Стремление к мудрости имеет то общее с умиранием, что человек отвращается от телесного», — комментирует Штайнер Сократа (*Штайнер Р. Христианство как мистический факт... С. 47*). Итак, умирание представляет собой жертву телесного духовному. Философы стремятся к отделению души от тела, т.е. к смерти. В этом нет ничего нового. Рассматривая мифы, Элиаде делает вывод, что «Смерть также символизирует и Мудрость» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии... С. 264*). Обретение мудрости — задача философии. Данная параллель ведет к пониманию всей культуры как жертвы и мудрости как жертвования собой. Философствование есть медленное умирание для преодоления смерти. В этом диалектика как сознательное разрешение противоречия между жизнью и мышлением.

Философию сравнивают и с родами. Метод вопрошания, помогающий духовному рождению человека и его самостоятельному приходу к истине, Сократ по аналогии с ремеслом своей матери-повитухи назвал «майевтикой». «В моем повивальном искусстве почти все так же, как у них; отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души, а не плоти. Самое же великое в нашем искусстве — то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» (*Платон. Теэтет.* 150). Здесь прослеживается связь между философией и обрядами инициации у примитивных народов. «Сама мудрость, а значит, и все созидательные знания постигаются как плод инициации, т.е. как результат и космологии, и духовного рождения. Сократ не ошибался, сравнивая себя с акушеркой, так как он помогал людям родиться в самосознании» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии... С. 265*).

В процессе философской рационализации мифа боги из личных существ превращаются в безличные категории. Постепенное

выхолащивание мифологических представлений хорошо видно на примере перехода от образа Психеи к понятию души.

Предпосылкой становления философии служит введение отвлеченных сущностей, а окончательно укрепляется она тогда, когда эти сущности начинают рассматриваться как понятия, формирующиеся в мозгу человека и выступающие в качестве предмета мышления. От вечных и неизменных понятий берет начало философия, и именно они — гарант бессмертия человеческого духа.

Когда говорят, что философия — высшее достижение человеческого разума, то под этим можно иметь в виду, что в философии достигает своего расцвета отличающее человека от животных понятийное, отвлеченное, абстрактное мышление. В этом смысле философия в наибольшей степени соответствует понятию *Homo sapiens*. Так можно переинтерпретировать известный афоризм Декарта «я мыслю, следовательно, я существую», существую как представитель человеческого рода.

Философия — искусство рассуждения, способ обучения критическому мышлению. Только возникновением новой традиции критического обсуждения мифов и теорий, основу которого составляет «изобретение критического мышления», можно «объяснить тот факт, что в ионийской школе три первых поколения философов создали три различных философских учения» (*Понпер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 371*).

Начиная с философии, развитие культуры происходит на наших глазах, что облегчает ее анализ. «Даже само возникновение философии, на мой взгляд, может рассматриваться как ответ на крах закрытого общества и его магических верований. Философия — это попытка заменить утраченную магическую веру рациональной верой. Она модифицирует традицию теории или мифа и закладывает новую традицию — традицию постановки под сомнение теорий и мифов и их критического обсуждения» (Там же. С. 234). Философия имеет дело с теми же проблемами, что и мифология, но рассматривает их по-своему.

Философское рождение в самосознании предполагает личные усилия, а критическая направленность мышления заставляет

подвергать сомнению не только общепринятые архетипы, но и собственные выводы. В обсуждение фундаментальных проблем, стоящих перед человечеством, тем самым вносится новая, личностно-трагическая нота. Впрочем, развитие как природы, так и культуры предполагает драматические повороты.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И РОЛЬ СОКРАТА

Примерно 2500 лет тому назад мифологическому периоду с его спокойствием и самоочевидностью пришел конец. Сразу в нескольких точках — в Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции — «началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа... и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов бога» (*Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991. С. 31*). В результате целостность мифа была разрушена, и он стал элементом рефлектирующего сознания. Новое вопрошание, обращенное к миру, привело к иным ответам. Человек открыл внутри себя духовный источник, поднявший его над самим собой и миром. Общим было растущее осознание человеком себя как индивидуальности в пределах целого.

Политическая ситуация в трех регионах была сходной: небольшие свободные государства, взаимодействующие друг с другом. Индийская и китайская культуры подготовили появление философии, но возникла она в культуре греческой. Более того, философия в отличие от мистики, искусства и мифологии не является всеобщей отраслью культуры, т.е. свойственна не всем народам. Мистицизм Востока помешал становлению философии в Индии и Китае, а греческая мифология помогла, создав набор образов, перешедших в понятия. На то были особые причины. Греция — страна наиболее четкой, последовательной и логичной мифологической системы. Мотив жертвы предстал в ней особенно выпукло (вспомним Прометея). По мере роста драматизма мифы очеловечивались; недаром именно в Греции возникла концепция Эвгемера о том, что боги — это мифологизированные культурные герои. Человекоподобное изображение богов подрывало веру

в мифы (на что справедливо указывали впоследствии христиане) и способствовало переходу к философии, который совершается, когда мифология достигает апогея.

Древние греки обладали наиболее рациональным складом ума из всех древних народов. Имели значение социальные условия, которые находятся в соответствии с психологией и менталитетом народа, а именно становление демократического образа правления. В демократическом обществе, утверждал Перикл, бесполезным считается тот, «кто вовсе не участвует в государственной деятельности. Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению происходит от того, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами» (*Фукидид*. История. II, 40). Стало быть, каждый афинянин не только имел право, но и обязан был как гражданин высказывать о делах государства, понимая его как республику («общее достояние»), свое мнение и отстаивать его, рассчитывая на восприимчивость слушателей к рациональным доводам и не опасаясь наказания за суждение. Собственное мнение надо уметь обосновывать. Эта государственная необходимость в демократическую эпоху требовала обращения к философии. Люди, умеющие говорить логично и красиво, выходили победителями в спорах и пользовались престижем и славой.

Так родилась первая из двух философских цивилизаций — греческая. Вторая — римская — много заимствовала от греческой после завоевания Греции, что привело к расширению ареала философии на все пространство великой Римской империи и приобщение к ней других народов. Заметим, что становление новой господствующей отрасли культуры произошло в цивилизации нового типа — морской: недаром подчеркивалась роль образа жизни населения морской торговой державы в становлении философии и общего высокого уровня культуры. Греки много сделали для создания целостной личности в том смысле, что хотели видеть таковыми всех свободных людей.

Необходимость систематизации мифов вела к формированию логики и правил понятийного мышления и тем самым была внут-

ренной культурной причиной, приведшей к возникновению философии. Выход философии из мифа хорошо виден в «Диалогах» Платона, например, «Пире», где миф, во-первых, выступает в качестве отправной точки философствования, а во-вторых, в качестве иллюстрации.

Помогла становлению философии известная предусмотрительность, если не хитрость Сократа, о которой пишет Ксенофонт. «Когда он сам разбирал какой-либо вопрос, то приступал к нему путем общепринятых истин, считая это основанием речи. Оттого-то, когда он говорил, у него более всех, насколько я знаю, оказывалось соглашающихся слушателей. Он говорил, что и Гомер потому придал Одиссею славу надежного оратора, что тот умел вести речи путем общепризнанных истин» (*Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. VI, 15*). Конечно, за такими «общепринятыми истинами» было собственное понимание вещей, как в притчах Христа был иной, более глубокий смысл. Прием Сократа напоминал христианский — в том и другом случае это было необходимо, чтобы слушатели лучше поняли и скорее согласились с говорящим.

Миф широко использовался в период становления философии как удобная, привычная всем согражданам форма, в которую вкладывается новое, рациональное содержание. Например, вспоминается, что для обеспечения возможности совместной жизни боги решили ввести среди людей «стыд и правду», но что это — определяется по-философски. Исследователи отмечают, что довольно длительное время античная философия была своеобразной рационалистически стилизованной мифологией.

Корни философии — в обычных представлениях, прошедших стадию мифологизирования. В одной из основных философских категорий — материи, обозначающей объективную реальность, данную в ощущениях, слышится слово «мать», которое в мифологии поднялось до символа Матери-Земли, Матери-природы как бесконечного пространства, понимаемого в виде бесформенной протяженности, доходящей до бескачественности в философском понятии материи. А в понятии идеи как образца для всех вещей —

отголоски представления об отце или, в мифологизированном варианте, об Отце-Небе как основателе и творце мира. Отыскивая корни философии, можно уйти и глубже — в мистику.

Еще одной составляющей философии были правила ведения спора, которые начали формироваться в Греции под влиянием странствующих учителей мудрости — софистов — и вызывались практическими потребностями демократической системы управления полисом. Разногласия людей могут быть результатом различного понимания слов. Один говорит: «человек — это звучит гордо». Другой заявляет: «не было более вредного существа на Земле». Первый исходит из того, что в каждом человеке есть искра божия; для второго человек — существо с двумя руками на двух ногах. Они могут согласиться друг с другом, только договорившись об определении слова «человек». Однозначно определенное слово есть понятие. Ввел понятия как инструменты поиска истины Сократ. Коль скоро есть понятия и любовь к истине, ее можно найти посредством размышления и спора. Итак, нужно определить слова и спорить о них — таков метод философствования, с помощью которого приходим к общечеловеческой истине. Сам Сократ не говорил, что нашел ее, он считал, что ее надо искать и можно обрести, тем самым стимулируя поиск.

Суть своего метода, приведшего к становлению философии, Сократ передает так: «Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия, хотя уподобление, которым я при этом пользуюсь, в чем-то, пожалуй, и ущербно... Как бы то ни было, именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное — идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, — а что не согласно с ним, то считаю неистинным» (*Платон. Федон. 100 а–в*). Здесь видна и вера Сократа в наличие истины, без которой невозможно плодотворное философствование, и его изначальная скептичность («я знаю, что я ничего не знаю»), которая отошла затем на второй план у Платона и Аристотеля, но всегда присутствовала в качестве критичес-

кой функции философии и в конце концов стала преобладающей, чтобы ослабить философию и лишить ее лидирующей роли в культуре.

Представление о том, что для всех людей существуют одни и те же ценности, главная заслуга Сократа. Ныне это модная тема, но еще 2500 лет тому назад философ задал вопрос, что нужно в формальном смысле, чтобы социальная жизнь была гармоничной, и ответил: чтобы глубинные духовные ценности были одинаковы для всех людей. Существует противоречие в том, что, с одной стороны, данный человек — мера всех вещей, а с другой, этические нормы универсальны. Сократ преодолевает его своим методом. Он отличался от софистов тем, что не просто учил, т.е. передавал знания, а пользовался методом приведения людей к истине, благодаря которому каждый приходит к ней сам. Довести до сознания индивида дремлющее в нем знание и призван сократовский метод майевтики как «духовного повивального искусства». Сократ считал, что спорить надо так, чтобы путем последовательных рациональных шагов мысли человек сам приходил к истине, поскольку истину нельзя внушить, а можно только самостоятельно открыть ее для себя.

Основным в учении Сократа было то, что к благу, даваемому общезначимым знанием, каждый приходит, что называется, своим умом. Никакие внешние предписания не могут заставить человека вести себя хорошо (в этом Сократ соглашался с Конфуцием). Человек должен понять, что надо поступать именно так, но ему нужно помочь «родить плод добродетели». Отвечая на обвинения, Сократ говорил, что никогда никого ничему не учил, а только не препятствовал другим задавать ему вопросы и задавал вопросы сам. Это составило суть того метода диалога и приведения к истине, который исповедовал Сократ.

Диалектика Сократа отличалась от китайской, которая была объективной и не знала искусства спора. «Великое дао не [может быть] названо; великий спор не [может быть решен] словами» (Древнекитайская философия. Т. 1. С. 258). А для становления философии нужно именно рациональное обсуждение как способ

достижения истины. В этом проявился древнегреческий дух и гений Сократа. Метод Сократа хорош тем, что человек не принуждается к истине, а приходит к ней свободно. Философия — это свобода мысли, а не закабаление ее.

Ученик Сократа Платон использовал его метод как форму своих произведений, и даже в его первом произведении, написанном не в форме диалога — «Апологии Сократа», — диалог между Сократом и его обвинителями присутствует.

Для того чтобы дремлющее в душе человека знание проявилось, надо, чтобы он совершил над собой усилие познать то, что заложено в нем. Сократ обратил человека к самому себе, призвал к самопознанию. Отсюда афоризм, который он часто повторял: «Познай самого себя». Это важнейший принцип, с которого берет начало практическая философия, размышляющая не над тем, как устроен мир, а над тем, что делать человеку и кто он такой.

Благо не то, что индивиду в какое-то мгновение кажется таковым, а то, что при всяких обстоятельствах и каждым на основании его собственного усмотрения признается благом. Если что-то считается хорошим, то это хорошо для всех, а не для кого-то одного. Коль скоро достижение всеобщего знания ведет к общим нормам поведения, всякий зол не по собственной воле, а лишь по неведению. Таким образом, знание способно сделать всех людей добрыми.

Добро и зло Сократ отождествлял соответственно со знанием и незнанием. Любовь к мудрости и обретение истинного знания становятся основными предпосылками добродетельного поведения и адекватного взаимодействия людей, а зло уподобляется невежеству. Разум становится высшим критерием жизни и смерти. Истинное знание существует в форме понятий, создаваемых философами. Так, «олицетворение философии» Сократ обосновывал господствующие положения философии и ее право на руководство человеческими делами. Все, существовавшее ранее, было в лучшем случае правильным мнением, но не знанием. «Истинные мнения тоже, пока они остаются при нас, вещь очень неплохая и делают немало добра; но только они не хотят долго оста-

ваться при нас, они улечувиваются из души человека и потому не так ценны, пока он их не свяжет суждением о причинах... Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения и отличается от правильного мнения тем, что оно связано» (*Платон. Менон. 98*). С философией приходит знание и даруемое им счастье.

Обосновывая свое понимание добродетели и идею блага в качестве высшей, Сократ первый четко провозгласил: жертва возвышенной победы; лучше претерпеть несправедливость, чем причинить ее. Сократ обосновывает свой главный этический тезис космологически, кармически и философски. Космологический аргумент в пользу своего основного нравственного принципа Сократ формулирует следующим образом: «Мудрецы учат, Каллик, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную “порядком” (“космосом”), а не “беспорядком”, друг мой, и не “бесчинством”. Ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов и меж людей равенство, — я имею в виду геометрическое равенство, — и думаешь, будто надо стремиться к превосходству над остальными» (*Платон. Горгий. 508*).

Основной нравственный принцип и философское понимание значения знания Сократ переносил и на государство, считая, что править должны знающие, и критикуя правление, основанное на насилии. «Власть, основывающуюся на воле народа и на государственных законах, он называл царством, а власть против воли народа и основывающуюся не на законах, а на произволе правителя, называл тиранией» (*Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. VI, 12*). Подчеркивая недолговечность тирании, Сократ отмечал, что тиран, казнящий неугодных ему здравомыслящих и дельных граждан, непременно будет в скором времени наказан сам.

Речь Сократа завораживала, потрясала и переворачивала души его собеседников. «Когда я слушаю его, — говорил Алкиви-

ад, — сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов (жрецы богини Кибелы, доводившие себя в богослужениях до экстаза и иступления. — *А.Г.*), а из глаз моих от его речей льются слезы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими. Слушая Перикла и других превосходных ораторов, я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, душа моя не приходила в смятение, негодуя на рабскую мою жизнь. А этот Марсий приводил меня часто в такое состояние, что мне казалось — нельзя больше жить так, как я живу... И только перед ним одним испытываю я то, чего вот уж никто бы за мною не заподозрил, — чувство стыда» (*Платон. Пир. 215—216*). Можно критиковать отождествление Сократом знания, добродетели и счастья, но при принятии этого тезиса отсутствие счастья позволяет сделать вывод, что мы невежественны, и тем самым стимулировать мышление. А этого и хотел Сократ.

Разговор Сократа с его оппонентами в «Горгии» весьма показателен. Здесь философ разговаривает с людьми, которые защищают обычные эгоистические взгляды, и создается впечатление, что логика Сократа действует на его друзей, но не на противников, которые хотя и вынуждены соглашаться под напором доводов, но будут и дальше поступать по-прежнему. Последующее осуждение и казнь Сократа доказали это, как и другое. Великий философ не тот, кто хорошо, глубоко и логично рассуждает, но тот, кто, обладая мировоззрением и являясь образцовым гражданином, на деле следует своим убеждениям. Можно сказать, что в диалоге «Горгий» Сократ теоретически подготовил свое последующее решение умереть. За словом последовало дело — добровольная жертва, доказавшая, что культура сильнее смерти и приведшая к победе философии.

СМЕРТЬ СОКРАТА

До своего осуждения Сократ дважды был в ситуации, когда его мужественные поступки по велению совести грозили ему смертью. «Я доказал не словами, а делом, что мне смерть, по просту говоря, нипочем, а вот воздерживаться от всего несправедли-

вого и нечестивого — это для меня все» (*Платон. Апология Сократа. 32 с—е*), — говорил Сократ на суде.

Официальное обвинение Сократа состояло из трех пунктов. Первый — «повинен в отрицании богов, признанных городом» (надо сказать, что в присяге, которую восемнадцатилетние юноши давали при приеме в афинские граждане, были слова: «я буду чтить отеческие святыни»). Второй пункт — о «введении новых божественных существ». Обвинители Сократа имели в виду его даймоний, внутренний голос. Конечно, здесь натяжка по принципу «все средства хороши», но и подозрительность коллективного сознания по отношению к индивидуальности. Ведь даймоний был личным авторитетом Сократа. Из двух пунктов вытекал третий — «свращение молодежи». Как знакомо! Обвинение не кажется таким уж убийственным, но, учитывая время, в которое оно сделано, его можно приравнять к сильнейшим идеологическим наветам современного периода.

Несмотря на оправданность обвинений с позиций господствующей отрасли культуры — мифологии, — они несправедливы, потому что Сократ ни в чем не провинился перед родным городом. Он был патриотом афинского полиса и хотел, по существу, заменить одну отрасль культуры другой. Он был мучеником за философию, и философия после его казни победила, как позже распятие Христа привело к победе религии над философией.

Сократ умер не только за конкретную идею, но за идею как таковую, и с его идей-понятий начинается философия. Прав Ницше, называя Сократа специфическим не-мистиком. В его утверждении, что Сократ боролся не только с мифологией, но и с трагедией и поэзией вообще, есть резон, если признать, что Сократ создавал новую отрасль культуры. Но борьба с другими отраслями культуры была не столь актуальна, как борьба с господствующей мифологией. Сократ поплатился жизнью за превращение богов в понятия, мифологической истины в философскую. Первое философское жертвоприношение не выходило за рамки общекультурной схемы жертвоприношений; сами рамки раздвинулись и вышли за пределы мифологии. Но есть и важное отличие.

На стадии философии культура поднялась до понимания жертвы как самопожертвования. Случилось это в «осевое время» (термин Ясперса), основной характеристикой которого было становление личности, резкое скачкообразное развитие самосознания под влиянием тенденции рационализации.

Шпенглер пишет, что рождение «я» и мирового страха тождественны между собой. Страх смерти есть плата за осознание жизни. К этому добавляется самопожертвование с образованием триады: личность — страх — личная жертва. Жертвенность есть способ преодоления страха личностью. Поэтому именно с осевого времени встречаем личную жертву. В эту же эпоху выступил против традиционных жертвоприношений Будда. Личностное начало, которое появилось в осевое время, выразилось в следовании Сократом собственному внутреннему голосу и к отказу от личности у Будды. Общим была готовность пожертвовать своей личностью во имя культуры. В философии это имело особый эффект, поскольку посредством добровольной жертвы она заняла господствующее положение в культуре.

Как только отрасль культуры начинает уничтожать своих врагов, ее значение неуклонно падает. Так случилось с мифологией. Если бы Сократ не погиб, люди, быть может, долго еще жили бы в мифологическом мире и верили в Зевса и Афродиту.

Сократ не только был готов умереть, но и в какой-то степени стремился к этому. Ницше недалек от истины, полагая, что приговора «к смерти, а не к изгнанию... по-видимому, добился сам Сократ» (*Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 108*). Апофеоз философии в словах Сократа, что только для истинного философа смерть означает конец мукам и начало вечной блаженной жизни. Это и есть, по Сократу, достижение доступного смертному человеку бессмертия. За такие обещания философия стала на пять веков в Греции и Риме главной отраслью культуры. Она пообещала то, что ранее обещала мифология, но во что уже перестали верить; дала «метафизическое утешение, что под вихрем явлений неразрушимо продолжает течь вечная жизнь» (Там же. С. 126).

Философы выбрали путь борьбы со смертью через рациональное разделение души и тела и объявление души бессмертной. Сократа привела к смерти вера в истинность своей философии, которая оказалась сильнее смерти. Этот пример стал архетипом для Греции и Рима вплоть до появления христианства и даже далее в процессе борьбы философии и религии за лидерство в культуре.

Смерть для Сократа не переход к небытию, а встреча и общение с душами великих людей древности и вечная блаженная жизнь на небесах. Нравственным принципом «лучше претерпеть несправедливость» Сократ расчищал дорогу жертве и этике непротивления злу насилием. Будучи приговоренным, он не пытался уклониться от смерти, а шел навстречу ей, как после него Иисус Христос и Джордано Бруно.

Сократ «сумел не только жить, но — что гораздо более значимо — и умереть; оттого-то образ умирающего Сократа как человека, знанием и доводами освободившегося от страха смерти, есть щит с гербом науки, напоминающий каждому о ее назначении, а именно — делать нам понятным существование и тем его оправдывать» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии... С. 114).

Особо следует сказать о сократовской иронии, которая могла привлекать к нему людей, но в какой-то степени послужила причиной его осуждения, когда в последнем слове он предложил вместо наказания устроить ему бесплатный обед в Пританее, после чего за казнь было подано больше голосов, чем до того. Можно сказать, что Сократ подтолкнул сограждан к такому решению. «Ты умираешь несправедливо», — горестно заметила Сократу его жена Ксантиппа, на что Сократ ответил: «Разве ты хочешь, чтобы я умер справедливо?!» «Ирония, — писал Вико, — не могла возникнуть до времен рефлексии» (*Вико Д.* Основания новой науки... С. 149).

Единственная просьба, с которой Сократ обратился к судьям, касалась детей. «Если афиняне, вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, станут заботиться о деньгах или еще о чем-нибудь больше, чем о добродетели, воздайте им за это, донимая их тем же, чем я вас донимал» (*Платон.* Апология Сократа. 41 е).

Всегда босой, в старом плаще, Сократ шагнул с улиц и площадей Афин в историю культуры. Как случилось, что в небольшом городе, в котором насчитывалось около 20 тыс. граждан, родились Сократ, Платон, а к ним стекались сотни учеников со всей Греции, и философия росла наподобие снежного кома? Отправной точкой стала казнь Сократа. Платон стал Платоном, каким мы его знаем, наблюдая за осуждением и смертью Сократа (его первый знаменитый диалог «Апология Сократа»), а дальше начался процесс, который, то затухая, то снова воспламеняясь, продолжается по сю пору.

Сократ — «одна из поворотных точек и осей так называемой всемирной истории» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии... С. 115). Если бы вся пробужденная Сократом сумма сил была обращена не на познание, а на эгоистические цели индивида, то тогда, по Ницше, произошла бы всеобщая губительная борьба народов.

Сократ сформулировал определенное мировоззрение и своей жизнью и смертью подтвердил верность своим взглядам. И если поверим современному философу Г. Марселю, что истина есть то, за что человек может умереть, то Сократ истину нашел. Сам Сократ самокритично сказал в своей речи, что дельфийский оракул, признавший его мудрейшим из всех людей, воспользовался его именем ради примера, все равно как если бы он сказал: «Из вас, люди, всего мудрее тот, кто подобно Сократу, знает, что ничего поистине не стоит его мудрость» (*Платон.* Апология Сократа. 23 в). Но мудрость Сократа стоила торжества философии Сократа. «Страстный философский порыв Сократа к полям блаженным на том свете обернулся духовным бессмертием на этом свете» (*Нерсесянц В.С.* Сократ. М., 1977. С. 31). Тот свет связан с этим, культура — с жизнью.

Чтобы отстоять себя духовно, Сократ пожертвовал собой физически. «Он защищался ради правды с той искренней готовностью к смерти, которая так расковывает и освобождает человека... Согласие на смерть — необходимое и неизбежное условие борьбы за справедливость, если, конечно, эта борьба серьезна и принципиальна» (Там же. С. 132, 136). Услышав фразу: «Афиняне

осудили тебя, Сократ, к смерти», — он спокойно ответил: «А их к смерти осудила природа».

Сократ входит в историю как культурный герой. Его слова, взятые в качестве эпиграфа, поразительны по глубине предвидения, так смерть движет развитием культуры, несмотря на внешнее противодействие, а пожалуй, именно благодаря ему. Б. Рассел сомневается, что описываемый Платоном и Ксенофонтом Сократ вообще существовал. Что ж, в изображении любого культурного героя присутствует элемент фантастичности, и в этом смысле Сократ оказался также похож на легендарных героев, на статус которых он претендует по своей роли в развитии культуры.

ТОРЖЕСТВО ФИЛОСОФИИ

Можно, пожалуй, точно указать момент, когда философия победила мифологию. Это случилось не во времена, когда ионийские мудрецы пытались найти первооснову мироздания и видели ее в воде, воздухе, огне, земле и в сочетании данных элементов, а во времена, когда возникла и оформилась афинская демократия, и Сократ, презрев размышления о природе, выдвинул программу поиска истины в споре — так сказать, демократический вариант любви к мудрости в рабовладельческом государстве. Из смерти Сократа, как Феникс из пепла, родилась философия.

То, что последовало за осуждением Сократа, — сплошная его апология не только потому, что с «апологиями Сократа» выступили его ученики Платон, Ксенофонт, а в дальнейшем и другие философы. Это «апология» философии. Вскоре его обвинители были казнены или изгнаны, и во всех античных спорах о Сократе успех сопутствовал его приверженцам, которые превосходили противников талантом, числом и организованностью.

Философия при жизни Сократа вышла за пределы Афин. Антисфен, живя вне города, ежедневно приходил послушать Сократа и после его смерти основал школу киников. Евклид проделывал еще более дальний путь из Мегар и после смерти Сократа основал мегарскую школу. Ученик Сократа Федон из Элиды основал у себя на родине элидскую школу. Потом приезжали учить

ся у его учеников: Аристотель приехал из Стагир в платоновскую академию и т.д. Постепенно философия завоевала мир. Подобно древнеиндийскому мифу о сотворении людей из тела Пуруши, можно сказать, что из Сократа вышла вся античная философия: из его разума — академики и перипатетики, из его чувств — киники и киренаики, из его иронии — скептики, из его смерти — стоики.

Наиболее известным учеником Сократа был Платон. Сократ выработал принцип единства понятий, который позволил Платону создать «мир идей». Ему осталось выделить эти понятия в особое место вне чувственного мира. После казни Сократа философия преисполнилась такой дерзости, что Платон не только основал свою школу — Академию, — и она пользовалась большим успехом, но и, продолжая мысль Сократа о том, что «править должны знающие», сформулировал концепцию, в соответствии с которой философы как наиболее мудрые люди должны управлять государством, и пытался реализовать свое представление об идеальном государственном устройстве на практике, для чего ездил в Сицилию к тиранам Дионисию Старшему и Дионисию Младшему. В Платоне появляется то величие, уверенность в себе и в важности своих занятий, которых никогда не было у философа ранее.

С торжеством философии начинается новый этап развития человечества, которое Вико характеризует такой последовательностью: леса, хижины, деревни, города, академии. Платон создал Академию, Аристотель — Лицей, и культура до сих пор сохраняет подобные оазисы знаний.

Смерть Сократа, как пишет П. Тиллих, весь античный мир воспринял одновременно и как реальное событие, и как символ. «Она стала примером мужества, которое способно утверждать жизнь, потому что оно способно утверждать смерть» (Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 14). Точнее, утверждать культуру вопреки смерти. «Именно такое мужество помогло многим в различных частях древнего мира найти “утешение в философии” в период катаклизмов и перемен» (Там же). За-

щищая философию, Сенека пишет о мужестве умереть, провозглашенном ею.

Став, благодаря своему «демиургу» Сократу самодостаточной и поднявшись выше смерти, философия заняла на пять веков господствующее положение в культуре. И потом, побежденная религией, она сохранила свою привлекательность, периодически возобновляясь во всем своем разумном величии.

Перед ней же встала проблема объяснения жертвенности. Ницше, следуя Дарвину, признал последнюю мешающей развитию человечества. Почему же она воспроизводится? Она антиэволюционна с позиций обыденной жизни, но имеет положительный смысл для развития культуры. Если отказаться от этого вывода, то все мифологические сказания, обряды инициаций, да и вся философия и религия окажутся лишь бегством от абсурда существования, столь ярко выраженного экзистенциалистами.

Сразу же после смерти Сократа в философии возникло два направления, для одного из которых главным была совесть и ответственность, а для другого — удовольствия и материальное благосостояние. Они прослеживаются от соперничества Антисфена и Аристиппа, киников и киренаиков и доходят до наших дней. Постепенно второе направление получало все больший перевес, и осуществлялась подмена, которая лишила в конце концов философию лидирующей роли в культуре и обществе.

«ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?»

Этот вопрос задал римский прокуратор Понтий Пилат, демонстрируя знание философии и скептическую усталость. Ответ Христа «Я есмь истина» символизировал победу религии над философией. Поражение философии предопределено пониманием истины Пилатом и Христом. Христос ответил Пилату своей добровольной жертвой, еще раз подтвердив правоту слов экзистенциалиста-неосоократика Г. Марселя, умудренного опытом двухтысячелетней христианской цивилизации.

В ответ на философский вопрос «Что есть истина?» побеждает очевидность жертвы. Отсутствие очевидности мешает, как по-

том это же помешало религии в ее споре с наукой и науке в ее споре с идеологией. Отрасль культуры становится все более сложной и уходит от очевидности, после чего люди уходят от нее.

Философия вышла из мифологии и дошла до религии (скептицизм подвел к вере). О том, что смена лидирующей отрасли культуры назревала, свидетельствуют и неудачные попытки создать религию из философии с обожествлением Пифагора и Платона. О. Конт проследил смену трех стадий человеческого мышления — теологической, метафизической и позитивной — и поставил религиозное знание перед философским, что исторически не совсем точно. Сначала появилась метафизика, потом теология. Философия как бы забежала вперед, оказалась тяжела для человечества своей рациональностью и отошла на второй план, уступив место религии и став ее служанкой, а позже служанкой науки и идеологии. Она еще раз вспыхнула в Европе в Новое время в период борьбы за власть между религией и наукой, особенно в наиболее рациональном ее регионе — в Германии, — оказав сначала помощь науке в обосновании ее претензий на истину (континентальный рационализм и английский эмпиризм, соединившиеся в Канте), а затем в попытке дать общекультурный синтез в лице Гегеля. Таков ее не законченный путь.

Вопросы для повторения

- Что такое философия?
- Как она возникает из мифологии?
- Каковы основные проблемы философии?
- Под влиянием каких причин шел процесс становления философии?
- Какова роль Сократа в этом процессе?
- В чем суть его метода спора?
- Каковы особенности диалектики Сократа?
- Каковы этические взгляды Сократа?
- Каковы обстоятельства и роль смерти Сократа в становлении философии?
- В чем причина торжества философии?
- Каких учеников Сократа вы знаете?
- Какие школы создали ученики Сократа?

- В чем их сходство и различия?
- Каково значение философии как отрасли культуры?
- Чем отличаются понимания истины философией и религией?

Литература

1. *Платон*. Апология Сократа. Горгий. Пир // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970.
2. *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
3. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1989.
4. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
5. *Нерсесянц В.С.* Сократ. М., 1977.

Глава 11

Древняя Греция: морские цивилизации

Будь другом истины до мученичества,
но не будь ее защитником до нетерпимости.

Пифагор

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Возникновение морских цивилизаций знаменует новый этап эволюции человечества.

«Одна особенно яркая черта, по моему мнению, характеризует этот второй период развития цивилизации: отныне отдельные народы и нации могли исчезать с исторической арены, могли умирать, как это случилось с древними египтянами и самими финикийцами, но светоч всемирной цивилизации от этого не угасает и, разгораясь все ярче и ярче, преемственно передается одним народом другому» (*Мечников Л.И. Цивилизации... С. 330—331*). Роль моря столь велика, что до настоящего времени большинство человечества живет не далее 60 км от морской береговой линии.

Говоря о природе Греции, отмечают близость к морю (самая дальняя точка в Греции удалена от моря на 100 км), способствующую развитию торговли; мягкий климат, благоприятствующий произрастанию таких растений, которые не плодоносят в других местах; особый прозрачный воздух. «И вообще все блага, какие только боги посылают людям в различные времена года, все это здесь раньше всего появляется и позже всего кончается», — пишет Ксенофонт (*Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 142*). Есть мрамор, необходимый для строительства и ваения, серебряные руды и т.п.

Как природа определяет становление культуры? Есть ли связь между прозрачным воздухом Греции и ясностью ее мысли? Мо-

жет быть, ясный воздух позволяет лучше разглядеть смысл бытия? Этот вопрос еще недостаточно выяснен, но несомненно, что на развитие греческой культуры повлиял особый рациональный склад ума ее народа. Греция была богатой рабовладельческой страной. Рабы выполняли все тяжелые работы, а у свободных людей было много досуга и денег, нажитых ремеслами и торговлей.

Предшественницей греческой считают крито-минойскую (или эгейскую) островную цивилизацию, существовавшую на Крите и островах Эгейского моря, которая равна по возрасту шумерской и египетской. История собственно греческой культуры начинается с приходом в Грецию с севера примерно в XXII в. до н.э. племен, которые называли себя ахейцами. Расцвет ахейской культуры приходится на XV—XIII вв. до н.э. Эту цивилизацию называют микенской, поскольку одним из ее важнейших центров был город Микены. В XIII в. происходит осада Трои, описанная Гомером в «Илиаде». В конце XIII в. ахейская культура погибает, по-видимому, в результате нового нашествия с севера европейских континентальных племен дорийцев.

В истории греческой цивилизации имеется момент, который напоминает кульминационную точку развития цивилизации индийской: как арийцы дравидов, так дорийцы завоевали ахейцев, но переняли их более древнюю мифологическую культуру, распространив ее на большую территорию. Еще раз встречаемся с феноменом победы культуры побежденного народа, доказывающим, что эволюция культуры идет иными, часто противоположными путями, нежели социальная эволюция.

Период расцвета древнегреческой культуры в VI—V вв. до н.э. называют классическим. Возникают философия, скульптура, драма, возводятся великие храмы, начинают проводиться Олимпийские игры. Важнейшими политическими событиями данного периода были греко-персидские войны и возникновение демократического общественного устройства.

Период с IV в. до н.э. по V в. н.э. носит название эллинизма. Он начинается с завоеваний Александра Македонского и закан-

чивается захватом варварами Рима, покорившего Грецию в начале II в. до н.э. Затем Греция входит в Византийскую империю до ее завоевания турками в XV в.

Благодаря «отцу истории» Геродоту (490/480 — 430/422 гг. до н.э.), который, объехав большую часть известного грекам мира, описал в своей «Истории» то, что видел и слышал, мы имеем важные сведения не только о греческой, но и о других древних культурах — египетской, ближневосточных. Другой греческий историк Фукидид (ок. 460—400 гг. до н.э.) написал «Историю Peloponnesской войны» и считается родоначальником исторической критики.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Представления греков о происхождении мира сходны с имеющимися у других народов. Раньше всего зарождается хаос, а следом широкогрудая Гея и сумрачный Тартар, «в земных залегающий недрах глубоких», — сообщает Гесиод в поэме «Теогония», написанной в VII в. до н.э. В «Теогонии» систематизированы местные мифологии многочисленных городов-государств. Получилось четыре поколения богов. Исходная пара — бог Неба Уран и его жена богиня Земли Гея. От них происходит поколение титанов. Младший из сыновей Крон (от него время — хронос) и его сестра Рея порождают новое поколение богов. Наиболее известны из него Зевс, ставший верховным богом Олимпа, его жена Гера — покровительница брака, их братья Посейдон и Аид, сестра Деметра — богиня Плодородия. Вселенная была поделена между Зевсом, Посейдоном и Аидом. Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — подземное царство.

Следующее поколение: Аполлон — бог света и искусства, Афина — богиня мудрости, Афродита — богиня красоты, Арес — бог войны и т.д. К этому же поколению относятся титан Атлант, державший на своих плечах небесный свод, и Прометей, давший огонь людям и за это прикованный к Кавказской скале по приказу Зевса.

У Мнемозины — богини памяти — от Зевса родились 9 муз: Урания — муза астрономии, Клио — муза истории, Каллиопа —

муза эпоса, Эвтерпа — муза лирической поэзии, Полигимния — муза гимнов, Эрато — муза любовной поэзии, Терпсихора — муза танца, Мельпомена — муза трагедии, Талия — муза комедии.

В «Теогинии» встречаем непорочное зачатие Геей Урана, нимф, Понта. Зевс рождает богов, имея помимо жены многочисленных любовниц, но при желании мог справиться и один, как было, когда Афина родилась из его головы. Боги появлялись на свет и без посторонней помощи — Афродита родилась из пены морской после оскопления Зевсом своего отца Крона.

Есть в греческой мифологии герои, не являющиеся богами, такие как полубог Геракл. Знаменитые 12 подвигов совершены им с целью достичь того, о чем мечтал Гильгамеш, — бессмертия.

У греков сформировалось представление о Золотом веке, который существовал в прошлом, когда появились первые люди. «Жили они без забот и трудов, питаясь желудями, дикими фруктами и медом, который капал прямо с деревьев, пили овечье и козье молоко, никогда не старели, тащевали и много смеялись. Смерть для них была не более страшна, чем сон» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 196). Затем были люди Серебряного века, которые жили до 100 лет и не воевали друг с другом; люди Медного века, которые любили воевать, были грубы и жестоки. Пятые, нынешние железные люди — нечестивые, злобные, несправедливые и лживые. Впрочем, не сами они во всем виноваты. Как Ева в Библии, так Пандора в греческой мифологии ответственна за человеческие неурядицы. Первая женщина, сотворенная Зевсом, из любопытства открыла сосуд, в котором заключены людские пороки, болезни и несчастья, и выпустила их на волю, отчего до сих пор страдает род человеческий. По мнению Вико, название золотому веку дала пшеница, что свидетельствует о том значении, которое придавалось возделыванию земель. Золотом называли и шерсть («Золотое руно»), а дальше идут золотые яблоки, золото как металл и золотые монеты.

Греческая мифология была гораздо более развита по сравнению с предыдущими, хотя многие сюжеты повторяются. Так, миф о Деметре, вынужденной ежегодно спускаться в Аид, заменяя

свою дочь Персефону, напоминает мифы об Осирисе и Инанне. Штайнер интерпретирует миф о Деметре как символ души и ее вечного превращения в смене рождений и смертей.

Греческие боги совершали огромное количество деяний, которые копировались с человеческих поступков, что привело к «заземлению» божественного и не понравилось Платону, советовавшему правителям брать пример с египетской культуры. Этот совет оказался утопическим, но мифология погибла, уступив место философии. Значение мистерий (элефсинских, посвященных богине Деметре и др.) постепенно сходило на нет, и вместе с тем миф покидали мистические силы, ослабляя его.

Греческая мифология — самая четкая, логичная, последовательная и яркая, и поэтому не случайно именно она прорвала собственные рамки и превратилась в философию. Психея превратилась в понятие души, Афродита — в понятие любви и т.п.

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Несколько очагов загорелось почти одновременно и, по-видимому, независимо друг от друга, но только в одном из них пламя разума и творческого горения достигло того, что заслужило название философии. Помимо общих причин, имевших место во всех регионах, — развитой мифологии и культуры в целом и благоприятной политической ситуации — в Древней Греции существовали еще специфические причины, которых не было у других народов. Философия не только обязана древним грекам своим именем, она близка именно греческому духу.

Образование в Древней Греции было направлено на то, чтобы воспитать целостного, гармонически развитого человека, о чем поныне много говорят. Гармонически развитый человек должен быть умным. Можно ли научить уму-разуму? В Древней Греции в период ее расцвета появились люди, называвшие себя мофистами. Они брались за деньги учить уму, и желающие находились. Однако обучение мудрости отличается от обучения ремеслу. Там можно проверить результаты. Самому учителю легко показать, что ремеслом, которому обучает, он владеет. Ни того, ни другого

нет, когда речь идет об обучении мудрости. Как доказать, что сам учитель мудр и действительно чему-то научил? А деньги за обучение брали немалые. Как водится в таких случаях, появились обманщики. Выгонят такого из одного города, он приедет в другой и там ищет желающих поумнеть. В результате странствующие софисты все больше становились объектами шуток. Чувство собственного достоинства, свойственное грекам, не переходило в самомнение и сознание собственной непогрешимости, и они оставались достаточно критичны в области мышления.

Подлинно мудрые люди стали сторониться софистов и отказывались учить за деньги. Они называли себя в отличие от софистов философами, т.е. не мудрецами, а лишь любящими мудрость. Достигли же они мудрости или нет, говорили они, им неизвестно. У философии нет ответа на все вопросы, она лишь любовь к мудрости. Сократ издевался над объявляющими себя мудрыми. Диоген Лаэртский говорил о семи мудрецах, которые жили в прошлом. Таким образом, философия начинается с доли сомнения в собственной мудрости и с любовного стремления к ней. Причем здесь любовь, если речь идет о знании? На самом деле именно любовь заставляет человека трудиться с желанием, без которого он не добьется успеха в выбранной деятельности.

Философия начинается с критического анализа достижений культуры, прежде всего мифов, с попыток путем рассуждений удостовериться в их истинности. Возникновению философии в Древней Греции способствовали еще и такие специфические обстоятельства. В Древней Греции существовала традиция свободных дискуссий, умение спорить, развившееся в эпоху демократии, когда все свободные граждане собирались на главной площади города и совместно обсуждали общие дела, выслушивая всех желающих и принимая решения большинством голосов. Древние греки владели искусством выражать свои мысли, что необходимо для убеждения других в собственной правоте. Тот, кого они хотели слушать, мог переехать в другой независимый город-государство и проповедовать свои взгляды там. Особо следует подчеркнуть, что в Древней Греции существовали свободные

люди, которые отдавали себя полностью философии, и не были жрецами, как в Древней Индии, что привязывало бы их к традиционной религии, и не обязаны были находиться на службе, как в Древнем Китае, что связывало бы их с существующими социальными установками. Греческие философы не подчинялись никому, кроме собственной совести, а это как раз то, что необходимо для развития философии.

Конечно, люди мыслили со времени своего появления на Земле. Мудрые изречения находим в произведениях, созданных на Ближнем Востоке, в Древней Индии, Древнем Китае. Но философия как дисциплина начинается там, где человек теоретически выделяет себя из окружающего мира и начинает рассуждать об отвлеченных понятиях, формирующихся в мозгу человека и выступающих в качестве предмета мышления. «Первыми из всех народов стали философствовать греки. Они первые стали пытаться культивировать рациональные знания, руководствуясь не образами, а *in abstracto*, между тем как другие народы всегда старались объяснить понятия лишь посредством образов, *in concreto*» (*Кант И.* Трактаты. Письма. М., 1980. С. 335).

Еще одна причина появления философии именно в Древней Греции, тесно связанная с другими, — высокий престиж «любящих мудрость». Когда, завоевав очередной город, Александр Македонский подошел к сидящему на земле философу, чтобы благодетельствовать его, и нагнувшись спросил: «Что я могу для тебя сделать?», Диоген Синопский гордо ответил: «Отойди, не загрязивай мне солнца!» И Александр Македонский не наказал дерзнувшего в довольно грубой форме отказаться от помощи «властителя Вселенной», а сказал, обратившись к приближенным: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Да ведь и учителем Александра был Аристотель!

С именем Аристотеля связан такой рассказ. Когда Аристотель жил у правителя Атарнея и Ассоса Гермия, то часто беседовал с ним. После отъезда Аристотеля в Македонию резиденцию Гермия осадил Ментор, полководец персидского царя, обманом выманил его из города, увез в Сузы, и после пыток Гермий был рас-

пят на кресте. На вопрос, какой последней милости он для себя просит, Гермий ответил: «Передайте моим друзьям и товарищам, что я не совершил ничего недостойного философии и не изменил ей» (*Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Аристотель. М., 1982. С. 94).

Древнегреческие философы смогли критически переосмыслить мифы и сформулировать представление о сущностях, из которых, по их мнению, все существующее возникло. Таковой Фалес признавал воду, Гераклит — огонь, Анаксимен — воздух, другие — землю, число, атом, идею и т.п. Конечно, это совсем не та вода и не тот атом, какие мы знаем сейчас. «Вода» Фалеса — невидимая сущность, из которой все образовалось, как из семени, и прообразом которой является видимая вода. То же самое можно сказать и о других сущностях, открытых древнегреческими философами.

Анаксимандр, отходя от аналогии с видимыми веществами, предложил в качестве сущности беспредельное (апейрон). Еще одно представление о мельчайших частицах, из которых состоят все тела, принадлежит Анаксагору, который называл их подобными частицами (гомеомериями), поскольку из них происходят все вещи, подобные данным частицам. Он считал, что любые частицы содержатся в каждом из тел, но имеет оно облик в соответствии с тем, какие частицы в нем преобладают. Эти телесные начала, которых бесконечно много, содержат все разнообразие мира как бы в миниатюре.

Пифагору принадлежит концепция, согласно которой основы явлений природы составляют числа, образующие «порядок». Гегель писал, что учение пифагорейцев — один из промежуточных этапов на пути от признания первоначал физическими к признанию их идеальными, на пути от милетской школы к Платону. Милетская философия — это предфилософия, так как понятия только начали формироваться из реальных предметов. «Вода» Фалеса — еще предкатегория, как и «число» Пифагора, но «атом» Демокрита и «бесконечное» Анаксимандра — понятия в полном смысле слова. Недаром именно от них и произошли философские направления материализма и идеализма.

Так постепенно обогащалась понятийная база философии, поскольку «число» Пифагора уже не математическое понятие, так же как «вода» Фалеса — не физическое, а философское. Соответственно расширялась база философских исследований. Чем больше понятий существует в философском языке, тем плодотворнее процесс философствования.

Особо следует остановиться на учении жившего в V в. до н.э. Демокрита, и не столько потому, что он был основоположником материализма, сколько потому, что он ввел понятие, которое затем вошло в качестве главного в первую великую философскую систему — понятие «идеи». Так назвал Демокрит мельчайшие неделимые и непроницаемые частицы, из которых состоят все тела (другое, ставшее общепринятым название этих частиц — атом). Атомы («эйдосы») бесконечны по числу и отличаются размерами, положением, порядком и внешними формами, которые также бесконечно разнообразны — шаровидные, пирамидальные, крючковатые и т.п.

С точки же зрения элеатов истинно только неподвижное единое Бытие. Бытие элеатов в отличие от древнеиндийского Единого и древнекитайского дао рационально, и наличие его обосновывается мышлением. Оно противостоит миру текучих вещей как нечто неподвижное именно из-за того, что рациональное мышление может оперировать только неподвижными сущностями. Подходя к нерациональному Единому древних индийцев мысль останавливалась. Рациональное Бытие элеатов входило в рамки философского обсуждения как одно из важных понятий.

Противоположной по отношению к элеатам точки зрения на движение придерживался Гераклит из Эфеса, который считается основоположником античной диалектики, также живший в V в. до н.э. Главное его положение: «все движется и ничто не покоится» и поэтому «нельзя дважды войти в ту же самую реку». Отношение между диалектикой Гераклита и неподвижным бытием Парменида подобно отношению между китайской диалектикой Ян-Инь и индийским Единым. Эта связь позволяет сделать вывод, к которому и пришел Платон: в эмпирическом мире

властвует диалектика, а в умопостигаемом — неподвижные идеи. В эмпирическом мире все течет — но куда? В неподвижный Океан. Штайнер утверждает, что Гераклит объявлял вражду «отцом» именно вещей, но не вечного. Там (в «мире духовной культуры») господствует любовь и гармония. «Именно потому, что во всех вещах заключается вражда, дух мудреца должен как пламя возноситься над ними и претворять их в гармонию» (*Штайнер Р. Христианство... С. 36*). Это и сделал Платон.

IV в. до н.э., начавшийся в Афинах казнью Сократа, стал периодом наивысшего расцвета древнегреческой и мировой философии. Учения Гераклита, Пифагора, Анаксагора, Демокрита, Парменида, Сократа создали основу для великого синтеза, осуществленного учеником Сократа Платоном. Платон родился в знатной, царского происхождения семье и получил воспитание в соответствии с античными представлениями об идеальном человеке (так называемой калокагатии, от «*kalos*» — прекрасный и «*agathos*» — хороший), соединяющем в себе внешнюю физическую красоту и внутреннее нравственное благородство. Прозванный Платоном — «широким» — за крепкое сложение, он в юности много путешествовал, в том числе в Италию и Египет, а в конце жизни основал школу в афинском пригороде, называвшемся в честь героя Академа. Она прославила не только самого Платона, но и слово «академия». Платоновская Академия, представлявшая собой союз единомышленников, просуществовала 1000 лет и была ликвидирована византийским императором Юстинианом в 529 г.

Главным достижением Платона является концепция, в соответствии с которой помимо чувственного мира существует сверхчувственный мир идей. Понятия есть лишь отпечатки невидимого мира, не данного нам в ощущениях. Каждая идея представляет собой идеал, к осуществлению которого на Земле следует стремиться. Величие Платона в том, что он построил свое учение на всем материале предшествующей философии. Помимо Гераклита и Сократа он использовал представление Демокрита о том, что все вещи состоят из мельчайших неделимых частиц — атомов; учение Пифагора о том, что в основе вещей лежат числа; учение

Анаксагора о гомеомериях (идеи подобны вещам, хотя нечувствительны и идеальны в том смысле, что являются «образцами» вещей).

Синтез Платона показал, что предшествующие философы не только спорили, но вносили свой вклад в создание в дальнейшем некоей целостности, оправдывая поговорку, что в спорах рождается истина. Не во всех, конечно, а в тех, которые вдохновлены поисками истины как высшего блага, а не стремлением одержать победу над противником. «Страна идей» нужна была еще и потому, что этим Платон обосновал убеждение Сократа, что все люди приходят к одинаковым мыслям — ведь идеи по природе своей одинаковы для всех и содержатся в одном месте, откуда люди получают их. Платоновское учение характеризует страстное влечение к идеальному миру («платоническая любовь») и стремление сделать действительность насколько возможно полным отражением идеала. Обобщив понятие платонической любви на мир культуры в целом, можно говорить о духовной любви, которая дает возможность познать мир культуры. Любовь, о которой говорит Платон, — закон мира духовной культуры, — и Платон отличает такую любовь от любви, присущей миру материальной жизни человека.

Добродетель основывается Платоном на первоначальных свойствах души, последние же возникают из отношения души к миру идей, особенно к высшей из них — идее блага. Душа, по Платону, состоит из разумной, страстной и вожделенной частей. Она подобна колеснице, управляемой возничим — разумом — и запряженной двумя крылатыми конями — страстью и вожделением. Государство также должно состоять из трех частей: класса правителей, воинов и ремесленников и земледельцев. Это соответствует разделению на касты в Древней Индии, но без неприкасаемых. Трех частям души и трем классам общества присуща своя из трех добродетелей, а именно: мудрость, мужество и умеренность. Гармонию всех трех устанавливает четвертая добродетель — справедливость. Наибольшее благо в душе человека и в государстве — это единство и гармония, а наибольшее зло — раздор.

Линию преемственности, которая началась с Сократа, продолжил Аристотель. Он родился на севере Греции в городе Стагиры. В семнадцатилетнем возрасте Аристотель приехал в Афины и вступил в платоновскую Академию. Аристотель не только усвоил взгляды Платона, но постепенно стал создавать собственное учение, подвергнув взгляды предшественников серьезной критике. Слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже» стали расхожим афоризмом. Если Платон создавал свои произведения в форме диалогов, то Аристотель писал трактаты.

Во многом отойдя от Платона, Аристотель не отрицал существования идей, но считал, что находятся они внутри отдельных вещей как принцип и метод, закон и их становление, энергия, фигура, цель. Понятая так «идея» была названа позже латинским словом «форма». В противоположность Демокриту, Платон говорил о бесформенности вещества, а Аристотель, синтезируя оба эти представления, рассматривал идею как оформляющую пассивную материю. Материя — это то, из чего все рождается, и имеет тот же корень, что и слово «мать». Понятие «материи» имеет в русском языке и бытовой смысл: материя как ткань. Еще одно однокоренное слово, употребляемое в том же значении — материал. Если, по Платону, материя без идеи «не сущее», то, по Аристотелю, также не может существовать и форма без принадлежащей к ней материи. Отношение материи и формы Аристотель уподобляет отношению мрамора и статуи, и это сравнение не случайно, поскольку Аристотель весь мир рассматривал как произведение искусства.

Идея какой-либо вещи, скажем дома, находится в самой вещи как общее, что присуще всем отдельным домам. Познание наиболее общего в вещах, первых причин их существования — задача философии. Данное определение закрепило за метафизикой, в отличие от диалектики, значение изучения бытия как выявления вечных и неизменных форм.

Обосновав важное значение причин и определив мудрость как «науку о первых причинах», Аристотель с полным правом может считаться предшественником науки как таковой. Наука стано-

вится возможной тогда, когда идея и материя рассматриваются соединенными вместе и идея познается через исследование материи как ее истина. Утверждая, что «знание о чем бы то ни было есть знание общего», Аристотель дает тем самым определение научного знания.

Ограничивая гераклитовскую диалектику и заземляя платоновские «идеи», Аристотель призывает изучать чувственный мир, а это и есть задача науки. Для того чтобы научное познание стало возможным, Аристотель формулирует две предпосылки: 1) имеется неизменная сущность вещей; 2) началом познания служат недоказуемые определения. Предположенное Аристотелем наличие вечных причин обосновывает положение о наличии вечных законов природы.

Справедливо считающийся основателем логики и ее трех основных законов Аристотель сформулировал и основные положения этики как учения о добродетелях. Проанализировав неудачу Платона с устройством идеального государства и собственный педагогический опыт, Аристотель пришел к выводу о необходимости воспитания нравственности с раннего возраста путем накопления нужных привычек. Знания приобретаются в процессе обучения, но чтобы стать деятельным началом, они должны войти в плоть и кровь человека, способствовать созданию определенной расположенности души. Аристотель поясняет свою точку зрения следующим образом: зерно — знания, почва — внутренняя склонность человека, его желания. И то и другое необходимо для получения урожая. Давая общую картину становления добродетели, Аристотель подчеркивал, что нет неизменных правил, применение которых гарантирует похвальное поведение. Наличие в человеке добродетелей заменяет правила. Внутренними механизмами, свидетельствующими о добродетельности поступков, являются стыд и совесть.

Различия между Платоном и Аристотелем напоминают различия между индийским и китайским подходами. Истина индийской культуры, как и «мир идей» Платона, находится по ту сторону чувственного мира, китайской — в этом мире, как в вещи

Аристотеля, неразрывно слиты идея и действительность. Философия Платона ориентирована на мир идеалов, философия Аристотеля — на реальный мир. Платон, можно сказать, обожествил понятия, а Аристотель ввел обожествленные понятия в природу (своеобразный пантеизм).

Философия появилась в Древней Греции именно в то время, и она могла жить полноценной жизнью именно тогда. Древнегреческая философия стала образцом философии как таковой, определила ее возможные варианты развития и в этом смысле была закончена в себе, совершив самый плодотворный в истории философии круг. Конечно, и после люди определенного склада ума философствовали, но их усилия были как искры в ночи, в то время как в Древней Греции это был факел разума. То же самое можно сказать в отношении греческой трагедии и скульптуры. Плод культуры, в отличие от физического, сохраняет свое значение преемственности. Знание древнегреческой философии — ключ к философии средневековой и новоевропейской, к Августину и Фоме Аквинскому, Канту и Гегелю.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Греческая письменность возникла, по-видимому, на основе финикийской в IX—VIII вв. до н.э. Принципиальное отличие от всех предшествовавших алфавитов состоит в том, что в ней появились буквы для обозначения гласных звуков, т.е. именно греки создали законченную формальную систему письменности. Из Греции алфавит проник в Италию, Северную Европу, Малую Азию, Индию и т.д. Писали греки со II в. до н.э. на пергаменте (специально выделанной коже, изобретенной в г. Пергаме).

Олицетворением творческого настроения греческой культуры служит почитание, оказываемое музам. То, что они греческого происхождения, справедливо, так как Греция — родина многих видов искусства. Один из таковых классический эпос. Мы встречаем в Вавилонской культуре сказание о Гильгамеше, но там оно еще наполовину миф, сквозь который пытается пробиться художественное произведение. Поэмы Гомера (условно, поскольку авторство

Гомера не установлено) в полном смысле слова сказания о людях и реальных событиях, хотя в них также действуют боги.

«Илиада» и «Одиссея» сложены в VIII, а записаны в VI в. до н.э. В том же веке появляется лирика. Самые знаменитые поэты Греции — Сафо (нач. VI в. до н.э.), Анакреонт (VI в. до н.э.) и Пиндар (518—438 гг. до н.э.). Пиндару принадлежит знаменитая поэма «Острова блаженных», в которой описывается райская жизнь наиболее достойных людей. Эзоп (VI в. до н.э.) — родоначальник жанра басни.

Веком позже из магии, как философия из мифологии, появляется драма. Греческая драма как новый вид искусства — результат рационализации и секуляризации магических обрядов вследствие потери ими практической функции. Произведения «отца трагедии» Эсхила (524—456 гг. до н.э.), полубога, как его называют другие поэты, демонстрирует, как драма возникла из древнегреческой оды, хотя Эсхил был современником Пиндара. Истоком трагедии является хор — ее самое древнее архаичное ядро. Слово «трагедия» значит в переводе «козлиная песнь», что указывает на происхождение трагедии из песнопений в честь Диониса, участники которых надевали козьи шкуры, т.е. были ряжеными и завершали обряд жертвоприношением козла. Не случайно в трагедии мотив жертвы играет первостепенную роль, постепенно отдаляясь от своей культовой основы, обрядовые песни превратились в литературное произведение, в котором, однако, вплоть до Еврипида обязательной принадлежностью остается жертвенник. Первоначально спектакли шли только раз в году в дни дионисийских празднеств.

Трагедия связана и с эпосом (в данном случае гомеровским), в котором много трагичного. Корни трагедии — в неизбежности смерти, поэтому трагедия — удел не богов, а людей. О жертвенности трагедии Ницше говорит так: «Трагедия... при посредстве трагического мифа, в лице трагического героя способствует нашему освобождению от алчного стремления к этому существованию, напоминая нам о другом бытии и высшей радости, к которой борющийся и полный предчувствий герой приуготовляет-

ся своей гибелью, а не своими победами» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии... С. 140).

Три великих греческих драматурга — Эсхил, введший в действие второго актера; Софокл (496—406 гг. до н.э.), введший третьего актера; и Еврипид (480—406 гг. до н.э.). Ницше находит в развитии греческой трагедии шаги рациональности: каждый последующий из трех выдающихся авторов более рационален, чем предыдущий: Эсхил более дионисичен, Софокл более психологичен, а Еврипид чуть ли не аналог Сократа в трагедии.

Обряд захоронения был столь важен для греков, что сюжет пьесы Софокла «Антигона» основан на готовности пожертвовать своей жизнью ради совершения его. «Что хочешь делай, схороню его. Мне сладко умереть, исполнив долг», — говорит Антигона и приносит себя в жертву мертвому брату и закону богов. «Антигона» соединяет в себе идею «Гамлета» — мщения за убийство отца, и «Ромео и Джульетты» — увидя мертвой Антигону, лишает себя жизни Гемон, сын правителя, приговорившего Антигону к смерти.

Отвергая мысль, что художник должен творить бессознательно, как сказал об Эсхиле Софокл и что свойственно ему самому, Еврипид аналогично сократовскому «Лишь знающий добродетелен», считал, что «все должно быть разумным, чтобы быть прекрасным» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии... С. 104).

Трагедии с персонажами в виде Сатиров положили начало сатире как виду искусства. К трем великим трагикам добавляется комедиограф Аристофан (ок. 446—385 гг. до н.э.), который не брал сюжеты из мифологии, а придумывал их сам, часто пародируя трагическое действие. Драма все дальше отходила от мифологии.

Греческий театр включал в себя «скену», на которой играли актеры, «орхестру» для хора и «театрон» — места для зрителей. Самый крупный театр в Афинах был рассчитан на 17 тыс. зрителей, т.е. вмещал почти всех граждан Афин. Посещение спектаклей считалось для свободных людей обязательным.

О значении музыки в Древней Греции говорит миф об Орфее, от пения которого приходили в движение деревья и скалы.

Греки играли на лире, флейте и других инструментах. Древнегреческий миф об Орфее близок мифам об Осирисе и Инанне. Возможно, он, так же как алфавит, попал к грекам от финикийцев.

В V в. до н.э. в Греции была открыта перспектива в живописи, и это шаги рационализации в изобразительном искусстве.

В микенский период сооружен огромный Кносский дворец, так называемый Лабиринт (от слова Лабрис — двуострая секира, священный на Крите предмет), занимающий площадь около 10 тыс. м² и насчитывающий несколько сотен помещений. Но самым замечательным архитектурным памятником Древней Греции считается Афинский акрополь, построенный в V в. до н.э. под общим руководством скульптора Фидия (500/490 — ок. 431), с Парфеноном, который часто фигурирует в качестве символа культуры. В это же столетие творил знаменитый автор «Дискобола» Мирон, а из IV в. до н.э. наиболее известен Пракситель. Греческая скульптура наравне с философией и трагедией принадлежит к высшим достижениям мировой культуры. Алтарь, устроенный на Делосе, по преданию, самим Аполлоном из рогов диких коз, убитых Артемидой, причислялся к семи чудесам света.

НАУКА И СПОРТ

Древней Греции мы обязаны названиями нескольких наук. Перу греческого ученого Страбона (64/63 г. до н.э. — 23/24 г. н.э.) принадлежит книга «География», в которой он описал природу и дал сведения о народах, живущих в различных странах, и об их истории. Надо иметь в виду, что в понимании греков наука сильно отличалась от наук Нового Времени. Греческая наука опиралась на обыденный, а не экспериментальный опыт, и это не столь сказывалось на описательных науках типа географии, но имело принципиальное значение, когда речь шла о физике, астрономии и других дисциплинах, претендующих на статус теоретических. Точнее сказать, в Древней Греции зарождались рациональные предпосылки создания наук, но им было далеко до того эмпирико-теоретического синтеза, с началом которого можно говорить о становлении науки в современном понимании.

К таким научным и образовательным центрам, как Академия Платона и Ликей Аристотеля, во времена эллинизма добавился Мусей (буквально «святыня муз») в Александрии, совмещавший в себе научное учреждение, университет и библиотеку, количество книг в которой достигало 700 тыс.

Древнегреческая математика зародилась в школе Пифагора, а «Начала» Евклида представляют собой классический образец геометрии. В греческой цивилизации, по Шпенглеру, нет времени, как оно существует в Египте, Вавилоне, Западной Европе. В качестве примера он приводит евклидову геометрию и математику. Величайший математик древности Архимед определил число π и заложил основы механики. Окружность Земли первым вычислил Эратосфен, который был одним из руководителей Александрийской библиотеки. Мы пользуемся введенной им системой меридианов и параллелей. Все трое — представители Александрийской математической школы.

В эллинистический период в Александрии построен маяк Фар, который причислен к семи чудесам света; появился первый зоологический сад.

Славилась Древняя Греция своим ораторским искусством (достаточно вспомнить Демосфена и его речи против Филиппа — «филиппики») и риторикой — наукой о том, как правильно говорить.

Даже спорт в Древней Греции был рационален и введен в цивилизационные рамки. Греция — родина Олимпийских игр, которые проводились раз в четыре года с 776 г. до н.э., пока их в 394 г. до н.э. не запретил римский император Феодосий I как несовместимые с христианством. Учредил Олимпийские игры, по преданию, Геракл, и на время соревнований во всей Греции объявлялся мир. Физическому развитию в Древней Греции вообще уделялось большое внимание. Слово «гимнастика» имеет тот же корень, что и «гимназия», потому что в древнегреческих учебных заведениях — гимназиях — не только изучали науки, но занимались физическими упражнениями на различных снарядах, уделяя этому по несколько часов в день. Поговорка «в здоровом теле — здоровый дух» пришла из Древней Греции.

Одежда древних греков отличалась простотой и рациональностью. Они носили хитон, плащ-гиматий и сандалии, а во время путешествий надевали плащ-хламиду.

Вопросы для повторения

- Какова роль морских цивилизаций в истории человечества?
- Каковы предшественники греческой культуры?
- Чем древнегреческая мифология отличается от других?
- Каких богов греческого пантеона вы знаете?
- Почему философия возникла именно в Древней Греции?
- Каков был престиж философии в Древней Греции?
- Каковы основные философские концепции Древней Греции?
- Каково значение в истории философии Платона и Аристотеля?
- Каковы особенности древнегреческого искусства?
- Чем оно знаменито?
- Каково содержание «Илиады» и «Одиссеи»?
- Каково значение древнегреческой драмы?
- Каково значение древнегреческой скульптуры?
- Каково значение древнегреческой культуры в целом?
- Какое воздействие она оказала на другие культуры?

Литература

1. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М., 1987.
2. *Геродот*. История.
3. *Гесиод*. Теогония. Труды и дни // Хрестоматия по античной литературе. М., 1965.
4. *Гомер*. Илиада. Одиссея. М., 1982–1982.
5. Античная поэзия. М., 1997.
6. Античная драма. М., 1970.
7. *Платон*. Пир. Государство // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2–3. М., 1970.
8. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1984.
9. *Плутарх*. Избранные жизнеописания: В 2 т. М., 1987.

Глава 12

Древний Рим

Идешь безоружный с сознанием своей
правоты и готовый скорее все претерпеть,
чем поднять на кого-нибудь руку.
Плутарх

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Рим явился второй великой морской цивилизацией, значение и размеры которой простерлись намного дальше, чем могли мечтать народы, жившие до них. Основанный, по преданию, Ромулом и Ремом в 753 г. до н.э., Рим в IV в. до н.э. захватил всю территорию Италии, а с середины III в. по середину II в. до н.э. в Пунических войнах сокрушил Карфаген. Во II в. до н.э. Рим захватил Грецию; в I в. до н.э. — Египет, Иудею, Галлию, часть Британии. В середине I в. до н.э. единоличным правителем римского государства становится Юлий Цезарь, а после его убийства и гражданской войны императором провозглашается приемный сын Цезаря Август. В III в. император Константин переносит столицу в г. Визант на берегу Боспора, которому дает название Константинополь. В конце IV в. Римская империя делится на Западную и Восточную, получившую название Византия. В 410 г. варвары впервые захватывают Рим, а в 476 г. Западная Римская империя прекращает свое существование.

Важным этапом римской экспансии было поглощение греков вместе с их культурой, проводниками которой стали римляне. Потерявшие независимость греки покорили Рим своей мифологией и философией и одержали культурную победу. «Греческая философия уже целые века воспитывала высшее римское общество. Почти все наставники были греки. Преподавание все шло на греческом языке. Блистательнейшая победа Греции была

одержана ее педагогами и профессорами» (*Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991. С. 29). Когда римляне покорили Малую Азию, на территории римской империи стал распространяться культ персидского бога Митры. После захвата Египта в Риме получили известность египетские боги. Захват Иудеи привел в конечном счете к торжеству христианства в Римской империи и во всей Европе. Странствующий немецкий поэт XIII в. Фрейданг объяснил это так:

Владык великих древний Рим
Поработил мечом своим,
Но за неправду осужден
Принять поверженных закон
(Зарубежная литература средних веков. М., 1975. С. 107).

Строгий и практичный стиль римской цивилизации соответствовал задаче, которую она выполняла, — расширение ареала греческой и других культур, их перенесение на громадные расстояния. Рим можно назвать первой цивилизацией, которая пыталась создать единое культурное поле на огромной захваченной территории, где (новый момент!) существовало несколько достаточно развитых культур. Помогало то, что римская культура не обладала собственной целостностью, которая противостояла бы другим культурам. Она впитывала в себя культуры покоренных народов и духовно подчинялась им, придавая специфику. В гигантском котле варились многие культуры. Римская империя объединила большинство известных в то время цивилизаций — египетскую, ближневосточные, еврейскую. Это потребовало беспрецедентной культурной работы. Начиная со II в. н.э., после завоевания Греции, данную роль выполняли греческая мифология и философия, в новую эру она перешла к христианству, ставшему мировой религией. Сама же римская культура участвовала в этом синтезе искусством в лице Овидия, создавшего в своих «Метаморфозах» единую художественную картину мира, и философией в лице римских стоиков, создавших единый этос.

Римская культура — прообраз мировой культуры, позволяющий сделать вывод, что это возможно. Правда, Римская империя объединила не весь мир, но можно представить, что было бы, если бы римляне захватили Индию и Китай. Итак, в римской культуре осуществился первый в истории синтез, который повлиял на последующее развитие культуры (достаточно вспомнить, что христианство пришло в Европу из Рима, а мусульманство было бы невозможно без христианства).

Три великих историка Древнего Рима — Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.), Тацит (ок. 58 — ок. 117 гг. н.э.) и Плутарх (ок. 46 — ок. 127 гг. н.э.), грек, прославившийся сравнительными биографиями исторических деятелей. Титу Ливию, написавшему «Историю Рима от основания города» и относящемуся к «золотому веку» древнеримской литературы, мы обязаны сведениями из мифологии Древнего Рима.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Первичные мифы римской цивилизации, например, миф о выкармливании волчицей двух братьев — основателей Рима, — мало чем отличаются от мифов первобытных народов. Тит Ливий пишет, что первый культ, учрежденный на римской земле Ромулом, был культ Геркулеса (Геракла), так как Ромул был ревностным почитателем бессмертия, порожденного доблестью. Для древнейшего периода римской истории характерен культ семейно-родовых духов-покровителей — богини домашнего очага Весты, пенатов и ларов. Еще один исконно римский бог — двуликий Янус. После завоевания Греции происходит отождествление римских богов с греческими и перенимание структуры греческого пантеона: Юпитер отождествляется с Зевсом, Марс с Аресом, а взятые от греков боги приобретают новые имена: Афина называется Минервой, Афродита — Венерой, Посейдон — Нептуном, Гера — Юноной, Гермес — Меркурием.

Овидий в «Метаморфозах» повторяет в расширенном варианте «Теогонию» Гесиода. Он попытался собрать воедино все предшествующие знания от первобытного хаоса до системы Пи-

фагора и соединил мифы, научные и исторические сведения в художественную картину мира, в которой все находится в процессе изменения, метаморфоз. Данный синтез вполне соответствовал историческому значению Римской империи, включившей в себя к началу нашей эры большинство известных земель. Создателем человека у Овидия является Прометей, который «между тем, как, склонясь, остальные животные в землю смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо в небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи» (*Публий Овидий Назон. Собр. соч. Т. II, СПб., 1994. С. 11*). В «золотой век» не было страха, земля все «сама приносила, плугом не ранена» (Там же), реки текли молока и т.д. При Юпитере зародился «серебряный век». Появились четыре времени года, люди стали жить в пещерах и трудиться на земле. Дальше был «медный век» и худший, «железный», в который ушло благочестие и справедливость, а пришло насилие и «проклятая жажда наживы», а вместе с ней частная собственность на землю и войны. Юпитер решает уничтожить человеческий род и устраивает потоп. В живых остается один человек с женой, от которого происходят новые поколения.

В «Метаморфозах» Овидия Юпитер в основном занимался любовными интригами, заставляя вспоминать написанную Овидием ранее «Науку любви». Пантеон богов намеренно заземлялся, и ему трудно становится соперничать с нарождающимся христианством. Можно сказать, что здесь происходит подмена. Юпитер Овидия намного легкомысленнее Зевса Гесиода, и верить в благость бога с таким поведением становится все сложнее.

В императорский период утверждается культ гениев императоров. В новую эру в Рим проникают мифологические системы из покоренных стран — Египта и Малой Азии. Между ними разворачивается борьба за господство. Во II в. в Риме стал популярен культ персидского бога света и правды Митры, который в религиозном отношении был самым большим конкурентом Христа. Это был шаг от политеизма к монотеизму, и в этом смысле почитание Митры подготовило к принятию христианства в начале IV в. на закате Римской империи. А на протяжении длитель-

ного времени римские сатурналии воспринимались как жуткий анахронизм, в то время как жертва Сократа для римских стоиков оставалась образцом мужества. Философия в Древнем Риме лидировала вплоть до победы христианства.

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Древний Рим не создал новых философских систем. После подчинения Греции Риму на древнеримскую почву переходят учения, которые появились в Древней Греции в эпоху крушения афинского государства, — эпикурейство, стоицизм, скептицизм. Prestиж философа достигает высшей точки. «Сильные мира содержали при своей особе домашнего философа, который был в то же время их ближайшим другом, наставником, стражем их души... В больших печалях приглашали философа, чтобы он утешил» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 29—30). Философ выполнял роль, которую впоследствии в христианстве играли духовники. «Таким образом, осуществилось настоящее историческое чудо, которое можно назвать владычеством философов» (Там же. С. 32). Практическая направленность римской души привела к тому, что в Древнем Риме интересовались не диалектикой и метафизикой, а преимущественно этикой. Римляне взяли из греческой философии две основные темы: как избежать страха смерти (к этому стремились эпикурейцы) и как ее достойно встретить (стоики). В Древней Греции противопоставленные, в Древнем Риме стоики и эпикурейцы дополняли друг друга (Сенека охотнее всего цитировал Эпикура).

Популярности Эпикура способствовала поэма «О природе вещей» Лукреция Кара, уроженца Рима (ок. 99 — ок. 55 г. до н.э.). Лукреций был не теоретиком, а поэтом, скорее эпикурейцем, чем поэтом, потому что сам объяснял, что взялся изложить взгляды Эпикура в поэтической форме для облегчения их восприятия, следуя принципу, что главное — наслаждение, как, скажем, больному дают горькое лекарство вместе с медом, чтобы не было неприятно его пить.

Проблема «бог и зло» одна из самых сложных в этике. Христианство отвечает на нее утверждением, что Бог дал людям сво-

боду воли; индийская философия — концепцией кармы. Эпикурейцы дают свой ответ, считая, что боги не вмешиваются в жизнь людей, потому что в противном случае, по Эпикуру, пришлось бы признать, что допускающие зло боги или не всемогущи, или не всеблагии.

И интересное дело: сам Эпикур, по Лукрецию, оказывается выше богов, потому что боги не вмешиваются, а Эпикур своим учением спас человечество от страхов. Еще раз убеждаемся: чем ниже ставятся боги, тем выше оказывается человек. «О богах ничего не знаю», — говорит Будда, и... обожествляется. Боги не вмешиваются, утверждает Эпикур, и... почитается богом. Недавний пример — обожествление правителей атеистического государства.

Оканчивается поэма Лукреция описанием массовой смерти от эпидемии. Так оптимистическое учение Эпикура неожиданно оборачивается пессимистическим выводом римского поэта относительно возможности его реализации в жизни. В дальнейшем, со становлением империи, места для оптимистических учений вообще не осталось, и мы видим только стойков и скептиков.

Эпикурейство больше подходит для свободных людей, могущих забраться в «башню из слоновой кости». А раб? Как он может жить незаметно и без страхов наслаждаться жизнью? Каждый человек в эпоху империи был под пятой тирана. В этих условиях учение Эпикура теряет свою жизненную силу, уже не подходит к социальным обстоятельствам Римской империи, когда человек принуждается к противостоянию с властью.

Ни один из многочисленных последователей Эпикура ничего не изменил в его учении. Или оно настолько целостно, что ни прибавить ни убавить, или в эпикурейцы не шли творческие люди. Напротив, метафизика стойков сделала сильный крен в сторону платоновского идеализма, тогда как этика (а для стойков, тем более римских, именно она была главной) изменилась мало.

Взгляды римских стойков отличались от греческих по тональности — силой своего чувства и выразительностью позиции, — и это объяснялось изменением социальных условий. Постепенно подтачивалось достоинство людей и вместе с тем их уверенность.

Иссякал психологический запас прочности, и начинали преобладать мотивы обреченности. Б. Рассел писал, что в плохие времена философы придумывают утешения. «Мы не можем быть счастливыми, но мы можем быть хорошими; давайте же представим себе, что пока мы добры, неважно, что мы несчастливы. Эта доктрина героическая и в плохом мире полезная» (Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 286).

У римских стоиков ведущими чертами становятся не гордость, достоинство, уверенность в себе и внутренняя непоколебимость, а скорее, слабость, ощущение ничтожности, растерянность, надломленность. Нет у них оптимизма греков. Понятия зла и смерти выходят на первый план. Римские стоики демонстрируют стойкость отчаяния и терпения, сквозь которую прорывается мотив духовной свободы.

Известным римским пропагандистом стоицизма был Цицерон. Им разъяснены основные стоические понятия. «Но первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием» (Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 63). Жить в согласии с природой означает «быть всегда в согласии с добродетелью, а все остальное, что соответствует природе, избирать только в том случае, если оно не противоречит добродетели» (т.е. богатство, здоровье и т.п.). Больше, впрочем, Цицерон прославил ся как оратор.

Цицерон стоял у смертного одра республики. Будучи сенатором, он говорит как государственный муж с подданными, избравшими его. Следующий известный стоик пришел, когда республика погибла. Сенека не мечтает об ее реставрации, смирился с этим и своей проповедью, не назидательной, как у Цицерона, а дружественной, обращается не к жителям государства, а к отдельному человеку, другу. Испанец Сенека (ок. 5 до н.э. — 65 н.э.) родился в Риме. С 48 г. н.э. он воспитатель будущего императора Нерона, от которого и принял смерть. Это автор для всех времен и народов, и если есть несколько книг, которые в своей жизни должен прочитать каждый, в этот список входят «Нравственные письма к Луцилию».

С эстетической и нравственной точек зрения произведения Сенеки безупречны. Даже у Платона высокохудожественные куски текста перемежаются с вполне заурядными. У Сенеки все тщательно отделано и соединено в одно целое, хотя мы имеем дело с циклом писем, по-видимому, действительно, написанных адресату в разное время. Единство произведению придает цельность мировоззрения автора. Нравственная проповедь Сенеки не грешит назидательностью, дешевыми лозунгами, а тонко ведет и убеждает. Мы видим в авторе сочетание гордости, доблести, благородства и милосердия, которое не встречаем ни у христианских миссионеров, ни у философов Нового времени.

В творчестве Сенеки преобладает мотив страданий, а уверенность в возможности избавления от них гаснет, оставляя надежду только на себя. «Изменить... порядок вещей мы не в силах, — зато в силах обрести величие духа, достойное мужа добра, и стоически переносить все превратности случая, не споря с природой» (*Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 270*). Вне себя человек бессилен, но он может быть господином самого себя. Ищи опору в собственной душе, которая и есть бог в человеке, советует Сенека.

Внешнему давлению Сенека противопоставляет индивидуальное нравственное самосовершенствование и борьбу прежде всего с собственными пороками. «Ничего я не осудил, кроме самого себя. И с чего тебе приходиться ко мне в надежде на пользу. Кто рассчитывает найти здесь помощь, ошибается. Не врач, а больной живет здесь» (Там же. С. 124). В отличие от киников периода расцвета философии Сенека считает больным самого себя.

Для обретения независимости от деспотических сил, во власти которых находится человек, Сенека предлагает стать равнодушным к судьбе, не следовать подобно скоту за вожаками стада и воззрениями, которые находят много последователей, а жить как требует разум и долг, т.е. по природе. «Жить счастливо и жить согласно с природой — одно и то же» (*Антология мировой философии. Т. I. С. 514*).

По Сенеке, смерть нужна не потому, что страдание превышает удовольствие, как для Гегесия, а как способ освобождения от

жизни, не соответствующей достоинству человека. Мотив самоубийства у Сенеки становится столь сильным, потому что в эпоху империи только так можно было стать свободным, и свобода впервые стала цениться, когда исчезла из реальной жизни.

Воспевание смерти римскими Stoиками — это не жажда смерти, а признание поражения человека. «Тому, кто попал в руки владыки, поражающего стрелами его друзей, тому, кого господин принуждает вырвать внутренности у родных детей, я скажу: что ты рыдаешь, безумец, чего ты ждешь? Чтобы враг уничтожил твой род, чтобы какой-нибудь чужой владыка напал на тебя? Куды бы ты ни обратил свой взор, всюду ты найдешь исход из своих бедствий! Взгляни на этот крутой обрыв — он ведет к свободе, взгляни на это море, этот поток, этот колодезь — на дне их таится свобода; взгляни на это дерево — невысокое, засохшее, жалкое — с него свешивается свобода. Твоя шея, твоя гортань, твое сердце — они помогут тебе избежать рабства. Но эти пути слишком трудны, они требуют большой мощи, душевной и телесной; ты спросишь, какой же путь к свободе открыт; он в любой кровеносной жиле твоего тела» (История римской литературы. Т. 2. С. 81).

Смерть для Сенеки — критерий прожитой жизни. «Все наши прежние слова и дела ничто... смерть покажет, чего я достиг, ей я и поверю» (*Сенека Л.А.* Нравственные письма... С. 50). «Смерть не есть зло. — Ты спросишь, что она такое? — Единственное, в чем весь род людской равноправен» (Там же. С. 320). Но и в жизни все люди равноправны в одном — и свободные, и рабы. Все люди — рабы по отношению к фортуне. И каждый в рабстве у самого себя. «Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой — у скупости, третий — у честолюбия и все — у страха... Нет рабства позорнее добровольного» (Там же. С. 79). Понимая рабство в самом широком смысле и борясь против него, отражая тем самым растущие антирабовладельческие настроения, Сенека верит в то, что каждый человек свободен потенциально, в душе.

Мораль Сенеки отличается милосердием, человеколюбием, состраданием, жалостью, благоговейным отношением к другим людям, благожелательностью, незлобивостью. Во всеильной

империи жизнь философа небезопасна, и это в полной мере испытал Сенека, обвиненный бывшим учеником Нероном в заговоре против себя. Хотя никаких улик не нашлось, Сенека, не дожидаясь ареста, вскрыл себе вены, сохранив верность своим взглядам. Не столь важно, участвовал ли Сенека в заговоре, уже то, что он принимал участие в государственных делах в такое время, говорит о том, что он готовил себе гибель.

Сенека — вершина нравственно-философской мысли. Ему удалось синтезировать ценное, что было в античной этике, не исключая и оппонента стоиков Эпикура. Сенека издевался над софизмами и антиномиями. Он мог согласиться, что объективная истина невозможна, но для него не этот вопрос важен, а вопрос как жить? От него не спасешься парадоксами, его надо решать здесь и сейчас.

Сенека соединил в себе судьбы трех великих древнегреческих философов. Он был воспитателем будущего императора, как Аристотель; писал столь же художественно, как Платон; и умер, как Сократ, в убеждении, что по установлению природы «несчастней приносящий зло, чем претерпевающий».

Эпиктет (ок. 50—140) был первым из знаменитых философов, который был рабом, но для стоиков, признающих всех людей равными, это не удивительно. Издевавшийся над ним хозяин сломал ему ногу, а затем отпустил калеку. Вместе с другими философами он был впоследствии выслан из Рима и открыл свою школу в Никополисе (Эпир). Его учениками были аристократы, бедняки, рабы. В своей школе нравственного совершенствования Эпиктет учил только этике, которую называл душой философии.

Первое, что требовалось ученику, — осознать собственную слабость и бессилие, которые Эпиктет называл началами философии. Стоики вслед за киниками считали, что философия есть лекарство для души, но чтобы человек захотел принять лекарство, он должен понять, что болен. «Если хочешь быть хорошим, сперва проникнись убеждением, что ты плохой» (Цит. по: *Маковельский А.* Мораль Эпиктета. Казань, 1912. С. 6).

Первая стадия философского обучения — отбрасывание ложного знания. Начав учиться философии, человек испытывает состояние шока, когда под воздействием истинного знания он как бы сходит с ума, отказываясь от привычных представлений. После этого новое знание становится чувством и волей человека.

Три вещи необходимы, по Эпиктету, чтобы стать добродетельным: теоретические знания, внутреннее самосовершенствование и практические упражнения («нравственная гимнастика»). Требуется ежедневное самоиспытание, постоянное обращение внимания на себя, свои мысли, чувства и поступки; зоркое слежение за собой как за злейшим врагом. Для освобождения от страстей надо постепенно уменьшать пищу, которой они питаются. Если привык сердиться ежедневно, постарайся сердиться через день и т.д.

Два основных принципа Эпиктета: «выдерживай и воздерживайся». Стойко выдерживай все внешние трудности, которые обрушиваются на тебя, и ко всему, что бы ни случилось, относись спокойно. Воздерживайся от любых проявлений собственных страстей, памятуя, что твои — только разум и душа как нечто единое и разумное, а не тело.

На земле все пленники и одинаково дети бога. К богу Эпиктет взывал так страстно, что назван предтечей христианства. Обнаруживаем мы у Эпиктета и золотое правило этики. «То положение, которое ты не терпишь, не создавай для других. Не желай быть рабом — не терпи рабство около себя».

Необычно для философа, но полностью противоположно, чем у Эпиктета, общественное положение Марка Аврелия (121—180) — император. Тем не менее его пессимизм и мужество отчаяния столь же выразительны. Шатко стало не только положение личности, тем более раба, но и империи. Наступал период ее заката. У Марка Аврелия была огромная власть, но она не радовала его. Как ни покажется странным, именно в период максимального могущества империи человек внутри нее чувствует себя в наибольшей степени незащищенным и ничтожным, раздавленным и беспо-

мощным. Чем сильнее государство, тем слабее человек. И не только раб или придворный, а сам всемогущий правитель.

Как все стойки, Марк Аврелий ищет смысла. «Что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет» (*Марк Аврелий. Размышления. II, 11*). Попытка избавиться от зависимостей, предпринятая эпикурейцами, делает жизнь бессмысленной. В исполнении разумного промысла — долг человека. «Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания».

Исполнению долга способствуют добродетели, точнее одна добродетель как единство, в различных ситуациях проявляющееся в виде благоразумия — знания того, что есть добро, что зло, что следует делать, а что нет; здравомыслия — знания того, что следует избирать, чего избегать; справедливости — знания о воздаянии каждому по заслугам; мужества, знания о страшном и нестрашном; праведности — справедливости в отношении богов.

Говорит Марк Аврелий и о желательности таких черт характера, как простота, добропорядочность, неиспорченность, серьезность, скромность, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. «Вот и являй себя в том, что всецело зависит от тебя: неподдельность, строгость нрава, выносливость, суровость к себе, несетование, неприхотливость, благожелательность, благородство, самоограничение, немногоречие, величавость» (Там же. IV, 5). «Совершенство характера — это то, чтобы всякий день проводить как последний» (Там же. VII, 69).

Марк Аврелий подошел совсем близко к евангельскому «возлюбите врагов ваших», хотя был противником христианства. Он дает три оправдания того, почему не стоит гневаться на обидевших тебя: во-первых, на этом проверяется собственное доброжелательство; во-вторых, людей невозможно исправить, а стало быть, нет смысла обличать их; в-третьих, «лучший способ отомстить недобрым состоит в том, чтобы им не уподобляться» (Там же. VI, 6).

Всеобщий разум распространен повсюду, как воздух, и его надо благодарить за все, даже за несчастья. Судьба назначает

человеку нечто, как врач прописывает лекарство. Здесь не философия, как у киников, а судьба — врач. Лекарство же бывает горьким. Так и зло в мире — горькое лекарство, которым лечит природа. Это близко к христианскому представлению о том, что болезнь дается в наказание за грехи, и человек не может и не должен разбираться, за что наказан. Болезни не дала бы природа, если бы это не принесло пользы целому.

Сами препятствия, как и зло, помогают нам. «И продвигает в деле самая помеха делу и ведет по пути трудность пути» (Там же. V, 20). Боль же и наслаждение не имеют к этике никакого отношения, так как они не делают человека ни лучше, ни хуже и не являются поэтому ни благом, ни злом. Марку Аврелию принадлежит небезызвестное выражение «жизнь — борьба», хотя он не склонен был восхищаться этим.

Главное в жизни — быть достойным бога, гения, добродетели, и сохранить свой собственный цвет, как изумруд. «Свернись в самого себя» (Там же. VII, 28). Живи настоящим днем, но не привыкая к нему, и ни на кого не обижайся.

Важное место в философии Марка Аврелия занимает требование быть всегда одинаковым в ответ на действия внешних обстоятельств, что означает постоянную соразмерность, внутреннюю согласованность душевного склада и всей жизни. «Быть похожим на утес, о который неустанно бьется волна; он стоит, и разгоряченная волна затихает вокруг него» (Там же. V, 49).

Сходные мысли встречались и у Сенеки. «Поверь мне, великое дело — играть всегда одну роль. Но никто, кроме мудреца, этого не делает; все прочие многолики» (*Сенека А.Л. Нравственные письма... С. 310*). Отсутствие целостности и цельности — причина того, что люди, запутываясь в перемене масок, оказываются расщепленными. А целостность нужна потому, что сам человек — часть мирового целого, без которого он не может существовать отдельно от остального тела как рука или нога. Представление о единстве всего во вселенной постоянно повторяется Марком Аврелием.

То был единственный случай в мировой истории, когда государством правил философ и достигнута была видимая соци-

альная вершина торжества философии. Казалось бы, именно Марку Аврелию и попытаться устроить государство на тех принципах, которые разрабатывались философией начиная с Сократа и Платона. Но он не только не начал кардинальных преобразований (хотя как у императора у него были все возможности — не то что у Платона), но даже не обращался к людям со ставшими модными в то время философскими проповедями, а вел лишь дневник — для себя. Это крайняя степень разочарованности в надежде улучшить положение. Осуществилось пожелание Платона о философе, управляющем государством, но Марк Аврелий понимал, насколько трудно исправить людей и общественные отношения. В самоумалении Сократа была ирония, в самоумалении Сенеки и Марка Аврелия — неподдельная скорбь.

Учащий людей как жить бывший раб Эпиктет, философ на престоле Марк Аврелий, государственный деятель и писатель Сенека сравнимы по художественному дарованию с Платоном, а по пронзительности своих сочинений более близкие нам, чем Платон, — вот наиболее значительные имена римского стоицизма. Всех троих объединяло убеждение, что существует разумная необходимость подчинения всеобщему высшему началу, а своим следует считать только разум, а не тело. Различие же в том, что, по Сенеке, во внешнем мире все подчинено судьбе; по Эпиктету — воле богов; по Марку Аврелию — мировому разуму.

Сходство между римскими стоиками и эпикурейцами, как и между греческими, заключалось в ориентации на жизнь по природе, замкнутость и автархию, безмятежность и апатию, в представлении о материальности богов и души, смертности человека и его возвращении в мировое целое. Но осталось понимание эпикурейцами природы как материальной вселенной, а стоиками — как разума; справедливости как общественного договора — эпикурейцами, и как долга перед мировым целым — стоиками; признание свободы воли эпикурейцами и высшего порядка и предопределенности стоиками; представление о линейности развития мира у эпикурейцев и цикличности развития у стоиков; ориентация на личную дружбу у эпикурейцев и участие в об-

щественных делах у стоиков. Для стоиков источник счастья — разум, а основное понятие — добродетель; для эпикурейцев соответственно чувства и удовольствия. Стоики начали отходить от главной линии античности, и мотивы милосердия и покорности приближали их к христианской этике, как стремление к подавлению всех желаний — к буддизму. Поздним стоикам, однако, не хватало уверенности в своих силах, их разъедал скептицизм, и здесь они уступали религии.

Скептики противостояли стоикам и эпикурейцам в Риме, как и в Греции, и значение их возрастало по мере ослабления творческих потенций философии. Скептицизм является неизбежным спутником рациональной мудрости, как атеизм — спутником религиозной веры, и он только ждет момента ее ослабления, как атеизм — момента ослабления веры. Отрицая представление о всеобщем благе, Секст Эмпирик (конец II — начало III в. н.э.) подвергает сомнению все достижения философии, начиная с Сократа. Своими рассуждениями о невозможности рационально объяснить изменение Секст завершает то, что начато апориями Зенона. Отличие Секста от элеатов в том, что те выдвигали апории для доказательства несоответствия разумных истин чувственным данным. Секст использует апории для дискредитации как показаний чувств, так и разумных доводов. Зенон утверждал, что движения нет, а Секст на основании той же апории делает вывод, что ничего не существует. На смену осмысливающему жизнь сократовскому скептицизму пришел обесмысливающий скептицизм Секста Эмпирика, и этим философия подписала себе приговор.

Однако если все отрицать, то ни о чем невозможно говорить. Это заставляет все же высказываться положительно. Если я не знаю, знаю ли я что-либо, то, может быть, я все же что-то знаю? Последовательный скептицизм открывает путь к вере. Заслуга скептиков — в попытке определить пределы рационального мышления, с тем чтобы узнать, чего можно ждать от философии, а чего нельзя. Недовольные рамками, в которых функционирует разум, обращались к религии. Подрывая выводы разума, скептики все

больше склоняли людей к вере и тем самым подготовили победу христианства, для которого вера выше разума. Им помогли эпикурейцы и стоики. Оказалось, что страх смерти не победить разумными доводами. Христианство возникло не случайно, распространение его подготовлено логикой развития античной культуры. Людям хочется не только счастья здесь, но и после смерти. Ни Эпикур, ни стоики, ни скептики не обещали этого. Встав перед дилеммой: разум или вера, — люди предпочли веру, в данном случае христианскую. Отвернувшись от рациональной мудрости, более молодое и уверенное в своих силах христианство победило дряхлеющую античную философию. Последняя почил, как мудрый старик, уступающий место новому поколению.

С конца II в. христианство завладевает умами масс. Можно сказать, что христианство в борьбе с философией победило самую могущественную в истории человечества империю, а единственный в истории император-философ потерпел сокрушительное духовное поражение. Почему это произошло? Ослабление творческих потенций античной философии, изменение духовного климата и социальных условий жизни тогдашнего общества привели к триумфу христианства. Философия была сначала низвергнута, а потом использована для нужд религии, превратившись на полторы тысячи лет в служанку богословия.

В римской цивилизации философия теряет свою теоретическую мощь, становясь преимущественно практической мудростью, что лишает ее главного достоинства — разумного поиска истины. Стараясь быть прежде всего полезной, философия исчерпывает себя.

ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО РИМА

В подтверждение идеи неравномерного, пульсирующего развития культуры А. Кребер пишет: «Такой тип конфигурации представляет нам латинская культура. Она получает первый, предварительный импульс, под прямым воздействием греков, характеризующийся ярким драматическим мастерством. Он приходится на период до и после 200 г. до н.э., скажем, на 240—120 г.

Далее следует полувековой промежуток низкого уровня развития. Затем с 70 г. до н.э. до 10 г. н.э. — пик развития, достигающий апогея в творчестве Вергилия, — это годы распада Республики и начала правления Августа. В поздние годы его правления и последующие несколько десятилетий, с 10 до 50 г. н.э., опять относительно бесплодны... Далее, со времени Нерона до правления Трояна — скажем, с 50 до 120 г., — вновь создается качественная литература» (Антология исследований культуры... С. 470). Эти три импульса Кребер называет ранним, золотым и серебряным.

«Золотой век» римского искусства (I в. до н.э. — начало I в. н.э.) — это век Лукреция, Катулла (87/84 до н.э. — ок. 54 до н.э.), Вергилия (70—19 до н.э.), Горация (65—8 до н.э.), Овидия (43 до н.э. — 17/18 н.э.). Катулл был первым латинским лирическим поэтом, дело которого продолжил Гораций сатирами и одами. «Памятник» Горация, вольно переведенный Пушкиным, выше не Александрийского столпа, воздвигнутого в Петербурге, а пирамид, не сокрушимых ни природой, ни временем. «Лучшая часть меня, — писал Гораций, — избежит похорон». Мотив бессмертия поэта (в широком смысле — творца культуры) прозвучал у Горация с непревзойденной силой, вызвавшей много подражаний. В этом же стихотворении Гораций откровенно говорит о своем собственном следовании образцам греческой поэзии. «Встав из ничтожества, первым я приобщил песню Эолии к итальянским стихам» (Хрестоматия по истории древнего мира... С. 262—263).

Создание единой античной художественной картины мира продолжил Вергилий, который в «Энеиде» взял отправной точкой то, чем закончил «Илиаду» Гомер — победой греков над троянцами. Часть жителей Илиона во главе с Энеем, сыном троянского царя Приама, спасается от гибели и по морю добирается до Италии. Породившись с местным населением, они дают начало новой цивилизации. Таким образом, Вергилий наметил художественный переход от греческой к римской культуре. Затем Овидий обобщил достижения античной культуры. Его «Метаморфозы» — собрание мифов, отражающее факт существования римской империи. Встречаем в «Метаморфозах» и древнее мистиче-

ское понимание природы как имеющей сверхъестественную составляющую, например, в представлении Эхо в виде нимфы, которая от несчастной любви к Нарциссу сохнет «и одни остались лишь голос да кости. Голос живет: говорят, что кости камнями стали» (*Публий Овидий Назон*. Собр. соч. Т. II. СПб., 1994. С. 65). Образ самого Нарцисса интересен не только в части критики эгоизма, а и в том смысле, что художник любит образы, которые создает, и в этом немного Нарцисс. Знаменитый шекспировский сюжет «Ромео и Джульетты» тоже есть у Овидия в рассказе о Пираме и Фисбе. Пирам, договорившись встретиться ночью с Фисбой, увидев ее обгавленную кровью накидку, думает, что ее растерзал лев, и вонзает в себя кинжал, что совершает над собой потом и увидевшая его мертвым Фисба. Любовь Циклопа к нимфе Галатее, рассказанная Овидием, напоминает сказку «Аленький цветочек».

У Овидия в «Метаморфозах» соседствуют величие с наслаждением. Затем величия становится все меньше, а наслаждения, точнее стремления к нему, все больше. Вот яркий пример подмены: Эпикур, признававший самыми ценными душевные наслаждения, и римские эпикурейцы, для которых главным стало наслаждение телесное.

К «серебряному веку» принадлежат историк Тацит (58 — ок. 117), сатирик Ювенал (ок. 60 — ок. 127), автор эпиграмм Марциал (ок. 40 — ок. 104). Наконец, выделяют «бронзовый век», начавшийся с правления императора Адриана (годы правления 117—138) и к нему относится прославившийся биографиями двенадцати римских цезарей Светоний (ок. 70 — ок. 140 гг.). Литературу народов, захваченных Римом, считают древнеримской. Поэтому сюда попали и сочинения древнегреческих поэтов и писателей эпохи эллинизма, например, Лукиана (ок. 120 — ок. 190), историка Плутарха (ок. 46 — ок. 126) и др.

Постепенно в художественной литературе начинают преобладать сатирические произведения: не только Ювенал и Марциал, но и Лукиан, Апулей, Петроний. Великое трансформируется в смешное по мере упадка самой Римской империи. Имен-

но в Древнем Риме появляется настоящая в полном смысле слова сатира. Как философия закончилась скепсисом, так искусство — сатирой, и точку поставил Лукиан. Несколько смертельных ран богам нанес Овидий, но Лукиан откровенно третирует их. На его «собрании богов» Мом говорит, что люди презирают богов из-за того, что среди них есть легкомысленный Дионис с Силеном и сатирами. Обвиняется сам Зевс за то, что обратил свой взор на смертных женщин. «Чем больше нас стало, тем сильнее увеличиваются клятвопреступления и святотатства, и справедливо поступают люди, что нас презирают», — заключает Мом (*Лукиан. Избранная проза.* М., 1991. С. 269). Римляне дискредитировали богов, которых взяли у греков, и приход новой религии стал неизбежен. Удар по античным представлениям был нанесен с двух сторон — со стороны философии и искусства. Боги, над которыми можно смеяться, уже не вызывают уважения.

Древнейшим произведением изобразительного искусства Рима является знаменитая бронзовая капитолийская волчица, по преданию, вскормившая Ромула и Рема и ставшая символом Вечного города. От Древнего Рима дошла и скульптура Венеры Милосской, найденная на острове Милос

Римляне были большими любителями устраивать празднества по случаю побед полководцев — доказательство воинственности духа. Победы отмечались строительством триумфальных арок, некоторые из них сохранились до наших дней. Известным архитектурным памятником является Колизей — самый большой амфитеатр Древнего Рима на 56 тысяч зрителей, наблюдавших бои гладиаторов, травлю диких зверей и т.п. Наиболее значительным представителем римской архитектуры Аполлодором Дамасским в 25 г. н.э. построено крупнейшее сооружение римского зодчества — Пантеон (храм во имя всех богов). Диаметр его купола 43,2 м не имеет себе равных по величине во всей античной архитектуре. В архитектуре, пишет Данилевский, где «римляне своей аркой и куполом осмелились быть самобытными, они создали Колизей и Пантеон, стоящие на равне с лучшими произ-

ведениями греческого искусства» (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 96).

В эпоху заката Рима, когда доминировал лозунг «хлеба и зрелищ» стало модно строить грандиозные бани. Крупнейшие из них — термы Диоклетиана и Каракаллы, построенные в начале III в. н.э. и представляющие собой в современной терминологии спортивно-оздоровительные комплексы.

В Древнем Риме появился цирк с фокусниками, эквилибристами и клоунами, забавлявшими публику в перерыве между гладиаторскими боями и травлей животных — любимыми римскими зрелищами, отголоском которых остается испанская коррида.

По сравнению с этими развлечениями театр отступал на второе место, а соревнования атлетов и музыкальные состязания были не более чем данью греческой моде. «Гибель Рима произошла не от силы варваров, а от ослабления духовных основ Империи и античной культуры. Гладиатор не заменил бы трагического актера, если бы не был утрачен смысл трагедии» (*Вейдле В.* Умирание искусства // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 277).

Из римских ученых отметим жившего в Александрии Птолемя Клавдия (ок. 90 — ок. 160), которому мы обязаны геоцентрической системой мира; отца алгебры Диофанта Александрийского (III в.); и Плиния Старшего (23—78), который в своей «Естественной истории» собрал выписки по естествознанию из всех предшествующих учений античности. Пергамский врач Гален (II в. н.э.), продолживший дело Гиппократов, пользовался огромным авторитетом в Европе вплоть до Нового времени.

Военное искусство римлян развивалось, а культура деградировала. По отношению ко всей греко-римской цивилизации Тойнби замечает: «Остановка или замедление роста эллинистической цивилизации неизменно сопровождалась развитием эллинистического военного искусства» (*Тойнби А.* Постижение истории... С. 230).

В Древнем Риме цивилизация вышла за экологически допустимые пределы. «Чем сложнее процессы урбанизации, тем отчетливее освобождение от естественных ограничений; чем

более высокоразвитым как независимая единица становится город, тем более пагубно его влияние на окружающую территорию», — писал Л. Мэмфорд (цит. по: *Смит Р.Л.* Наш дом планета Земля. М., 1982. С. 172).

Но не вырождение, проистекающее из длительного мира, не переядание, не действие сильных эпидемий и неконтролируемое и прогрессирующее истощение почвы, а вместе с ним крах сельского хозяйства — основы римской экономики — были причиной гибели империи, а катастрофа культурная. Христианство победило Древний Рим.

В римской культуре совершается переход от философии к религии. Религия возникла в недрах иной культуры, но римляне, восприняв ее, способствовали ее распространению среди покоренных народов, а затем, погибнув под ударами варварских времен, захватили их ею. Именно Римская империя дала возможность христианству стать первой поистине мировой религией.

Возможно, причиной гибели типа культуры служит внедрение в него новой отрасли, которую он не может «переварить». Это соответствует гибели экосистемы, когда в ней появляется чуждый ей вид. Если это так, то победа христианства в Римской культуре и была главной причиной распада могущественной империи. «Принятие эллинистическим миром христианства положило конец эллинистической цивилизации» (*Тойнби А.* Постигение истории... С. 574). Физически Рим захватил Иудею. Духовно Иудея после этого завоевания покорила Рим, да так, что вся его культурная система оказалась разрушенной, что предопределило распад империи.

Вопросы для повторения

- Каковы истоки древнеримской культуры?
- Какое влияние на ее развитие оказала греческая культура и культуры других народов?
- Какое значение имела в древнеримской культуре философия?
- Какие направления развивались в древнеримской философии и почему?

Глава 12. Древний Рим

- Каковы особенности философии Сенеки?
- Каковы особенности философии Эпиктета?
- Расскажите о Марке Аврелии.
- Каковы особенности искусства Древнего Рима?
- На какие периоды оно делится?
- В чем значение «Энеиды»?
- В чем значение «Метаморфоз»?
- Расскажите об изобразительных искусствах Древнего Рима.
- Что означал лозунг «хлеба и зрелищ»?
- Расскажите об историках Древнего Рима.
- Каково в целом значение древнеримской культуры?

Литература

1. *Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991.
2. *Публий Овидий Назон.* Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1994.
3. *Вергилий.* Энеида.
4. *Тит Ливий.* История Рима от основания Города. В 3 т. М., 1989—1994.
5. Римские стоики. М., 1995.
6. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
7. *Лукиан.* Избранная проза. М., 1991.
8. Античная поэзия. Ростов н/Д, 1997.

Глава 13

Религия: создание мировых культурных систем

Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

Евангелие от Иоанна

Мир завоевала не христианская проповедь, но христианский мученик, и тем, что у него достало на это сил, он обязан не учению, но стоявшему у него перед глазами образцу — человеку на кресте.

О. Шпенглер

ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ?

Слово «религия» происходит от лат. «religio» — благочестие, святость, связь. «Религия — это тот образ, каким человек чувствует себя духовно связанным с невидимым миром или с не-миром» (*Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994. С. 7). Сведение понятия «религия» к глаголу «связывать» комментируется Д. Вико в том смысле, что религии связывают человека моральными предписаниями и страхом перед богом.

Религия основывается на вере и соответствующих действиях (культы). Если невозможно достичь истины с помощью рациональных умозаключений, к чему стремилась философия, значит, надо уверить себя в ней. Так на смену и в дополнение к разуму приходит в качестве высшей духовной силы вера. Провозглашается, что имеющий веру хотя бы с горчичное зерно может сдвигать горы. Это радикальный переворот в культуре. «Вера — распятие разума», — говорили Кьеркегор и Унамуно. Действительно, чтобы прийти к вере, приходится отказаться от многих достижений разума, сменить точку отсчета, перейти к иному миропо-

ниманию. Тертуллиан (ок. 160—220), прославившийся фразой «верую, потому что нелепо» (которую, к слову, у него не могут обнаружить) противопоставил религиозную веру античной философии: «Мы не нуждаемся в любознательности после Христа, не имеем нужды в исследовании после Евангелия», «Что общего у Афин и Иерусалима, у Академии и Церкви?» Если бы все можно было логично объяснить и доказать, не нужна была бы вера. Итак, главное — вера, а начало мудрости — страх Господень. У религии существует коллизия между верой и разумом, и человеку приходится выбирать, как Аврааму, которому было предложено принести в жертву собственного сына.

Притча об изгнании из рая — еще одно столкновение между разумом и верой. Первые люди предпочли плод познания с древа добра и зла запрету Бога и, стало быть, вере в его справедливость и всеисие, и за это были наказаны.

В то же время вера объявлялась вполне разумным состоянием человека. Б. Паскаль разделял людей на три категории. «Одни обрели Бога и служат Ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут; эти безумны и несчастливы. Третьи не обрели, но ищут Его; эти люди разумны, но еще несчастны». Религия не только боролась с философией, но и многое взяла у нее. Между философией и религией есть немалое сходство, которое не замечают, когда видят лишь борьбу. Уже Платон обожествил понятия, которые для того чтобы стать религиозными, должны были только сбросить свою рациональную одежду. Без платоновского мира идей и высшей идеи Блага не возникло бы представление об идеальном всеблагом Боге. Если бы не философия, из мифологии не скоро получились бы идеальные (от «идей») представления о Святом семействе, столь далекие именно своей идеальностью от языческого пантеона, в котором слишком много приземленно-человеческого.

Хотя Христос проповедовал вдали от философских центров, само христианство была эллинизировано апостолом Павлом, и без этого церковь могла бы и не утвердиться. Религия возникает на основе философии в ее развитой (как в Греции) или неразви-

той (как в Индии и Китае) форме. Вот почему самые продвинутые религии — христианство и позже ислам — оформляются в своем завершенном виде именно на эллинистической почве. Причем данные религии благодаря своей доступности не только рациональной элите, но более широкой массе приобретают гораздо больший ареал, чем философия. Последняя, уступая лидирующую роль, передает свою идею Блага как высшую и представление об идеальном мире в целом религии.

Чтобы появилась религия, должно было появиться слово, т.е. Логос, разум. Человек должен был сначала стать достаточно рациональным, чтобы «слово стало плотью» (Ев. от Иоанна 1: 14), т.е. Логос воплотился в жизнь. С религией появляется дух в полном смысле слова (до этого преобладает чувство в искусстве, чувство-разум в мифологии, разум в философии) и появляется духовенство как особый социальный слой. Недаром духовность часто отождествляют с религиозностью.

Христианский Бог отличается от языческих тем, что представляет собой, по Вико, чистый ум, в то время как в последних тело и ум нераздельны. Перейти к религии помогла философская абстракция, и в религии человек начал испытывать чувства по отношению к тому, что в философии было абстракцией.

Сыном человеческим называют человека и Бога, создавшего человека по своему образу и подобию. «Слово (разум, как переводит «Логос» Л.Н. Толстой) было у Бога и Слово было Бог» (Ев. от Иоанна). Человек — это разум, одетый плотью; не человек, поднявшийся к разумности, а разум, спустившийся к человеку. Вера в религии поднялась над разумом, но не уничтожила его. И разум зрел в религии, чтобы через 1,5 тысяч лет создать новую отрасль культуры — науку.

Верно и то, что религия была альтернативной философии отрасли, зародившейся в другой менее рациональной культуре из мифологических представлений. Ее мифологичность очевидна из сопоставления мифологических сюжетов с религиозными (см. гл. 5), хотя и здесь имеются принципиальные различия.

Религия, по Кассиреру, в отличие от мифологии, дает начало чувству индивидуальности (в мифологии преобладает коллектив-

ное сознание). Понятие «религия» применимо и к совершенно и полно организованной системе чувств, идей и учреждений — одним словом, к Церкви — и к личной вере. Как правильно отмечает В. Джемс, «фетишизм и колдовство, исторически, по-видимому, предшествовали личной вере, — последняя вообще не уходит так далеко в глубь времен. И если фетишизм и колдовство рассматривать как стадии развития религии, то придется, конечно, признать, что личная вера в интимном смысле и чисто рассудочная церковная догматика, которая основана на ней, представляют образования вторичного и даже третичного порядка» (*Джемс В. Многообразие религиозного опыта... С. 40*). Многие исследователи первобытных народов, например, Дж. Фрэзер, настойчиво противопоставляли «колдовство» «религии».

Религия начинается с того момента, когда индивидуум начинает этически соотносить себя с Богом. Где чувство индивидуальности, там и сознание ограничения. Возникает понимание отличия человека от Бога, которое пытаются преодолеть в истовых молениях и неистовом экстазе. Появление чувства индивидуальности — это и стадия рационализации мышления. Значит, религия возникает после «осевого периода» (по Ясперсу). Миф был доинтеллектуальным, религия — надынтеллектуальной.

«Христианство как мистический факт есть ступень в поступательном развитии человечества; мистерии же древности и их воздействия суть подготовка к этому мистическому факту» (*Штайнер Р. Христианство... С. 132*). Штайнер подчеркивает личностный характер религии. Христос взял «на себя задачу Своей личностью стать для общины тем, чем был прежде культ мистерии для его участников.. Отныне то, что было достижимо прежде только мистическими методами, заменилось отчасти у членов христианской общины убеждением, что божественное было дано в обитавшем с ними Слове. Отныне уже не личная духовная подготовка каждого являлась единственным мерилom, но то, что видели и слышали окружавшие Иисуса, а также и переданные ими традиции» (Там же. С. 94, 86). «Христианство вынесло содержание мистерии из сумрака храма на дневной свет» (Там же. С. 139),

для всенародного обозрения и приобщения. В религии, в отличие от мистики, искупление становится делом не отдельных посвященных, а всего народа, который спасает Мессия. Христос был первым, кто предпринял невероятную попытку спасти всех — «и иудеев, и эллинов». Он создал для этого условия, но все не захотели спастись. «Много званых, мало избранных».

Важным фактором становления религии является, как ни странно, отрицание богов либо вообще, как в буддизме, либо переход от политеизма к монотеизму — одному Богу взамен многих.

Религия выполняет важную нравственную миссию. Она учит почитать родителей, любить и прощать, каяться в своих грехах, не зазнаваться и т.п. Но религия может и расходиться с обыденными нравственными правилами и ожиданиями, поскольку имеет примат над человеческим пониманием добра и зла. В религии Бог становится моральным примером для человека, высшей идеей, облекшейся в плоть и кровь.

Люди немистические за счет религии как видимой культуры могли приобщаться к вечному. Это новый способ приобщения к вечному, открытый каждому. Надо только верить. Но проще ли прийти к религиозной вере, чем к мистической интуиции?

Помимо индивидуально человеческой религия в лице социального института церкви играет и социально-консолидирующую роль. Т. Гоббс называл религию необходимым и подходящим политическим инструментом. Имея в виду в целом влияние религии на индивидуальную и общественную жизнь, Вольтер со свойственной ему афористичностью провозгласил: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать», — а анархист Бакунин со своих позиций преобразовал этот афоризм следующим образом: «Если бы Бог был, его следовало бы упразднить».

С точки зрения психоанализа Фрейд полагал, что «религиозные представления произошли из той же самой потребности, что и все основные завоевания культуры, из необходимости защитить себя от подавляющей сверхмощи природы... это иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых

желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний» (Сумерки богов. М., 1989. С. 110, 118), главное из которых жизнь после смерти, продолжающая земную, но отличающаяся от нее исполнением всех недостижимых на Земле чаяний. Объясняя монотеизм, Фрейд писал: «Народ, которому впервые удалось такое соединение всех божественных свойств в одном лице... вышелушил отцовское ядро, которое с самого начала скрывалось за всяким образом бога; по существу это был возврат к историческим началам идеи бога... Теперь, когда бог стал единственным, отношение к нему снова смогло обрести интимность и напряженность детского отношения к отцу» (Там же. С. 108). Религия, по Фрейду, очистила образ отца. Бог есть возвысившийся отец; тоска по отцу — корень религиозной потребности (Там же. С. 111). Психологическое объяснение возникновения религии столь детским образом вряд ли удовлетворит всех, хотя подкупает своей простотой.

Перед дальнейшим анализом хотелось бы привести замечание, сделанное Д. Неру специально для верующих: «Как должны мы относиться к письменным памятникам различных религий, последователи которых считают эти писания откровением? Анализ и критика этих текстов, а также подход к ним как к документам, созданным человеком, зачастую оскорбляют истинно верующих. Тем не менее нет другого способа рассмотреть их» (Открытие Индии... С. 50—51).

ИСТОКИ ХРИСТИАНСТВА

Древняя иудейская религия сформировалась в контакте с религиозными представлениями других народов, в чем-то повторяя, а в чем-то отличаясь от них. Э. Ренан пишет, что в Израиле «жрец всегда был подчинен индивидуальному вдохновению... здесь уже слышатся до той поры неведомые мотивы, восхваляющие мученичество и прославляющие могущество «человека скорби» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990. С. 57). Некоторые из пророков, подобно Иеремии, обгаляли своей кровью улицы Иерусалима. Другие народы внесли представление о рае в прошлом (шу-

меры) и о золотом веке в будущем после окончательной битвы сил добра и зла (иранцы).

По мнению М. Бойс, зороастризм оказал сильное влияние на иудаизм в период после вавилонского плена, когда персидский царь Кир разрешил иудеям вернуться и восстановить храм в Иерусалиме (VI в. до н.э.). Многочисленные параллели между «Авестой» и «Ветхим Заветом» подтверждают это.

В отличие от мифологии, которая все время возвращает нас к началу бытия, ветхозаветные пророки обращались к дням завершения мира. В этом нечто близкое к индийскому стремлению преодолеть цепь рождений и смертей.

Главное мифологическое действие — жертвоприношение — переходит в религию, но меняется его смысл. Оно уже не связывается с необходимостью поддержания мирового порядка, а, скорее, выражает любовь к Богу и благодарность за дарованную им жизнь, а также желание загладить вину или совершенный грех. У иудейских пророков (Исайя) внешнее формальное понимание жертвоприношений вызывает критику.

Этот момент очень важен для выявления соотношения иудаизма с христианством. Ренан считает, что «христианство получило начало в VIII в. до Р.Х., когда первенствующие пророки, овладев израильским народом, сделали его народом Божиим, призванным ввести в мир чистое богочитание... Переворот совершился в тот день, когда вдохновленный человек, не принадлежавший к духовенству, осмелился сказать: «Как можете вы думать, что Богу угодны курения ваших жертв и тук ваших козлов. Оставьте эти жертвоприношения, которые суть мерзость перед Господом; делайте добро» (Ренан Э. Марк Аврелий... С. 7).

У пророков радикально меняется отношение и к посту. «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Исайя. 58: 6—7). Рядом призыв перековать мечи на орала и пророчество всеобщего мира.

Исайя будто видел сквозь толщу веков, что произойдет с воочеловечившимся Богом. «Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; и род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь» (Исайя. 53: 4–8).

Из порой бессвязных яростных слов пророков в муках рождалось христианство. В течение веков они старались поддерживать в людях огонь любви к Богу, и наконец из искр возгорелось пламя, объявшее мир. Пророки создавали настроение последних дней и прихода Господа, т.е. атмосферу, которая приближала христианство. Они меняли время обыденное на время сакральное.

Что же понадобилось христианству для того чтобы стать мировой религией? Проповедь жертвы и сама добровольная жертва Христа, который ничего не писал, как Сократ, не был теоретиком, но шел по тому же пути культуры, по которому шли Сократ и Будда. Ренан замечает, что «величайшие люди нации зачастую именно те, которых она предаёт смертной казни» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 78*).

ЖИЗНЬ ХРИСТА

Приход Христа — это радикальный сдвиг в культуре. Бог наказующий Ветхого Завета сошел на землю ко всем людям, не только к избранным, превратился в Бога, жертвующего собой. Бог, которому все приносили жертвы и который готов был отказаться от них, лишь бы люди не грешили, отдал себя на заклание. Поверить в такую трансформацию Бога не легче, чем в Его трехипостасьность. Выполняя программу пророков, Христос пошел в этом направлении до конца. Он переосмыслил ветхозаветные

заповеди, понятия жертвоприношения, поста, Субботы и т.п. Это отчетливо прозвучало в Нагорной проповеди. «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Ев. от Матф. 5: 38—39; 43—44).

Нагорная проповедь — символ веры в торжество жертвенности и ее религиозное обоснование. Значение слов Христа можно в полной мере оценить, только поняв роль жертвы в развитии культуры. Иначе неизбежны интерпретации, изменяющие данные фразы на противоположные: Христос-де выражался образно, а глупцы понимают буквально и думают, что надо подставлять щеку. Умные-то знают, как понимать правильно. Не он ли выгнал торговцев из храма? Так считают многие, называющие себя христианами. На самом же деле Нагорная проповедь и притчи Христа обосновывают его будущую жертву и свидетельствуют о том, что она не случайна. В притче о зерне говорится, что оно должно погибнуть, чтобы появились тысячи зерен. Притча о жертве в основании здания о том же.

Нагорная проповедь аналогична платоновскому диалогу «Горгий». Это Слово, за которым последовало Дело. А противопоставление религии философии путем прославления «нищих духом» — обычный выпад в борьбе двух отраслей культуры за господство, как неизбежна борьба христианства с язычеством.

Много споров вызвали слова Христа «не мир пришел Я принести, но меч». Как их понимать? Каждая отрасль культуры утверждается в борьбе с другой, главенствующей в данный момент. Схватка неизбежна. Но меч, применяемый в культурной борьбе, — духовный, а не реальный меч, который извлек один из бывших с Иисусом в момент ареста и которого Христос остановил словами: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, от меча и погибнут» (Ев. от Матф. 26: 52).

Отношение к жертвоприношениям, проповедь братства и милосердия ко всем сближают Христа с Буддой. «Не было человека, быть может, за исключением Сакья-Муни, — пишет Ренан, — который до такой степени попирал ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 293). Чудеса Христа напоминают рассказы о возможностях йогов. В кажущихся жестокими словами «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Ев. от Матф. 10: 37) слышатся отголоски ответа Сократа на предложение бежать, чтобы не оставлять жену и детей. Христос предвидит свое будущее и готовится к нему. Об этой же реальной борьбе говорят слова: «Кто не со Мною, тот против Меня» (Ев. от Матф. 12: 30), которые так полюбились идеологам, помешанным на вражде.

Объясняя ученикам, почему он «говорил народу притчами и без притчи не говорил» (Ев. от Матф. 13: 34), повторяет объяснение того, почему Сократ свои диалоги начинал с общеизвестных истин: «потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не понимают» (Ев. от Матф. 13: 13). Тот же дидактический прием в ином варианте. Но вопреки философскому скепсису относительно достижения истины одним из самых распространенных оборотов Христа становится «Истинно говорю вам».

Самое сильное обещание Христа — обещание Царства Божия на Земле в ближайшее время. «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Ев. от Матф. 16: 28). Ветхий мир действительно кончился, и начался мир христианский. Царство Божие, о скором наступлении которого возвестил Христос, не ограничивается изменениями социальными, а представляет собой преобразование всей природы. Переворот, к которому стремился Христос, был не политическим, а нравственным.

Следует согласиться с Ренаном, что Иисус Христос «создал и самый объект, и исходную точку будущей веры человечества» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 54). Постоянные напоминания, что приблизилось Царствие Небесное, должны были закончиться

какой-то катастрофой и очистительной разрядкой. Жертва должна была произойти. «Идея что всемогущество достигается страданиями и смиреньем, что над силой можно восторжествовать чистотой сердца, такова собственная идея Иисуса» (Там же. С. 120). Отсюда связанная с жертвенностью идея Иисуса, что победят кроткие, смиренные, униженные и именно своей кротостью, смирением и унижением. Эпитет «Сын Человеческий» связан с идеей сыновнего страдания за человечество. Говоря о том, что Царство Божие на Земле не наступило, Ренан добавляет: «что за беда, раз Его мечта дала Ему силу встретить смерть и поддержала Его в борьбе, которая в противном случае была бы для Него слишком неравной?» (Там же. С. 201)

СМЕРТЬ ХРИСТА

В начале Ветхого Завета Бог потребовал от Авраама принести в жертву собственного сына. В Новом Завете сам Бог принес в жертву Сына. Здесь мотив умирающего и воскрешающего Бога, широко распространенный в мифологии, накладывается на иудейскую культурную традицию. Исправить людей могла только жертва, и Бог принес ее. Жертва Бога — вершина жертвенности. С другой стороны, человек, стремящийся к самопожертвованию, — Бог. Так было до Христа и осталось после его прихода. И если ныне христианство — самая распространенная в мире религия и величайшее культурное достояние, то причина этого в жертве Богочеловека. «Пальма же первенства принадлежит тому, кто был силен и на словах и на деле, кто не только почувствовал добро, но своей кровью дал ему восторжествовать» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 102). Ренан отмечает, «что, видя в своей смерти средство основать свое Царство, он сознательно и обдуманно вел к тому, чтобы заставить убить себя... Собственная кровь представлялась ему водой второго крещения, которою ему предстояло омыться, и казалось, будто им овладела странная поспешность идти навстречу этому крещению, которое одно только может утолить его жажду» (Там же. С. 219). В определенном смысле можно сказать, что вся жизнь Христа была жертвой.

Мы видим внутреннюю борьбу Христа в Гефсиманском саду, когда он «пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Ев. от Матф. 26: 39). Остановив извлекшего меч, чтобы защитить его, Христос сказал: «...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Ев. от Матф. 26: 53—54). Чему быть, того не миновать. Отговаривавшему его от добровольной жертвы Петру Христос говорит: «Ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Ев. от Матф. 16: 23). Горький обратный смысл слов убийц: «других спасал, а Себя Самого не может спасти» (Ев. от Матф. 27: 42) демонстрирует их мораль и понимание спасения и подтверждает идею Христа: спасать не себя, а других.

Человек объявляет себя Богом и истиной. Напрашивается вывод: уничтожим его и тем самым истину. Пример узости мышления. Пилат удивляется просьбе первосвященника поставить охрану перед гробницей Иисуса, но тот отвечает, что мертвый Христос опаснее, чем живой.

Интересна трактовка предательства Иуды Леонидом Андреевым. Иуда хотел, чтобы люди поняли, увидев поведение Христа после ареста, что он Бог и уверовали в Него. Нужна добровольная жертва, распятие — вот тогда они действительно поймут! В этом смысле можно сказать, что Иуда по-своему способствовал возникновению христианства (если к тому же поверить Андрееву, что он любил Христа больше всех других учеников).

Жертва Христа заменила жертвы, установленные древним законом. Сравнение Христа с агнцем показательно и обращает к древним жертвоприношениям. Они были в сердцевине мифологии, но философия, отбросив мифологическую оболочку мысли, привела к человеческой жертве (прообразом которой явилось жертвоприношение Ифигении), а в религии в жертву принес себя Бог. Все ветхозаветные жертвы отныне закончились. Жертвой Бога искуплены грехи человечества. Ничто не могло быть более сильно действующим средством.

В свете Нового Завета по-новому предстает судьба Иова. Его страдания по воле Бога — прообраз страданий Христа. Смысл «Книги Иова» в том, что Бог хочет, чтобы человек понял ценность страдания для совершенствования человека, не только узнал об этом, а почувствовал на собственной шкуре, как того требует религия. «Свет страстей Христовых открыл нам, — подчеркивает Тойнби, — что страдание необходимо постольку, поскольку оно есть необходимое средство спасения и созидания в условиях временной и краткой жизни на Земле» (*Тойнби А. Постигшие историю...* С. 226). Разница, правда, в том, что Христос приносит жертву добровольно, а на Иова лишения сваливаются без его желания. Добровольность жертвы увенчала собой здание религии, стала, используя выражение Христа, закваской, вызвавшей брожение теста. Как сказал Ренан, личное решение Иисуса доныне управляет судьбами человечества. В неожиданном с точки зрения здравого смысла событии — Бог, презрев свое могущество, вочеловечивается и добровольно гибнет в муках на кресте — открывается роль добровольной жертвы в развитии культуры и человечества.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТА

Относительно воскресения до сих пор не затухают споры, и этот вопрос действительно кульминационный. Его можно поставить и так: хватило ли самой по себе жертвы Христа для победы религии над философией и всей римской империей или необходимо было Воскресение? На фоне Воскресения жертва Христа выглядела событием более традиционным, хотя она не менее удивительна поражающего всех Воскресения. Некоторые видят в Воскресении главное событие христианства. Почему? Оно не более трудно для Бога, для которого все возможно. В обывательской жажде чуда Воскресение более фантастично, но в культурном аспекте именно жертва связала неразрывными нитями Бога и человека.

Воскресение Христа аналогично прекращению цепи рождений и смертей, произошедшему после казни Сократа, во что тот

верил. Здесь имеем дело с возрождением на философском уровне мифологической идеи жертвы как пути к обновлению мира. Если вспомним Будду, то жертва предстает в мистическом свете возвращения к Единому. Праздник Воскресения — Пасха — означает «освобождение», и этим христианство как бы подтверждает высочайшее значение, которое освобождение имело в буддизме. Переход к вечной жизни в раю — аналог буддийского освобождения от перевоплощений. Цель, по существу, и там и там одна, а различия определяются культурными особенностями нации — верой древних индийцев в перевоплощение. Относительно Единого надо сказать, что более древняя религия более мистична. Если понимать Воскресение как рождение духа в человеке, то придем к концепции второго рождения, известного из индийской культуры.

Штайнер интерпретирует жизнь Христа как достижение следующего духовного этапа после Будды. «Он не умирает физически в то мгновение, когда его просветляет свет мира. В это мгновение Он — Будда. Но в это же самое мгновение Он восходит на ступень, находящую свое выражение в более высокой степени посвящения. Он страдает и умирает. Земное исчезает. Но не исчезает духовное, свет мира. Следует Его Воскресение» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт... С. 85).

Догмат воскрешения существовал в Израиле задолго до Христа. «Праведники воскреснут, чтобы принять участие в мессианском царстве. Они воскреснут во плоти, на глазах мира, в котором они будут царями и судьями; они увидят торжество своих идей и унижение своих врагов» (*Ренан Э.* Жизнь Иисуса. С. 81). Догмату Воскресения следовали фарисеи, отличаясь этим от саддукеев, верных более древнему иудейскому учению. Воскрешение из мертвых — идея совершенно отличная от бессмертия души, подчеркивает Ренан.

Важнейший аргумент в споре о воскрешении — жизнь учеников Иисуса. «Наиболее потрясающим доказательством истинности Евангелия является жизнь ранних христиан. Нам следует спросить себя: что, какая сила заставила последователей

Иисуса идти и проповедовать весть о воскресшем Господе по всему миру? Приносили ли их усилия какие-либо видимые блага: авторитет, богатство, более высокое общественное положение? Если да — тогда мы можем попытаться объяснить их поведение, их полное, самозабвенное подчинение себя идее «воскресшего Христа» — материальными причинами. Но в награду за свои усилия многие ранние христиане подвергались избиениям, их пытали и казнили самыми мучительными способами: побивали камнями, бросали на съедение львам, распинали. А они продолжали жертвовать своими жизнями, тем самым вручая грядущим поколениям окончательное доказательство их полной уверенности в истинности своей проповеди» (*Макдауэлл Д.* Свидетельство о Воскресении. М., 1993. С. 21).

Воскресение Христа признается решающим фактом в пользу веры в Бога и самой религии. В более общем смысле Воскресение есть достижение цели в результате осуществления жертвы, модель торжества жертвы, которая известна не только в христианстве, но и в мифологии (птица Феникс, восстающая из пепла), и в обычной жизни. Суть культуры — победа над смертью. Весть о Воскресении — залог конечного торжества культуры, побеждающей благодаря жертве.

МУЧЕНИЯ ХРИСТИАН

Христианское мученичество, которое было отсветом добровольной жертвы Христа, вступило в бой с античной философией и Римской империей. «Вера, энтузиазм, стойкость первого христианского поколения объясняются только предположением, что все движение было обязано своим происхождением личности колоссальных размеров» (*Ренан Э.* Жизнь Иисуса. С. 287). Радость, с которой христиане принимали мучения и даже сами стремились к ним, объясняется просто: они хотели повторить главное деяние Христа, заключавшееся в его жертве. В свете сказанного настроенность христиан на мучения, а затем, когда их перестали преследовать, на аскетизм и самоистязание есть лишь продолжение той модели поведения, которую с таким успехом продемон-

стрировал Иисус, и попытка тем самым приблизиться к последним временам, дарующим жизнь вечную.

Сам Христос сказал, что признаком его пришествия и конца века будет наступление времен, когда «будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Ев. от Матф. 24: 9). Здесь вступал в действие принцип «чем хуже, тем лучше»: чем больше будут мучить и убивать христиан, тем скорее наступит Царство Божие на Земле. Христиане как бы сами нарывались на неприятности и провоцировали гонения на себя. Ренан отмечал, что всем культам, которые были терпимы к другим, жилось очень свободно в империи; причина же исключительного положения христианства и ранее его — иудаизма — заключалась в их нетерпимости.

Христиане действовали по завету: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Ев. от Матф. 10: 28). Были случаи массового стремления к мученичеству. «Когда проконсул Азии, Арий Антонин, приказал однажды принять суровые меры против нескольких христиан, то в его судилище явилась вся масса христиан города с требованием подвергнуть их участи единоверцев, обреченных на мученичество. Взбешенный Арий Антонин приказал казнить немногих, а остальных прогнал со словами: “Убирайтесь вон, несчастные! Если вам так хочется умереть, у вас есть пропасти, есть веревки”» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 40—41). Все пресвитеры отговаривали верных произвольно выступать на мученичество, но нельзя было ничего поделывать с видевшими в приговоре высшее торжество.

Многое не нравилось противникам христианства, но перед мужественным мученичеством христиан преклонялись. Ранние христиане выполняли то, что, как признавалась Жанна д'Арк, повторяли ей божественные голоса: «Терпи и покоряйся, не страшась мученической кончины, ибо через нее войдешь в Царствие Небесное» (*Твен М.* Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря. СПб., 1993. С. 346). Святой не тот, кто хорошо говорит или пишет, а тот, кто поступает в соответствии с тем, что говорит и пишет, и ради утверждения

идеалов не убивает других, а жертвует собственной жизнью. Так и поступали христианские мученики, доказывая своей кровью жизненность церкви.

В культурной борьбе между рабами и их хозяевами «победили рабы и боги рабов» (*Тойнби А.* Постижение истории... С. 168). И здесь победил слабейший, но уже во внутренней, а не внешней борьбе. Причина гибели римской цивилизации не столько в силе завоевателей, сколько в ее внутреннем ослаблении — в том числе ослаблении ее мифологических и философских культурных основ — в борьбе против нового феномена — христианской религии.

Философия в то время господствовала в культуре, более того, философ восседал на троне (реализация идеи Платона). Осуществившийся в римской цивилизации единственный в своем роде случай философа-правителя закончился поражением философии. «Фактически царь-философ обречен на поражение, потому что он пытается объединить в себе две противоположные природы» (Там же. С. 469). Это относится не только к философу, но к любому деятелю культуры. Марк Аврелий доказал невозможность что-либо сделать для культуры на троне и неизбежность подмена в этом случае. Меч не подходит для торжества философских идей, и применение его дискредитирует философию. Это относится и к религии, как позже докажут римские папы, и к идеологии, как докажут захватившие власть революционеры в XX в.

При Марке Аврелии «философы стали властью в государстве, известным конституционным учреждением, тайным советом, имевшим огромное влияние на ход общественных дел» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 29). Марк Аврелий был не менее добродетелен, чем отцы христианской церкви, и если отличался от них каким-либо недостатком, то разве тем, что не был мучеником. Кажется, все было в руках философии при Марке Аврелии, но она не смогла осуществить идеалы, за которые отдал жизнь Сократ, чуть не был продан в рабство Платон и едва не осужден Аристотель. Закат философии отчетливо виден в том, что Платон хотел создать идеальное государство, в котором править будут философы, а Марк Аврелий не делал уже никаких попыток преобра-

зывать государство в соответствии с философскими идеалами и даже скрывал свои занятия философией. В этих условиях гонимая им религия не могла не победить.

Как бы то ни было, победа христианства тем закономерней, что ей противостоял настоящий философ во всеоружии власти. Марк Аврелий ссылался на низкие моральные качества людей, и в этом был прав. Но не он ли огнем и мечом преследовал безоружных христиан, наделенных лишь силой духа? Не только ничего нельзя сделать духовного мечом, но и подмены неизбежны, когда в руках меч. Почему прекраснейший философ Марк Аврелий, доброта и порядочность которого так воспевались современниками и потомками, преследовал христиан, которые вели себя вполне стоически? Марк Аврелий не понимал мотивов действий христиан, называя их фанатиками и оправдывая только такое жертвование собой, которое является плодом собственного суждения, а не простого противодействия, как у христиан, — обдуманным, серьезным, способным убедить других, без примеси трагического наряда, не замечая, что у христиан, которым он отказывал в праве считаться «правильными мучениками», как раз все именно так и обстоит. Добрый и милосердный государь смотрит, но не видит. Считал христиан фанатиками и другой знаменитый стоик, автор нравственной гимнастики Эпиктет, и, стало быть, дело здесь не в личностях, а в том, к какой отрасли культуры они принадлежат. Борьба ослепляла их ум.

И вот, разочаровавшись в попытках переустроить общество на разумных философских началах, Марк Аврелий пишет: «Какими жалкими политиками являются людишки, которые берутся устраивать дела по правилам философии!.. Не надейся, что когда-нибудь осуществится республика Платона; довольствуйся тем, что немного улучшил дело, и не считай этот успех неважным. Как в самом деле изменить внутреннее расположение людей? А без перемены в их мыслях, что можешь ты получить, как не рабов подъяремных, выказывающих лицемерные убеждения... Задача философии дело простое и скромное: и потому не навязывай мне притязательного высокомерия» (Размышления. IX,

29). Так рассуждал наедине с собой усталый и отчаявшийся, хотя он и был воспитан на идеалах стоицизма, философ.

Платон ошибался, говоря, что философы должны управлять государством. Так может быть только в идеальном обществе. Аристотель считал, что правители должны прислушиваться к советам мудрецов. Это возможно только в обществе, которое стремится стать идеальным. А Марк Аврелий доказал, что философ, по воле судьбы становящийся правителем, должен скрывать, что он философ. Философ мог бы управлять государством только в том случае, если бы победила культура.

Философия пришла к скептицизму, и Марк Аврелий на вершине власти горько заявил: ничего нельзя сделать. Да, на вершине власти сделать ничего нельзя. Но был способ, который открыл Сократ и которому последовал Иисус. С его последователями боролся Марк Аврелий, думая, что ничего сделать нельзя, когда уже все было сделано. Именно при Марке Аврелии философия убеждается в своей полной несостоятельности руководить, и христианство побеждает уже явно.

Ренан называет смерть Марка Аврелия «предельной гранью античной цивилизации» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 5). Наступало другое, не философское время. Попытки Марка Аврелия доказывают: если культуре суждено изменить свою форму, даже правитель не может этому помешать. Философ на троне не в силах предотвратить замену философии на высшей ступени пьедестала на другую отрасль культуры.

ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА

«Иисус создал в человечестве религию, как Сократ создал в нем философию» (*Ренан Э.* Жизнь Иисуса. С. 286). Религия победила философскую цивилизацию Рима и похоронила ее. Древний мир закончился. Возникшая затем в том же месте религиозная цивилизация была совсем иной. Чтобы вспомнить предыдущую, понадобилось Возрождение. «Не приди христианство, — заметил Гитлер, — Рим полностью захватил бы Европу, а штормовая волна гуннов разбилась бы об его легионы. Рим был сломлен

христианством, а не германцами и гуннами» (Откровения и признания. М., 1996. С. 126—127). Победила новая культура, не жалевшая себя.

Христианство боролось против рационального знания, как демонстрирует притча об изгнании из рая. Человек должен просто иметь страх Божий и выполнять волю Бога, не полагаясь на свой слабый разум. Такое отношение к рациональному определяется «маятником культуры»: люди устали от интеллекта, всегда находящегося в противоречии с чувствами, и устремились к вере.

Подобно Будде, критиковавшему кастовый строй Древней Индии, христианство провозгласило, что «несть ни иудея ни эллина», и этим привлекло к себе весь мир, став мировой религией. Именно религиозное учение впервые в истории человечества смогло выйти на мировой уровень. Степень объединения человечества была достаточна для этого, т.е. социальная предпосылка налично. Религия не столь рациональна, как философия, и поэтому могла проникнуть к народам, которые в целом не поднялись до рационального уровня, позволяющего воспринять философию. То же потом помешает науке. Достичь всемирного уровня смогут только идеологии, которых, как и мировых религий, три.

В 325 г. император Константин объявляет христианство государственной религией. В том же году созван для решения теологических вопросов Первый Вселенский собор. В 395 г. по указу Феодосия Великого закрываются все языческие храмы на территории Римской империи. Библия объявляется Священным Писанием, в котором все — истина, не нуждающаяся в доказательствах. Появляются священники и монахи, принимающие обет безбрачия.

Вершина культового обряда христианства соответствует вершине культурного торжества. Это жертва на литургии, бескровное повторение распятия Христа. Литургия — это способ стать сожертвенниками. Главная цель основного церковного действия — бескровная жертва, совершаемая в алтаре, соответствующем ветхозаветной «святая святых». Это таинство устанавливает связь между мистической и моральной сторонами христианства. Жер-

тва, воспроизводящаяся в литургии, аналог мифологических жертвоприношений, благодаря которым, как верят язычники, возможно сохранение и развитие мира. Евхаристия представляет собой средство духовного движения мира в сторону осуществления христианских идеалов и вечной жизни. Христианская литургия — жертвоприношение без насилия, повторение жизни, смерти и воскрешения Господа. Здесь религия возвращается к мифологии на ином, более высоком уровне. Ислам, сохранивший жертвоприношения животных, возникнув на содержательной основе Ветхого Завета, ближе к мифологии.

В основе литургии лежат слова Христа, сказанные на Тайной Вечере: «приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Ев. от Матф. 20: 26—28). Жертвоприношение осталось, но сам Христос перевел его в духовную плоскость.

Празднование Пасхи есть ежегодное возвращение к той жертве и вечной жизни, которую она даровала. Христианские культы, подобно мифологическим, направлены на постоянное обновление веры в вечную жизнь. Мифология возвращает человека к рождению, религия обещает вечность. Можно сказать, что смысл христианской церкви в том, что она является школой жертвенности. Составители «Всемирного писания» определяют религиозную практику как способ жертвоприношения. «Любое дело, — обобщают они, — подобает совершать как жертву» (Всемирное писание. М., 1995. С. 454). Сколько же было построено на этой жертве!

Вопросы для повторения

- Что такое религия?
- Как связана религия с мистикой и мифологией?
- Какие функции выполняет религия?
- Каков ее источник?
- Каковы истоки христианства?

Глава 13. Религия: создание мировых культурных систем

- Какова роль ветхозаветных сказаний и пророков в возникновении христианства?
- Что общего и какие различия между христианством и иудаизмом?
- Какова роль жертвы и воскресения Христа в победе христианства?
- Чем объясняется готовность первохристиан добровольно претерпевать мучения?
- Как можно объяснить аскетизм и подвижничество христиан?
- Чем объясняются преследования христиан в Древнем Риме, в том числе при философе на троне Марке Аврелии?
- Что позволило христианству стать мировой религией?
- Что представляет собой литургия?
- Что общего и какие отличия между христианством, буддизмом и исламом?
- Какова взаимосвязь религии и философии?

Литература

1. Библия.
2. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М., 1990.
3. *Фаррар Ф.* Жизнь Иисуса Христа. М., 1991.
4. *Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991.
5. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.
6. Всемирное писание. М., 1995.
7. *Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.

Глава 14

Европа и Византия: Средние века

Император Валентин: Разве ты не боишься властей?..
Василий Великий: Смерть для меня благодетельна, она скорее пошлет меня к Богу, для Которого я живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого я уже умер и к Которому давно стремлюсь.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В истории европейского Средневековья выделяют раннее Средневековье (V—XI вв.), зрелое (XII—XIII вв.) и позднее (XIV—XVI вв.). Таким образом, в Средние века частично входит и Возрождение, по крайней мере итальянское, которое датируется XIV—XVI вв. В других странах Европы Ренессанс наступил в XVI—XVII вв. Эти века называют также эпохой Реформации — протестантских реформ и религиозных войн.

V—VIII вв. — период «великого переселения народов». К IX в. в основном установились границы европейских государств. Франкское королевство в VI в. при Меровингах и в IX в. при Карле Великом (по его имени названа династия Каролингов) представляло собой громадную империю. В X в. при новой Саксонской династии возникает Священная Римская империя германского народа. В IX в. образуется единое королевство Англия.

В 1054 г. произошел раскол христианской церкви на римско-католическую и греко-православную, а в конце XI в. начинается эпоха крестовых походов, познакомивших европейские народы с культурами ислама и Византии. В эпоху Возрождения происходит образование национальных государств. Испания после открытия и завоевания Америки становится в XV в. самым мощным и влиятельным государством Европы и остается таковой до разгрома англичанами ее Непобедимой армады (флотилии из не-

скольких сотен кораблей), после чего «владычицей морей» становится Англия. Италия в эпоху Возрождения представляет собой множество самостоятельных государств, из которых самыми известными являлись Флоренция — родина Возрождения, — Венеция, Милан, Генуя.

Иначе развивалась Византия. Ее возникновение датируют 395 г., когда по завещанию Феодосия Великого Римская империя разделяется на Западную и Восточную. Константинополь (прежний Визант) получил название «второго Рима». Византийская империя существовала более 1000 лет и была захвачена турками в 1453 г.

Для нас точкой, отделяющей Средние века от Нового времени, будет 1600 г. — год сожжения Джордано Бруно. Таким образом, данный период включает время с V до XVI в.

МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

О мифах европейских народов узнаем по средневековому эпосу, основу которого они составляли. В эпосе, выросшем из героической песни, сказочно-фантастическое (мифологическое) не отделено от реального. Самый известный немецкий эпос — «Песнь о Нибелунгах». Текст восходит к началу XIII столетия, но происхождение явно древнее. Встречаются различные временные пласты и противоречия между ними, что нормально для эпоса. Нибелунги — сказочные существа, северные хранители клада, за который ведется борьба. Они же богатыри на службе рыцаря Зигфрида, злодейски умерщвленного. Во второй части эпоса нибелунгами называют уже представителей бургундского королевства, разгромленного в 437 г. кочевниками гуннами во главе с Аттилой.

К XI в. вся Западная и Центральная Европа приняла христианство и подчинилась духовной власти римского папы. Еще одно двойное заимствование — варвары победили Рим, но приняли христианство, которое само победило Рим, завоевавший Иудею.

Западноевропейская культура Средних веков, по Д. Фейблману, принадлежит к религиозному типу культур с доминирующим институтом католической церкви. Религиозный тип куль-

туры, считает Д. Фейблман, в отношении культурного прогресса всегда играл запрещающую или ограничивающую роль и был консервативен.

Большое значение в религиозной жизни Европы имели военно-монашеские ордена, из которых наиболее значительными были орден францисканцев, основанный христианским проповедником Франциском Ассизским (1181/2—1226), орден доминиканцев, основанный испанским монахом св. Домиником в 1215 г., и орден бенедиктинцев, основанный св. Бенедиктом (V—VI вв.). Монашество вдохновлялось борьбой духа с плотью как источником греха. «Голос плоти ослепляет дух», — говорил папа Григорий Великий.

Большое значение приобретает слово («В начале было Слово»). Августин подчеркивает: все создается Словом. Здесь не только платонизм Августина, но и мистика тождества слова и вещи. Проповедь делается средством образования и видом литературного творчества. Бурно развивается жанр жития святых, зародившийся еще в Древнем Риме: сначала короткие рассказы об отдельных эпизодах, затем все более пространные. Важное место в христианской литературе заняли также апокрифы — книги, описывающие жизнь и смерть Иисуса Христа, апостолов и других персонажей Священной истории, не включенные Вселенскими соборами в состав Нового Завета.

За тысячу лет христианства многое в церкви изменилось. Тертуллиан писал во II в.: «Дело божье ценой золота не продается. Если же есть у нас сокровища, то приобретаем мы их не путем торговли верой» (Хрестоматия по истории древнего мира... С. 281). Но с XI в. церковь стала торговать индульгенциями, давая отпущение грехов за деньги. Это было отступлением от принципов, подменой. Индульгенции предоставлялись также за личное участие в строительстве храмов, крестовых походах и т.д.

Для борьбы с ересями и еретиками в XIII в. была учреждена инквизиция (священный трибунал), деятельность которой достигла кульминации к началу эпохи Возрождения. Она устроила

самую настоящую охоту на ведьм (выражение стало символическим), в число которых попадали не только подозреваемые в общении с нечистой силой, но и ученые. Именно преследование науки привело к ее победе над религией.

В начале XV в. начинается протестантское движение, один из первых представителей которого Ян Гус сожжен на костре в 1415 г. Церковь шла по пути мирского величия и помпезности, а для этого необходимы деньги и власть. Улучшению материального положения служили индульгенции и крестовые походы, а для обеспечения власти потребовалась инквизиция.

В 1503 г. умирает папа Александр VI (с 1492 г.), при котором в Ватикане царил самый настоящий разврат, подобный которому трудно найти и в языческие времена, а в 1517 г. М. Лютер прибывает к дверям церкви лист с 95 тезисами, положившими начало Реформации. Величайшая подмена расколола церковь и привела к потере ею господствующего положения в культуре. М. Лютер выступил с требованием проведения богослужений на национальных языках и перевода на них Библии, отказа от икон, мощей, таинства священства, брака и т.п. Вслед за лютеранством в Германии возникают кальвинизм в Швейцарии, англиканство в Англии, гугенотство во Франции. В ответ католичество создает орден иезуитов, «индекс запрещенных книг» и усиливает деятельность инквизиции.

В эту эпоху, о которой Микельанджело сказал:

Молчи, прошу не смей меня будить,
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть

(Поэты Возрождения. М., 1989. С. 14),

— и возникает Возрождение. Древняя культура помогла подняться и преодолеть кризис культуры средневековой.

Проиграло же католичество потому, что отказалось в стремлении захватить и распространить свою власть над миром от того поведения Христа, которое привело церковь на вершину. Куль-

тура побеждает далеким от мирских путей способом. Разница между Христом и христианством Средних веков такая же, как между распятием и сжиганием, гибелью на кресте и крестовыми походами, мучениями первохристиан и инквизицией. Религия возвышалась, когда название «христиане» было уничижительным, и она стала падать, когда это слово стало ассоциироваться с гордыней.

Главный отрицательный момент в деятельности церкви, по Тойнби, — ее воинственность. Церковь стала бороться за власть не только в сфере культуры, но и в жизни (как позже идеология), и это вело к ее духовной деградации и готовило Возрождение. Авторитет церкви подорвали индульгенции, посредством которых она обменивала грехи на деньги и богатела в грешном мире; иезуиты, признав, что «цель оправдывает средства», не гнушались ничем вплоть до пыток и казней. Религия мучеников превратилась в религию мучителей, преследующих неверных, отступников, сектантов, что не могло остаться незаметным и безнаказанным. С крестовых походов начался кризис религии, который в XV в. при Борджиа достиг апогея. Папа Борджиа и Савонарола — две пропасти, в которые провалилась религия.

Церковь потеряла лидирующую роль, потому что оставила завет Христа и попыталась победить насилем, что невозможно в сфере культуры. «Поднявший меч от меча и погибнет». Крестовые походы не послужили славе Христовой. Но более всего костры! «Не насилем посеяно христианство в мире; не насилем, а побеждая всякое насилие, возросло оно. Поэтому не насилем должно быть охраняемо оно, и горе тем, которые хотят силу Христову защищать бессилием человеческого орудия! Вера есть дело духовной свободы и не терпит принуждения; вера же истинная побеждает мир, а не просит меча мирского для торжества своего», — писал А.С. Хомяков в послании «К сербам» (Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 348). Религия не выдержала искушения властью и использовала силу в инквизиции и возможность обогащения посредством индульгенций. Но энергия жертвы еще сохранялась и породила реформацию.

На вершине могущества католической церкви, когда, казалось, все подчинилось ей, внутри нее возник протест, который привел к ее крушению. Отрасль культуры гибнет на вершине власти и насилия. В церкви произошла подмена, и живой дух ушел из нее, частично в протестантизм, который был рационализацией религии, отсекавшей ее мистические и мифологические части, а частично в науку, которая приняла знамя культуры. Христианские подвижники пытались бороться с духовным регрессом — Ян Гус, Франциск Ассизский, Д. Савонарола, — но выяснилось, что их усилий недостаточно, и тогда внутренняя борьба перешла во внешнюю. К протестантам «присоединились» представители других отраслей культуры. Их общими усилиями католицизм был сброшен с пьедестала. «Религия, несомненно, оказала человеческой культуре великую услугу, сделала для усмирения асоциальных влечений много, но не достаточно. На протяжении многих тысячелетий она правила человеческим обществом; у нее было время показать, на что она способна. Если бы ей удалось облагодетельствовать, утешить, примирить с жизнью, сделать носителями культуры большинство людей, то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующих обстоятельств» (*Фрейд З. // Сумерки богов. М., 1989. С. 125*). С триумфом христианства началась подмена его ценностей, которая достигла апогея к XVI в. и потребовала Возрождения, которое можно понимать как попытку искусства и философии, напитавшись соками античности, занять лидирующее положение в культуре. Христианство применило физическую силу в борьбе с его идеалами и тем более ослабило себя. Свято место пусто не бывает. Когда церковь стала ослабевать, на место лидера в эпоху Возрождения претендовали искусство и философия, но победила новая отрасль — наука, и это дало импульс западной цивилизации Нового времени.

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Чтобы прояснить различия между философией и религией, сравним проповедь Христа с беседами Сократа. Главный тезис

Сократа «Познай самого себя». Знание для Сократа тождественно добродетели, поэтому самопознание автоматически ведет к праведности. Последующие античные философы отказались от данного тождества, а христианство началось с противопоставления разума и добродетели. Нравственная цель Христа та же, что у Сократа, — праведная жизнь, но пути ее достижения различны: в одном случае познание человека, в другом — познание Бога.

По мере универсализации христианства перед его проповедниками вставало все больше проблем, разрешить которые было нельзя без обращения к интеллектуальному потенциалу, выработанному в языческие времена, в том числе в античной философии. С укреплением главенствующей роли христианства (особенно с III в.) связь религиозных споров с философией становится все более заметной, и уже в IV в. философия используется в качестве основы для построения теологической системы бл. Августином (351—430 гг.). Находясь под влиянием Платона, Августин трансформировал его представление о двух мирах — мире идей и чувственном мире — в представление о двух градах: Божьем и земном. В отличие от Платона град Божий есть нечто укрепляющееся на самой Земле.

Важнейший вопрос, который пытался разрешить Августин — о соотношении судьбы и свободной воли человека. Он возник, конечно, с тех времен, когда развились астрология, различные формы гаданий и т.п. Этические следствия из него вызвали резкие споры между стоиками и эпикурейцами. В христианстве этот вопрос — в виде соотношения свободной воли человека и благодати Божьей (и в более общем смысле соотношения религии и морали) — впервые осмыслен Августином.

Человек обладает свободой воли, но она, как все остальное, даруется Богом в знак его благорасположения, ожидания выбора человеком по собственной инициативе верного пути. Свобода воли, однако, может привести человека ко злу, происходящему от извращения божественных предначертаний.

Благодать — дар Божий. Каждый получает свой талант, свою степень поддержки от Бога. Человек действует по своей воле, но так

как в основе ее лежит божественная благодать, то все заслуги — от Бога. Такова мысль Августина. Поэтому нет смысла кичиться своими достижениями и проявлять гордыню, а, наоборот, надлежит быть смиренным. Источник морали — в духе, как полагали и стоики, но зиждется она на осознании собственной греховности. Заслуги от самого человека — зло. Если же они добрые, то от Бога. Мы обращаемся к Богу нашей волей, дарованной им, а Он к нам — своей благодатью. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение», что сами без божественной благодати способны на великие поступки. Пользоваться земными благами, но не радоваться им — этический принцип Августина.

Второй важный вопрос, связанный с предыдущим: дается ли божественная благодать в награду за добродетельное поведение? Нет, отвечает Августин, возражая тем, кто полагал, что божественное воздаяние соразмерно делам человека. Благодать не может быть воздаянием за заслуги; это противоречит ее определению. Тогда это был бы не дар, а долг. «Благодать не от дел, чтобы никто не хвалился» (*Августин. О благодати и свободном произволении. VIII, 21*). Она дается не во искупление грехов, а для праведной жизни, и тому, кому Бог пожелает (может и грешнику), как проявление любви, а не вознаграждение. «Возмездие за грех смерть» (Там же. IX, 21). Наказание же ждет человека не здесь, а на Страшном Суде.

Еще вопрос — о том, откуда берется зло. Он особенно важен в христианстве, поскольку, по определению, Бог всемогущ и всеблаг. Зачем он допускает зло в мире? Если он не может ничего с этим поделать, то он не всемогущ; если не хочет, то не всеблаг. Августин в молодости был сторонником учения манихеев, которые в соответствии с зороастризмом утверждали, что в мире существуют две силы — добра и зла, — находящиеся в непрерывной борьбе. Как христианин, считающий, что все происходит по воле Бога, Августин не мог допустить, что Бог создал зло, и полагал, что оно результат свободной воли человека, который сам выбирает свой путь в жизни. Зло наказывается и поэтому необходимо для постижения божественной справедливости.

По Августину, «все, что существует, есть добро». На человеческом уровне добро — результат свободного решения человека. Грех, зло — это отсутствие добра, отступление от предписаний Творца, неправильное употребление свободной воли, данной человеку для исполнения заповедей Бога.

Если у стоиков мораль была главной характеристикой человека и замыкалась на него, у Августина ее основа переносится в надзвездные сферы. Не человеку различать добро и зло в высшем смысле этих слов — так можно интерпретировать притчу о запрете Адаму и Еве есть плоды с дерева познания добра и зла. Воля Бога, который выше добра и справедливости, — высшее благо. Так как мораль исходит от Бога, Бог не может быть связан ее нормами.

Вслед за апостолом Павлом Августин считал основополагающими принципами христианства веру и любовь. «Дела от веры, а не вера от дел» (Там же. VII, 17). Всё — средства на пути к цели — любви к Богу.

Творения Августина относятся к эпохе патристики, или деятельности святых отцов церкви, продолжавшейся по IX в. Следующая за ней эпоха (IX—XV вв.) получила название схоластики (от «схола» — школа) и характеризовалась углубленным вниманием к философским проблемам богословия. Наиболее яркий представитель ее Фома Аквинский (1225—1274) в своем главном произведении «Сумма теологии» развивает представление о небесной иерархии с ангелами, архангелами и серафимами, структурно подобной земной.

Соглашаясь с Августином, Фома объявляет зло не сущим. Производное от Бога бытие есть благо, а опосредованное волей человека может быть злом. Значит, нравственная цель заключается в стремлении к Богу, а блаженство достигается при его созерцании. Благодать Божья — необходимое условие добродетели. Но в отличие от Августина Фома считал, что моральный образ действий гарантирует спасение.

Бог представлен в человеке в виде совести. Как видим, близкие понятия проходят через всю историю: демон у Сократа, ге-

ний у стоиков, искра Божия у христиан. Аристотель в этических трактатах говорил о свободе воли человека, но не столько, чтобы удовлетворить христианство. Фоме Аквинскому принадлежит подробное рассмотрение структуры свободного поступка, в котором он выделял стремление (интенцию), выбор, одобрение и действие. Следуя Аристотелю, Аквинат разделял добродетели на умственные и нравственные, но как христианин добавлял к ним богословские, считая их наивысшими, — веру, надежду, любовь.

Роль философии в Средние века была служебной. Ограниченность средневековой философии Гегель объяснял так: «Греческая философия мыслила свободно, а схоластика несвободно, так как последняя брала свое содержание как данное, а именно данное церковью» (*Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. С. 138*).

Главная задача схоластики, еще не имевшей тогда отрицательного оттенка, появившегося позже, заключалась в доказательстве религиозных истин. При этом средневековая философия выполняла важную синтезирующую роль: синтез христианства с платонизмом бл. Августина, синтез христианства с аристотелизмом Фомы Аквинского. Интересно, что последний синтез приблизительно совпал по времени с художественным синтезом Данте.

Хотя основными философскими темами в эпоху схоластики были те, которые исходили из религиозных задач, чем дальше, тем больше выходили на поверхность собственно философские проблемы в религиозной упаковке. Одна из таких — о реальном существовании идей — восходит к античности. Спор в Средние века начался между реалистами, которые признавали существование идей, или, как их тогда называли, универсалий как общего в самих вещах в части субстанциональных форм Аристотеля, и номиналистами, которые полагали, что идеи формируются в мозгу человека как обобщения многообразного мира единичных вещей. Выйдя из недр античности, этот спор трансформировался в Новое время в спор между объективными и субъективными идеалистами.

Спор между реалистами и номиналистами стимулировался основной задачей схоластики — разумным обоснованием веры.

Попытка оказалась безуспешной, и мнение номиналистов, следовавших преобладавшему в эпоху патристики представлению о непостижимо мистической природе веры в Бога, мешало примирению разума и веры.

На рубеже схоластики и Возрождения усилился философский скептицизм, свойственный, в частности, Н. Кузанскому. В его сочинениях находим ставший в то время модным пантеизм, утверждающий: «Бог во всех вещах, как все они в нем».

Эпоха Возрождения началась с сомнения в истинности религиозных догм. Как в Древней Греции противоборствующие школы последователей Сократа не смогли прийти к согласию относительно основ нравственности и возник скептицизм, так в конце Средних веков, когда ослабла религиозная вера, скептицизм возродился вновь. Он готовил почву для новой веры — в разум человека, его силы и способности. «Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума», — писал М. Монтень (1533—1592). Добро и зло, по мнению Монтеня, относительно и зависят от нашего взгляда на них. Когда Монтень призывает «сосредоточить на себе и своем собственном благе все наши помыслы и намерения», то этим он выражает одну из основных идей Возрождения, в соответствии с которой в центр мироздания помещается человек с его чувствами и желаниями. Обращенность к человеку нужна Монтеню, чтобы выразить сомнение в символе религиозной веры. В этом он близок к античным скептикам и завершает круг средневековой философии. Последняя возвращается вместе с ренессансом античной культуры к своим традиционным проблемам, чтобы повторить античность на новом уровне.

Среди философских направлений, освободившихся от роли «служанки богословия», помимо пантеизма, отождествившего Бога и природу и тем самым создавшего основу для философского исследования природы, следует назвать и возникший в эпоху Возрождения гуманизм, способствовавший повышению интереса к человеку как личности, его качествам и потребностям (Эразм Роттердамский (1469—1536) и др.). Тогда же возникло

понятие гуманитарных наук, под которыми понималось изучение всего, что соответствует целостности человеческого духа. Под гуманитарностью понималась полнота и нераздельность природы человека. Таким образом, синтез имел место в эпоху Возрождения не только в искусстве (Данте), в философии (Фома Аквинский), но и в зарождающейся науке. Эпоху Возрождения в целом можно назвать синтетической.

ИСКУССТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

В средневековом эпосе в отличие от античного меньшее значение имеют боги и большее — люди. Эпос все дальше отходит от мифа, приближаясь к роману. Этому способствовало господство в культуре религии, которая разделяет божественное и человеческое. Христианский Бог выше по отношению к человеку, чем языческий, и взаимодействие его с человеком менее ощутимо, что отражается в литературе.

Пьер де Ронсар (1524—1585) так выразил отличие богов от людей:

С богами есть у нас
Всего одно, но веское различье.
Не быть тебе, мой друг, счастливым вечно
И вечно молодым,
Мы таем, словно дым,
А жизнь богов светла и бесконечна

(Четвертая книга од // Книга песен.
Из европейской поэзии XIII—XVI веков. М., 1986. С. 195).

Развитие литературы по цепочке миф → эпос → роман, по-видимому, является характерной чертой любой продвинувшейся цивилизации. Если этому что-то препятствует, то развитие заканчивается на стадии мифа или эпоса. Говоря шире, все культуры проходят одни и те же этапы: мистические представления → мифы → эпос → светское искусство.

Европейский эпос делится на героический, в котором преобладают сказания о подвигах героя («Песнь о Нибелунгах»),

и куртуазный, в котором главным являются любовные отношения, основывающиеся на рыцарском идеале Прекрасной Дамы («Тристан и Изольда»). Куртуазный эпос появляется позже героического, в нем преобладают человеческие отношения, а значение богов становится меньше, и в этом смысле куртуазный эпос является переходным от эпоса к лирике как одной из форм светского искусства.

Испанский героический эпос «Песнь о моем Сиде» датируется серединой XII в. Его герой — реальная личность, участвовавшая в национально-освободительной борьбе против арабских завоевателей (продолжалась с VIII по XV в.). В основе древнейшего французского героического эпоса «Песнь о Роланде» (первая рукопись относится к XII в.) лежит факт похода Карла Великого в Испанию в 778 г. для борьбы с арабами. Роланд — лицо историческое, но, как заведено в героическом эпосе, его описание далеко от реальности. В Англии с V в. известны легенды о короле Артуре и его рыцарях как пример рыцарского братства.

Существовало и такое своеобразное явление, как поэзия вагантов — бродячего племени средневековых студентов. Сборник вагантской поэзии «Кармина Бурана» (начало XIII в.) положен на музыку современным немецким композитором К. Орфом. Были в Европе странствующие певцы и музыканты — трубадуры и миннезингеры (от миннезанг — жанр немецкой средневековой рыцарской лирики). От героического эпоса путь ведет к Данте, от куртуазного — к Петрарке, жившему в XIV в. Самый знаменитый лирический поэт XV в. — Вийон, XVI в. — Ронсар. «Отец английской поэзии» Дж. Чосер (ок. 1340—1400) напоминает своими «Кентерберийскими рассказами» более известный «Декамерон» Дж. Боккаччо (1313—1375). Появление лирики в эпоху Возрождения закономерно, так как интерес к личности касался ее чувств, в том числе личных переживаний поэта.

Продолжает эпоха Возрождения и эпическую линию. Но Т. Тассо (1544—1595) в поэме «Освобожденный Иерусалим» как поэта Возрождения интересует не столько поход крестоносцев и взятие ими Иерусалима, сколько чувства рыцаря Танкреда,

убившего любимую им сарацинскую воительницу Клоринду. Переживания личности выступают на первый план, оттесняя героическую тему. То же самое характерно для поэмы Л. Ариосто (1474–1533) «Неистовый Роланд», в которой описывается несчастная любовь рыцаря Роланда к китайской принцессе Анжелике.

Эпос играет синтезирующую роль. Овидий в «Метаморфозах» осуществил синтез различных мифологий, Данте — единство мифологии и религии. Суть синтеза Петрарка выразил в таких словах:

Быть может, с речью времени былого
Речь наших дней сплетет искусный труд
И люди весть до Рима донесут —
Страшусь сказать! — о том, как это ново
(Из «Книги песен» на жизнь Мадонны Лауры. Сонет XL //
Книга песен Из европейской лирики XIII–XVI веков.
М., 1986. С. 42).

Данте не только взял идею путешествия по потустороннему миру у Вергилия, а следовал направлению движения античной мысли. Вергилий дополнил греческую мифологию, обобщив ее на римских реалиях. Позже Овидий довел обобщение до логического конца, создав почти универсальный для своего времени сборник мифов, а Лукиан через век пародировал его в «Разговорах богов». Данте тоже, взяв за образец сюжет Вергилия, обобщил мифологию, введя в нее христианские реалии и создав многогранную мифолого-религиозную систему. «Божественная комедия» представляет собой следующий этап обобщения, когда к античному синтезу Овидия добавилось, как у Вергилия, путешествие в потусторонний мир в качестве главенствующей христианской составляющей. Так была построена новая, более полная художественная картина мира, соответствующая религиозной картине, созданной ранее Фомой Аквинским. Искусство здесь, как и философия, следует за религией, хотя в отличие от философии ее вряд ли можно назвать служанкой.

Когда началась Реформация, поставившая под вопрос традиционную христианскую обрядовость, искусство в лице Боккаччо и Рабле способствовало ниспровержению религии. В Древнем Риме искусство Вергилия, Овидия и Лукиана помогло христианству победить философию и язычество, а позже в лице Данте, Боккаччо и Рабле (сыгравшему роль, аналогичную роли Лукиана) способствовало ослаблению христианства и в конечном счете замене его на высшей ступени культурного пьедестала наукой. Аналогом перехода от Данте к Рабле был переход от героического эпоса «Эдды» и «Песни о Нибелунгах» к пародированию героизма Сервантесом, который подверг осмеянию не только современный ему рыцарский роман, но всю европейскую эпическую традицию. Победившая наука, повернув от чудесного к законосообразному, в искусстве ввела моду на реализм.

Среди театрализованных представлений в Средние века выделялись фарсы, имевшие чисто светский, сатирический характер, и мистерии на религиозные сюжеты. Затем эволюция шла, как и в других видах искусств. Вслед за основоположником классицизма П. Корнелем вместе с Ж. Расином пожаловал комедиограф Ж.Б. Мольер, современник Сервантеса.

В архитектуре Средних веков господствовал романский стиль, тяготевший к римским базиликам, сменившийся заявившим о себе впервые во Франции в XII в. готическим стилем. В устремленных ввысь готических храмах видят выражение космической бесконечности универсума, олицетворение божественной вселенной, движение духовной энергии. Благодаря витражам готический храм пронизан солнечными лучами, одухотворяющими материю. В. Гюго называл готический собор «каменной симфонией».

Самым известным архитектором Возрождения считается Ф. Брунеллески (1377–1446) — создатель знаменитого Флорентийского собора. Значительнейшее архитектурное сооружение эпохи — собор Св. Петра в Риме, созданный по проекту Д. Браманте (1444–1514), в строительстве которого участвовал Рафаэль, а закончил Микеланджело.

Рафаэль (1483–1520), Микеланджело (1475–1564) и Леонардо да Винчи (1452–1519) — три величайших художника Возрождения, создатели росписи Сикстинской капеллы, Давида и «Моны Лизы». А помимо них творили Кранах Старший, Боттичелли, Тициан, Босх, Брейгель, Веласкес и множество других. В живописи в эпоху Возрождения появляется прямая перспектива, светотень; наряду с фресковой начинает развиваться станковая живопись. В XV в. получает распространение гравюра, связанная с ксилографическим способом печати, — свидетельство усиления рациональной направленности в искусстве. Живопись постепенно отходит от синтеза изобразительных искусств в храме. Манерный «маньеризм» сменяется барокко.

Эпоха Возрождения не означала возрождения интереса к античной культуре как таковой. К отдельным ее сторонам — христианской религии, зародившейся в античное время — он всегда был. Речь идет о росте интереса к другим отраслям античной культуры, прежде всего к искусству в период, когда отрасль, на которую делалась основная ставка, — религия, испытывала кризис, приведший к Реформации. Расширение использования античности дало новый импульс развитию европейской культуры, можно сказать, подняло ее на новый уровень. Художественный и религиозный синтез Данте и Фомы Аквинского привел к возникновению нового качества (чему способствовало отсутствие ярко выраженного лидера среди отраслей культуры) — эпохе Возрождения. Возрождению свойственна целостность, идеальное внутреннее равновесие культуры, которая еще не ушла от Бога, но вернулась к человеку и показала, что мощь художника определяется масштабностью синтеза, который он осуществляет. Эпоха Возрождения предприняла попытку создать всеобщий синтез — от Данте до Шекспира, за которым последовали перемещения на пьедестале почета культуры. Как и в Древнем Риме, господствовавшее подверглось осмеянию (Лукианом и Апулеем тогда, Рабле и Сервантесом сейчас). В итоге искусство помогло стать лидирующей отраслью культуры науке.

НАУКА И ТЕХНИКА

Большое значение для закрепления за наукой господствующего положения в культуре имел раскол католической церкви. Протестантизм стимулировал спор о том, какая из борющихся религиозных группировок достойна высшей власти. Между тем интенсивно развивалась техника. Аббат Герберт (он же папа Сильвестр II) около 1000 года изобрел часы с боем и колесами. В Германии же около 1200 года появились первые башенные и несколько позже — карманные часы. Появление в Европе в конце XII в. компаса, а в XIII в. современной конструкции рулевого управления позволило пересечь в 1492 г. Атлантический океан и открыть Америку. Огромное значение имело изобретение печатного станка. Еще в XIII в. Гумберт Роменский писал: «Подобно останкам святых, их мощам, сохраняемым с таким благоговением, заворачиваемым в шелка, заключаемым в золото и серебро, следует хранить и книги, содержащие в себе столько святости» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 429). Книгопечатание сделало книгу доступной. Слава первопечатника закрепилась за Иоганном Гутенбергом, напечатавшим первую книгу около 1445 г.

Чтобы сформировалась наука, нужно интересоваться не тем, что необычно, а тем, что повторяется и является естественным законом; перейти от опоры на обыденный опыт, основывающийся на показаниях органов чувств, к опыту научному. Этот переход впервые совершил Коперник (1473—1543). Перед самой его смертью вышла его книга «Об обращениях небесных сфер», в которой излагалась гелиоцентрическая система мира, но понадобилось полвека, чтобы она стала фактом европейской культуры.

При монастырях возникали школы. Основу обучения составляли так называемые «семь свободных искусств» — три вводные: грамматика, риторика и диалектика (в смысле правильного рассуждения), и четыре высшего цикла: арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Эти семь путей знания вели к царице наук — теологии, как считал Фома Аквинский. Постепенно появлялись учебные центры — прообразы университетов. В XI в. — Па-

рижский университет (Сорбонна), в XII в. — Оксфордский, в XIV в. — Кембриджский и Пражский. Наука становилась престижной, что ускорило ее прогресс.

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

Главный вклад Византии в культуру — православие. Во II—III вв. шел процесс образования церкви и клира (священнослужителей в отличие от мирян — простых верующих). В начале IV в. в Византийской империи имелось несколько патриархий — Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Константинопольская.

Как только закончились мучения внешние — со стороны государственной власти Рима, сразу же в IV в. начались мучения внутренние — подвижничество. Энергия самоотвержения, жертвы питала христианство и далее. В основе подвижничества лежит жажда абсолюта, выхода за пределы временного и ограниченного в человеке. Подвижничество возникает на Востоке, потому что в восточном сознании есть смирение и готовность к самоотречению, которое уже продемонстрировал буддизм.

В IV в. зарождается монашество, основатель которого Антоний Великий роздал свое имущество и уединился в гробнице, куда селянин приносил хлеб — единственную пищу святого — и уносил рукоделие, которым подвижник занимался в свободное от молитв и размышлений о божественных истинах Писания время. Антоний Великий изведal, что добрая жизнь от привычки делается приятной, хотя поначалу трудна.

20 лет св. Антоний безмолвствовал в пустыне. Автор «Добротолюбия» сопоставляет это с состоянием гусеницы, когда она сворачивается в куколку. Из куколки вылетает прекрасный разноцветный мотылек. И Антоний вышел на служение верующим с полученными в затворе дарами чудотворений, прозрения мыслей, видения на расстоянии, откровений и т.д. Антоний Великий проповедовал принцип Евангелия: «Ибо если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим... Ибо сильный страх и опасение мук уничтожает приятность удовольствия и вос- становляет клонящуюся к падению душу» (Добротолюбие. Т. 1.

М., 1992. С. 19). В XX в. экзистенциализм поднимет роль страха до вершин свидетельства подлинности человека.

Началом подвижничества и всепобедительным оружием является готовность на смерть ради Господа и угождения Ему, как говорится в «Добротолубии» в объяснение подвигов Антония Великого. Путем победы над смертью, проложенным Христом, проходят все души, пошедшие вослед Господу. «Кто дойдет до такой степени готовности (на смерть. — А.Г.), какая была у Спасителя в саду (Гефсиманском, в котором он молился перед тем, как его схватили. — А.Г.), тому предлежит тотчас восхождение в духе на крест, а затем субботствование духовное, за которым следует и духовное воскресение во славе Господа Иисуса» (Добротолубие. Т. 1. С. 14).

Невероятным аскетизмом прославился Симеон Столпник (VI в.). Уйдя из монастыря, он сложил себе из камней малое подножие и стоял на нем 4 года в снег, дождь и зной. Потом он воздвиг себе столп в 4 локтя и простоял на нем 7 лет. После этого ему сложили столп в 30 локтей, и он стоял на нем 15 лет. Симеон Столпник обладал способностью творить чудеса, лечить больных и т.п.

Византийская церковь боролась против монофизитства, утверждавшего, что Христос имел только одну природу — божественную, но не человеческую, и против несторианства, говорившего о существовании двух самостоятельных природ в Христе, между которыми существует внешнее соединение, чем нарушалось ипостасное единство Богочеловека. Халкидонский собор 451 г. признал, что Христос единосущен Отцу по божеству и людям по человечеству и особенность каждой из двух природ сохраняется в едином Лице.

В эпоху патристики в Византии творили отцы церкви Максим Исповедник, Григорий Нисский, Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский, Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Псевдо-Дионисий Ареопагит и др. Синтез основных научных и религиозных сведений своего времени сделан Иоанном Дамаскином в сочинении «Источник знания». Что касается философии, то она постепенно

сходила на нет, особенно после закрытия императором Юстинианом I в 529 г. платоновской Академии.

Главное отличие православия от католичества заключается в том, что римская церковь ввела крещение посредством обливания, а не погружения, признала, что Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына, и приняла догмат непогрешимости Папы. Эти различия не столь значительны, хотя рассматривались многими отцами и историками церкви как принципиальные. Они имеют не столько религиозное, сколько цивилизационное основание и объяснимы разделением Римской империи. Борьба между двумя частями целого, из которых в одной осталась столица, а вторая оказалась более независимой, привела к выделению православия, противопоставившего себя католичеству. Для обеих частей, впрочем, Христос остался непререкаемым авторитетом.

На вершине могущества православная церковь в Византии стала внутренне слабеть и после захвата Константинополя турками лидерство в православном мире перешло к России. Величие и строгость православной культуры были выбраны русской цивилизацией из трех возможных вариантов и оказали огромное влияние на все стороны ее индивидуальной и общественной жизни.

На все виды искусства в Византии накладывалась печать религии. В театре преобладали мистерии, в музыке — религиозные мотивы. В архитектуре Константинополя встречаем хорошо знакомые нам конструкции, поскольку византийская архитектура оказала большое влияние на русскую: Золотые ворота, воспроизведенные в Киеве и Владимире, построенный в VI в. храм Святой Софии (одноименный возведен в Киеве и Новгороде) и т.п. В VIII—IX вв. в Византии начинает распространяться крестово-купольный тип храма — крестообразно расположенные помещения с куполом в центре, который станет основным в архитектуре Руси. Купол располагался на барабане в противоположность низким и плоским куполам базилик. В крестово-купольном храме алтарная часть обозначалась полукруглой и многогранной апсидой, а в некоторых случаях несколькими апсидами. Такой тип

храма выражал идею «лестницы», по которой человек восходит на небо, духовного восхождения человека к Богу, которую обновил Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лествице».

Иконопись начала развиваться с V в. В VIII—IX вв. Византию сотрясала распря иконопочитателей и иконоборцев (которые были против икон), закончившаяся победой первых. Икона (по-гречески — образ) как предмет культа вместе с крестом и мощами получила особое значение в православии. Образ рассматривался, особенно в произведениях Псевдо-Дионисия Ареопагита, как связующее звено между миром земным и горним. Византийская иконопись оказала большое влияние на русскую, начиная с иконы Владимирской Божьей Матери, ставшей святыней и образцом для русских мастеров.

В иконописи господствовала обратная перспектива, акцентирующая внимание не на глубине пространства и над предметом, как прямая перспектива, а в пространстве зрителя и под предметом. Обратная перспектива, достигшая расцвета в XI—XII вв., стремилась выделить центральный объект и сосредоточить на нем внимание. Пространство небес, изображаясь в обратной перспективе, противопоставалось земному. В XI—XII вв. совокупность икон, отделяющих алтарь от остального помещения храма, стала образовывать иконостас. Славилась византийская мозаика, сохранившаяся в Большом императорском дворце с V в.

Важным литературным жанром в Византии, наряду с житийным, была духовная гимнография. Среди византийских писателей преобладали священники и монахи, что сказывалось на содержании. Вот какой совет дает учащимся византийский писатель XI в. Кекавнен в своем наставлении «стратегикон»: «Много читай и многому учись. Если не разумеешь, крепись, ибо после частого перечитывания книги даст тебе Бог разуместь и понять ее» (Хрестоматия по истории мировой культуры. С. 397).

Византийская культура погибла до становления новой отрасли культуры — науки, и пальма первенства принадлежит здесь культуре западной, которой сильно помогла здесь мусульманская культура, названная Ф. Роузенталем «торжеством знания».

Вопросы для повторения

- Каковы хронологические рамки Средневековья и на какие части оно делится?
- Каковы основные мифы западных народов?
- Что такое Реформация и каковы ее основные положения?
- Какие причины привели к эпохе Реформации?
- Каковы представления о соотношении свободной воли человека и благодати у Августина и Фомы Аквинского?
- Как решает христианство проблему происхождения зла?
- Что такое гуманизм и гуманитарные науки?
- Какие основные виды литературы и искусства существовали в средневековой Европе?
- В чем значение «Божественной комедии» Данте?
- Какие стили господствовали в средневековой архитектуре?
- Каковы основные черты эпохи Возрождения?
- Каково значение православия?
- Что внесла Византия в мировую культуру?
- Каково значение православного подвижничества?
- Каковы различия православия и католичества?

Литература

1. Сказания о народных героях. Героический национальный эпос. М., 1995.
2. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
3. *Августин*. Исповедь. М., 1991.
4. *Чосер Д.* Кентерберийские рассказы. М., 1988.
5. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. М., 1992.
6. *Карсавин Л.П.* История средневековой Европы. Киев, 1995.
7. Добролюбие: В 5 т. М., 1992.

Глава 15

Мусульманская культура

«Сынок мой, вижу я во сне, что закалываю тебя в жертву и посмотри, и посмотри, что ты думаешь». Он сказал: «Отец мой, делай, что тебе приказано; Ты найдешь меня, если пожелает Аллах, терпеливым».
Коран

ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Основу мусульманской культуры составляет ислам (в буквальном переводе с арабского «предавание себя Богу», «покорность»). Слово «мусульманин» (от «муслим») также означает покорность, поклонение.

Ислам был третьей по времени образования мировой религией. Его основатель Мухаммад (570–632) родился в Мекке и там начал проповедовать, но затем вынужден был уехать в Ясриб (будущую Медину). Сподвижник Мухаммада, ставший после его смерти халифом (главой мусульманской общины), Абу-Бекр объединил Аравию вокруг Медины. При следующем халифе Омаре (634–644) арабы побеждают Персию и отбирают у Византии Египет, Сирию и Палестину. Создается арабский халифат.

При халифе Османе (644–656) собраны записи высказываний Мухаммада и составлен канонический текст Корана. К началу VIII в. мусульманские войска захватили Самарканд, Ташкент и дошли до берега Инда и границы Китая на востоке, захватили Карфаген, северный берег Африки, Испанию на западе. В IX в. Арабский халифат распался, но осталась мусульманская культура, объединявшая население многих стран. В XIV в. ислам принимают монголы. В XV в. возникает могущественная турецкая империя, которой удалось захватить Византию. Кроме того, существовали еще два крупных мусульманских государства: им-

перия Сефевидов в Персии и государство Великих Моголов в Индии. На западе христианам удалось только в XV в. одержать победу над мусульманами (маврами), изгнав их из Испании.

Мусульманскую культуру, так же, как и средневековую европейскую, можно отнести к религиозному типу. По мнению А. Кребера, «магическая религиозная система оказалась едва ли не единственным явлением, вокруг которого позднее сложилась мощная и богатая цивилизация. В этом отношении — а именно в том, что комплекс формул, относящихся к человеческой вере и поведению, предшествовал развитию крупной культуры и стал ее стержнем, — арабская цивилизация напоминает индийскую и китайскую» (Антология культурологических исследований. СПб., 1997. С. 477). Как христианская религия создала христианскую цивилизацию, так ислам создал арабскую цивилизацию. Только доминирующим институтом в данном случае является не церковь, а политическая организация — халифат.

Завоевав в средние века огромное пространство от Индии до Испании, арабы всюду несли с собой ислам, десятичную систему исчисления с арабскими цифрами и сказки «1001 ночи» с Синдбадом-мореходом.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСЛАМА

Ислам вырос из арабских преданий и Ветхого Завета, оставшись верным представлению о боговдохновенных пророках, одним из которых объявил себя Мухаммад. Он не перешел принципиальной грани, которую преодолел Христос, заявивший о себе как о Сыне Божьем. Ислам, таким образом, ближе к Ветхому Завету, чем христианство. Различия между исламом и христианством определяются различием культур, в которых произошли и развились данные религии, и они не больше, чем различия между именами Моисей и Муса. Между исламом и христианством нет принципиальных религиозных разногласий, и 1500-летняя борьба — борьба цивилизаций, государств и народов. Действительно, с религиозной точки зрения, совсем не столь важно, сколько у мужчин может быть жен — одна или че-

тыре и как он представляет себе рай — с гуриями или без. Не столь важно, является ли основатель религии пророком, через которого говорит с людьми Бог, или сыном Божьим и самим Богом. Если бы не национальные и социальные обстоятельства, ислам вполне мог бы сотрудничать с христианством.

Учитывая, что ограниченный азиатским регионом буддизм является не мировой в строгом смысле слова, а скорее первой региональной религией, и то, что сказано об исламе как разновидности иудео-христианской традиции, христианство остается единственной мировой религией, а Христос — эталонной, образцово-показательной жертвой, приведшей религию к господству. Торжество ислама в ближневосточном мире определялось, скорее всего, тем, что он оказался инструментом скрепления разношерстных народов Ближнего Востока, как христианство выполнило аналогичную роль в Западной Европе. Налицо элемент подражания как в содержательном, так и в организационном плане. Энергии христианской религии оказалось достаточно не только для того чтобы стать примером для другой религии в смысле канонов и притч, но и в организационном смысле, поэтому, хотя ислам признает Христа одним из пророков наравне с Мухаммадом, очевидно, что значение Христа выше и он смог осуществить косвенным образом воздействие на становление новой религии. По нашему мнению, такое можно объяснить жертвой Христа, оказавшейся достаточной и для создания еще одной религии, похожей по форме и соответствующей национальному характеру народов, населяющих данную территорию. Ислам — усеченное христианство без жертвы. Когда в Мекке, отвернувшейся от Мухаммада, был организован заговор с целью его убийства, Мухаммад избежал смерти с помощью хитрости — на его место лег спать его двоюродный брат Али (*Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 65).

Лишенный главного достоинства христианства — жертвы — ислам остался как бы «побочной ветвью» (*Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994. С. 65) культурного процесса. Но он имел значение для консолидации самого арабского мира и способство-

вал выходу его на мировую арену. Создание уже в VII в. огромного арабского государства свидетельствует о том, какое большое социальное интегрирующее значение имеет религия.

В Аравии в то время существовали последователи и иудаизма, и христианства. Мухаммад создал религию, которая должна была стать синтезом того и другого и быть оригинальной. Ренан назвал ислам в некотором роде восстановлением иудаизма в том, что в нем наиболее характерно для семитической расы (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 165*). Аравизированные и до него иудаизм и христианство Мухаммад уложил в логичную схему. Из христианства были удалены такие вызывающие споры представления, как трехипостасьность Бога, и в то же время удалось преодолеть застылость иудаизма. В согласии с иудаизмом Мухаммад отрицал божественное происхождение Христа, но признавал божественное происхождение его учения. Христос превратился в пророка наподобие Мухаммада, но Мухаммад поднимался над Христом как более поздний и последний пророк. Сам Мухаммад признавал ислам исправлением допущенных иудеями и христианами искажений воли Аллаха, провозвещенной им Ибрахиму (библейский Авраам). Можно рассматривать ислам как попытку преодоления подмен, которые исказили первоначальный смысл иудаизма и христианства. Это своеобразная Реформация, идущая от самого Бога.

Из трех мировых религий последняя по времени создания наиболее рациональна. Это особенно заметно по художественной литературе. Так, крупнейший мусульманский эпос «Шахнаме» начинается «Словом о разуме». Ислам — шаг на пути рационализации религии, в то же время подрывающий ее господствующую роль в культуре. Споры относительно признания Мухаммада пророком связаны с вопросом о бессмертии, который решен в христианстве признанием воскресения Христа. Ислам, как и христианство, в отличие от буддизма, обещает человеку вечную жизнь.

Мухаммад хотел, чтобы и иудеи, и христиане приняли его синтез, но этого не произошло. С учением Мухаммада не согласи-

лись ни те, ни другие, хотя ислам включил в себя, по существу, весь Ветхий Завет. Иудеи отказались принять мессию из иудеев, а место мессии в христианстве уже было занято. Ислам приобщил религию к нуждам арабов и расширил арабский мир, но не заменил ни иудаизм, ни христианство, став одним из вариантов монотеизма.

Роль, которую у греков, римлян, язычников Аравии играла судьба, рок, фортуна, в исламе перешла к единому Богу. В Коране показано, как религиозная мысль шла от возникающего к вечному. «И когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: “Это — Господь мой!” Когда же она закатилась, он сказал: “Не люблю я закатывающихся”... Я обратил лицо свое к тому, кто сотворил небеса и землю, поклоняясь Ему чисто, и я — не из многобожников» (Коран. VI: 76, 79). Древнеаравийский пантеон божеств образовался из культа предков в соответствии с цепочкой: захоронение предков → политеизм → монотеизм. Аллах (от ал-илах — «божество») — имя одного из высших богов аравийского пантеона. В исламе он стал единственным богом и создателем всего. «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и посланник его — Мухаммад». Аллах мусульман в принципе идентичен Богу иудеев и христиан. Итак, имя Аллаха — от языческих арабских верований; то, что он единственный Бог — от иудаизма; а то, что Мухаммад — последний пророк, — от христианства.

Коран («Чтение») — самый ранний памятник прозы на арабском языке, воспринятый как слово Аллаха, он сыграл значительную роль в формировании единого литературного языка арабских народов. Исследователи признают, что Коран был неосознанным творением Мухаммада и помещают его между фольклором и авторским творчеством. Когда начинаешь читать Коран, то удивляешься тому, как много в нем из Библии. Многие ветхозаветные повествования перенесены с соответствующим изменением имен на арабский язык (Моисей стал Мусой, Иисус — Исой и т.п.). Единственное крупное изменение — это отказ от христианского догмата троичности Бога как Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Представление же о едином Боге, об аде, рае, дне Вос-

кресения, Страшном Суде, некоторые заповеди (например, «Не клянись») перешли в Коран из Библии. Культурный идеал Корана по сути совпадает с христианским.

Интересно, что в Коране в пересказе притчи об изгнании из рая говорится о том, что Сатана (Иблис) искушал первых людей попробовать плодов с «древа вечности», чем подтверждается версия Фрэзера о мифологической первоначальности именно этого древа и, стало быть, желания людьми бессмертия. Райское дерево в Коране — смоковница — совпадает у мусульман и гностиков. Совпадает также знание Адамом имен всех вещей, что противоречит библейскому представлению о запрете вкушения с древа познания добра и зла.

Вот представление о рае в Коране.

Ведь для богобоязненных есть место спасения,
сады и виноградники,
и полногрудые сверстницы,
и кубок полный.

Не услышат они там ни болтовни, ни обвинения во лжи
(Коран. 78: 31—35).

С этим соглашались многие арабские поэты, призывавшие к тому же на земле.

Мусульманское предание о перенесении Мухаммада в Иерусалим и о посещении им ада и рая, возможно, повлияло на сюжет «Божественной комедии» Данте. Представление о Страшном Суде сродни не только христианским, но и египетским: «И у кого тяжелы будут его весы — те счастливые, а у кого легки его весы, — те, которые нанесли убыток самим себе, в геенне пребудут вечно» (Коран. 23: 104—105).

В Коране много повторов, обычных для эпоса. Отдельные части — суры — распределены по объему. Ранние суры — короткие, поскольку в начале своей деятельности Мухаммад говорил резкими, отрывистыми фразами, — помещены в конце Корана. Поздние, ниспосланные в Медине, когда проповедь Мухаммада стала более спокойной и рассудительной, — в начале.

Ангелы пришли в Коран из христианства, а вот джинны — духи, могущие быть и дружественными, и враждебными людям, — исконно арабийские существа. Злые джинны назывались еще шайтанами. Они были опорой дьявола — Иблиса. Ангелы жили на небесах, джинны — на земле. Ангелы в Коране ниже человека в том смысле, что Аллах научил человека именам всех созданных вещей, а ангелы не могли назвать их, хотя человека Бог создал из глины, а ангелов из огня. Отсюда истоки неповиновения Иблиса: как можно кланяться созданным из глины людям существу, созданному из огня? Потомство людей на земле стало объектом борьбы между Аллахом и Иблисом. Здесь элементы зороастризма. Аллах предоставляет право Дьяволу искушать людей и наказывает тех, кто поддается.

Мировая история предстает в Коране как цепь катастроф, происходящих с разными народами, созданными и уничтожавшимися Аллахом. Пользуясь дарованными Аллахом благами, каждый из народов забывал о вере и становился обуреваем гордыней. Аллах избирал из среды людей пророков, чтобы его проповедь обращала людей к вере. В тяжелые времена неверия и развращения появлялся пророк, который пытался вернуть людей на путь истины. Большинство людей насмежаются над ними, пророков побивают камнями, но каждый пророк старается выполнить свою миссию на языке времени. У пророка и Аллаха есть взаимные обязанности. Пророк должен быть терпелив, а Аллах должен ему помогать в выполнении его миссии. В ответ на обвинения во лжи и сумасшествии Мухаммад говорит: «О народ мой! Творите по своей возможности; я тоже буду делать, и потом вы узнаете, к кому придет наказание, унижающее его, и кто — лжец. Выжидайте же, я вместе с вами жду!» (Коран. 11: 95—96).

Коран постоянно напирает на значение немногочисленных пророков и праведников, без которых мир был бы уничтожен Богом, ниспосылающим катастрофы, в которых гибнут все, кроме уверовавших. Хотя постоянно упоминается, что Аллах милостив и милосерден, тем не менее в Коране столь же часто подтверждается тезис о неизбежности наказания для неверующих.

Жестокость Аллаха оправдывается следующим: «Аллах не был таков, чтобы их тиранить, но они сами себя тиранили» (Коран. 30: 8).

Итак, Коран рисует такую картину мировой истории. Сменявшие друг друга народы достигали благоденствия по воле Аллаха, но затем забывали о Боге, переставали следовать указаниям посланных им пророков, и за это Бог насылал катастрофы, в которых они погибали. Данная схема развития мира хорошо сочетается с принципом жертв и подмен.

Кроме Корана, источником, определяющим поведение мусульман, является сунна — совокупность правил поведения, основанных на хадисах — рассказах о жизни Мухаммада. Строгое следование Корану и суннам определило понятие «мусульманский фундаментализм».

С самого начала в исламе господствовала теократическая точка зрения, в соответствии с которой светская и религиозная власть неразделимы. Поэтому в мусульманстве не возник религиозный институт (церковь), существующий наравне с государством. Основное разделение мусульман на суннитов и шиитов (от арабского «шия» — партия) связано с вопросом организации власти. Согласно суннитам, имамом (т.е. верховным правителем) всех мусульман является халиф. Согласно шиитам, имам не может быть выборным и верховная власть является наследственной в роду Али — двоюродного брата Мухаммада, женившегося на его дочери. В настоящее время ислам — вторая по численности последователей религия. Мусульман на земном шаре 800 млн человек. Около 90% из них сунниты.

ЭТИКА ИСЛАМА

Социальные нормы, проповедуемые исламом, свидетельствуют о попытке создания справедливого общества, которая, как и более ранние и поздние, оказалась нереализованной. Как показывает история, возникновение таких идей характерно для переломных эпох в развитии общества, а таковая и была в то время на Аравийском полуострове.

Относительно конкретных бытовых предписаний Коран отличается от Библии настолько, насколько обычаи и традиции древних арабов, живших на Аравийском полуострове, отличались от обычаев народов, в среде которых возникло и развивалось христианство. Коран запрещает ростовщичество, азартные игры, вино, свинину, но разрешает многоженство. Исключалось поклонение изображениям Бога и музыка в мусульманских храмах — мечетях.

Пять основных моральных заповедей ислама: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада, пятикратная ежедневная молитва намаз — «ключ к раю», паломничество в Мекку на родину пророка Мухаммада, пост в течение одного месяца в году (когда разрешается есть ночью, но не днем), налог в пользу бедных (нечто вроде христианской милостыни). Когда Мухаммада спросили, какое деяние наиболее добродетельно, он ответил: «Чтобы ты умирал, а язык твой поминал Аллаха, великого и всемогущего». Богослужения состоят из общей молитвы, чтения Корана и проповеди.

Моральные предписания не сосредоточены в Коране в одном каком-либо месте, и, несмотря на некоторые противоречия, среди них нет таких расхождений, как между 10 заповедями Ветхого Завета и Нагорной проповедью Христа (так и должно быть, поскольку Коран создан одним человеком). Кое в чем мораль Корана напоминает заповеди Ветхого Завета (например, повторяется заповедь «око за око» — 5: 49). Не смягченный Христовым «непротивленчеством» ислам более воинствен по отношению к тем, кого называет неверными, т.е. немусульманам. Мухаммад подал этому пример, участвуя в подготовке военных экспедиций в Мекку и Сирию. Одно из предписаний ислама состоит в священной войне за веру (джихад). У мусульман есть специальное слово, обозначающее пожертвовавших собой за веру и почивших мученической смертью — шахид. Им гарантирован рай, куда они попадут, минуя испытания в аду и в мусульманском чистилище. Как писал Пушкин в «Подражании Корану»:

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи
Не отравляемом ничем.

В других случаях Коран ближе к Новому Завету: заповедь «не клянись» и «невыпячивание добрых дел». «Если вы открыто делаете милостыню, то хорошо это; а если скроете ее, подавая ее бедным, то это — лучше для вас и покрывает для вас ваши злые деяния» (Коран. 2: 273).

Большое значение в Коране уделяется понятию благочестия. «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстраивал молитву и давал очищение, — и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастье и бедствии и во время беды, — это те, которые были правдивы, это они — богобоязненные» (Коран. 2: 172).

Понятие милосердия не менее важно в Коране, чем в Новом Завете. «Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете расходовать то, что любите» (Коран. 3: 86). В Коране многократно высказывается пожелание милостыни и порицание излишеств.

Коран, как и Библия, обещает исполняющим моральные заповеди, вечное блаженство. «И устремляйтесь к прощению от вашего Господа и к раю, ширина которого — небеса и земля, уготованному для богобоязненных, которые расходуют и в радости и в горе, сдерживающих гнев, прощающих людям» (Коран. 3: 127—128). «А те, которые уверовали и творили благое, те — обитатели рая, они в нем вечно пребывают» (Коран. 2: 75—76).

Тем же, кто делает зло, Коран грозит возмездием. «Да! Тот, кто приобрел зло и кого окружил его грех, то они — обитатели огня, они в нем вечно пребывают» (Там же). Возмездие рассматривается Кораном как способ воспитания, и формы его могут показаться очень жестокими уже здесь, на земле, не говоря о небе.

«Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что ни приобрели, как устрашение от Аллаха. Поистине Аллах — великий, мудрый» (Коран. 5: 42). Женщина по Корану, как и по Библии, должна повиноваться мужчине, но опять-таки в Коране это выражено в более сильной форме. «А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их» (Коран. 4: 38). В Коране еще больше, чем в Библии, подчеркивается вред сомнения. «Истина — от твоего Господа. Не будь же сомневающимся» (Коран. 3: 43).

Неизбежное противоречие монотеистических религий между всемогуществом Бога и наличием зла в мире Коран разрешает таким образом, что зло Аллах посылает для испытания человека. Зло — произведенное Богом и, стало быть, объективно существующее искушение человека пороком, которому он, обладая свободой воли, может поддаваться или нет. Проводником зла выступает свободная воля человека. «Что постигло тебя из хорошего, то — от Аллаха, а что постигло из дурного — то от самого себя» (Коран. 4: 81). Все послано Богом, но ответственность за свои поступки несет сам человек.

О соотношении божественной предопределенности и свободной воли человека мусульманские теологи спорили столь же рьяно, как и христианские, но в целом можно заключить, что ислам более фаталистичен, чем христианство, и в Коране неоднократно повторяется, что Аллах воздает всем по заслугам и сообщает благодать тем, кого любит. «Быть благословенным на бытие правым и добрым составляет часть человеческого счастья, равно как часть его несчастья — непрекращающиеся ошибки» (Роузентал Ф. Торжество знания. М., 1978. С. 85).

Вложи в его руку меч, избавь его от бессилия.
Пусть он станет либо борцом за веру, либо грабителем.
Мы оказали милость человеку, дав ему свободу воли.
Половина стала пчелами, половина змеями

(Коран. 24: 35).

Зачем испытывать человека? «Целомудрие ничего не стоит, если отсутствует искушение пороком».

Среди добродетелей, почитаемых в исламе, можно назвать разум, рвение, скромность, богобоязненность, праведность, верность, искренность, смирение, негневливость, прощение, а среди отрицательных свойств характера — склонность к мирским украшениям, жадность, ненасытность, похотливость, которые в символической форме представлены четырьмя птицами: павлином, уткой, вороной и петухом.

Как в любой религии, основополагающее значение имеет в исламе вера. Но в отличие от христианства мусульманство высоко ценит и знание. Решая вопрос о сущности веры, мусульманские богословы ссылаются на слова пророка: «Вера есть знание в сердце». Веру в Аллаха связывали в исламе с признанием его истинным. Отсюда уважение к знанию. В определенном смысле ислам является синтезом греческой философии и христианской веры. Обучение рассматривается в мусульманстве как религиозный долг и путь в рай, а ученый человек превосходит благочестивых верующих, насколько полная луна превосходит звезды (*Розентал Ф. С. 96*). «Знание есть самое исключительное счастье и наивысшее совершенство и достоинство» (Там же. С. 240). Али говорит: «Знание лучше собственности, ведь знание защищает тебя, тогда как собственность должен защищать ты сам. Трата собственности, мы теряем ее, тогда как знание от траты процветает» (Там же. С. 250). «Человек, который не способен ценить историю и поэзию, который засыпает, слушая стихи или рассказы из истории, подобен ослу в обличье человека» (Там же. С. 251).

«Знание — высшее благородство, так же как любовь — сильнейшая из уз» (Там же). Пророк Мухаммад сравнил «ученых на земле со звездами в небесах». «Твое знание принадлежит твоей душе. Твое богатство принадлежит телу» (Там же). Отсюда рекомендация: «Сын, сиди у ног мудрецов, поближе к ним, ибо Бог дает сердцам жизнь через свет мудрости, подобно тому, как Он дает жизнь мертвой почве посредством небесного дождя» (Там же. С. 84).

Овладеть знанием, однако, не просто. «Знание есть нечто такое, что не дается тебе даже частично, пока ты не предашься ему

полностью, а когда ты целиком предашься ему, то обретишь лишь надежду, но не уверенность, что тебе достанется эта частица» (Там же. С. 85). Зависит это и от намерений человека. «Искать знания — хорошо, и распространять знание — хорошо, если делается с праведными намерениями» (Там же. С. 86).

Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит
(Фирдоуси. Шахнаме. С. 16).

«Знание бывает двух видов: знание в сердце и знание на языке; знание сердца есть знание полезное, тогда как знание языка есть довод Бога против слуг своих» (*Роузентал Ф.* С. 238).

Люди, лишившиеся определенных нравственных качеств, могут лишиться и знания. Знание — свет, который может исчезнуть от сутяжничества и преппирательства. Первый признак исчезновения знания — потеря смирения. «Человек знает до тех пор, пока ищет знания и продолжает учиться. Когда же он считает, что уже знает, он превращается в невежду» (Там же. С. 250).

Мухаммад выделял четыре порока знания: хвастовство своими знаниями; ощущение превосходства перед признанными учеными; использование знания в соревнованиях с дураками или с целью привлечения людей на свою сторону; попытки добиться посредством знания благосклонности со стороны людей, занимающих влиятельное положение. «Ученый не пользуется знанием ради денег... преисполненное достоинства спокойствие ученого вызывает у людей желание учиться» (Там же. С. 252). «Человек может заслужить любовь Бога, если он, будучи ученым, в то же время ведет себя так незаметно и скромно, как если бы был невежественным» (Там же. С. 256).

Вслед за верой, знанием, благочестием идет действие. Мусульманская этика зиждется на неразрывном единстве знания, веры и действия. Мало верить, чтобы попасть в рай. Нужны еще добрые деяния. Знаменитый принцип Али: человек ценится по тому, что он знает или умеет делать. «Как воину бессмысленно тратить всю жизнь на экипировку, так и ученому — на накопление зна-

ния» (Там же. С. 301). «Знание без действия — что лук без тетивы» (Там же. С. 261). «Знание есть начало действия, а действие есть конец знания; начало без конца бесплодно, а конец без начала абсурден» (Там же. С. 241—242).

Собственные деяния, например раздача милостыни, обеспечивают божественную защиту, если это усваивается окружающими. Распространение знания, так же как действие, рассматривается как долг ученого (подобно тому как долг каждого человека — учиться). В мусульманской литературе существует понятие *адаба* как воспитания, соединяющего в себе обучение основным представлениям всех наук плюс овладение кодексом поведения, основанным на соблюдении обычаев и благочестии. Прививаемые при таком образовании качества — застенчивость, стремление избегать дурного общества, способность к упорному труду, выносливость, бесстрашие, серьезность. Условия приобретения знания — проникательный ум, избыток времени, способности, упорный труд, опытный учитель, желание. Среди требований, которым должен удовлетворять учитель, — благочестие, чувство собственного достоинства и другие, а среди обязанностей ученика особо подчеркивается подчинение авторитетам и соблюдение дисциплины. Плод такого образования: *адиб* — всесторонне образованный человек, в отличие от *алима* — человека, овладевшего знанием в какой-либо одной области. Адиб мог заниматься государственными делами и создавать литературные произведения на любую заданную тему. Он был прообразом европейского творца эпохи Просвещения.

Как и в христианстве, в исламе в дополнение ориентации на общепринятые нормы поведения было мистическое направление на индивидуальное Я и бесконечное внутреннее самосовершенствование. Мусульманских мудрецов-мистиков называли суфиями (от араб. «суф» — шерстяной плащ), и есть много общего между ними и христианскими мистиками. Внутреннее самосовершенствование признается в исламе бесконечным. «Нет, мне до цели не дойти, и, видно, нет конца пути» (Коран. 17: 46).

Этика суфиев предусматривает соблюдение основных заповедей ислама, но в более сильной степени: больше молитв и па-

ломничеств (причем и в места, связанные с жизнью суфийских святых, что может рассматриваться как еретичество), пост вплоть до каждого второго дня. Что же касается налога в пользу бедных, то он отпадает, поскольку монахи-дервиши и суфии обрекают себя на добровольную нищету.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ислам — это попытка соединения веры и разума, что подтверждают частые ссылки мусульманских авторов на греческую философию. В мусульманской философии было два направления: аристотелизм как попытка рационального объяснения истин Откровения (Аль-Фараби (870—950), Авиценна (980—1037) и суфизм как мистическое истолкование Корана (Аль-Газали (1058—1111), Ибн-Араби (1165—1240)). Арабы первые осуществили синтез религии с философией Аристотеля, который затем продолжил Фома Аквинский. Таким образом, они внесли крупный вклад в мировую культуру и подготовили европейское Возрождение.

Суфизм возник как мистико-аскетическое течение в исламе в середине VIII в. на территории нынешнего Ирака и Сирии. Его относят к мистико-пантеистическим учениям, возникшим как протест против ортодоксального ислама. Цель — слиться с Богом путем внутреннего очищения и самосовершенствования. Каждый, по учению суфиев, содержит в себе божественную субстанцию. Существует несколько течений в суфизме — от поднимающих человека до уровня Бога до призывающих людей к непротавлению злу.

У суфиев было представление о «божественном свете», исходящем от Аллаха, который несет в себе часть души человека — «тайник сердца», обращенный к Богу. В суфийском учении есть и концепция предвечного договора, заключенного между Аллахом и людскими душами до их появления в материальном мире. Присягнув в верности Аллаху, души, обретя телесную оболочку, забыли о договоре. Цель суфия — вернуться к своему предвечному состоянию путем внутреннего самосовершенствования.

Суфизм широко представлен в исламе не только потому, что мистицизм свойствен любой религии, но и в силу специфических причин, к которым следует отнести запрет на видимое изображение Бога. Бог как бы уходил из поля зрения людей, затрудняя его рациональное истолкование, и мистика приобретала исключительные права. В суфийской литературе есть притча об изучении слона в темноте. Дотронувшись до хобота, один человек решил, что слон похож на шланг. Второй ощупал ухо и пришел к выводу, что слон похож на опахало. Третьему попалась нога, и он уподобил слона живой колонне. Четвертый, положив руку на спину, решил, что слон — это трон. Все по-своему правы, но никто не смог адекватно оценить Единое. Так стоит ли быть непримиримыми друг к другу, когда изучается столь сложный объект?

В суфизме имеется представление о «стоянках» на «мистическом пути». В отличие от мистических состояний, которые даруются Богом помимо воли человека, достижение «стоянки» требует постоянного самосовершенствования, самоконтроля и неукоснительного соблюдения соответствующих правил и ограничений. Только полное выполнение требований предшествующей «стоянки» гарантирует обретение последующей, причем добродетели, обретенные на низшей «стоянке», сохраняются на более высокой. Первой «стоянкой» является раскаяние. Вслед за раскаянием идут осмотрительность и благочестие. Это влечет воздержание и аскетизм. Затем идет бедность — «плащ благородства». Бедность предполагает терпение, а оно — упование на Аллаха. Упование некоторые суфии связывают с «гибелью души» (т.е. своего «Я»). За упованием идет удовлетворенность, под которой понимается отказ от собственной воли и спокойствие, даже ликование сердца при ощущении мистической близости к Богу, слияния к ним. «Стоянки» обретаются путем подвижничества, служения и благочестивых упражнений. «Состояние» же нисходит на сердца, но не длится долго. К «состояниям» относятся наблюдение, любовь, страх, надежда, успокоение и т.д.

У суфийской практики много общего с православным старчеством — беспрекословное подчинение учителю, правила внут-

ренного распорядка и т.п. Суфийские братства с их иерархической организацией и определенным уровнем дисциплины напоминают христианские монастыри. Но первые, в отличие от монашеских орденов на Западе, менее строго организованы и не имели централизованного управления.

Известный мусульманский мыслитель Ибн-Араби создал учение о «единстве бытия», включающее в себя суфийскую теософию, мусульманскую метафизику, неоплатонизм и другие компоненты. Оно основано на примате боговдохновенного интуитивного знания. Ибн-Араби считал, что душа, воплощаясь в объекты материального мира, подвергается искажениям «низкой природы» материального бытия от мутности материальных элементов. Здесь объяснение жертв, к которым вынуждается культура в мире, и подмен, которые происходят, когда соответствующая отрасль культуры достигает материального господства.

Философские вопросы решались и в произведениях искусства. Проблему закона ставит «Шахнаме»:

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?
(Фирдоуси. Низами. Руставели Ш. Навои А. М., 1996. С. 15).

ИСКУССТВО И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

Последовательность развития мусульманской культуры напоминает этот процесс в средневековой европейской: сначала создается религия, а затем эпос, в котором присутствует религия, до-религиозная мифология данного народа и, частично, подлинная история, которая еще не более важна, чем мифология и религия.

К наиболее прославленным поэтам мусульманского мира относятся А. Фирдоуси (ок. 940—1020/1030) — автор грандиозного эпоса «Шахнаме»; О. Хайям (ок. 1048 — после 1122), бывший еще математиком и философом; Низами (1141—1203) — автор знаменитой поэмы о любви «Лейли и Меджнун»; Саади (1203/1208—1292).

Мусульманский эпос — это прежде всего «Шахнаме» («Книга о царях»), написанная на рубеже X—XI вв. Исследователи

делят «Шахнаме» на три части: мифологическую, эпико-героическую и историческую, что соответствует трем ступеням в развитии искусства: мифологической, эпической и реалистической. Сюжеты «Шахнаме» не новы. Если в «Царе Эдипе» сын убивает отца, не зная, что это его отец, то в «Шахнаме» отец убивает сына, не зная, что это сын. В египетской сказке о двух братьях жена одного из них обвиняет в насилии другого брата, отвергнувшего ее домогательства. В «Шахнаме» сын отвергает домогательства жены отца, и за это она мстит ему. Поединок богатыря Сухраба с Гурдафарид напоминает сказание об амазонках и бой Зигфрида с Брунхильдой в «Песне о Нибелунгах». В «Шахнаме» включен мотив подвигов героя. Здесь их не 12, как у Геракла, а 7 в соответствии с иранской традицией. Как в любом эпосе видим противоречия и логические нестыковки. В одном повествовании шах Кей-Кавус выглядит заурядным человеком, в другом он богатырь.

Низами в самом начале поэмы «Лейли и Меджнун» утверждает необходимость свободы писательского творчества:

Изящество и легкость — вот узда,
Чтоб речь была отважна и тверда,
А от печали рабской и цепей
Она звучит трусливей и слабей.
И если нет на волю мне пути,
Откуда слово ценное найти! (Там же. С. 308).

Написать поэму предложил Низами шах, и он сомневается, что сможет выполнить работу по заказу.

А дальше о том, как относиться к словам:

Цени слова дороже всех жемчужин,
Чтоб голос твой услышан был и нужен (Там же. С. 311).

«Лейли и Меджнун» — одна из лучших поэм о любви в мировой культуре. Любовь Меджнуна и Лейли поднимается над чувственным желанием. Как писал позже А. Джами (1414–1492), «любви чистота, в коей жажды слияния нет». Это напоминает

суфийскую любовь к Богу, которая, в свою очередь, близка к платонической любви.

Наиболее известной из мусульманской персидско-таджикской поэзии (ее основоположник — живший в IX—XX вв. Рудаки) присущи такие малые формы, как газель — лирическое стихотворение, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строчки каждого четверостишия; касыда — аналог европейской оды; рубаи — рифмованное афористическое четверостишие. Наиболее известный автор рубаи О. Хайям — последовательный критик ислама. Результат этого — безутешность и безнадежность, проглядывающая сквозь чашу с вином.

В поэзии Хайяма преобладает скептицизм.

Приход наш и уход загадочны — их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

(Классическая восточная поэзия. М., 1991. С. 166).

Слышны у Хайяма и буддистские мотивы:

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней (Там же. С. 169).

К этому выводу приходит тот, кто считает:

Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда настанет срок (Там же).

Саади почти повторяет Конфуция:

Муж благородный радостей нигде
Не ищет, коль народ его в беде (Там же. С. 330).

А притчи Д. Руми (1207—1273) напоминают «Притчи Соломоновы». Дальше идет «Пленник шелковых кос» Хафиз (1325—1390).

Непритязательные, но глубокие стихотворные рассказы о мудрости писал Джами, последний из славной плеяды мусульманских поэтов, который был и суфийским шейхом. В рассказе о городе людей, чистых нравом, он создал утопический образ страны, в которой нет ни богатых, ни бедных, ни господ, ни рабов. О себе Джами написал, что он нанизывает «ожерельем жемчуг слова на нитку строк» (Там же. С. 577).

Прозаик Ибн аль-Мукаффа (723/724–759/760), в «Калиле» и «Димне» перенесший ирано-эллинстическую традицию обрамленного повествования на арабскую почву, провозгласил принцип «забавляя — поучай», ставший основным в арабской дидактической прозе (или, если сказать по-восточному цветисто, «облек он мудрость в одеяние смеха»).

Крупным памятником арабской культуры и по значению, и по объему является «1001 ночь». Древнейшую основу ее составляет арабский перевод VIII в. с персидского индо-иранских сказок, входивших в сборник «1000 сказок». Составленный в IX–X вв. арабский сборник «1000 ночей» содержал помимо индо-иранских арабские материалы. В XII–XIII вв. собрание обогатилось новыми текстами азиатского и египетского происхождения и получило окончательное название. По мере увеличения арабского ареала росло разнообразие сказок. Форма произведения — так называемая «обрамленная повесть», рассказ в рассказе, — восходит к древнеиндийской литературе. «1001 ночь» напоминает и европейский «Декамерон».

Широко известны сказания о Ходже (что значит духовный наставник) Насреддине — тюркском народном герое, происхождения которого широко распространены в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Историческим прототипом был турок-сельджук, живший в XIII в. Впервые рассказы о Насреддине записаны в XVI в.

Несколько неожиданна знаменитая «Книга попугая» Нахшаби, законченная в 1330 г., которая формой «обрамленного рассказа» напоминает «1001 ночь», но содержит много стихотворных включений. Книга написана характерным для Востока изысканным замысловатым слогом, да еще с необыкновенно тонким юмором.

Общее направление развития мусульманской литературы напоминает европейское средневековое: от героического эпоса «Шахнаме» через куртуазный эпос газелей Саади и Хафиза к сатире «Книги попугая», в чем-то аналогичной прозе Рабле, в свою очередь восходящей к Лукиану. Здесь та же линия, что в европейской культуре.

Мусульмане унаследовали от иудаизма запрет на изображение живых существ, и поэтому из изобразительных искусств особое развитие в исламе получила орнаменталистика преимущественно растительного характера. Одной из форм орнамента была каллиграфия. Знаки и слова имели символическое религиозное значение. Слово «Аллах» обозначалось четырьмя вертикальными линиями, которые символически изображали буквы, входящие в данное слово. Два пересеченных квадрата образовывали восьмилучевую звезду — самый распространенный элемент мусульманской орнаментики. Треугольник изображал око Бога, пятиугольник символизировал пять заповедей ислама и т.п.

В VI в. сложился тип арабской мечети, напоминающий крепость с глухими стенами и квадратным или прямоугольным двором. Рядом воздвигался минарет — башня, с которой специальный служитель — муэдзин — обращался к правоверным с призывом на молитву. Минарет мог быть квадратным или круглым. Замечательными примерами мусульманского зодчества являются мечеть «Купол скалы» в Иерусалиме, построенная на месте разрушенного римлянами храма царя Соломона в 687—691 гг.; мечеть Омейядов, посроенная в Дамаске в 705—715 гг., перестроенная из христианской базилики Иоанна Крестителя, воздвигнутой на месте римского храма Юпитера Дамасского, основанием которого послужило святилище арамейского бога Хадада; мавзолей Тадж-Махал в Индии; крепость Алькасаба в Испании и др.

То, что в Коране не славил «нищих духом», дало возможность исламу овладеть духовными богатствами других народов. В отличие от христианства, которое завоевывало себе место под солнцем, борясь с высокоразвитой языческой культурой Рима, ислам полемизировал с христианством и не отрицал значения

рациональных отраслей культуры. Через христиан арабы познакомились с греческой наукой. Центр научной деятельности перемещался на берега Тигра и Евфрата в Куфу и Басру. Все научные знания делились на науки о природе, науки о Боге и математические науки. К последним относились арифметика, геометрия, астрономия и музыка, т.е. те из «семи свободных искусств», которые в средневековой Европе составили квадриум. Математические науки вместе с логикой считались подготовительными для изучения естествознания и богословия. Кроме этих наук, которые относили к теоретической философии (четкого разделения науки и философии не было), выделяли практическую философию, в которую входили этика, экономика и политика. Из европейского тривиума риторика и диалектика входили в логику, а грамматика — в богословие. Кроме греческой на мусульманство оказала влияние индийская наука. Арабы использовали возникшие в Индии цифры, которые под именем арабских попали в Европу через Персию и Египет. Европейцы взяли и арабское название алгебры (алджебр).

В целом мусульманской культуре, благодаря глубокому освоению ею греческой культуры и прежде всего философии, удалось в 1-м и начале 2-го тысячелетия осуществить культурный синтез, до которого европейская культура дошла к концу XIII в. Потом европейская культура восприняла от арабов греческую философию (особенно весьма почитаемого ими Аристотеля), что стимулировало приход Возрождения. Взаимопроникновение средневековой европейской и арабской культур было весьма плодотворным.

Вопросы для повторения

- Каково происхождение ислама?
- Каковы его основные особенности?
- Как связан Коран с Библией?
- Как связан ислам с христианством?
- Какова этика ислама?
- Каково значение знания в исламе?

- Каковы основные направления мусульманской философии?
- Что такое суфизм?
- Какие виды искусства развивались в мусульманской культуре?
- Что такое «Шахнаме»? Каких мусульманских поэтов вы знаете?
- Что такое арабские цифры?
- Каковы научные знания мусульманской культуры?
- Каково значение мусульманской культуры в целом?

Литература

1. Коран. М., 1990.
2. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991.
3. *Роузентал Ф.* Торжество знания. М., 1978.
4. *Фирдоуси. Низами. Руставели Ш. Навои А.* М., 1996.
5. Классическая восточная поэзия. М., 1991
6. Родник жемчужин. М., 1982.
7. Тысяча и одна ночь. Разл. изд.
8. *Зийа ад-Дин Нахшаби.* Книга попугая. (Тути наме). М., 1982.
9. *Ибн али-Мукаффа.* Калила и Димна. М., 1986.
10. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
11. Хрестоматия по исламу. М., 1994.

Глава 16

Наука: создание универсальной культурной системы

Так дорог мне костер, что жжет меня
Так хороши силков мои плетенья,
Что эта мысль сильней, чем все стремленья!
Для сердца нет прелестнее огня,
изящных уз желанье рвать не смеет,
Так прочь же тень! И пусть мой пепел тлеет!
Д. Бруно

ЧТО ТАКОЕ НАУКА?

Наука в ее современном понимании возникла в эпоху Возрождения, хотя ее зачатки можно обнаружить в предшествующих цивилизациях, особенно древнегреческой. Подлинная наука началась с Коперника, когда от обыденной очевидности и здравого смысла она перешла к идеальному эксперименту и математическому расчету и затем продолжала исследовать мир, спускаясь на более глубокие уровни реальности. Как сказал древний философ, «колодец — символ науки, ибо природа ее не на поверхности, а в глубине и не лежит у всех на виду, а любит прятаться где-то в незримом месте» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 192).

Наука включает обыденное знание, магическую веру в существование неизменных объективных законов бытия, веру в целесообразность созданного Богом мира, философский рационализм. Наука противостоит мистике по методу, но не по содержанию. Она начинается с изучения простых систем и постепенно распространяется на более сложные, которые ранее исследовались мистикой. В предметной экспансии видится дальнейший прогресс науки. Продемонстрировать, как наука появляется из мистики и мифологии, можно на примере превращения алхимии в химию, астрологии в

астрономию. Миф обращает внимание на наиболее важные события в начале истории, а наука — на законы, лежащие в основании функционирования мира. Показать, как наука появляется из обыденного опыта, можно на примере превращения закона движения Аристотеля в классическую механику Ньютона. Задача науки — не только сформулировать понятия, но и связать их с эмпирической реальностью и сопоставить их с нею, что не обязательно для религии и философии. «Методологический номиналист никогда не считает, что вопросы «Что такое энергия?», «Что такое движение» или «Что такое атом?» являются важными для физики, но придает большое значение таким вопросам, как «При каких условиях атом излучает свет?», «Как можно использовать энергию Солнца?» или «Как движутся планеты?» (Ponner K. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 65).

Философы спорили о том, какое познание более важно: чувственное или рациональное. Наука соединила то и другое. Конечно, чтобы это стало возможным, потребовалось в философии отдельно и тщательно рассмотреть и сопоставить оба вида познания. Показать, как наука появляется из философии, можно на примере использования понятия атома Демокрита в физике Нового времени. Наука использует другую, чем философия, рациональность, опирающуюся на эмпирический опыт. Наука есть результат синтеза философской рациональности и эмпирического знания. Показать, как наука появляется из религии, можно на примере отношения к открываемым наукой законам как к божественному установлению. В научном познании нужны образы, как в искусстве, но наука не останавливается на них, а стремится к формулированию теории.

В целом можно определить науку как отрасль культуры, имеющую дело с теоретическим познанием мира, допускающим эмпирическую проверку или математическое доказательство.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ

По поводу отмены Людовиком XIV Нантского эдикта и гонения на протестантов Сен-Симон в «Мемуарах» справедливо за-

мечает: «...люди, исповедующие истинную веру, поступают с заблуждающимися и еретиками точно так же, как языческие тираны и еретики поступали с глашатаями истины — проповедниками и святыми мучениками... без счета людей самого разного состояния и обоего пола вынесли те же муки, которые претерпели христиане при правлении императоров-ариан и особенно при Юлиане Отступнике, чью политику тогда, казалось, переняли и чьи жестокости повторяли; и если в тот раз старались не проливать кровь, то, уверенно скажу, лишь потому, что многие жертвы и без этого заплатили жизнью» (*Сен-Симон*. Мемуары. Кн. 2. М., 1991. С. 285). Но ныне, как пишет З. Фрейд, «религиозные предписания ...уже не кажутся заслуживающими прежнего доверия. Согласимся, что причина этой перемены — упрочение духа научности в верхних слоях человеческого общества (есть, возможно, и другие причины). Критика подточила доказательную силу религиозных документов, естествознание выявило содержащиеся в них заблуждения, сравнительные исследования обратили внимание на фатальную аналогичность принятых у нас религиозных представлений и духовной продукции примитивных народов и эпох» (*Сумерки богов...* С. 126).

Христос искупил грехи живших до него людей. Можно ли это распространить на живших после? Церкви самой пришлось отвечать за индульгенции и инквизицию кризисом религии. «Я не нуждаюсь в этой гипотезе», — ответил ученый Наполеону на вопрос, почему в его системе мироздания нет Бога, и действительно, наука начала свободное плавание в океане явлений.

Социальные условия зарождения экспериментальной науки аналогичны древнегреческим в период зарождения философии — маленькие города и относительная независимость их жителей. Становление науки в эпоху Возрождения не могло не заставить ее вступить в смертельную схватку с не желающей уступить свое господство религией. Противоборство сначала велось исподволь, а затем, после создания Коперником гелиоцентрической системы мира, выплеснулось наружу и дошло до костра инквизиции, на котором был сожжен Джордано Бруно.

И. Пригожин писал, что в Новое время «интеллекту ученого, в сущности, передавались функции только что вытесненного Бога» (Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. М., 1988. С. 315). При Копернике наука еще не смела вступать в борьбу с религией. Это случилось при Д. Бруно, и его казнь помогла Галилею отстаивать свои взгляды, хотя он и вынужден был от них отречься. Почему пострадал именно Д. Бруно? Потому что он вышел за рамки собственно науки в ее стремлении к господству. «Ни сам Коперник, ни его последователи Кеплер и Галилей не сделали философских обобщений из развитой и обоснованной ими гелиоцентрической системы мира. Честь философского осмысления новых открытий выпала на долю Джордано Бруно» (*Бруно Д. О героическом энтузиасте*. Киев, 1996. С. 9). Наука, как любая отрасль культуры, тогда становится главенствующей, когда отвечает на вопросы о смысле жизни. Этим, по существу, и занимался Д. Бруно, и потому был опасен для церкви больше, чем Коперник, который не выходил из рамок науки.

Коперник и Галилей, раздвигая рамки науки, неизбежно сталкивались с областью религии, хотя не хотели этого. Должен был объявиться человек, рвущийся в бой. Чтобы во имя научных истин пойти на казнь, нужно верить, что наука сделает человека счастливым, что с ее помощью можно создать Новую Атлантиду, которая будет процветать благодаря применению научных достижений. Необходима особая атмосфера веры в науку, под стать той, что была в I веке новой эры, когда создавалось христианство. Эта атмосфера привела сначала к жертве Бруно, а потом к торжеству науки.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭНТУЗИАСТ

«Именно в этот трудный для Европы период истории появилась личность, имеющая мужество не только самому возвыситься над социальными, религиозными стереотипами, но и стать светочем для других, способная зажигать сердца своим неистовым энтузиазмом. Вне всяких сомнений такой личностью был Джордано Бруно» (*Бруно Д. О героическом энтузиасте*. Киев,

1996. С. 10). Как новоевропейский человек Д. Бруно готов обожествить само действие и в этом по-своему прав. Кумир Бруно — свободное научное познание, благодаря которому человек поднимается к Богу и становится Богом. Бруно поставил ученого на место Бога. «Он становится Богом от умственного прикосновения к этому божественному объекту, и, во-вторых, его мысль занята только божественными вещами, и он выказывает нечувствительность и бесстрашие в делах, которые обычно более всего воспринимаются чувствами и более всего волнуют людей; потому что он ничего не боится и из любви к божественному презирает другие удовольствия и совсем не думает о жизни» (Там же. С. 72—73). Бруно основывает желание стать Богом на Христовых словах о том, что Царство Божие внутри вас. Это можно сопоставить с прислушиванием Сократа к внутреннему голосу и следование ему во всем. Так наука возникает из религии и противопоставляет себя ей. У Бруно, как у Христа, большое значение имеет притча, и он тратит много сил на разъяснение содержания своих стихотворений-аллегорий. Бруно говорит о человеке героическом, Homo heroicus, о том, каким он должен быть, как должен бороться прежде всего с самим собой. Противоречие внутри энтузиаста в том, что страсть к жизни как таковой ведет в то же время к смерти, так как человек неизбежно умирает, а страсть к добровольной жертве и смерти ведет к божественной вечной жизни. Тут диалектика, сходная с проповедуемой Лао-цзы: «Пренебрегающий жизнью, сохраняет жизнь. Заботящийся о жизни, теряет ее».

Блестящий диалектик Бруно анализировал соотношение любви и ревности, жизни и смерти и т.п. Для мудреца, по Бруно, наслаждение не есть наслаждение, поскольку в настоящем он видит его конец; а мучение не есть мучение, так как силой умозрения он видит его окончание уже в настоящем. Говоря о социальной причине «слепоты» человечества Бруно пишет, что слепым можно стать вследствие обильно пролитых слез, когда глаза настолько потускнели, что человек не может направлять взгляд, чтобы сравнивать видимое и особенно, чтобы снова видеть тот

светоч, который видел некогда раньше. И если человек много плакал, то у него исчезает зрительная органическая влага, и он не может вести настоящей умственной жизни, что ослабляет его. Интересен совет, с кем общаться. «Пусть общается Энтузиаст с теми, которых он может сделать лучшими или от которых может сам стать лучше благодаря сиянию, которое он может дать им или которое может получить от них. Пусть довольствуется лучше одним способным, чем массой негодных» (Там же. С. 162).

В своих стихах и прозе Бруно все время возвращается к казни и огню. «Чем яростнее жжет меня пожар, тем казнь свою люблю все боле рьяно... любимое превращается любовью в любящего так же, как огонь, наиболее действенный из всех элементов, способен превращать все остальные простые и составные элементы в себя самого» (Там же. С. 53, 51–52). Энтузиаст говорит, что «ему, как и Фениксу, от получаемого света и огня остается темный и теплый дым похвал за жертвоприношение своею расплавленной субстанцией» (Там же. С. 160). Но Бруно и противопоставляет Феникса Энтузиасту: «Феникс, созерцающая Солнце, меняет смерть на жизнь; Энтузиаст же. Созерцающая любовь, меняет жизнь на смерть» (Там же. С. 122).

А вот что говорит герой Бруно о соотношении истины и жертвы: «Об умственной пище надо сказать, что ею может быть лишь то, чего ум сильно желает, ищет, принимает и вкушает охотнее, чем что-либо иное, в силу чего он наполняется, удовлетворяется, получает пользу и становится лучше, — а это и есть истина, о которой в любое время, во всяком возрасте и во всяком состоянии, в каком находится человек, он всегда мечтает и при помощи которой презирает всякую усталость, выполняет всякое усилие, не обращает внимание на тело и ненавидит эту жизнь» (Там же. С. 193). Переход к научному пониманию истины взамен христианскому виден у Бруно в следующем выводе: «Так как истина есть дело бестелесное, и так как никакой истины, ни физической, ни метафизической, ни математической, нет в теле, то отсюда вы видите, что вечная человеческая субстанция не находится в индивидах, которые рождаются и умирают» (Там же). Как это по-возрожденчески далеко от «Я есмь истина!»

Героический энтузиазм, героическая любовь Бруно связаны с жертвой осознанной, хотя и противоречивой, на которую способны только люди.

Когда летит на пламя мотылек,
Он о своем конце не помышляет;
Когда олень от жажды изнемог,
Спеша к ручью, он о стреле не знает.
Когда сквозь лес бредет единорог,
Петли аркана он не примечает;
Я ж в лес, к ручью, в огонь себя стремлю,
Хоть вижу пламя, стрелы и петлю.
Но если мне желанны язвы мук,
Тогда зачем огонь так едок ранам?
Зачем порывы стянуты арканом?
Зачем меня так остро жалит лук?
Зачем везде мне в сердце, в душу, в разум
Костры, арканы, стрелы метят разом? (Там же. С. 74).

Можно ответить, что потому и метят, что желанны. Противоречие здесь между желанием души и реакцией тела, но не между желанием души и действительным событием. Противоречие между душой и телом известно давно и оно в данном случае приводит к противоречию между развитием культуры и социальной жизнью.

Рассуждая о переносимости жертвы, Бруно говорит: «Эта нечувствительность имеет причиной то, что все охвачено заботой о добродетели, об истинном благе и о счастье. Таким образом, Регул не чувствовал лука, Лукреция — кинжала, Сократ — яда, Анаксарг — каменного резервуара, Сцевола — огня, Коклес — пропасти, а прочие — иных вещей, которые чрезвычайно мучили людей обыкновенных и низких» (Там же. С. 131). На возражение, что не все могут достигнуть того, на что способны избранные, герой Бруно отвечал: «Достаточно, чтобы стремились все; достаточно, чтобы всякий делал это в меру своих возможностей, потому что героический дух довольствуется скорее достойным падением или честной неудачей в том высоком предприятии, в котором выражается благородство его духа, чем успехом и совершен-

ством в делах менее благородных и низких» (Там же. С. 82—83). Слова «нет сомнения, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» (Там же. С. 83) напоминают тезис Сократа.

Люди героического духа могут, по Бруно, «использовать плен как плод большей свободы, а поражение превратить иной раз в высокую победу» (Там же. С. 154). Победить в борьбе значит победить страх — утверждает Бруно. И это потом будут неоднократно подтверждать все великие философы Нового времени («раб тот, для кого жизнь дороже всего» и т.п.).

СОЖЖЕНИЕ ДЖОРДАНО БРУНО

Неудовольствие инквизиции Бруно мог вызвать утверждением о возможности для героического энтузиаста возвыситься до Бога, «поднимаясь при помощи восприятия вида божественной красоты и доброты на крыльях ума и сознательной воли» (Там же. С. 86). Не только познать природу и божественное стремился Бруно, но и надеялся с помощью этого стать Богом. Желание, достойное сожжения. В то же время познание, по Бруно, «никогда не будет совершенным в той степени, чтобы высочайший объект мог быть познан, но лишь постольку, поскольку наш интеллект способен к познанию» (Там же. С. 82). Представление об ограниченности и бесконечности познания тоже, видимо, не очень нравилось представителям церкви.

Постановку ученого-энтузиаста на место Бога инквизиция не могла простить Бруно, и она (вряд ли сознательно) решила проверить, действительно ли энтузиаст совсем не думает о жизни. Она провела расследование, завершившееся вполне в научном духе эмпирическим экспериментом сожжения и убедилась, что это так. Убедились все.

Коварство инквизиции в том что она стремилась не только уничтожить, но предварительно сломить человека. Бруно провел в тюрьме 8 лет и после стольких лет заточения сказал при вынесении приговора: «Вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его» (Там же. С. 25). Сожжение Бруно

было следствием борьбы за господство в культуре между господствующей религией и становящейся наукой. В Риме, где когда-то мучили и убивали христиан, сами христиане через 1,5 тыс. лет сожгли Джордано Бруно. Три великих культурных города: Афины, Иерусалим, Рим — были свидетелями трех самых ужасных казней — разных и сходных в одно и то же время. Все трое — Сократ, Христос, Бруно — хотели умереть и шли навстречу смерти. Если для Сократа главным был разум, для Христа — вера, то для Бруно — воля. Трое казненных выражали три главных составляющих части человека.

Много раз Бруно как бы напрашивался на смерть. После этого остаться в живых было бы странно. Бруно рассказал в поэме «О безмерном и неисчислимых», что с детства Везувий, близ которого он родился, представлялся ему другом и братом. День сожжения Бруно 17 февраля 1600 года совпал с сильным землетрясением при извержении Везувия, так что колебания почвы докатились до Рима. Такова связь между природными и культурными процессами.

А что можно сказать о тюремщиках и палачах Бруно? Прежде всего, что они заурядные люди, тогда как Бруно привлекает именно своим творческим настроем. Второе — что им дороже всего власть, которую они отождествляют со спокойствием народа. У них много общего с теми, кто осудил Сократа и Христа.

Бруно сравнивали с Прометеем — огонь его духа осветил на несколько столетий средневековую Европу. В эпоху индульгенций, когда за деньги можно было искупить грехи, Бруно «купил» истину ценой жизни, которую у него отняло мрачное порождение церкви — инквизиция. Власти денег и меча Бруно противопоставил все, что имел, — свою жизнь.

Среди качеств, присущих Бруно, выделяют сверхчеловеческую волю, энергию любви, устремление к божественному совершенству, понимание природы, людей, ясное, четкое образное мышление, способность к концентрации. Это сделало его светочем, от факела которого можно было воспламениться. Душевный огонь внутри привел к внешнему огню инквизиции и соеди-

нился с ним в пламя, ответ которого дошел до наших дней. Подвиг Бруно осветил мир.

Огонь олицетворяет действие, к которому всегда стремился Бруно. Он пылал, как Везувий, жадной истины. Это духовный Везувий, который взорвался. Бруно называли кометой, осветившей тьму средневековья, которая, сторая в плотной атмосфере невежества, все же упала на землю и оставила неизгладимый след — кратер в сознании людей. Духовная энергия идей Бруно, его жертвы жива. Образно можно сказать, что наука произошла из костра, на котором сгорел Бруно. Он не создал гелиоцентрической системы, как Коперник, не сформулировал законы падения, как Галилей. Но его костер очистил атмосферу и сделал ее такой, что наука заняла господствующее положение и дала возможность спокойно и независимо работать миллионам ученых. Наука не признает незыблемых авторитетов и все подвергает критике. Но за такую возможность пришлось заплатить жизнью.

Имя Бруно сохранилось в записях Галилея, Кеплера, Декарта. Уничтожив его, религия в конечном счете проиграла. Бруно знал, на что шел и чего добивался. «И только лишь потому, что я со своим божественным идеалом истины подвергаюсь гонениям и издевательствам, я буду вознагражден судьбой и мое возвышение будет тем более стремительным, чем сильнее были прежние унижения» (Там же. С. 20).

ТОРЖЕСТВО НАУКИ

В 1600 г. Бруно сожгли, а в XVII в. наука восторжествовала. Ученый действительно занимает место Бога, познавая природу и управляя ее законами, перестраивает ее в соответствии со своими целями, с помощью техники становится демиургом. Бэконовская «Новая Атлантида» — это научная утопия, достойная Бруно и под стать будущим идеологическим утопиям. Мощь науки требовала себе пространства, и науки получили полное развитие там, где оно было. Все западные цивилизации — океанические, в конце концов связавшие мир в единое целое и создавшие единое человечество и универсальную культурную систему —

науку. Как мифология объединила людей в великие речные цивилизации, как философия объединила их в морские цивилизации, так наука послужила основой для создания океанических цивилизаций и благодаря своему универсальному языку спланивала людей везде, куда проникала.

Все европейские цивилизации сообща стали работать на науку, и в этом разгадка их прогресса. Ф. Бэкон в Англии, Декарт во Франции, Галилей в Италии, Лейбниц в Германии. Несмотря на различия культур, во всех них оказалось общее качество, обеспечившее развитие науки, — рационализм, не чуждающийся опыта. Спорили о том, что преобладает в новоевропейской культуре, — рационализм или чувственность. П. Сорокин называл западную культуру чувственной, точнее, наверное, назвать западную культуру рационально-чувственной, а это было именно то, что необходимо для развития науки, — определенное сочетание разума и чувств. Наука получила развитие на основе особого западного менталитета. В философии Нового времени боролись английский эмпиризм и континентальный рационализм, но в науке они удачно дополнили друг друга.

Представитель эмпиризма Ф. Бэкон так писал в «Новом органоне» о роли понятий в развитии науки: «То, что до сих пор открыто науками, почти целиком относится к области обычных понятий. Для того чтобы проникнуть в глубь и в даль природы, необходимо более верным и осторожным путем отвлекать от вещей как понятия, так и аксиомы и вообще необходима лучшая и более надежная работа разума» (Антология культурологической мысли... С. 40—41). Он же обосновал необходимость эксперимента. «Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих целесообразно поставленных опытах» (Там же. С. 41). И еще сильнее: «Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте» (Там же. С. 42). Итак, в «Новом органоне» Ф. Бэкон обосновал методологию науки. Он говорил о важности «рассечения мира и прилежнейшего его анатомирования», т.е. о роли анализа в научном познании.

Почему возможны были в то время культурные титаны, занимавшиеся одновременно наукой и искусством? Потому, что наука только создавалась и еще не отпочковалась от других отраслей. А затем наступил ее полный триумф. Высокая степень динамичности науки связана, во-первых, с ее критическим настроением по отношению даже к собственным успехам (этим наука отличается от консерватизма и догматизма религии), а во-вторых, с ее кумулятивно-преемственным принципом развития (кумулятивным на эмпирическом уровне и преемственным на теоретическом), в соответствии с которым последующее знание строится на основе предыдущего (в отличие от искусства, которое, как утверждается, всегда начинается с самого начала). Первая научная цивилизация была создана на Западе и продолжала христианскую цивилизацию. Создав гипотезу рождения материи, наука перешла к решению фундаментальных вопросов бытия, но это случилось гораздо позднее.

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

В процессе духовной эволюции человечество не получило обещанного счастья, но получило информацию, за что тоже должна быть благодарна культуре. Какова она в наиболее проверенной научной форме? Другими словами, какова современная научная картина мира? Как произошел мир и все существующее? На эти вопросы пытались ответить мистика, мифология, философия, религия, и они же являются предметом современной научной мысли.

По современным научным представлениям до рождения Вселенной не было ничего из того, что мы видим и знаем, т.е. физической материи в двух ее видах — вещества и поля. Что-то было, но что именно, мы не знаем. И вот в том, о чем мы ничего не знаем, произошли примерно 15 млрд лет тому назад большие изменения. Произошел взрыв. Не такой взрыв, который знаком нам на Земле и который начинается из определенного центра и затем распространяется, захватывая все больше и больше пространства, а взрыв, который произошел одновременно везде, запол-

нив с самого начала все пространство, причем каждая частица материи устремилась прочь от любой другой частицы. С этого Большого Взрыва началось расширение Вселенной, которое является условием нашего существования. Мы соединяемся и взаимодействуем со все большим по размерам Универсумом. На расширение Вселенной человек отвечает расширением сознания, поскольку сознание тоже эволюционный механизм.

Большое значение для нового понимания мира имела синергетика — наука второй половины XX в. Пожалуй, высшее, чего могла достичь наука — это осмысление происхождения мира, и она пришла к этому в конце XX в. в моделях синергетики. И что же? Мы находим соответствия между «игрушечной моделью происхождения материи» И. Пригожина и представлениями «Вед». Современная термодинамика открытых систем утверждает, что повышение энтропии не только ведет к безостановочному соскальзыванию системы к состоянию, лишенному какой бы то ни было организации, как думали в XIX в. сторонники концепции «тепловой смерти Вселенной», а при определенных условиях становится прародительницей порядка. Вывод о том, что повышение организованности социальной системы не может быть достигнуто без уменьшения организованности окружающей среды, хорошо соответствует широко распространенному мифу о том, что сотворение невозможно без жертвы. Косвенно современная наука пришла к пониманию роли жертвы, назвав ее «всплеском энтропии» как необходимым условием зарождения материи. «Всплеск энтропии» — научный вариант мифа о перво-человеке и его добровольной жертве. От модели образования Вселенной в результате «всплеска энтропии» возможен переход к утверждению, что культурный «всплеск энтропии» способен создавать новые социальные структуры, и в этом случае механизм жертвы приобретает универсальный характер. Жертва делает систему неустойчивой («мертвый он опаснее, чем живой», как сказал первосвященник о Христе), а неустойчивость, как утверждает синергетика, порождает новые структуры. Наука XX в. внесла свой вклад в понимание жертвы, сформулировав поня-

тие «всплеск энтропии». В культурном смысле логично, что жертва является источником развития мира. Людей, готовых умереть за свои идеи, можно назвать культурными пассионариями (используя понятие пассионарности как основы становления этноса). К таковым относится и героический энтузиаст Бруно.

Духовные силы человека толкают его на жертву, а духовная энергия, освобождающаяся в жертвовании, является источником становления культуры. Жертва дает необычный заряд энергии, который высвобождается с ее смертью и способен обеспечить победу идее, но постепенно ослабевает по мере осуществления насилия, соблазн которого растет после прихода данной идеи к власти. Сократ, Христос и Бруно своей добровольной смертью создали духовную энергию, необходимую для развития и господства новых духовных структур — философии, религии, науки, которые, таким образом, можно считать, говоря научным языком, диссипативными структурами. Погибающее зерно дает новый колос. Нужно создать себя, а затем пожертвовать собой, чтобы мир перешел в новое состояние. Жертва представляет величайший культурный акт, который соединяет культуру и жизнь. Культура перетекает в мир через жертву и остается в нем до тех пор, пока сохраняется жертвенная энергия. Но когда она уходит, люди остаются в грехе своего существования.

Наука заменила обычные слова универсальной терминологией. Утверждая вслед за мифологией, что у истоков возникновения мира был «всплеск энтропии», наука подтверждает на своем особом языке идею происхождения мира через жертву. Наука в XX в. взялась обсуждать проблемы происхождения души, духа и, наконец, предсказывать будущее. И.П. Павлов хотел объяснить физиологией психику, духовную жизнь. Это путь к осознанию духовной культурой самой себя. Он основывался на программе И.М. Сеченова, который в книге «Рефлексы головного мозга» заявил, что «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы». Результаты русской школы рефлексологии скорее отрицательны, хотя открыто и изучено многое, включая условные рефлексы.

Дальнейшее развитие психологии привело к выделению З. Фрейдом в качестве одного из двух важнейших стимулов человеческого поведения воли к смерти и разрушению. Изучение животных не подтверждало этих заключений. Основатель этологии К. Лоренц сделал вывод, что у животных не существует воли к смерти, поскольку она антиэволюционна. При этом эволюция понималась с точки зрения Дарвина. Дарвин создавал теорию эволюции на основе изучения животного мира, и она не может быть полностью распространена на человека. По Дарвину, побеждает сильнейший, и это может быть приложимо к человеческому обществу, но не к культуре. С точки зрения теории эволюции Дарвина развитие культуры необъяснимо, но оно вполне согласуется с наличием у человека антиэволюционной для животных воли к смерти. По-видимому, это специфически человеческая черта, и она выражается в духовном стремлении к вечности через самопожертвование — то, что отсутствует у животных, которые не осознают собственной смертности и поэтому не стремятся к вечности. А страсть к разрушению — это уже сублимация влечения к смерти.

Получает удовлетворительное разрешение и спор относительно значения взаимопомощи в природе, который особенно обострился после выхода книги П.А. Кропоткина «Взаимная помощь в природе», в котором известный анархист пытался опровергнуть взгляды Дарвина на значение борьбы за существование в эволюции видов. Кропоткин привел много фактов взаимопомощи в природе, но уязвимость его позиции заключалась в том что он не предложил механизма альтруистического поведения. Впоследствии данный спор шел в направлении поиска «генов альтруизма». Социобиология попыталась генетически объяснить альтруизм с помощью понятия родственного и группового отбора. Социобиология применима при изучении животных, поскольку у них имеют место различные формы социального поведения, однако возможности этой науки в изучении эволюции человека ограничены, потому что она рассматривает именно генетическую детерминацию социальных явлений, не затрагивая

проблем эволюции культуры. Тут нужна культуробиология, которой придется встретиться с очень сложными проблемами вывода культуры из биологии. Человек не биосоциальное, а культуробиологическое существо. С этих позиций объяснение альтруизма лежит не столько в плоскости генетических детерминант (хотя это имеет место), сколько в области социального наследования альтруизма с точки зрения роли жертвы в эволюции культуры. В культурных людях преобладает невыводимая из биологической культурная составляющая, и их поведение скорее культурно, чем генетически детерминировано.

Большое значение имела разработка синергетикой универсальной схемы развития. Позиции господствовавшего в XIX в. историзма были подорваны в результате неосуществления прогнозов, основанных на детерминистских предпосылках. Наука XX в. отошла от жесткого детерминизма, что, как оказалось, совсем не обязательно ведет к отказу от принципа эволюции. Разработанная синергетикой схема учитывает «стрелу времени» и в то же время отказывается от однозначного детерминизма за счет выделения в развитии зон неустойчивости, в которых действует «объективная неопределенность». Создание нового — всегда ведет к неустойчивости: «...каждый выдающийся творческий акт сопряжен с нарушением равновесия» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 290*). Если применить данную схему к эволюции культуры, то оказывается, что зоны устойчивости соответствуют периодам господства определенной отрасли. В этих зонах действует «культурная волна» (*А. Тойнби*). Добровольная жертва во имя культуры создает непредсказуемую неустойчивую ситуацию, и в зоне неустойчивости исчезает линейная детерминация последовательности событий, чтобы создавалась новая реальность, развивающаяся по своим законам. Зоны неустойчивости соответствуют обострению борьбы за власть, когда победитель еще неизвестен. Жертва, определяющая будущего победителя, соответствует точке бифуркации универсальной синергетической схемы развития.

НТР И КРИЗИС НАУКИ

В процессе развития наука приходила во все большую связь с техникой, чему способствовала их схожая рациональная структура. Техника (от греч. *techné* — искусство, мастерство, умение) — совокупность средств, создаваемых для производства и обслуживания непроеизводительных потребностей общества. Промышленная революция конца XVIII — начала XIX в. создала индустриальное энергетическое общество, поскольку применение парового двигателя выдвинуло в качестве важнейшего ресурса общества энергию. НТР в XX в. создала постиндустриальное информационное общество, выдвинув информацию в качестве главного ресурса человечества. И промышленная, и научно-техническая революция — цивилизационные изменения на культурной основе. Современное господство техники — результат того, что люди поклонились «делу рук своих, тому, что сделали персты их» (Исайя. 2: 8).

Э. Кассирер считал науку «последней ступенью в умственном развитии человека, высшим и наиболее специфичным достижением человеческой культуры» (*Кассирер Э. Избранное. М., 1998. С. 685*). Значение науки в том, что она сохраняет усилия многих людей. Ученый, устанавливающий закон природы, дает возможность миллионам следовать ему, не обдумывая своих действий. Наука создает гораздо больше прибавочной стоимости, чем рабочий. Наука обладает еще более жесткой внутренней ненасильственной властью над человеком, чем религия. Человек может сомневаться в религиозных истинах, и это считается нормальным, но отрицание данных науки заставляет относиться к нему с подозрением. Господство науки привело к созданию течения, верящего, что все проблемы человечества могут быть решены именно наукой, — сциентизма. Сциентизм стремится перенести в сферу гуманитарных наук то, что считается методом естествознания (например, К. Поппер распространил методологию фальсификационизма на социальную сферу, создав концепцию «открытого общества»). Противоположная позиция, обвиняющая науку в бедах человечества, получила название антисциентизма. Его историчес-

кая правота в том, что, как часто бывает на вершине могущества, науку ждал кризис, который она не смогла преодолеть. Он имел внутренние и внешние причины. Внутренние заключались в следующем: 1) отказ от наглядности в науке, который стал неизбежен после создания теории относительности и квантовой механики, отдалил людей от ставшей им непонятной сферы; 2) применение научных методов к исследованию психики продемонстрировало их принципиальную ограниченность. Обосновав возможность научного знания, Кант остановил его притязания на абсолютную истину. Если учение Коперника было началом науки, то «коперниканская революция» Канта была началом конца ее господства. С афоризмом Канта «я ограничил разум, чтобы дать место вере» можно согласиться, имея в виду, что вера, которой он дал место, — не религиозная, а идеологическая. Это начало идеологической и одновременно массовой культуры. Внешние причины заключались в том, что наука создала средства разрушения природы и уничтожения человека в ядерной войне и экологической катастрофе.

Рассмотрим более подробно связь науки с другими сторонами современной жизни.

1. Наука ищет истину, но может войти в противоречие с моралью, и тогда предпочтение отдается научной истине, которая может быть далека от правды как единства истины и справедливости. «И науки новостью в старый ад нисходит» (А.Д. Кантемир).
2. В свой революционный период наука демократична, но в «нормальный», в смысле Т. Куна, (и более длительный) может явиться базисом политического тоталитаризма, особенно если ее творческий дух испаряется (феномен Лысенко). Науку, как и современную наукоемкую технику, не могут создавать рабы, не способные к самостоятельным усилиям сознания. Но «нормальную» науку рабы создавать могут, а такая наука отнимает основное время ученых. Потому-то наука может развиваться в тоталитарном обществе.
3. Наука — средство покорения природы и, стало быть, в конечном счете (через глобальный экологический кризис) и чело-

века. Наука восторжествовала, но корень зла заключается в том, что она переняла в своем стремлении к власти над природой методы, которые применяла религия для обеспечения власти над человеком. Экспериментальное исследование природы Бэкон назвал тем же словом «инквизиция», что означает «расследование», «пытка» (сравните русское «естествоиспытатель»). Тем самым наука создала предпосылки своего торжества и последующей гибели. Жертвой науки оказалась природа. Как писал Гегель, «познать — значит разрушить». Как только наука перестала быть жертвой, а стала приносить в жертву себе другое (исследуемый мир), началась ее подмена. Борьба с природой, которой способствовала наука, привела к экологическому кризису. Еще раз подтвердилась истина, что насилие ведет к поражению, а жертва — к победе.

4. Научно-технический прогресс не есть непременно прогресс общества, а может вести и к его регрессу, облегчая жизнь, но увеличивая зависимость человека от техники и социума и грозя контролем за его поведением. Наука достигла многого в материальном отношении, но она же привела и к таким опасностям, которых раньше быть не могло и которые начинают осуществляться (Чернобыль). Наука давала больше богатым, приведя к дальнейшему расслоению людей, что не могло не способствовать возникновению идеологий, выражающих интересы определенных общественных классов.

Сейчас повторяют вслед за Ясперсом, что наука — частное познание. Но когда она духовно господствовала, она претендовала на абсолютную истину, которая должна была сложиться из относительных. Так было с любой главенствующей отраслью культуры. Как только она отказывалась от претензий, она сходила с духовного пьедестала. Время господства, данное отрасли культуры, — от жертвы до отказа от претензий на абсолютную истину. Действительно, кто будет жертвовать собой за относительную истину. Бруно стремился к абсолютному знанию, от чего последующие ученые отказались.

Рост могущества науки сопровождался подменой ее целей, которыми уже не были абсолютное познание и превращение в

божество. А направления, в которых такие цели ставились, уходили на периферию и третировались самой наукой. Задачи мельчали, а практические результаты росли вплоть до подчинения науки идеологии. О подмене в науке Шпенглер писал так: «И если сегодня ученый перестал быть чужд миру и наука, зачастую с весьма значительным пониманием, встает на службу технике и зарабатыванию денег, так это знак того, что чистый тип находится на спаде, значит, великая эпоха восторгов по поводу рассудка, живым выражением которого он являлся, принадлежит прошлому» (*Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 363*).

Трагедия науки в том, что она слишком тесно связала себя с миром материальной жизни человека. Это сделало ее положения более адекватными обыденной действительности, но привязало ее к миру и в конце концов отдало во власть идеологии, которая жестоко расправилась с ней. Столкновение науки с идеологией — это столкновение Вавилова с НКВД, Оппенгеймера с ФБР. В XX в. в этой борьбе побеждает идеология. Две идеологические цивилизации — СССР и США — делают науку своей служанкой. Можно сказать, что по заданию идеологии наука привела человечество к экокризису, хотя она могла развиваться иным, более щадящим природу путем. Истоки ее недостатков, коренящиеся в ней самой, — чрезмерный аналитизм, экспериментальная инквизиция — многократно усилены идеологией. Особенно жестко воздействовала на науку коммунистическая идеология, вплоть до запрещения генетики и кибернетики.

То, что наука уступила лидирующее место идеологии, можно аргументировать многими фактами. Современная наука по большей части работает на войну, т.е. на идеологию, которая заказывает науке разработку новейших видов оружия. Сегодня в мире, по данным ООН, в военной сфере заняты более 25% от общего числа научных работников и на нее приходится 40% всех расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Очевидно, что это положение определяется не внутренними потребностями науки, а давлением на нее стоящей у власти идеологии.

Из-за этого наука прогрессирует и одновременно разлагается. В момент наибольшей видимой мощи науки, когда появилась НТР, стало ясно поражение науки, поскольку даже само возникновение термина НТР связано с созданием атомной бомбы, изобретенной по заданию идеологии. Главный цивилизационный результат науки — выход в космос — побочный продукт санкционированной идеологией работы науки над созданием ракетного оружия.

В период наивысшего господства науки Конт предположил, что «позитивные воззрения... в настоящее время одни только в состоянии самопроизвольно установить от одного конца мира до другого, на столь же прочных, как и широких основаниях, действительную интеллектуальную общность, которая может служить прочным фундаментом необъятнейшей политической организации» (Философия истории. М., 1995. С. 126). Но фундаментом политических организаций стала совсем иная отрасль, более приспособленная к этому, чем универсальный научный язык.

Нынешний подчиненный характер науки подтверждается тем, что наука в России деградировала буквально за несколько лет под воздействием новой власти, которая даже не особенно старалась, а просто, «перекрыв кислород» (лишив денежных субсидий), уничтожила ее.

Сейчас происходит синтез науки с ненаучными представлениями, и он также подрывает значение науки, хотя результатом его может стать нечто весьма важное и интересное. Как любой синтез, он представляет собой прогрессивное явление, если, конечно, это подлинно творческий синтез.

Вопросы для повторения

- Что такое наука?
- Когда она возникла и при каких обстоятельствах?
- Кто такой героический энтузиаст?
- Каковы взгляды Джордано Бруно?
- За что был сожжен Д. Бруно?
- Какое значение имело это для торжества науки?

- Какова связь науки с другими отраслями культуры?
- Какова современная научная картина мира?
- Каково значение синергетики для современной культуры?
- Как развивалась психология?
- Каково значение биологии?
- Какую роль сыграла наука в НТР?
- Как связана наука с другими сторонами современной жизни?
- Каковы отрицательные последствия развития науки?
- Каково общее значение науки?

Литература

1. *Бруно Д.* О героическом энтузиасте. Киев, 1996.
2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. М., 1962.
3. *Декарт Р.* Размышления о методе // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
4. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1993.
6. Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. М., 1988.

Глава 17

Европа в Новое время: океанические цивилизации

Из всего написанного я люблю только то,
что пишется собственной кровью.

Ф. Ницше

Знать во всемирно-историческом смысле также представляет собой куда больше, чем о том свидетельствуют уютные поздние времена, а именно... внутреннее обладание чем-то таким, что трудно бывает завоевать и трудно удержать, но что стоит лишь его постигнуть тут же представляется достойным того, чтобы принести ему в жертву всю свою жизнь.

О. Шпенглер

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

История Европы начиная с XVII в. — это история абсолютизма, буржуазных революций — в Англии (1640—1660 гг.) и во Франции (1789—1794 гг.), — и наконец, утверждение республиканской формы правления. Это время борьбы за господство на суше и на море, создание третьего, по Мечникову, типа цивилизаций — океанических. Продолжая идеи Мечникова, Тойнби пишет, что революционное изобретение Запада — это использование Океана вместо Степи в качестве основного средства всемирной коммуникации. Благодаря этому был объединен весь мир и возникло человечество как таковое. Центр мира перемещается из степей в Португалию, Испанию, затем Англию.

В XIX в. создаются крупные колониальные империи Англии, Испании, Франции, Голландии. Борьба за передел колоний, в которой наиболее активную роль играла Германия, привела к Первой мировой войне, а стремление той же Германии разорвать условия Версальского договора, закрепившие победу Антанты, —

ко Второй мировой войне. Последствием было крушение колониальной системы, освобождение Индии, Вьетнама и других государств Азии и Африки.

После окончания Второй мировой войны была создана Организация Объединенных Наций, призванная обеспечить устойчивый мировой порядок, и при ней глобальная культурная организация — ЮНЕСКО, в чью задачу входит помощь развитию различных культур и их сближению и взаимообогащению.

В эпоху Реформации зародился протестантизм, который в XVII в. стал влиятельным. В нем развивался ряд течений (лютеранство, кальвинизм, англиканство) и множество сект. В самом католичестве выделился янсенизм, разработанный К. Янсением (1585—1638), отрицавший свободу воли, и квиетизм, созданный М. Молиносом (1627—1696) и требовавший мистического слияния человеческой души с Богом. Получивший печальную известность орден иезуитов в 1773 г. был распущен. XVIII в. продолжил критику религии. В «Катехизисе честного человека» известнейший деятель эпохи Просвещения Вольтер (1694—1778) заявил, что христианство началось с фанатизма, а кончается мошенничеством. Бог превратился у философов Просвещения из объекта веры в полезную фикцию, когда Вольтер сказал: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Труды энциклопедистов и просветителей духовно подготовили Великую французскую революцию, которая нанесла удар по материальному положению церкви, отменив десятину и конфисковав церковные и монастырские земли. Светская власть церкви сошла на нет.

Эпоха Просвещения охватывает XVIII в. и понимается в двух смыслах. Во-первых, сами ученые желали быть просвещенными, т.е. много знать и решать проблемы доводами разума, а во-вторых, они старались просвещать других, распространяя полезные и достойные изучения сведения. Виднейшими деятелями Просвещения были, помимо Вольтера, Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), Ш.Л. Монтескье (1689—1755), Д. Дидро (1713—1784) и И.-Г. Гердер (1744—1803), который сформулировал просветительское

представление о прогрессе, философски обоснованное в XIX в. Г. Гегелем (1771—1830).

НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Общепринято определение западной культуры как преимущественно рациональной по сравнению с восточной. На Востоке родились менее рациональные отрасли культуры — мифология и религия, а на Западе наиболее рациональные — философия и наука. Для античной философии главной была этика, для средневековой — теология, для новоевропейской — теория познания. Как познавать мир — вот основной вопрос новой философии. Большинство философов Нового времени смотрели на человека прежде всего как на познающее существо.

Р. Декарт (1596—1650) методологически освободил философию от власти религии, как Сократ освободил ее от власти мифологии. Наступило возрождение философии как часть возрождения культуры. Были обреты нити, потерянные Средневековьем, и восстановлена преемственность. Декарт — родоначальник рационализма Нового времени (как Сократ — основатель философии как рационального подхода к целостному бытию), и не удивительно, что для него столь же большое значение имел метод. Критерием истинности познания Декарт признает ясность и отчетливость идей. Учение Декарта о непосредственной достоверности самосознания, врожденных идеях, интуитивном характере аксиом — опора рационализма Нового времени. Культивирование рационального в Европе подчеркивается Ницше: «Школьная дисциплина разума сделала Европу Европой; в средние века она была на пути к тому, чтобы снова стать частью или придатком Азии, — т.е. потерять научный дух, которым она обязана грекам» (*Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. С. 382).

Философия Нового времени сформулировала представление о сущности, которая не нуждается для своего существования ни в чем, кроме себя самой. Аналогично тому как Сократ ввел понятия в противоположность вещам, так Декарт — духовную

субстанцию, атрибутом которой является мышление, в противоположность телесной субстанции, атрибут которой протяжение. От декартовых субстанций идут споры о соотношении материального и идеального и о том, что из них первично.

Сразу возникла проблема связи двух субстанций. Решая ее, Б. Спиноза (1632—1677) предположил, что мышление и протяжение представляют собой два атрибута одной субстанции. Отсюда следовал пантеистический вывод, что Бог существует в реальных телах природы и человеке. Единственная, вечная и бесконечная субстанция Спинозы — «причина самой себя» и всех многообразных вещей — ее порождений. Спинозова самопричинность мира напоминает представление индусов о Брахмане как причине самого себя.

Определив благо как приносящее пользу, Спиноза продолжил утилитаризм, начало которому положили греки. Стоики определяли пользу как «движения и состояния, соответствующие добродетели» (*Диоген Лаэртский. О жизни. С. 277*). Утилитаризм Нового времени нравственно амбивалентен и порой скатывается к аморализму, который по отношению к природе с исчерпывающей полнотой Спиноза выразил в 3-й части «Этики». Соображения нашей пользы не требуют сохранения того, что существует в природе, кроме людей, но учат нас сохранять, разрушать или употреблять это на то, что нам нужно, сообразно с различной пользой, которую можно отсюда извлечь.

Немецкий философ Г. Лейбниц (1646—1716) в «Новых опытах о человеческом разуме» подверг критике субстанции Декарта и Спинозы за пассивность. Лейбниц стремился отыскать динамические начала для объяснения многообразия мира. Он утверждал, что все вещи обладают собственной внутренней способностью непрерывно действовать. Это и есть их субстанция. На представление Лейбница о монадах как «единицах» бытия большое влияние оказало открытие микроорганизмов с помощью появившегося тогда микроскопа и создание им дифференциального исчисления, в основе которого лежит понятие «бесконечно малой величины».

Лейбниц дополнил три закона логики Аристотеля «законом достаточного основания», в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны.

Поиски истины и ее критерия велись также на путях эмпиризма. Соперничавшие линии рационализма и эмпиризма продолжили традиции элеатов и Гераклита. В Европе к рационализму больше тяготела немецкая философия, к эмпиризму — английская. Во Франции после Декарта укрепились позиции материализма, склонного отождествлять эмпирическую реальность с сущностью вещей.

Для старшего современника Декарта Ф. Бэкона (1561—1626) лучшее из всех доказательств — опыт, а чувства — основа знания. Следующий представитель английского эмпиризма Д. Локк (1632—1704) первый в философии Нового времени выделил теорию познания как специальную дисциплину. Локку принадлежит учение о первичных и вторичных качествах, заставляющее вспомнить античную атомистику. К первичным качествам он относил те, которые «реально существуют в телах», неотделимы от них (объем, плотность, форма, расположение, движение). Вторичные качества (цвет, запах, вкус, звук) не присутствуют в самих телах, а представляют собой следствие воздействия на нас первичных качеств. Локк определил рождающегося человека как «*tabula rasa*» («чистая доска»). Все свои понятия, по Локку, человек приобретает из опыта и не имеет, вопреки Декарту, врожденных идей. С позиций эмпиризма Локк подверг критике представление о мыслительной субстанции. В том же ключе другой английский философ Д. Беркли (1685—1753) отрицал существование материальной субстанции. Завершением английского эмпиризма стала философия Д. Юма (1711—1776).

Скептицизм Юма стимулировал создание трансцендентальной философии И. Канта (1727—1804). Декарт и Спиноза имели отправной точкой систему Аристотеля, в соответствии с которой

идеи находятся в самих вещах, и нечто устойчивое назвали субстанцией. Критика этого понятия Локком, Беркли и Юмом оказалась близка западному желанию перенести все определяющее в познании внутрь человека как субъекта. Почва для системы Канта, в которой человек не просто исходный пункт познания, как у Декарта, но формирует его результаты своими внутренними характеристиками, была подготовлена. Западные индивидуализм и антропоцентризм отныне в полной мере вступили в свои права. Кант (как и Платон, синтезировавший главные из предшествующих ему взглядов) соединил континентальный рационализм с английским эмпиризмом, взяв от первого представление о самостоятельности и автономности разумного в человеке, а от второго — опыт как критерий истинности суждений о мире.

В своих попытках обоснования научного знания Кант сделал по отношению к Декарту примерно то же, что Платон по отношению к Сократу, но только «мир идей» Платона находится вне человека, а Кант поместил его внутрь человеческого разума. В свое время Августин отнес «мир идей» к Богу, что естественно для христианина. Кант действовал в соответствии с идеалами эпохи Просвещения. Он предположил, что «идея» вещи находится не в самой действительности и не вне ее, а в голове человека. Это и есть субъективный идеализм, к которому шла новоевропейская философия.

Эмпирики полагают, что сознание приравнивается к природе, в то время как, по Канту, сознание человека приспособливает чувственные впечатления к своему аппарату. Общий вывод Канта: «Рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» (*Кант И. Пролегомены // Соч.: В 6 т. Т. 4 (1). С. 140*). Это было названо коперниканским переворотом: разум человека активен и задает вопросы, а природа отвечает на них.

Понятийную диалектику Канта, близкую Платону, Г. Гегель опрокинул в бытие. Он подошел к Канту, как Аристотель к Платону, вернув «мир идей» в объективную действительность, но представив их функционирование в соответствии с духом XIX в. как процесс. Идеи, по Гегелю, не только присутствуют в природе,

как у Аристотеля; природа — инобытие идеи, и как таковая тождественна человеческим представлениям в их абсолютной истинности. Аристотель мыслил познание как постепенное проникновение в идею, так что «ум и предмет его — одно и то же» (Аристотель. *Метафизика* // Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 310), но изначальную тождественность бытия и мышления, при которой только и возможна абсолютная истина, обосновали Ф. Шеллинг (1775—1854) и Г. Гегель.

Аристотель сформулировал законы формальной логики, Гегель — законы диалектики, которых у него тоже три — закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания. Сам универсум рассматривается в виде триады — идея, природа, дух. Гегель совершил синтез Аристотеля (а через него Платона) и Канта. В то же время Гегель писал, что нет ни одного положения Гераклита, которое он не включил в свою систему. По сути, его философия и есть переложенный на западный манер Гераклит, Логос которого может рассматриваться как предтеча идей Платона и Канта.

Величие творца заключается в глубине и широте его синтеза. Чем более разнородные вещи соединяет философ и чем удачнее он это делает, тем более ценна его работа. Кант пытался соединить агностицизм и науку, разум и чувство. Гегель предпринял попытку соединить мышление и бытие, диалектику и логику (конструируя диалектическую логику). Итак, Платон синтезировал предыдущую философию, Аристотель модифицировал этот синтез. В новоевропейской философии Кант синтезировал континентальный рационализм и английский эмпиризм, а Гегель — все три великие философские системы Платона, Аристотеля, Канта, представив их как единый саморазвивающийся процесс, и подвел итог предшествующего развития философии. Говоря об общем значении немецкой классической философии, можно заключить, что греки «открыли» философию, немцы «закрыли» ее.

Кант отверг все потустороннее как нерациональное, т.е. совершил в философии то, что в целом эпоха Просвещения в куль-

туре. Гегель сделал следующий шаг — рационализировал посюсторонний мир, тем самым обоготворив его. Только Богом он стал в соответствии с западным представлением о прогрессе в его становлении, подтвердив, что в философии высшим признается то, что соответствует духовному ядру данной культуры.

Тяга к Единому и неподвижному близка философии. Но сущность западной культуры, в отличие от восточной, — движение. Как примирить это? Кант отмахнулся от всего, что за чувственным миром, но агностицизм не мог долго господствовать, потому что философия ищет абсолютную истину. По Гегелю, неподвижное Единое присутствует в начале и в конце, а не за чувственным миром, в котором все течет, все изменяется. Гегель развил диалектику, придав ей предельно четкую и логичную, но схематизированную форму.

Гегель поставил человеческое Я выше мира, и индивид почувствовал себя всесильным. Философия при Гегеле вернула себе ранг средства достижения абсолютной истины. Подъем духа и последующее разочарование были громадны. Гегель предложил своим последователям стать владельцами абсолютной истины, и многие польстились, причем позаимствованную у Гегеля абсолютную истину применяли к различным областям жизни, например, к общественной, как Маркс и Энгельс, которые, считав, что мир философами уже объяснен, поставили перед философией задачу его преобразования.

Источник развития — борьба нового, прогрессивного со старым, отживающим, из которого остается только необходимое для будущего, а все ненужное «снимается» по 3-му закону диалектики. Борьба как источник прогресса составляет, по Гегелю, основное содержание книги бытия, а страницы счастья — пустые страницы истории.

В соединении несоединимого в философских системах — ключ к пониманию повсеместного принятия их и последующего ниспровержения. Все, что бросил Гегель ради журавля абсолютной истины, последующие философы восстанавливали в своих правах. Л. Фейербах (1804—1872) и С. Киркегор (1813—1855) воз-

вратили в философию конкретного человека, Э. Гартман ушел в бессознательное, О. Конт (1798–1857) обратился к науке, Г. Спенсер (1820–1903) вернулся к опыту, А. Шопенгауэр (1786–1861) направился от интеллекта к воле.

Позитивизм Конта продолжил традиции эмпиризма, полагая, что идеи могут быть сведены к чувственному восприятию. В соответствии с присущей XIX в. историчностью он рассматривал эволюцию мышления как проходящую три последовательных стадии: религиозную, метафизическую и позитивную — стадию науки. Конт говорил, что на метафизической стадии «мысль приобретает большую остроту». Можно сказать, что она становится самодовлеющей.

Считая, что в основе человеческого поведения лежит воля к власти, Ф. Ницше (1844–1900) в ней видел источник развития от обезьяны к сверхчеловеку — следующему эволюционному виду. Прогресс, по Ницше, находится по ту сторону добра и зла, и эти понятия неприменимы к процессу выживания наиболее приспособленных. Человек имеет право, осуществляя волю к власти, на любой поступок. «Философы жизни» пытались говорить как пророки. В своем главном произведении «Так говорил Заратустра» и в других работах Ницше часто прибегал к афористичному стилю.

В XX в. на смену универсальным системам приходит проповедь «переживания» бытия и истолкование текстов, философия науки, прагматизм как философия действия и т.п. Одно из основных отличий новейшей философии от философии XIX в. в том, что она больше занята человеком как конкретной индивидуальностью.

Знаменитый афоризм Декарта «мыслю, следовательно, существую», которым он хотел подчеркнуть важность разума, экзистенциалисты перевернули, поставив на первое место существование: «существую, следовательно, мыслю». Даже не зная, что значит быть, человек может сказать «Я есмь». Здесь, по М. Хайдеггеру (1889–1976) — открывается доступ к бытию как таковому: к нему можно проникнуть через наше существование.

Жизнь, кончающаяся неизбежным распадом, предстает как нонсенс. Если нет Бога и человек умирает насовсем, то жизнь абсурдна — таков пессимистический вывод экзистенциализма. Душа без веры в Бога и без истории, предоставленная самой себе, оказывается во власти абсурда, который Ж.-П. Сартр (1905—1980) определяет как «разлад между человеческой жадой единения с миром и непреодолимым дуализмом разума и природы, между порывом человека к вечному и конечным характером его существования, между «беспокойством», составляющим самую его суть, и тщетой всех его усилий» (Называть вещи своими именами. М., 1986. С. 93).

Экзистенциалисты показали такой идеал личности, что на его фоне померк обычный человек и усилились разговоры об отчужденности, одномерности, деперсонификации и т.п. По общераспространенному мнению люди становятся все более обезличенными. Экзистенциалистов беспокоило, что в современных условиях, когда большинство людей живет в крупных городах и подвержено сильному влиянию средств массовой информации, они становятся все более похожи друг на друга и теряют свою неповторимую индивидуальность и свободу, которая начинается по ту сторону социальной сферы и духовной жизни личности.

Сартр утверждал, что экзистенциализм исходит из тезиса Достоевского «если Бога нет, то все дозволено», но А. Камю (1906—1960) понял, что не все дозволено и сделал вывод: «Справедливость бессмертна». Начав со стремления к свободе и осознав масштаб ответственности, экзистенциализм вернулся к нравственности.

Глубокое проникновение психологии XX в. во внутренний мир человека дало основания сомневаться в том, что поведение полностью определяется и контролируется сознанием. Сформировалась концепция, во многом противоположная экзистенциализму (хотя в некоторых начальных моментах близкая к нему) и восходящая к философии бессознательного Э. Гартмана (1842—1906). Если экзистенциализм обратился к душе человека, то психоанализ проник в подсознание. За сознательной деятельнос-

тью он обнаружил подсознательные мотивы поступков и отверг постулат о свободе воли человека.

В начале XX в. австрийский врач З. Фрейд (1856—1939) получил экспериментальный материал, подтверждавший основополагающую роль подсознания в человеческом поведении. Воле к разрушению и смерти противостоит в человеке воля к жизни, частью которой является сексуальное желание. Взаимодействие этих двух волей определяет, по Фрейду, поведение человека. Первичные желания могут замещаться другими, находящимися на более высоком уровне. Сексуальное желание может сублимироваться в творчество. В этом смысле вся духовная культура является сублимацией исходных инстинктов человека. Положительное значение Фрейда в том, что он оценил важность первых лет жизни ребенка для его развития, хотя некоторые его построения, вроде эдипова комплекса, по-видимому, ошибочны, как и психоаналитическая интерпретация культуры в целом.

Подсознательную психическую первореальность Фрейд видел в безличной сексуальной энергии «либидо». Но его ученик К. Юнг (1875—1961) считал таковой иерархию «архетипов» — универсальных бессознательных образов, властвующих над человеком. Большое значение в психоанализе приобрела теория символов, которую еще в начале века развивал Э. Кассирер (1874—1945), назвавший человека «символическим животным», т.е. животным, использующим символы. Символ отличается от знака тем, что не только обозначает определяемый предмет, но имеет другое, более глубокое значение, которое никогда не может быть полностью раскрыто, как в математике нельзя точно вычислить иррациональное число.

Э. Фромм (1900—1980) развил представление о двух моделях поведения индивида. Или он идет по пути приобретательства, стараясь заполучить как можно больше вещей в свою собственность — путь западных стран, названных «потребительским обществом». Или он совершенствует заложенные в каждом способности. «Иметь или быть» — назвал Фромм эту дилемму. Человек идет по пути потребительства, когда не осознает свое глубинное стремление стать полноценной личностью.

Развиваясь в этом направлении, западная культура, следуя совету Эпикура, уходит от проблемы смерти, за счет этого получается некоторая экономия времени, однако это обманчивое преимущество. Как древнейшая египетская цивилизация ближе всего к смерти, так современная европейская дальше всех от нее. И неудивительно, что родиной религий был Восток, а родина светских отраслей культуры — философии и науки — Запад. Западная цивилизация ушла от глубинных основ культуры, связанных с осознанием смысла жизни и смерти, но так или иначе возврат в рамках западной или других культур, приходящих ей на смену, неизбежен.

НОВОЕВРОПЕЙСКОЕ ИСКУССТВО

Новое время началось с того же. С чего Возрождение, — с синтеза. Место Данте занял Дж. Мильтон (1608—1674), по-своему воссоздавший художественный синтез Овидия на христианском материале. Это было повторением Данте под иным углом зрения. Мильтона интересовал не столько пантеон, сколько пандемониум (слово, которое он придумал). Бог рассматривается отправленным в Ад Сатаной как тиран, назло которому

к Добру

Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь зло,
Его державной воле вопреки

(Мильтон Дж. Потерянный рай.

Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976. С. 31—32).

Сатана мыслит вполне диалектически:

И если Провидением Своим
Он в Нашем зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав (Там же. С. 32).

Против такой диалектики, полагает Сатана, бессилен даже Господь. Сатана надеется «в отчаянье — решимость почерпнуть»,

заставляет вспомнить экзистенциалистов XX в. Злые силы, замечает Мильтон, действуют согласованно, в отличие от людей, у которых царит раздор. Войско Сатаны, по совету Маммона, добывает в Аду золото.

Не мудрено,
Что золото в Аду возникло. Где
Благоприятней почва бы нашлась,
Дабы взрастить блестящий этот яд? (Там же. С. 46).

Главнейший рангом после Сатаны Вельзевул высказывает дьявольскую мысль: совратить человека, чтобы отомстить Богу за низвержение в Ад, и быть может, занять его место на Земле. Поручив своему воинству «сделать Ад отчасти выносимым». Сатана отправляется на разведку. Этот же мотив вочеловечившегося и спустившегося на Землю Сатаны позже использует Л. Андреев в романе «Дневник Сатаны».

Мильтон постоянно акцентирует мысль: смерть порождена грехом. Не будет греха, не станет и смерти. Заставляя падших ангелов «предаваться высоким помыслам», Мильтон как бы подводит скорбный итог эпохе Возрождения и ее вдохновителям — античной философии и искусству: «праздных дум тщета и мудрость ложная». Этот итог как небо от земли отличается от восторженного настроения Данте и свидетельствует: эпоха Возрождения прошла.

Функции литературной критики и теории искусства, которые в Древней Греции выполняли по совместительству философы — Платон и особенно Аристотель, — в Новое время приобретают особых исполнителей. Н. Буало (1636—1711) сформулировал в стихотворной форме основные принципы классицизма, а Г. Лессинг (1729—1781) открыл принципиальные различия между живописью и поэзией, заключающиеся в том, что предметом живописи являются тела с их видимыми свойствами, а предметом поэзии — действие.

В XVIII в. появляется новый раздел философии — эстетика, которая рассматривает проблему прекрасного. Н. Буало, обсуж-

дая, как писать стихи с позиций классицизма, признанным теоретиком которого он был, советовал поэтам судить «строже всех свои произведения», заставляя вспомнить утвердившийся подход среди ученых и методологов науки XX в., введших принцип фальсификации. Виднейшими представителями классицизма в литературе были И.В. Гёте (1749—1832) и И.Ф. Шиллер (1759—1805). Искусство поддерживает свое реноме все более масштабными синтезами. Самым крупным из них стал «Фауст», в котором соединены мифология, религия и наука. Задача Гёте в «Фаусте» та же, как у других гениев — синтезировать старые и новые культурные достижения. Гёте дал просвещенческий синтез, не только включив в него науку, но и подчеркнув ее господствующее положение тем, что главный герой Фауст — ученый. Этот третий европейский синтез в искусстве соответствует философскому синтезу Гегеля, соединившему античную и новоевропейскую философию.

После реформации в центр художественной картины мира становится или обидевшийся на Бога Сатана, как у Мильтона, или продавший душу дьяволу Фауст у Гёте, который готов пожертвовать своей душой, потому что не видит в жизни ничего достойного вечности. Фауст стремится к познанию, и в отличие от Адама, его стремление осознанно. Он заключает, можно сказать, рациональный договор с дьяволом. Это рациональный Адам, поднявшийся на более высокий интеллектуальный уровень, Адам-ученый, стремящийся к активной деятельности. Фауст выражает деятельностный характер западной души и в начальных словах Евангелия меняет «Слово» на «Дело»: «В начале было Дело». Ангелы соглашаются с Фаустом, что главное — труд. «Кто жил трудясь, стремясь весь век, — достоин искупленья... Обвеян с горных он высот любовью предвечной» (*Гёте И.В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. М., 1997. С. 475*). Ученый, искатель истины, пришедший к необходимости преобразования мира в интересах людей — тип, лежащий в основе всей западной культуры, и не зря Шпенглер использовал Фауста как символ, назвав душу западной культуры фаустовской.

Греческая культура — это мифология, превращающаяся в философию, и прасимвол ее души, по Шпенглеру, — Аполлон. Западная культура — это наука, превращающаяся в идеологию, и прасимвол ее души — ученый Фауст, ставший в конце жизни идеологом. Гёте начинал «Фауста» в век торжества науки, а закончил в век, когда главный интерес стал переходить от науки, не оправдавшей великих ожиданий, к идеологии.

Шпенглер пишет, что западная культура создала идею машины как малого космоса, повинующегося воле человека, стремящегося к власти над миром. Утверждение власти науки сопровождалось в искусстве заземленностью тем и переходом от торжественного к смешному: Сервантес в литературе, Мольер в театре. Искусство осмеивало ценности, которые господствовали в предшествующее время, а философия подвергала их сомнению. Когда же наконец наука пришла к власти, ирония Вольтера уже сочеталась с проповедью положительного знания — наступал век Просвещения. Конт в начале XIX в. концепцией трех ступеней человеческого мышления подвел итог победе научного знания. Но буквально тут же стали складываться идеологии.

Вслед за смехом Сервантеса приходит реализм (его расцвет — середина XIX в.) с не Божественной, а «Человеческой комедией» О. Бальзака (1799—1850). Реализм в искусстве связан с господством науки, так как наука отталкивается от реального, а не вымышленного мира. Отсюда слова Эйнштейна, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс, и слова Маркса о значении Бальзака для понимания буржуазных экономических отношений. Но Просвещению не удался синтез, подобный Овидиеву и Дантову, как и попытки силового решения деятелей Великой французской революции, пытавшихся ввести культ Разума.

С реализмом пытался бороться романтизм (его виднейший представитель Дж. Байрон (1788—1824)), но остался побочной темой симфонии искусства. В романтизме — тяга к идеальному, но изображение идеальной любви есть высший реализм, если не понимать под последним заземленность бытия. Романтизм не претендует на объективность чудесного. Для него главное то,

что сам художник индивидуально воспринимает мир как имеющий личностную ценность. Романтизм и узко понятый реализм — две точки, между которыми колеблется искусство. Они могут принимать иные названия, но суть остается прежней: мир как он есть и как идеал.

В конце XIX в. дилемма «реализм — романтизм» сменилась контроверсой «декадентство — символизм». Реализм спустился на дно жизни, а романтизм нашел Бога за существующей действительностью. В своем программном произведении «Манифест символизма», опубликованном в 1886 г., Ж. Мореас (1856—1910) на возражения, что поэзия П. Верлена, С. Малларме и его собственная является «последним цветком» умирающего романтизма, пишет, что данные поэты имеют свою особую цель — поиск «Вечного символа» и объясняет, что всякая новая фаза развития искусства связана со старческим одряхлением, с неотвратимым концом предыдущей школы, и делает еще один далеко идущий вывод: всякая открытая демонстрация искусства фатально ведет к оскудению, к истощению. Это известный нам принцип подмен.

Доведя реализм до натурализма Э. Золя (1840—1902), а последний — до декадентства, искусство в XX в. порывает с реальностью и бросается в абстракционизм. Усиливается интерес к анализу внутренних переживаний автора, изображению «потока сознания» (Дж. Джойс) в какой-то мере под влиянием психоанализа. Появлением подсознательных мотивов занялся сюрреализм. С другой стороны, экзистенциализм способствовал созданию «театра абсурда» (Э. Ионеску. С. Беккет) и литературы абсурда (Ф. Кафка). В конце XX в. поставангардизм иронизирует не только над жизнью, но и над самим собой. Это кризис искусства, имеющий социальные причины.

В области театрального искусства наибольшей известностью в Новое время пользовались испанский драматург Лопе де Вега (1562—1635) и В. Шекспир (1564—1616), создавший тип Гамлета, характерного для всей английской эмпирической культуры человека, выбирающего на практике между справедливостью и насилием, добром и жизнью. Во второй половине XVII в.

ведущее положение в театральном искусстве занял французский классицизм, представленный именами П. Корнеля, Ж. Расина и Ж.-Б. Мольера. Классицистские пьесы строились по «закону трех единств», сформулированному еще Аристотелем: единство действия, времени и места.

В конце XVII в. появилась опера, через сто с лишним лет — оперетта и классический балет. Величайшим созданием европейской культуры Нового времени является классическая музыка, особенно немецкая, о которой Ницше сказал, что «среди всей нашей культуры именно она есть тот единственный непорочный, чистый и очистительный дух огня, из которого и в который, как в учении великого Гераклита Эфесского, движутся все вещи» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии. С. 135). В оперной музыке непревзойденные шедевры созданы Д. Верди (1813—1901) и Д. Пуччини (1858—1925). Соединить музыку со словом, осуществить синтез звука и текста пытался Р. Вагнер (1813—1883).

XVII в. — первая половина XVIII в. — эпоха концертов как формы музыкальных произведений. Затем оркестры увеличиваются, в них включаются деревянные духовые инструменты (кларнет, гобой, флейта, фагот), и появляется новая форма — симфония. Вершина классического музыкального искусства — И.С. Бах (1685—1750), от которого в разные стороны пошли В.А. Моцарт (1756—1791) и Л. ван Бетховен (1770—1827). В XX в. серьезная музыка предалась экспериментам додекафонии и потеряла свойственную ей ранее гармоничность и мелодичность, а кумирами стали «Битлз», рок- и поп-музыка.

В живописи Нового времени выделяются имена Рембранта ван Рейна (1606—1669) и П.П. Рубенса (1577—1640). Во второй половине XIX в. появился импрессионизм (от франц. «впечатление»), перешедший в начале XX в. в постимпрессионизм и абстракционизм. В это же время в Германии получил распространение в изобразительном искусстве, литературе и кино экспрессионизм, в котором главной целью становится изображение душевных переживаний.

Смена стилей в архитектуре шла в такой последовательности. В XVII в. готику сменило барокко (букв. «вычурный»). Ха-

рактерной чертой его было стремление к слиянию видов искусств, монументально-декоративное единство на основе собора. На смену барокко в 30-е годы XVIII в. пришел стиль рококо (букв. «раковина»). Затем резкая смена художественных ориентиров утверждает классицизм (вторая половина XVIII в.), завершившийся в начале XIX в. помпезным имперским ампиром. В XX в. роскошный модерн сменил эклектику XIX в., но сам перешел в постмодерн.

В результате развития науки и техники появились новые виды искусства: в 1839 г. — фотография, в 1895 г. — кино, в конце XX в. — компьютерная графика.

Используя свою концепцию культурных образцов, которые в процессе развития культуры создаются и разрушаются, А. Кребер делает вывод, что философия Нового времени достигла своего зенита в мышлении Канта, «а изящные искусства примерно с 1880 г. — а если говорить строже, с 1900 г. — проявляли все возрастающие симптомы того, что можно назвать разложением образца: возбужденные ритмы и диссонансы в музыке, свободный стих в поэзии, бессюжетные романы, кубизм, абстракционизм и сюрреализм в скульптуре и живописи» (Антология исследований культуры. С. 468). К разложению образца или расщеплению ведет подмена. После Возрождения, которое создало новый тип гуманизма — творчески-индивидуальный (второй после нравственно-ритуального гуманизма Конфуция), — начался процесс дегуманизации культуры, чему способствовали наука и идеология.

НАУКА И ТЕХНИКА

Рациональность не остается постоянной величиной в культуре, а постепенно нарастает. Исходя из типа рациональности, можно греческую и римскую культуру назвать философской, а европейскую — научной.

Как Аристотель, уехав из Афин от опасности суда, уже не мог повредить торжеству философии, так не мог повредить торжеству науки отрешившийся от учения Коперника Галилей. Отречение запоздало — наука победила.

Сначала развивались физические науки, точнее механика, которую создал И. Ньютон (1643–1727). Основываясь на результатах Г. Галилея (1564–1642), сформулировавшего 1-й закон движения, Ньютон, добавив еще два, завершил создание классической механики, которая просуществовала до XX в., когда теория относительности, отвергнувшая абсолютность пространства и времени, заменила ее, признав постоянной только скорость света в вакууме. Ньютону принадлежит и закон всемирного тяготения.

Вслед за физикой развитие получила химия — одна из основных наук XVIII в. А. Лавуазье (1743–1794) наряду с М.В. Ломоносовым обосновал закон сохранения материи, просуществовавший до теории относительности.

XIX в. — век биологии, и основное имя здесь — Ч. Дарвин (1809–1882), писавший в своей автобиографии: «Главным моим наслаждением и единственным занятием в течение всей жизни были научные труды» (Хрестоматия по новой истории. 1640–1870. М., 1990. С. 273). Проникнув благодаря Дарвину в биологию, представление об эволюции распространилось на астрономию — модель Большого Взрыва и расширяющейся Вселенной, а затем на физику — концепция синергетики, венчаемая моделью происхождения материи.

Развивалась и техника, вступившая с наукой в тесную связь. В XVII в. изобретены телескоп и микроскоп, неимоверно расширившие границы опыта. Английский изобретатель Д. Уайт (1736–1819) создал усовершенствованную паровую машину, сыгравшую важнейшую роль в промышленной революции конца XVIII — начала XIX в. Затем был изобретен двигатель внутреннего сгорания.

В XIX–XX вв. появились новые средства передвижения — паровозы и пароходы, автомобили и самолеты; новые средства связи и коммуникации — телефон, телеграф, радио, телевидение, сотовая связь и Интернет; искусственное освещение и т.п.

Произошедшая в середине XX в. научно-техническая революция кардинально изменила лицо планеты. Она вывела человека в космос, создала средства, существенно облегчившие физический

и умственный труд, открыла новый источник энергии — атомную энергию, и создала новые средства разрушения — химическое, бактериологическое и атомное оружие, сделавшие возможным уничтожение человечества и всего земного шара. Люди поняли, сколь опасна наука. И усомнились в ее ценности. На вершине славы и могущества наука сошла с высшей ступени пьедестала. Обратная сторона НТР — массовая культура, влияние которой явно опережало скорость приобщения человека к духовной культуре.

Параллельно естествознанию развивалось гуманитарное знание. Ш. Монтескье (1689—1755) заложил основы политологии обоснованием условий развития цивилизаций и принципа разделения властей — представительной, исполнительной, судебной. Г. Гроций (1583—1645) сформулировал понятие «естественного права», базирующегося на разумной сущности человека, и понятие «волеустановленного права», которое должно основываться в конечном счете на естественном праве. Ж.-Ж. Руссо поставил естественные права человека во главу угла и сформулировал идею государства как общественного договора. О. Конт обосновал необходимость распространения научного знания на все сферы человеческой деятельности и предложил вслед за Ламарком, в начале XIX в. введшим термин «биология», название науки, изучающей взаимоотношения людей, — социология.

Отдельные гуманитарные науки развивались, расходясь в разные стороны, и целостность человеческого духа, в изучении которой в эпоху Возрождения понималась их задача, была утеряна.

В XIX в. возникает педагогика, Большую роль в ее создании сыграли работы швейцарского педагога И.Г. Песталоцци (1746—1827). Немецкий педагог А. Дистервег (1790—1866) сформулировал идею единства в обучении, воспитании и преподавания.

XX в. — век развития психологии, связанной во многом с созданием психоанализа З. Фрейдом. Фрейд изучал влияние подсознания на сознательную деятельность человека, его ученик К. Юнг — коллективное бессознательное, а Э. Фромм использовал понятие «сверхсознание».

В XX в. формируется культурология как наука о законах развития культуры. Сравнение европейской культуры с другими привело к концепции циклического развития культур и к выделению типов цивилизаций. Основателем культурологии можно считать Д. Вико, автора идеи циклов в развитии культуры, и И. Гердера, сформировавшего представление о прогрессе. Последующие идеи в этой области были сочетаниями обоих подходов. Наиболее модной оказалась концепция Шпенглера, изложенная в книге «Закат Европы». Английский историк А. Тойнби создал концепцию развития цивилизаций, которую он назвал «Вызов-и-Ответ», отчасти перекликающуюся с представленной в данной книге. Эта близость, по-видимому, определяется тем, что Тойнби считал культурные причины детерминирующими процессы экономические и политические.

Основные измерения новоевропейской культуры — динамичность, агрессивность, индивидуализм, рациональность — тесно связаны между собой. Ориентация на личность ведет к эсхатологизму, поскольку человек конечен и заключен в крепкие эмпирические рамки. Она же ведет к рациональности, поскольку человеку свойственно разумное обоснование поступков. Рациональность как способ упорядочивания эмпирической реальности, не противоречит чувственности культуры. Этим рациональность отличается от духовности.

Рациональность западной культуры, перенесенная на все сферы жизни, привела к возобновлению в конце XIX в. Олимпийских игр по примеру Древней Греции, сделала общепринятыми показы моды, фестивали искусств и т.д.

Разговоры, начиная с Герцена, что жизнь Европы скучная и мещанская, имеют основания. Более рациональная — значит более скучная. Размерность (от «мера») и расчетливость (от «счет») — плата за рационализм, капитализм и науку. С другой стороны, попытки обогнать Западную Европу в деле рационализации путем приобщения к какому-нибудь новому веянию (как было в XX в. в России и Китае) оказывались безуспешными. Рациональный марксизм превращался в русский и китайский коммунизм, кото-

рому бы очень удивился и который не узнал бы Маркс. Конечно, идеолог не властен предохранить свое создание от искажений и может только отречься от него, заявив, что «он не марксист».

В каждой большой культурной эпохе, имеющей свои типичные черты, — писал Г. Зиммель, — можно уловить одну центральную идею, из которой происходят все ее духовные движения и которая как будто является их конечной целью» (*Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 497*). Так, мы называем XVI в. Возрождением, XVII в. — Реформацией, XVIII в. — Просвещением, XIX в. — Прогрессом, XX в. — Кризисом.

В начале Нового времени, когда закончился возрожденческий синтез, восшествие науки на высшую ступень культурного пьедестала сопровождалось осмеянием предшествующего культурного багажа: рыцарства — Сервантесом, обычаев — Мольером, религии — Рабле. Под этим знаком проходит XVII в. По античным временам знаем, что в период отраслевого межвластия преобладает скептицизм и сатира. Но когда в XVIII в. наука заняла господствующее положение, она стимулировала эпоху Просвещения, представляющую собой пропаганду светского, прежде всего научного или претендующего на научность знания. В XIX в. создаются идеологии, которые пойдут в бой, но вместе с собственным кризисом приведут к кризису духовную культуру в целом.

Мощь западной культуры росла потому, что она была достаточно терпима и не отвергала старые достижения в угоду новым, в то же время наращивая творческий потенциал. Возрождение расширило знание античной культуры, но не препятствовало тому, что было доступно прежде. То же самое можно сказать об эпохе Просвещения. Плодотворным оказался синтез западных и восточных культур, в который западные цивилизации внесли вклад — А. Шопенгауэр в философии и в XX в. Г. Гессе в искусстве.

Можно согласиться с Данилевским, что европейский (он его называет германо-романским) культурно-исторический тип явился первым в истории двуосновным типом, если считать двумя основами последовательно сформировавшиеся и господствовавшие науку и идеологию (наука у Данилевского часть культурного типа, а идеологию он упускает из виду — объяснением мо-

жет служить то, что Данилевский рассматривает культурно-исторические типы, а не чисто культурные, т.е. не различает четко мир культуры и мир материальной жизни человека). В этой прочности фундамента, быть может, причина устойчивости данного типа культуры, которая не позволяет сбыться пророчеству Шпенглера о «Закате Европы». Другим объяснением может служить то, что развитие западной культуры лежит в русле тенденции рационализации, создавшей человека и ведущей его по пути культуры.

Вопросы для повторения

- Дайте характеристику океанических цивилизаций.
- Как они возникли?
- Что такое эпоха Просвещения?
- Каковы основные особенности новоевропейской философии?
- Что такое континентальный рационализм?
- Что такое английский эмпиризм?
- Что такое немецкая классическая философия?
- Что такое экзистенциализм?
- Что такое психоанализ?
- Какие произведения новоевропейской литературы вы знаете?
- Каково значение «Фауста» Гёте?
- Какие стили новоевропейского искусства вам известны?
- Расскажите о новоевропейской живописи и музыке.
- Каковы научные и технические достижения новоевропейской цивилизации?
- Каково общее значение новоевропейской культуры?

Литература

1. *Милтон Дж.* Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., 1976.
2. *Гёте И.В.* Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. М., 1997.
3. *Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой. М.; Л., 1948.
4. *Эйнштейн А., Инфельд А.* Эволюция физики. М., 1965.
5. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. СПб., 1991.
6. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.

Глава 18

Россия и Америка: космические цивилизации

Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает.
И. Козлов

Жертва есть путь к реализации личности
Н. Бердяев

ИСТОРИЯ РОССИИ

История Российского государства начинается с легендарных событий — призвания варягов на княжение в Новгород и образования после похода князя Олега на Киев единого государства — Киевской Руси. Огромное значение для развития русской культуры имело крещение Руси князем Владимиром в 988 г. Расцвет древнерусской религиозной и светской культуры приходится на XI в. (княжение Ярослава Мудрого), но уже в XII в., после смерти Владимира Мономаха, начинается период феодальной раздробленности, а в 1-й половине XIII в. — монгольское иго. Наибольших успехов достигают в это время иконопись и литература. Становление русского централизованного государства вполне укладывается в схему «Ответа на Вызов», по Тойнби, в данном случае монгольского ига. После образования единого Московского княжества территория русского государства неуклонно расширяется как на Запад, так и на Восток. Постепенно в него входят все исконно русские земли, а также Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ. К XIX в. Российская империя становится самым большим государством мира. На этот же период приходится расцвет классической русской литературы, музыки, живописи, балета.

Революция 1917 г. коренным образом изменила уклад российской жизни. Гражданская война ослабила и уменьшила Русское

государство. Однако индустриализация, развитие науки и техники обеспечили победу СССР во Второй мировой войне, сделали сверхдержавой и запуском искусственного спутника Земли в 1957 г. позволили открыть космическую эру. В 1961 г. космический корабль «Восток» с человеком на борту преодолел земное тяготение, и СССР стал первой космической цивилизацией.

Из всех живых существ только человек заселил всю планету и теперь вырвался в Космос. Это кажется иррациональным, потому что у человека и на земле достаточно дел, и тем не менее он идет на жертвы и осваивает космическое пространство. Два народа — русский и американский — не останавливаясь ни перед чем, освоив огромную территорию и создав межконтинентальные цивилизации, вышли в космос.

Русские освоили наибольшее количество площадей на Земле и оказались первыми в космосе. Этому способствовали особенности русского национального характера, которые развились в борьбе с окружающей средой и соседними народами. Широта русского человека связана с протяженностью Великой Русской равнины и континентальным климатом большей части страны. Высокий цивилизационный эффект русской нации достигнут за счет соборности, составляющей специфическую черту русского национального характера. Позволив построить самое большое государство на земле, это же свойство вывело русскую цивилизацию в космос.

В русской культуре преобладали менее рациональные религия со сложной системой обрядов и художественная литература, которая компенсировала бытовые недостатки и способствовала гармонизации целого. Так, в результате взаимодействия культуры и жизни создалась цивилизация нового типа. Русская устремленность в космос способствовала тем самым и развитию всемирной культуры. Потребовались и космические жертвы, и нашлись готовые жертвовать собой. Россия открыла путь новой всемирной цивилизации, продемонстрировав, что способна совершать величайшие усилия и идти на жертвы во имя великой цели. Значение выхода в космос еще недостаточно осознано и оценено, если

понимать космос не как находящееся вне Земли бескрайнее пространство, а как порядок и гармонию небесных сфер, к которой подключается человек. Последнее является не только космическим, но и идеологическим подвигом соединения с природой. На этом пути намечаются перспективы взаимодействия культуры и природы, космизма и экологизма в единой всемирной цивилизации.

В 1991 г. СССР распался на 15 независимых государств в соответствии с внутренним делением на союзные республики. Первая космическая цивилизация перестала существовать. Зачем нужна эта жертва, пока не известно.

РЕЛИГИЯ В РОССИИ

Данилевский справедливо заметил, что «религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время (вторая половина XIX в. — А.Г.) в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей» (*Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 480). В этом основная причина названия «Святая Русь» и представления о богоизбранности русского народа. «Самый характер русских, и вообще славян, — продолжает Данилевский, — чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» (Там же).

Эпитет «святая» по отношению к названию страны свидетельствует о том, что главный мотив ее существования — духовный. Православные подвижники осваивали огромную территорию и крестили ее население не для того, чтобы расширить государство, а для того, чтобы приобщить к божественному свету язычников. Они создавали духовную основу для становления огромного государства, не сравнимого ни с Римской империей, ни с последующими царствами. Жертвенность русских православных миссионеров позволяла им привлекать на свою сторону другие народы. Не русский человек образовывал государство, а оно использовало его жертвенность в своих целях. В этом преодоление противоре-

чия между негосударственностью русского народа и созданием огромной империи.

Это качество передалось затем русской интеллигенции. Оно представлено А. Тарковским в фильме «Андрей Рублев» в отношении к искусству, а в чистом виде показано в последнем фильме «Жертвоприношение». Он же советовал молодым кинематографистам приносить себя в жертву киноискусству. Об этом же говорил Пушкин в стихотворении «Пророк».

Задача любой культуры — использовать свои положительные черты для создания оригинальных произведений. Черты русской культуры — широта, соборность, самоотверженность. Сущность соборности в свободной ориентации на другого, выходе из себя, переходящем в насильственное приведение всех к одной точке зрения. Этой ориентацией на другого пользовалось государство, которое заставляло работать на себя. С другой стороны, соборность позволяла сконцентрировать развитие в каком-либо одном направлении и достичь результата, превышающего возможности других культур. Стремление к единству сделало Россию самым большим государством в мире и первой космической цивилизацией. Национальное качество характера — соборность — проявилось в том значении, которое придавалось в русском православии Троице. Лучшая русская икона — рублевская Троица.

Большим подспорьем православия на Руси было смирение, коренящееся в свойственном русскому народу долготерпению. В словах А. Кюстина, что «русский народ опьянен своим рабством до потери сознания», есть доля истины, но вся она в смирении и жертвовании себя другому (в том числе государству).

В контексте русского национального характера борьба за истинную веру предстает как основа духовной устойчивости общества и самого существования государства, а стало быть, причины церковного раскола XVII в. оказываются весьма важными. Они заключались в двух противоположных тенденциях русской жизни, которые в XIX в. разделяют светское общество на западников и славянофилов, а в XX в. — на демократов и патриотов: с одной стороны, стремление к подражанию Западу, а с другой, — высо-

комерие по отношению к нему и превознесение своего, связанное с консерватизмом мышления. Официальная церковь стремилась исправить книги и обряды в соответствии с греческими и западными (украинскими после присоединения Малороссии); старообрядцы же считали, что существующее у нас является наилучшим и не нуждается в корректировке по чужим книгам, которые, наоборот, надо исправить по нашим. Раскол оказал негативное воздействие на духовную целостность русского общества, но стимулировал развитие его в различных областях — светское искусство, философия и т.д.

Н.Ф. Каптерев пишет, что русские строили свои притязания на главенство в православном мире не на их высшем духовном развитии сравнительно с другими народами, а на сохранении истинной веры, в то время первый Рим пал из-за апполинариевой ереси, а Константинополь — из-за Флорентийской унии, предавшей греческую веру «латынству». Не так ли впоследствии вождь большевиков Ленин яростно критиковал русских и зарубежных марксистов больше всего за ревизионизм, т.е. за отступление от истинного правоверного марксизма? Отмеченный Н.А. Бердяевым догматизм русского мышления проявился в русской истории и в церковном расколе XVII в. и в последующем светском расколе. Но и после раскола в русской религиозной жизни были светочи — Серафим Саровский и старцы Оптиной Пустыни, к которым тянулись тысячи верующих, в том числе писатели — Гоголь, Достоевский, Толстой.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В России не было философии до принятия христианства, которое боролось в основном с язычеством, т.е. с мифологическими представлениями. Философия возникла уже в недрах христианства, и первым философским произведением можно считать проповедь первого Киевского митрополита из русских Илариона «Слово о законе и благодати», в котором в религиозной оболочке критики иудаизма противопоставляются подчинение закону и жажда благодати.

Философия как таковая возникает в XVIII в. К крупнейшим русским философам можно отнести Г. Сковороду (1722—1794), А.И. Радищева (1749—1802), В.С. Соловьева (1853—1900), Н.Ф. Федорова (1828—1903), Н.А. Бердяева (1874—1948). И.В. Киреевский (1806—1856) сформулировал задачу национальной русской философии, поставив во главу угла целостность. Такая позиция соответствовала соборности русского менталитета и срединности положения русского государства между Востоком и Западом. Задача эта не была выполнена по объективным обстоятельствам. Русская культура — культура прозрения, а не расчета, менее рациональная по сравнению с западной. С точки зрения философии науки это порок, питавший периодически возникавшие в русской культуре призывы к разрушению.

Это имело место в анархизме, в теорию и пропаганду которого много внесли русские мыслители М.А. Бакунин (1814—1876) и П.А. Кропоткин (1842—1921) (Бакунин, например, говорил о творческом характере разрушения), и в специфическом для русской культуры нигилизме (базаровское «сначала нужно место расчистить»). Здесь проявилось свойственное русскому менталитету настроенное отношение к рационализму. Великие русские анархисты были готовы драться не только с государством, но с самим Господом, как Бакунин, провозгласивший, переиначивая Вольтера: «Если бы Бог был, его следовало бы ниспровергнуть», тем самым уподобляясь мильтоновскому Сатане, который считал Бога тираном.

Философия в России имела преимущественно прикладной характер — это была или религиозная, или идеологическая философия, подчиняющаяся религии или идеологии. Философской основой русской космической цивилизации был русский космизм в лице Н.Ф. Федорова и других мыслителей и практиков. Овладение космосом соединяется у Федорова с тягой к бессмертию и воскрешению умерших, а стало быть, единство с космосом означает борьбу против сил смерти. Федоров писал, что смерть — зло, и поставил перед человечеством задачу воскрешения всех живших на земле поколений — беспримерная по смелости и нрав-

ственной мощи цель. Пытаясь соединить науку с христианством, Федоров хотел поставить науку на службу великим нравственным задачам, которым человечество следовало испокон веков, т.е. протянуть единую нить культуры от мистики до науки.

В.С. Соловьев концепцией всеединства попытался дать ответ на призыв И.В. Киреевского к созданию оригинальной русской философии. Обобщая развитие русской мысли, Н.А. Бердяев в итоговой работе «Русская идея» изложил представление о двух ее этапах — православном и коммунистическом, воплощенных в пришедшем из Византии православии и пришедшем с Запада коммунизме.

Русской культуре свойственно брать идею извне и модифицировать ее в соответствии с особенностями национального характера. Так возникли русское православие и русский коммунизм. Но Л.Н. Толстой (1828—1910) оказался представителем оригинального направления синтеза культур Востока и Запада, воплотив в себе «всемирную отзывчивость» русской души, о которой писал Достоевский. Л. Толстого справедливо сравнивают с титанами Возрождения. Относят его и к эпохе Просвещения, что и верно и нет, потому что в русской культуре наука никогда не занимала места, равного религии (разве что для нигилистов типа Базарова, но это не деятели Просвещения). Получив западное образование и увлекшись Древним Востоком, Толстой совершил синтез западной и восточной культур, невозможный для Просвещения XVIII в. В этом смысле Толстой пошел дальше европейского Просвещения, что не удивительно, поскольку Россия ближе к Востоку, чем Европа. Л. Толстой соединил в себе писателя, ученого, философа, религиозного деятеля, что уникально не только для России, но для всего мира. В этом отразилась целостность понимания культуры русским менталитетом.

Именно во времена Толстого создались условия для первого поистине всемирного культурного синтеза, потому что европейцам стала вполне известна культура Востока. Синтез Толстого, многими не понятый и даже преданный анафеме, показал, что именно культура является единственным действительным сред-

ством прогресса, как он завещал в своей последней статье. В области культуры действует толстовское непротивление злу насилием, из-за которого на него пало столько насмешек и проклятий. Близость Толстого к Гёте, о которой часто говорят, заключается в том, что оба они по-своему синтезировали достижения предыдущих культур.

Продолжили синтез Востока и Запада в XX в. Н.К. и Е.И. Рерихи «Агни-йогой». В то же время сама русская светская культура раскололась в XIX в. на западничество и славянофильство. Виднейшими представителями славянофилов были А.С. Хомяков (1804–1860), К.С. Аксаков (1823–1886); западников — П.Я. Чаадаев (1794–1856), В.Г. Белинский (1811–1848), А.И. Герцен (1812–1870).

По мнению Е.Н. Трубецкого (1863–1920), жизнь человечества в целом поразительно напоминает животную жизнь, происходящую на дне аквариума, но только в мирное время «замазанную» культурой. Культура, следовательно, иногда выполняет роль некоего камуфляжа, но в дни войны это сходство с животной жизнью культурой подчеркивается. Получаемое в целом различие не в пользу человека. Но тут же Трубецкой говорит об искажении человеческого образа, и мы имеем, таким образом, другую, противоположную картину: на цельный положительный образ накладывается злое начало, меняя его. Соединяя обе картины, можно сказать: существуют два мира — мир природы и мир культуры, которые, пересекаясь, создают мир материальной жизни человека, тяготеющий в зависимости от того, что признается в нем главным, либо к миру природы, либо к миру культуры. Горизонт всегда впереди, но если человек не движется к нему, то оказывается отброшенным в противоположном направлении. Общий вывод Е.Н. Трубецкого — человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну» (*Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991. С. 34).

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Основополагающее значение для развития русской литературы имело изобретение славянской письменности Кириллом (ок. 827—869) и распространение ее им и его братом Мефодием (ок. 815—885). Самое значительное, но небольшое по объему эпическое произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» — напоминает эпос других народов, не только европейских. Это не героический эпос, хотя, описывая военный поход, по форме напоминает таковой. В России не было героев-рыцарей в западном смысле. Ближе всего «Слово о полку Игореве» к «Песне о Роланде», герой которого погибает. Но русский эпос не героичен, а печален. Он и не куртуазный: культ Прекрасной Дамы только в начале XX в. пытался пересадить на русскую почву А. Блок. «Слово о полку Игореве» соседствовало с житийным жанром, а затем пришла поэзия и позднее роман.

Д.С. Лихачев подчеркивает такую черту древнерусской литературы, как стремление к построению единого здания, «чувство плеча». «Произведения постоянно включались в циклы и своды. Каждое произведение воспринималось как часть чего-то большего. Для древнерусского читателя композиция целого была самым важным» (Хрестоматия по истории мировой культуры. С. 614).

Это стремление к целостности, подкрепляемое характерной для России соборностью, дополнялось противостоянием личности. Каждый великий человек находится в оппозиции к окружающему миру. Противостояние героя и массы возрастает во сто крат, если масса спаяна, и в ней наиболее сильно проявляются законы коммунальности, описанные А.А. Зиновьевым в книге «Коммунизм как реальность». История русской культуры заполнена конфликтами гения и черни, в которую входит и высший свет. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский — это XIX в. Особенно заметно противостояние гения и власти — не столько «поэта и толпы», сколько «поэта и царя». Оно дало основания историку И.Е. Забелину сделать вывод, что культура в России особенно интенсивно развивается в периоды, когда ослабевает власть. Здесь обратно пропорциональная зависимость между физической и

духовной силой, подтверждаемая и на материале XX в. Концепция «вызова и ответа», впрочем, требует корректировки данного тезиса.

В XIX в. наиболее известные деятели русской культуры были символами сопротивления господствующим социальным тенденциям, не только могущественному правителю, но всем последующим властителям, символами сопротивления анти- и противокультуре. В XX в., казалось бы, духовная культура полностью и навсегда подчинилась идеологии, и тут возникли новые глыбы.

Кюстин заметил, что абсолютизм способствует развитию поэзии. «Нет поэтов более несчастных, чем те, кому суждено прозябать в условиях широчайшей гласности, ибо, когда всякий может говорить о чем угодно, поэту остается только молчать. Видения, аллегории, иносказания — это средства выражения поэтической истины. Режим гласности убивает эту истину грубой реальностью, не оставляющей места полету фантазии» (*Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 145*). Это также противоречит выводу Забелина о лучшем развитии культуры в периоды ослабления государственной власти. С абсолютизмом связано и развитие сатирической литературы, особенно в жанре анекдота. «Насмешка — отличительная черта характера тиранов и рабов» (Там же. С. 146—147). За «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина следовала «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Русская художественная литература XIX в. — второе крупнейшее достижение русской культуры после иконописи. Ее гениальные представители Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Русскую поэзию делят на «золотой» (пушкинская пора — 30—40-е годы XIX в.) и «серебряный» (первые два десятилетия XX в.) века по аналогии с римской культурой.

Во всем мире почитается драматургия А.П. Чехова (1860—1904), который в такой степени приблизил сцену к жизни, что может рассматриваться как один из предтеч модного в XX в. «театра абсурда». Знаменитая система Станиславского не просто театральное достижение. Она воплощает лучшие традиции рус-

ской культуры в целом, направленной на сотворчество. Актер в системе Станиславского играет не для себя, а для партнера. В общении с другим видели значение искусства Толстой и Мусоргский. А если вспомним слова Иоанна Златоуста «...полезное для себя мы найдем тогда, когда будем искать пользы ближнего», то станут очевидны православные корни системы Станиславского и русской культуры с ее ориентацией на соборность.

Вторая вершина русского искусства, а по времени первая — средневековая живопись. Самые знаменитые иконописцы на Руси: Феофан Грек (ок. 1340 — после 1405), Андрей Рублев (1360 — ок. 1430), Даниил Черный (ок. 1360—1430), Дионисий (1440—1502/3), Симон Ушаков (1626—1686). Наиболее известными живописцами Нового времени в России были К.П. Брюллов (1799—1852), И.Е. Репин (1844—1930), В.М. Васнецов (1848—1926), и наиболее известным архитектором — Б.К. Растрелли (1675—1744).

Интересны размышления Е.Н. Трубецкого о значении архитектурных форм. «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиль выражает собою неудержимое стремление ввысь, поднимающее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным к потустороннему богатству (*Трубецкой Е.Н.* Три очерка. С. 11). Иван Великий, по Трубецкому, гигантская свеча, вздымающаяся к небу над Москвой, а многоглавые церкви — многосвешники. Город со множеством храмов как бы горит духовными огнями.

В архитектуре Нового времени выделяют «русское барокко» (XVII—XVIII вв.), классицизм (2-я половина XVIII — начало XIX в.), а далее эклектику, модерн, неорусский стиль. В отличие от европейского средневекового противостояния феодального замка городу с крепостными стенами в русском городе внутренняя часть — детинец (кремль) — и внешняя часть — посад — составляют единое целое. В центре детинца собор, служивший последним оплотом защиты при нападении.

КРИЗИС РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Имеется общая схема эволюции отраслей культуры, но не все типы культуры обязательно проходят все стадии. Это зависит как от менталитета нации, так и от внешних обстоятельств. В русской культуре, в отличие от западной, не было периода главенства таких рациональных отраслей, как философия и наука. Как сказал Д. Галковский в «Бесконечном тупике», «мысль, изреченная в России, иррациональна». От мифологии главенствующая роль перешла к религии (крещение Руси как переломная точка), минуя философию. Seriously ослабил господство религии в России церковный раскол XVII в., но наука в России так и не пришла к власти, хотя были выдающиеся ученые М.В. Ломоносов (1711—1765), Н.И. Лобачевский (1792—1856), Д.И. Менделеев (1834—1907), И.П. Павлов (1864—1936); изобретатели А.С. Попов (1859—1905), В.К. Зворыкин и др.

Философия и наука развивались, поскольку в каждой культуре есть определенное количество более или менее рационально мыслящих индивидов, но данные отрасли культуры не могли в целом подняться на высшую ступень пьедестала. Примеры научного синтеза в русской культуре: 1) таблица химических элементов Д.И. Менделеева; 2) учение о биосфере В.И. Вернадского. На этих примерах видно, что чем больше элементов и фрагментов реальности участвуют в синтезе, тем лучше. Это относится не только к русской и не только к науке, а к культуре в целом.

От религии первенство перешло к идеологии (Октябрьская революция как еще одна точка бифуркации). Духовное развитие России укладывается в схему двух модификаций русской идеи — православной и коммунистической, — впервые предложенную Бердяевым. На переход к главенству идеологии повлиял церковный раскол, ослабивший позиции православия, последовавший за ним светский раскол на западников и славянофилов и распространение под влиянием развития науки нигилизма, т.е. не господство науки, а, наоборот, размывание религиозных основ с помощью науки. Науку победила идеология, не дав ей подняться на высшую ступень пьедестала культуры. Русская наука подчинилась

идеологии, и этим объясняется отрицание важных направлений научного исследования в СССР в XX в. О том, как идеология боролась с наукой, свидетельствует отношение к фундаментальным научным достижениям XX в. — генетике и кибернетике.

Главный удар идеологии пришелся на религию как лидирующую отрасль духовной культуры и по существу единственную, имевшую вес в России. Досталось также философии и науке, с которой идеологии все же пришлось в какой-то мере считаться. Это пример культурной борьбы, в которой больше всего проиграла по законам культуры отрасль, применявшая физическую силу, т.е. идеология. Ей трудно теперь будет убедить тонкий духовный слой русской интеллигенции в благих намерениях и придется скрывать самое имя, чтобы не вызывать подозрений.

Марксистская идеология в России впитала идеал массового мученичества и жертвенности. «И как один умрем в борьбе за это» — слова популярной песни. Речь идет о жертвенности, которая присутствовала в русской интеллигенции XIX в., шедшей в народ, чтобы просвещать его и разделить с ним тяготы жизни (первый русский интеллигент, по Бердяеву, — Радищев). Героический энтузиазм присутствовал в XX в. в утверждении советской власти, индустриализации, коллективизации, восстановлении разрушенного Отечественной войной хозяйства. Искусство и наука в России всегда питала жертвенность, что характерно для интеллигенции — специфически русском явлении, не понимаемом и находящемся между молотом власти и наковальной массы. Русский народ в полной мере ощутил на себе господство идеологии — и энтузиазм, который она несет, и тиранию, которую налагает. Сталинские репрессии — это жертвы на алтарь идеологии.

Коммунистическая идеология дала возможность проявиться самоотверженности, свойственной русскому народу, его способности сплачиваться и с помощью немислимых жертв решать поставленные задачи. Хотя выход в космос и не был главной целью идеологических правителей, именно он стал главным культурным результатом советской цивилизации. 12 апреля навсегда станет точкой отсчета космической цивилизации.

Застой начался сразу же после выхода в космос. Кукурузная эпопея, преследование инакомыслящих, атмосфера лицемерия и лжи — многое можно простить, если есть великая идея, во имя которой приносятся жертвы. Если она растаяла, жертвы напрасны. Так и произошло, приведя СССР к краху и поставив русский народ и культуру на грань выживания. Через 25 лет после выхода человека в космос тоже в апреле произошла катастрофа на Земле, и она подвела черту под коммунистическое правление, показав, что космическая цивилизация должна быть в то же время экологической.

Стихийные природные бедствия — землетрясения, извержения вулканов, наводнения — дополнили рукотворные катастрофы — аварии на АЭС, высыхание моря и т.д. Экологи предупреждали об опасности атомной энергетики и призывали отказаться от нее, но не были услышаны. Атомная энергетика приносила прибыль, а во главе советской науки стояли физики-ядерщики с президентом АН — создателем реакторов чернобыльского типа, считавшим, что АЭС настолько безопасны, что их можно ставить на Красной площади.

Почему не могли воплотиться в жизнь утопии? Не только из-за несовершенства людей, но и из-за методов воздействия на них, использования насилия — средства, противоречащего цели. СССР разрушила идеология и борьба с ней (в соответствии с точным замечанием: «Метили в коммунизм, а попали в Россию»). Идеология увлекла за собой русскую цивилизацию в пропасть. Последняя испытывает надлом, если не разложение, уж вызов-то точно. Ее предали власти наверху и наивные люди внизу.

Реальность уничтожения СССР, ее промышленного и научного потенциала является еще одним подтверждением того, что в нынешнюю эпоху наука не способна на самостоятельное существование и полностью зависит от идеологии. В считанные годы в России наука в результате прекращения ее финансирования практически сошла на нет, и это лучшее доказательство ее зависимости. Место государства занял криминал как высшая стадия распада общества и предвестие гибели. События последних лет,

когда объявленная перестройка обернулась разрушением государства, заставляют патриотов Родины, перефразируя Унамуно, сказать: «У меня болит Россия».

В период духовного разброда в бывшем СССР нельзя забывать, что у нации, если она хочет существовать как единое тело, должна быть идея. Ее нельзя придумать. Пробуждение русской идеи будет связано с ролью России в развитии всемирной космической цивилизации. Русская всечеловечность и самопожертвование могут здесь пригодиться.

Великий шоковый путь вывел Россию в космос. Являясь самым большим государством по площади в мире Россия по своим геополитическим показателям претендует на первенство в мире. Сможет ли она реализовать свои потенции? Имеются ли внутренние силы для такого подъема? Для выполнения Россией этой роли необходимо существенное повышение роли русской интеллигенции как творца культуры. А как же масса? Нужно, не приравливаясь к ее слабостям, помогать ей развиваться. Общественный прогресс — результат сознательности людей, а не внешнего идеологического давления. Не отказываясь ни от чего хорошего из прошлого, идти к лучшему будущему. Стремиться к царству небесному и строить царство справедливости на Земле вместе с природой, а не вопреки ей.

Развитие русской цивилизации шло во второй половине XX в. в борьбе с другой космической цивилизацией — американской. Столкновение американской мечты и русской идеи было одним из самых важных столкновений культурных типов. Материально прекрасно оформленная и поддержанная, американская мечта о преуспевании и обогащении борется на ее территории, осуществляя культурную экспансию, с русской идеей, которая вроде бы не столь заметна и с трудом выражима. Включая телевизор, заходя в кинотеатр или просто проходя по улице, мы становимся ареной этой борьбы, и американская культура, особенно музыка (не вполне американская), завоевывает все большую территорию наших душ, которые долго держали в неведении о многом.

ИСТОРИЯ АМЕРИКИ

Как считают ученые, древнейшая цивилизация на территории Америки зародилась в конце 2-го тысячелетия до н.э. Тойнби выделяет из древнейших американских культур андскую и мезоамериканскую (объединив майянскую и мексиканскую). Это не все, а только расцветшие цивилизации американского континента.

К моменту путешествия Х. Колумба существовала империя ацтеков на территории современной Мексики. Особенностью религиозного культа ацтеков было то, что он требовал многочисленных человеческих жертвоприношений. В военном типе культуры война является важнейшим способом жертвоприношения, даже в буквальном смысле, как у ацтеков, которые использовали пленных для жертвоприношений богам. Представители цивилизации майя на юге Мексики приносили в жертву своих детей и собственную кровь, надрезая части тела.

Государство ацтеков покорили испанцы во главе с Кортесом, заняв ее столицу в 1521 г.; государство инков в Южной Америке было захвачено испанцами во главе с Писарро в 1532 г. В Южной и Центральной Америке на основе смешения многочисленного местного населения с завоевателями появились новые своеобразные культуры. Освоение Северной Америки в основном англичанами и французами шло посредством вытеснения индейцев.

Во время войны за независимость, которую вели английские колонии в Северной Америке (1775—1783 гг.), создалось государство США. «Декларация независимости» принята Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. Проект Декларации составлен Т. Джефферсоном (1743—1826). Он же автор «Билля об установлении религиозной свободы», в котором отмечается, что религиозная нетерпимость и ее насильственное внедрение приводит «к искажению основ той самой религии, которую предполагали поддержать, подкупая монополией на мирские почести и вознаграждение тех, кто внешне исповедует и признает ее» (Хрестоматия по истории мировой культуры. С. 504). Здесь подытожены причины, приведшие к Реформации в Европе. В США с самого начала была утверждена религиозная свобода, что связа-

но с тем, что в Новом Свете находили прибежище люди разных вероисповеданий, преследуемые на родине.

Выдающимся американским просветителем и государственным деятелем был Б. Франклин (1706—1790), один из авторов «Декларации независимости» и «Конституции США».

Главное событие американской истории XIX в. — гражданская война Севера и Юга (1860—1865 гг.), закончившаяся победой северян и уничтожением рабства. После этого бурное промышленное развитие сделало США одним из самых могущественных государств мира и сверхдержавой, в настоящее время, после распада СССР, претендующей на мировое господство.

ФИЛОСОФИЯ США

Если экзистенциалисты в XX в. заботились о свободе человеческой индивидуальности и ее подлинности (тождественности с собой), то американские философы поставили во главу угла определение принципов поведения, помогающих достичь успеха в бизнесе. Корни такого направления, получившего название прагматизма (от греч. «прагма» — дело, действие) можно найти в Древней Греции. Истинно то, что полезно для человека. В качестве примера приведем рассуждение У. Джеймса (1842—1910) о выгоды веры в Бога. Если вера окажется ложной, то я ничего не теряю и не окажусь в худшем положении, чем атеист; но если она окажется истинной, я обеспечу себе спасение и вечную жизнь. Не стоит терять единственный шанс, и значит, есть резон верить в Бога.

Разум для прагматизма — инструмент достижения успеха в мире, а научные теории — орудия, помогающие в этом. Какая-либо идея становится истинной, когда воплощается в жизнь. По словам Д. Дьюи (1859—1952), разработавшего инструменталистскую версию прагматизма, функция интеллекта не в том, чтобы копировать действительность (да и почему Вселенная должна существовать в копиях и может быть скопирована во всей полноте), а в том, чтобы создавать наиболее эффективные и выгодные отношения с объектами.

У Декарта в основе всего лежала человеческая мысль, у Ницше — воля. Последнее слово прагматизма: «мир есть то, что мы из него делаем». Этично с точки зрения прагматизма все, что способствует успеху в делах, и здесь прагматизм переходит в то, что получило название деловой этики. Наибольшая известность выпала в XX в. на долю Д. Карнеги (1888—1955), советы которого разошлись по свету в миллионах экземпляров

Карнеги многое взял из человеческой мудрости, чтобы выработать правила общения и достижения делового успеха. Они сводятся к следующему: имеет хорошие отношения с людьми и достигает успеха в делах тот, кто максимально внимателен к другим и как можно меньше выпячивает собственное Я. Напоминает «разумный эгоизм», но здесь человек меньше думает о пользе других, а больше о себе, хотя его разум смиряет эгоизм.

Совет никого не критиковать близок философии Древней Индии. Будда говорил, что «ненависть можно устранить не ненавистью, а любовью». Карнеги предлагает не любовь, а рациональные рецепты общения. Аргументация такова: критикой никого не исправишь. Никогда не надо делать вид, что вы идеальны и всегда правы. «Если вы знаете, что другой человек думает или хочет сказать о вас что-то отрицательное, — скажите это сами раньше него» (*Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить. М., 1989. С. 135—136). «Если вы не правы, признавайтесь в этом быстро и в категоричной форме». Карнеги учит, как понравиться людям, дать им почувствовать их несуществующую подчас значительность: «Будьте хорошим слушателем. Поощряйте других говорить о себе»; «Задавайте вопросы вместо того, чтобы отдавать приказания»; «Говорите о том, что интересует вашего собеседника»; «Улыбайтесь».

Совет улыбаться заставляет вспомнить об этической добродетели Аристотеля — любезности, а совет задавать вопросы — о сократовском методе майевтики. Правда, Сократ думал о достижении истины, а для Карнеги в свойственном прагматизму

духе важнее привести собеседника к согласию с собственным мнением и уговорить его сделать нужное задающему вопросы. Еще один подобный совет: «Если вы хотите, чтобы человек был с вами одного мнения, прежде всего вы должны доказать ему, что вы его истинный друг» (Там же. С. 141).

В этом же направлении идут соображения о том, как заставить делать желаемое вам. Карнеги приводит такой вывод Шваба: «Самый эффективный способ заставить людей что-либо сделать — это вызвать в них стремление к соревнованию. Я не имею в виду соревнование с корыстной целью, а просто соревнование с целью добиться превосходства» (Там же. С. 180). Вспомним, какое значение придавалось в СССР соревнованию — с грамотами, досками почета и прочими атрибутами, заменявшими материальные стимулы.

ИСКУССТВО США

В XIX в. Г.У. Лонгфелло (1807—1882) писал, что американцы могут похвастаться лишь зачатками национальной литературы. Нет еще книги «истинно и до конца американской». «Для нас поэзия, — сетует Лонгфелло, — всегда была праздным занятием» (Зарубежная литература XIX в. Реализм. М., 1990. С. 215). У американцев отвращение ко всему, что не практично, не деятельно, — продолжает Лонгфелло. Сами же писатели должны, считает он, «полностью отречься от всего прочего и благородно посвятить себя делу литературы» (Там же).

На эту же тему Г. Торо (1817—1862) пишет: «Думаю, на свете нет ничего (включая преступление) более чуждого поэзии, философии, да и самой жизни, чем эти бесконечные дела... Пути, которыми можно заработать на жизнь, почти все без исключения ведут вниз... Вам платят за то, чтобы вы были величиной меньшей, чем человек» (Там же. С. 290).

Даже в конце XIX в. У. Уитмен утверждал, что американской национальной литературы все еще нет, хотя к этому времени Лонгфелло попытался осуществить синтез индейской культуры и представить ее как первую стадию развития американской лите-

ратуры. Лонгфелло, открывший американцам Америку своей «Песней о Гайавате», дал пленительный образ Трубки Мира, закулив которую люди начинают жить как братья. Гайавата — тип культурного героя, который обладает богатырской силой и молится о счастье и благе «всех племен и всех народов». В награду Владыка жизни послал ему маис, «дар небесный всем народам, что для них быть должен пищей», который Гайавата победил и закопал в землю. Растения, деревья сами все дают Гайавате: «На, руби... все возьми». Царя-осетра Гайавата побеждает, а чайки называют его своим братом. Животные помогают Гайавате в битве со «злым волшебником, Духом Богатства». Гайавата изобретает символы, знаки, письменность, живопись, дает племенам их тотемы, священное искусство врачевания недугов». Любовь сопоставляется в «Песне о Гайавате» со светом солнца, а злоба с тьмою. Но знаменитая Трубка Мира, которую подала приплывшим европейцам мать Гайаваты, не спасла краснокожих от закабаления и уничтожения, как не смог этого сделать сам Гайавата.

Американская свобода, по Торо, является фикцией настоящего, которая станет когда-то мифом прошлого. Человечество переживает, по Торо, еще младенческий период. «В обществе, в лучших человеческих институтах легко различить черты слишком раннего развития. В то время, когда мы должны еще быть детьми, мы уже являемся, по сути дела, маленькими взрослыми» (Сделать прекрасным наш день. М., 1990. С. 276).

У Торо слышится тоска по природе. «Но нас слишком рано отняли от ее груди и поместили в общество, в эту культуру, которая представляет собой исключительно взаимодействие человека с человеком» (Там же. С. 275). Г. Торо понимал великое значение природы. «Спасение города не в его праведниках, а в окружающих его лесах и болотах... Цивилизованные страны — Греция, Рим, Англия — держались тем, что на их территории некогда росли первобытные леса. Они будут существовать до тех пор, пока почва не истощится» (Там же. С. 269). Здесь имеется в виду почва не в переносном, духовном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Говоря об английской литературе, Г. Торо

пишет, что «в ней много искренней любви к Природе, но мало самой Природы» (Там же. С. 271). «Как вы понимаете, — продолжает Торо, — я хочу того, чего ни литература ни эпохи Августа, ни елизаветинских времен, ни любая другая культура дать не могут. Ближе всего к этому подходят мифы» (Там же). Торо хочет культуры, в которую входила бы природа.

Торо близок Р. Эмерсон, стихи которого звучат по-современному экологично. «Ты птиц назвать всех можешь, не охотясь? Ты любишь розы, но не рвешь с куста?» (Воздержанность // Зарубежная литература. XIX в. М., 1979. С. 535). Эмерсон призывал человека «научиться распознавать и ловить проблески света, озаряющего его душу изнутри» (Писатели США о литературе. Т. 1. М., 1982. С. 36). Найти собственное призвание в жизни, пробудить индивидуальный гений советует Эмерсон. «В духовной жизни каждого человека наступает такой момент, когда он приходит к убеждению, что... должен примириться с собой, как и назначенным ему уделом; что какими бы благами ни изобиловала вселенная, хлеба насущного ему не найти, коль скоро он не будет прилежно возделывать отведенный ему клочок земли» (Там же. С. 37). «Кто жаждет стать человеком, должен обладать самостоятельностью духа» (Там же. С. 39).

Итак, некоторые основные мысли экзистенциализма и персонализма уже содержатся у Торо и Эмерсона в «Жизни без принципа» и «Доверии к себе». Здесь тот же американский индивидуализм, но не материального свойства, ведущий к духовной культуре.

Т. Элиот (1888—1965) ставит вопрос о соотношении творческой индивидуальности и традиции, включающей всю литературу Европы от Гомера до наших дней. Последняя накладывается на первую. Само место художника определяется его связью с творцами прежних эпох. Когда появляется новое произведение, меняется вся культура. Т. Элиоту принадлежит мысль, что в искусстве все зависит (а точнее, должно зависеть) от предшествующих накоплений вопреки распространенному убеждению, что в отличие от науки, в которой последующее знание кумулятивно связано с предыдущим, искусство всегда начинается сначала.

Т. Элиот как будто противостоит Эмерсону, но на самом деле дополняет его. Доверие к себе и уважение к традиции — две стороны одной медали. Спор о соотношении традиции и индивидуальности особенно важен для американской культуры, имея в виду специфические особенности ее появления и необходимость приобщения к мировой культуре. Оно должно противодействовать и давлению массовой американской культуры на все другие, которое имеет место в настоящее время и явно негативно.

Т. Элиот говорит о поэзии как живой целостности. Культуру в целом можно рассматривать как живую целостность, понимая под этим, что все истинно ценное в культуре внутренне связано между собой. Эту характеристику культуры вправе назвать экологической и таким образом ввести экологическое измерение культуры. Можно говорить и о внутренней среде сознания творца. В этом смысле зрелый поэт отличается от незрелого, по Элиоту, тем, что его сознание — «более тонкая и совершенная среда, в которой особые и очень разнообразные стремления легко вступают во всевозможные сочетания» (Писатели США о литературе. Т. 2. М., 1982. С. 16). Сознание поэта, считает Элиот, выполняет роль катализатора в культурном синтезе.

Процесс творения — диалектический процесс: «чем совершеннее художник, тем строже разделены в нем человек, живущий и страдающий, подобно остальным, и сознание, которое творит» (Там же). Это «поистине воспринимающее устройство, которое улавливает и хранит бесчисленные переживания, слова, фразы, остающиеся в нем до той поры, пока частности, способные соединиться, создавая новую целостность, не окажутся совмещенными в нужной последовательности» (Там же. С. 17). Описание процесса культурного синтеза заставляет вспомнить понятие духовного плода, сформулированное Платоном. Последний вывод Элиота: поэт должен стремиться достичь безличности путем полного подчинения себя создаваемому им произведению.

В стихах Уитмена присутствуют мотивы футуризма: «локтями я упираюсь в морские пучины. Я обнимаю сьерры, я ладонями покрываю всю сушу». И в то же время в отличие от футу-

ристов Уитмен использует традиционные мотивы народных сказаний периода освоения Америки колонистами. Девиз Уитмена в стихотворении «Штатам»: «Побольше противься — подчиняйся поменьше. Неразборчивое послушание — это полное рабство» (Зарубежная литература XIX в. М., 1979. С. 554).

В 1939 г. С. Льюис назвал свою речь при получении Нобелевской премии «Страх американцев перед литературой». По Льюису, американские писатели еще только хотят дать Америке литературу, достойную ее величия. Литература уступает в Америке кино, считает Льюис. Ф.С. Фицджеральд говорит о «веке джаза». Наиболее известные виды американского искусства именно те, в которых в наибольшей степени проявила себя массовая культура — кино, символом которого является Голливуд, и музыка, основное направление которой — джаз, привезенный из Африки рабами. Особая форма американской песни — спиричуэлз, для которой характерна повторяемость строк, лиризм, образы природы и библейской мифологии.

Американская культура сегодня очень агрессивна, и это еще одна характеристика ее массовости и отсутствия духовной самостоятельности и укорененности (это хорошо видно на примере музыки). Все слишком благополучно мелко или вызывающе броско. Символ американской культуры — Голливуд — символ профанации культуры. Причины упадка современной культуры, в том числе двух великих цивилизаций — русской и американской — господство в культуре идеологии и приоритет материальных ценностей. Если техника выходит на первый план, современный человек уподобляется Человеку Умелому, который производил орудия, но был бездуховен, т.е. возвращается к тому, с чего начал. Господство техники в культуре свидетельствует о тенденции возвращения Человека Разумного к Человеку Умелому. Причина не в развитии техники, служанкой которой в эпоху НТР становится наука, а в глубинных процессах в самой духовной культуре.

Один из выдающихся писателей XX в. Р.П. Уоррен подчеркнул в своей лекции «Вестники бедствий: писатели и амери-

канская мечта», прочитанной в 1974 г., «что дух нации, которую мы обещали создать, нередко становится жертвой нашего поразительного материального процветания, и что, увлеченные этим успехом, мы отдали в заклад саму сущность нации, которую обещали создать, и тем самым предали идею свободного человека, ответственного за свои поступки... мы стремительно катимся к разрушению тех принципов, на которых, очевидно, и была основана наша нация» (Писатели США о литературе. Т. 2. М., 1982. С. 360).

Кризис культуры отразился в словах Элиота: «Я не вижу причины, почему разложение культуры не может пойти гораздо дальше и почему мы не могли бы даже предвидеть такой период, достаточно продолжительный, о котором мы будем вправе сказать, что у него не будет культуры. Тогда культуре надо будет снова возрасти из земли» (Писатели США о литературе: Сб. статей. М., 1974. С. 19). Такова реакция на засилье массовой культуры.

Д. Болдуин утверждал, что в условиях господства массовой культуры духовная жизнь не может двигаться вперед, потому что произведения культуры не выполняют ту функцию, которая и делает возможным развитие духовной жизни — функцию разрушения умиротворенности. «Между тем искусство и воодушевляющие его идеи порождаются страстью и мукой бытия, и невозможно вдохнуть в искусство эту страсть, если твоя цель — укрыться от этой муки» (Там же. С. 338). Американский образ жизни Болдуин называет «самым непостижимо пустым в мире». По его мнению, массовая культура свидетельствует лишь о растерянности американца перед лицом мира, в котором он живет. Художник, по Болдуину, не имеет ничего общего с массовой культурой, способной лишь запечатлеть окружающий людей хаос. Но в хаосе, подчеркивает Болдуин, заключается великая энергия перемен.

Вопросы для повторения

- Каковы особенности русской культуры?
- Каково значение и особенности религии в России?
- Чем русское православие отличается от католичества?

- Каковы особенности русской философии?
- Каковы основные направления русского искусства?
- В чем значение русской иконописи?
- В чем значение русской литературы?
- Расскажите о Толстом и Достоевском.
- В чем причины нынешнего кризиса русской цивилизации?
- Каково общее значение русской культуры?
- Каково происхождение американской культуры?
- Каковы особенности американской философии?
- Что такое прагматизм?
- Каковы особенности американского искусства?
- Каково значение американской культуры?

Литература

1. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1986.
2. Слово о полку Игореве. М., 1975.
3. Три века русской поэзии. М., 1986.
4. *Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.
5. Мифы и сказания Америки. Саратов, 1996.
6. *Лонгфелло Г.У.* Песнь о Гайавате. М., 1976.
7. Писатели США о литературе. М., 1974.
8. Сделать прекрасным наш день. М., 1990.

Глава 19

Идеология: кризис духовной культуры

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Н. Некрасов

Только те жертвы принимает жизнь, что
идут от сердца чистого и печального, плодо-
носно взрыхленного тяжелым плугом стра-
дания.
Л. Андреев

ЧТО ТАКОЕ ИДЕОЛОГИЯ?

Новое время — время океанических цивилизаций и объединения людей новыми мощными средствами коммуникации в единое человечество. Это время действия масс, вышедших на историческую арену. Данный феномен Х. Ортега-и-Гассет проанализировал в книге «Восстание масс». Вовлеченность масс в политическую и культурную жизнь потребовала создания особого способа организации масс, получившего название идеологии, и особого способа культурного обслуживания масс — массовой культуры. Восстание масс стало источником и движущей силой идеологии и массовой культуры, которые переплелись между собой. Идеология сама является культурой масс и культурой для масс и стимулирует развитие массовой культуры, которая не может не быть идеологизированной, поскольку идеология ближе всех отраслей культуры к материальным потребностям, а массы живут в основном ими. Управлять массами сподручнее рассчитанной на воздействие на них идеологии, чем элитарной по сути науке, которую массы не способны понять. С выходом на историческую

арену масс идеология получает преимущество перед наукой в борьбе за власть. Идеология имеет дело с массами, подлаживается под их интересы и запросы, что принижает культуру и ведет ее к кризису. Идеология означает переход от разума и религиозной веры к материальным интересам толпы.

Идеологии не мифы, хотя в них много от мифологии, а мистическое начало скрывается под рациональной оболочкой, проступая в бальзамировании вождей. Идеологии не религии, хотя в них есть приземленная вера, в которой на место Бога ставят идеолога, правителя или материальный идол (скажем, Золотого тельца). У идеологии имеются философские корни, и ее предшественником можно считать Платона. Идеология взяла само название у философии (термин «идея» идет от Демокрита и Платона). Она стремится подчинить себе искусство, заявляет о своей научности. Она пытается соединить науку с высшими идеалами человека — его стремлением к благополучию и счастью. Она объединяет людей, но ценой их превращения в «одномерных», по Маркузе. Объединяет и наука, но идеология действует более жестко, не останавливаясь перед насилием.

Отличие идеологии от науки хорошо выразил А.А. Зиновьев: «Наука предполагает осмысленность, точность и однозначность терминологии. Идеология предполагает бессмысленные, расплывчатые и многосмысленные языковые образования. Терминология науки не нуждается в осмыслении и интерпретации. Фразеология идеологии нуждается в истолковании, в ассоциациях и примысливании. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения или, в крайнем случае, установления их неразрешимости. Предложения идеологии нельзя опровергнуть или подтвердить» (Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 252).

Борьба идеологии с наукой проявилась в феномене Лысенко и отрицании в СССР значения передовых научных разработок, в увлечении мистицизмом и мифологией в фашистской Германии и других странах Запада. В эпоху господства идеологии все отрасли культуры становятся ее служанками, в том числе наука.

Не наука, а скорее идеология ответственна за изобретение атомной бомбы.

Разум мешает внушению, доверчивости, и потому к нему так строги идеологи и колдуны. Разум начинается с сомнения в правоте того, во что все верят. Хитрость идеологии в том, что она подстроилась под научность и оказалась особой качественно новой отраслью, которая стоит на границе культуры. Идеология соединила материальный интерес с наукообразным прогнозированием будущего, которое является предметом веры. Поставить все предыдущее знание на службу материальным интересам стремится идеология как система взглядов, выражающих интересы больших общественных групп — классов, наций. Идеологи — пророки материального. Они пришли, когда люди захотели счастья здесь и немедленно.

Идеология сейчас самая мощная сила. Она постоянно стремится что-то преувеличить или затушевать — то общечеловеческие ценности, то национальные, то классовые. Идеология исходит из крайностей, например, двух противоположных классов — капиталистов и пролетариата, двух противоположных взглядов на человека — демократического и тоталитарного, и т.п. Идеология разъединяет людей, хотя, казалось бы, печется об их объединении. Ее интересы частные и, стало быть, могут объединить часть людей на определенное время. Разделение идей, писал Вико, удостоверяет разграничение собственности.

Торжество идеологии привело к господству формальных принципов, наподобие историзма с его многообещающими схемами и пренебрежением к конкретному человеку. Идеология уводит человека из культуры и делает духовно бездомным, порой в роскошных апартаментах. Казалось бы, если массы участвуют в политической жизни, то это хорошо. Однако возрастание роли масс лишь тогда позитивно, когда увеличивается количество культурных людей. В противном случае массы могут затоптать культуру. Как инертное бездуховное образование масса представляет опасность для культуры. Важно помнить различие между массой и народом, который живет культурными традициями.

Есть две параллели: творческая элита — народ — и правитель — масса. Творческая элита ведет за собой народ, просвещая его; правитель использует массу для осуществления воли к власти. Для массы нужна примитивная массовая культура, а народ вынужден подчиниться правителям. Массы составляют часть политической системы, электорат, который надо привлечь. Массы нужны потому, что большинство современных армий создано на основе всеобщей воинской повинности. Отсюда, по Тойнби, «правящее меньшинство не просто загрязнилось, а оказалось целиком поглощенным массой внутреннего пролетариата» (Тойнби А. Постигание истории. С. 382). В результате заигрывания с массой и удовлетворения ее требований «зрелищ» массовой культурой «внутренний пролетариат становится развязным, правящее меньшинство вульгаризируется» (Там же. С. 384).

Масса — удобный объект идеологических манипуляций, поэтому идеология заинтересована в том, чтобы народ превратился в массу, в которую легко внедрять идеологию. Об этом писали Ленин и Степняк-Кравчинский. Но «массы — это конец, радикальное ничто» (Шпенглер О. Закат Европы... Т. 2. С. 377). Воздействие на массы с помощью массовой культуры делает их более цивилизованными, но менее культурными, понижает общий уровень культуры.

При «массовизации» облегчаются процессы имитации, стаинности, известные в животном мире как образование анонимной стаи. Массовизация ведет к разрушению семьи, неформальных общественных связей, способствует тому (особенно при развитии средств массовой информации), что какая-либо идея, как вирус при эпидемии, овладевает широкими слоями, становясь материальной силой. Вся культура становится массовой, тогда как каждый человек уникален, и не идеология должна внедряться в сознание, а люди должны самостоятельно формировать свое мировоззрение на основе культуры.

ТРИ ЭТАПА ИДЕОЛОГИИ

Идеология проходит три этапа: диалектический, демагогический, догматический. Первый этап развития идеологии можно так-

же назвать философским, поскольку при формировании идеологии философская составляющая играет важную роль. На этом этапе идеология проявляет непримиримость ко всем остальным идеологическим направлениям, но сохраняет тесную связь с наукой, искусством и другими отраслями культуры. Борьба с иными идеологическими течениями, в том числе с теми, которые мало чем отличаются от данного, способствует четкому оформлению идеологии, но может ее и погубить. На этом этапе проводниками идеологии выступают только ее создатели да некоторые группирующиеся вокруг них фанатики. Но идеология создана, и вулкан готов к взрыву. Если идеологическая система оказывается достаточно жизнестойкой и ей удастся подавить конкурентов, особенно из числа смежных идеологий, она стремится обрести господствующее положение.

Второй этап — распространение идеологии — можно назвать демагогическим, поскольку стремление к подчинению масс данной идеологии делает важнейшей ее демагогическую составляющую. Идеология может распространяться подобно эпидемиологическим заболеваниям — как некая идеологическая «инфекция», действующая на духовно и душевно ослабленный организм, не имеющий стойких убеждений в качестве иммунитета. «Инфекция» от одного может перейти сразу к нескольким и так далее, захватывая массы. Идеологическая система, как лава, выплескивается на поверхность, занимая огромные площади.

Третий этап — от господства идеологии до упадка — можно назвать догматическим. Идеологическая лава, выйдя на поверхность, начинает застывать, отрываясь от действительной жизни и интересов людей. Идеи превращаются в непререкаемые догмы и теряют жизненную силу. Если на втором этапе идеология пользуется еще философскими (преимущественно диалектическими) приемами, обеспечивающими ее проникновение в массы, то на третьем этапе она уже перестает впитывать какие-либо философские положения и превращается в самого страшного врага философии.

К культуре относится только этап формирования идеологии. Затем идеология утверждается и пытается подчинить культуру.

Ныне это самая большая опасность, грозящая культуре в целом. В идеологии культура достигает своего самоотрицания, переходя, говоря гегелевским языком, «в свое другое». Ничто так не навязывается людям, никакая другая отрасль культуры не внедряется столь насильственно, вопреки самой природе культуры, и никогда кризис культуры не становится столь всеобъемлющим.

Словесным проявлением переворачивания культуры выступает идеологический термин «культурная революция», а стремление избавиться от культуры, превращаемой в антикультуру, выражается в направлении контркультуры.

Идеология появляется изнутри культуры как ее отрасль, и поэтому она опаснее всего для культуры, наподобие раковой опухоли. Противостояние идеологии и культуры откровенно и четко выразил Геринг, сказав: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». Материальный результат противостояния вроде бы предопределен, потому что у культуры нет оружия, но идеология проигрывает в любом случае, потому что она или подрубит сук, на котором сидит, или на древе культуры вместо нее вырастет другой плод. Торжество идеологии блестяще, но временно.

ТРИ ИСТОЧНИКА ИДЕОЛОГИИ

Идеология имеет три источника, заключенные в трех прекрасных словах лозунга Великой французской революции: свобода, равенство, братство. Из них как завязи образовались три мировые идеологии. Само понятие «идеология» появилось в XVIII в. и первоначально обозначало по самой этимологии слова учение об идеях — понятии, возвращающем к Платону, который, кстати, создал в своих поздних произведениях «Государство» и «Законы» прообраз идеологической системы, которую он неудачно пытался воплотить в жизнь.

Породила идеологию, эту духовную атомную бомбу по той разрушительной силе, которой она обладает, эпоха Просвещения. У ее истоков стоял Ж.-Ж. Руссо, считавший, что науки и искусства не делают человека нравственным и счастливым. Руссо вос-

хищались деятели французской революции, особенно Робеспьер, провозгласившие свободу и ограничившие ее во имя ее. «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому», — провозгласила «Декларация прав человека и гражданина», принятая Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г. Но вскоре началось преследование врагов свободы, и их головы полетели одна за другой.

Во времена Великой французской революции было в ходу и понятие «враг народа». Декрет Конвента объявлял врагами народа всех, кто выступал против Конвента или пытался унижить его. В соответствии с декретом Конвента от 26 февраля 1794 г. можно было объявить врагом народа кого угодно, например, тех, кто препятствовал народному просвещению «путем всяких махинаций» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 239). Наказание — смертная казнь. Улик достаточно устных.

Сначала деятели революции победили в своей стране, а затем начали войны, с тем чтобы, как заявил Камбон, «ничто, существовавшее прежде, не могло устоять перед осуществляемой нами властью» (*Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. Т. 4. М., 1981. С. 152). Задача революционных войн заключалась в том, чтобы способствовать возникновению революций в других странах. Аналогичные задачи ставились после прихода большевиков к власти в России: «подталкивать» революции в странах Запада и Востока и в конце концов разжечь пожар мировой революции.

Тут же возникает знаменитое «кто кого?» Аргумент: если мы первые не начнем войну, то революция будет раздавлена усилиями всего мира. Тезис об обострении борьбы между капитализмом и социализмом использовал затем Сталин. Начавшаяся война, писал Жорес, «не была борьбой одной нации против другой нации, а борьбой одной системы институтов — против другой системы институтов. Теперь институты, созданные свободой, должны были уничтожить, пусть даже силой, институты, созданные рабством» (Там же. С. 155). То же было в России в XX в.

Жорес восклицает: «Но как опасна такая попытка! Какие диктаторские привычки привьет она Франции! И как рискует она отождествить в глазах других народов национальную свободу с былым порабощением!» (Там же). Закончилось диктатурой: Наполеона и Сталина.

Обе революции были борьбой идеологии за власть, и в этом их сходство. Не важно, что идеологии различны: одна — идеология свободы, другая — идеология равенства. Обе превратились в тоталитарное потребительство и потребительский тоталитаризм. А как же с теми, кто не подчинится завоевателям, несшим свободу? «Тогда и отношение будет к ним, как к врагам, раз они не хотят ни свободы, ни равенства» (Там же. С. 158). Это было названо революционной диктатурой Франции и революционным протекторатом Франции над народами (доктрина Камбона, объявленная 15 декабря 1792 г. и утвержденная Конвентом). Великая французская революция была образцом идеологической революции. Ее аналог — октябрьский переворот в России.

Есть такое выражение: «революция пожирает своих детей». Французская революция закончилась гибелью тех, кто ее организовал. Но идеология победила. Аналогична ситуация в России в XX в. Большинство активных сторонников коммунистической идеологии погибли или до революции, или во время ее, или после в сталинских лагерях. Они оказались жертвами, на крови которых взошла идеология.

Идеология вступила в борьбу за власть в конце XVIII в., когда летели головы ее сторонников и противников, но окончательно укрепилась после I мировой войны, победили в которой идеологические державы — Англия, Франция и США, а побежденные взяли идеологии (другие) на вооружение — Россия в 1917-м, Италия в 1922-м, Германия в 1933-м.

Те, кто отдавал свои жизни за свободу, равенство и братство, подпитывали своей энергией идеологию до того момента, пока она, победив с помощью жертв, сама не отвечала репрессиями против своих противников. Примером является французская революция, но это свойственно всем идеологиям. Гибли тысячи

борцов за рабочее дело, угнетенный народ и свободу, и жертвы не пропали даром. Из них родилось господство идеологии в трех формах — либерально-капиталистической, националистической и коммунистической. Каждая обещала счастье, и большинство людей верило и надеялось. Ни одна не оправдала надежд. Почему? Объяснение может быть трех типов: историческое рациональное, историческое нерациональное и метаисторическое. Если ограничиться первым, то ни одна из идеологий не выполнила обещаний в силу расщепленности единого идеала и из-за подмены в попытке насильственного приведения людей к счастью. Выводы о государстве как политической форме угнетения большинства меньшинством на диалектическом этапе идеологии сопровождались демагогией о скором преодолении всякого угнетения в результате буржуазной или социалистической революции. Прозрение рука об руку с утопией.

Все социальные утопии хороши, поскольку не воплощены в жизнь и относятся к духовной культуре. Попытки их реализации всегда антикультурны. Слова Геринга весьма показательны, а отсутствие таковых у представителей других идеологий свидетельствует отнюдь не об ином отношении к культуре, а о большем лицемерии. В целом все идеологии антикультурны и тоталитарны.

ЛИБЕРАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Для нее главное слово «свобода», первое из троицы Великой французской революции. За ним скрывалось стремление третьего сословия ликвидировать привилегии аристократии и духовенства и достичь одинаковых с ними юридических прав. Когда это произошло, был брошен лозунг: «Обогащайтесь!» — и возникла новая форма неравенства, основанная на богатстве одних и бедности других.

Ахиллесова пята идеологии — насилие. Чем больше насилия в теории и практике идеологии, тем быстрее приходит она к гибели. Порой она еще находится у власти, но ей уже никто не верит. Наиболее хитрая идеология — либерально-капиталисти-

ческая, насилие которой не прямое, а косвенное, денежное, которое ей удастся скрывать. Недаром в обширном труде «Открытое общество и его враги» апологет капитализма Поппер лишь один раз употребляет слово «деньги», да и то в примечании. Поистине гегелевская «хитрость разума» — управлять не путем грубого насилия, а посредством денег. Деньги хороши как средство самореализации, когда не отняты у других. Но именно это происходит в капиталистическом обществе, построенном на эксплуатации людей, идей и природы, где высший стимул — прибыль. Поппер решил вдохнуть жизнь в либерально-капиталистическую идеологию, но идеологичность его «Открытого общества» очевидна. Однажды в примечании он говорит о том, что на деньги можно купить политическую власть, но это разбивает его предыдущие построения. Капиталистическое общество открыто для имеющего деньги. Без денег оно закрыто. «А деньги — что ж, это те же гвозди и так же тянутся к нашим рукам» (А. Башлачев).

Данную идеологию можно назвать либерально-капиталистической, потому что начинается она с лозунга свободы, еще наполненного гуманистическим содержанием эпохи Возрождения, затем переходит к пониманию свободы как свободы предпринимательства и формальных прав личности и собственности, а заканчивает проповедью потребительства. Эта идеология господствует в большинстве развитых европейских стран, которые прошли через две подмены, превратившие христианство из религии рабов в религию господ и науку из познания мира в инструмент господства над природой.

Права человека — звучит привлекательно. Но во имя этих прав могут уничтожаться целые нации, которые их якобы не соблюдают. Получается, что ради одного человека и его прав позволительно уничтожать целую культуру. Либерально-капиталистическая идеология взяла кое-что из других, а именно: люди должны быть равны (но формально или люди твоего класса и нации). За счет этого синтеза она вырвалась вперед и сейчас стала лидирующей в мире. Обвинять ее в коварстве бесполезно, так как идеология такова по сути.

Либерально-капиталистическая идеология анонимна. Она пытается скрыть даже свое имя, в то время как обе другие работают с открытым забралом. На данный момент скрывающийся побеждает. По мнению Р. Барта, «отречение буржуазии от своего имени не является иллюзорным, случайным, побочным, естественным или ничего не значащим фактом; оно составляет сущность буржуазной идеологии, акт, при помощи которого буржуазия трансформирует реальный мир в его образ, Историю в Природу» (*Барт Р. Избранные работы*. М., 1991. С. 110). Миф помогает идеологии.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Этот тип идеологии вдохновлен другим словом Великой французской революции, известным со времен Конфуция, — братство (имея в виду близость людей одной нации). Борясь за национальное государство, многие становились героями и жертвовали собой. От этого так далеко до стремления к мировому господству, как от Гарибальди до Муссолини. Личный шофер Гитлера писал, что по-человечески фюрер был одинок. То же говорили о Сталине. Мао называл себя одиноким путником, бредущим с дырявым зонтиком. Как ни парадоксально, чем большей властью обладает политик, тем более одиноким он себя чувствует да и является на самом деле. Причина в разъединяющем людей насилии, тогда как настоящая культура объединяет их. Для идеологов живой человек — ничто по сравнению с нацией, классом или даже его правами.

Апофеозом насилия является националистическая идеология, которая начинается с провозглашения прав собственной нации на самоопределение, а заканчивается откровенно агрессивным стремлением к покорению и уничтожению других наций, что в наибольшей степени присуще немецкому фашизму, развязавшему Вторую мировую войну и провозгласившему цель завоевания жизненного пространства и уничтожения целых народов.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Эта идеология вдохновлена словом «равенство» и является земной религией угнетенных масс. Идеология равенства воз-

ника во времена Великой французской революции (Бабеф, Марешаль, Сильвен), но обоснована в полной мере Марксом в XIX в. Маркса обвиняют в том, что он некритически воспользовался системой Гегеля. Но если бы он ее не взял, то не создал бы идеологию, что является его главной заслугой.

Маркс и Энгельс тоже пытались затушить идеологичность своей концепции, выступив с острой критикой идеологии как таковой. Но они же создали идеологию, что признали их последователи. Определение Марксом и Энгельсом идеологии как ложного сознания достаточно для ее критики, хотя в процессе развития идеология дает основания для того, чтобы считать ее не только ложным, но и лживым сознанием.

В Маркса поверили именно потому, что он обещал Царство Божие на Земле. Близость марксистской идеологии к религии подтверждается тем, что, придя к власти, марксисты стали уничтожать церкви — они заняли ту же экологическую нишу, и борьба была неизбежна. Антирелигиозность коммунистической идеологии позволила ей победить религию, но выявила ее ущербность. Объявившую религию опиумом для народа идеологию можно назвать ядом. Впрочем, религия призывалась в трудное время для борьбы с другой идеологией.

На алтарь идеологии положено много жертв. Коммунистическая идеология совершала триумфальное шествие в СССР, подминая под себя остальные отрасли культуры. Наука, религия и философия в определенной степени воздействовали на идеологию, но определяла поведение людей именно она. Провал попыток идеологии применить науку и технику к социальной жизни объясняется тем, что идеология пытается насильственно внедрить свои схемы, вступая в столкновение с жизнью, которую она хочет преобразовать. Столкновение с жизнью — научно-техническое или идеологическое — чревато опасностью, причем идеологическое не меньшей, чем научно-техническое. Оно чревато социальным Чернобылем.

Создавалось впечатление, что коммунисты решили провести с населением России эксперимент, аналогичный тем, какие

Павлов проводил с животными, хотя он, по собственным словам, пожалел бы для социалистических опытов даже лягушку. Выработанные функционерами КПСС у советских людей условные рефлексы столь же неестественны. Они закреплялись, но вызывали и произвольные действия, называемые неадекватными реакциями, которые в конце концов положили предел коммунистическому эксперименту. Дискредитация коммунизма в СССР — яркий пример того, как насилие губит идею. Сейчас в России дискредитируется идея демократии, в частности, из-за денежного насилия и тоталитаризма.

Действует ли механизм торжества зла вследствие непротivления ему? В определенных пределах, пока в действие не вступает механизм самоистребления зла, приводящий к гибели его носителей. Об этом стихотворение З. Гиппиус «Грех».

Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.
И мы простим, и Бог простит.
Но грех прощенья не знает,
Он для себя себя хранит,
Своею кровью кровь смывает...

Коммунистический режим победил царя, чиновников, Белую армию, буржуев, крестьян, рабочих, своих же сторонников. Он рухнул не от масонского заговора, происков ЦРУ, романов Солженицына и деятельности диссидентов. Истребив здоровые творческие силы, зло не может существовать. Оно становится все сильнее... и вдруг рассыпается, как карточный домик, на вершине торжества. Тут нет ничего мистического: с победой зла иссякают творческие силы, без которых невозможна жизнь. Зло не имеет в себе созидательного начала и, оставшись наедине с собой, уничтожает само себя. Нужно ли с ним в таком случае бороться? Нужно, но не его способами, а посредством культуры.

Крах идеологии не обязательно разрушает цивилизацию, а тем более культуру. Гибель коммунистической идеологии не обязательно должна разрушить русскую цивилизацию. Куль-

тура может выжить под идеологическими глыбами и выползти из-под них, хотя идеология всячески стремится подчинить себе культуру. Господство идеологии представляет собой величайшую опасность для культуры. Но идеология — пустоцвет на древе культуры и без нее сама гибнет. Яркий пример: борьба коммунистических властителей с теми деятелями культуры, которые отнюдь не хотели вступать в конфликт с идеологией, а отстаивали свою самостоятельность, без которой невозможно творчество, и все же подвергались репрессиям, как, например, философ А.А. Зиновьев, на произведения которого часто ссылаются нынешние коммунистические оппозиционеры.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

В период, когда появляется и растекается по общественному телу масса, идеология становится главной формой культуры, а остальные виды объединяются под названием массовой культуры — некоего суррогата, призванного развлекать и отвлекать массы от настоящего дела. Зрелища были в моде еще в Древнем Риме, но там не было идеологии. Римские тираны прямо без обиняков и оговорок осуществляли свои кровожадные желания и замыслы.

Понятие массовой культуры внутренне противоречиво, поскольку масса не обладает творческим потенциалом, а стало быть, и не может иметь культуры в ее истинном понимании. Однако вряд ли следует удивляться противоречию названия того, что само в себе противоречиво. Особенности массовой культуры зависят от того, какой форме идеологии она служит. Массовая культура идеологии власти обычно строга и однообразна, пропагандирует послушание и долг, и олицетворением ее являются марши и газеты. Массовая культура идеологии потребительства более легка и разнообразна, пропагандируя секс и беззаботную обеспеченную жизнь. Ее олицетворение — комиксы и иллюстрированные журналы.

Произведения массовой культуры подлаживаются под интересы масс, испытывающих нездоровую тягу к насилию, жес-

токости и власти, в форме детективов и житий разведчиков, причем идеология власти хочет втиснуть в эти произведения идею верности государству, а идеология потребительства — представление о силе и независимости.

С другой стороны, массовая культура есть то, что способно спасти массы от идиотизма монотонной повседневной жизни. Это как бы защитная реакция, но такая, которая духовно разрушает человека. Этим последним она отличается от настоящей культуры, которая будит истинно человеческое. Культура отражает систему общественных отношений и характеризует самого человека. Засилие массовой культуры с ее проповедью силы, обеспеченной жизни и порнографии отражает отвлеченно-чувственную тягу современного человека к власти, потребительству и сексу.

Массовая культура в корне отличается от культуры народной. Если народная культура призвана приобщить людей к народным традициям и жизни, то массовая культура выполняет в условиях всеобщей грамотности функцию отвлечения от народных основ. Народная культура создается для народа и творит народ. Как человек нормален, когда помнит свое прошлое, так и народ нормально существует, если сохраняет свои традиции, помнит свое прошлое, размышляет о смысле жизни и смысле истории. Массовая культура, напротив, ориентирована на массу и делает из людей массу как нечто инертное, не имеющее своей истории и философии.

Народ помнит все хорошее и плохое в своей истории. Как только мы отказываемся от этого, да еще повторяем модную ныне фразу «я никому ничего не должен», так мы сами выключаем себя из народа как целостного организма, становимся обособленным атомом массы, песчинкой, которая не хочет ни за что отвечать, и ей идут навстречу, она действительно ни за что не отвечает, но делает, что велят, и не в силах отказаться, потому что у нее отсутствует внутреннее нравственное ядро.

Промежуточное положение между народом и массой занимает так называемая публика — образованная, начитанная часть массы, которая непосредственную связь с народными корнями потеряла, потому что образование ее поверхностно и не достигло

стадии творческой душевно-духовной переработки полученной информации. «Публика» сама не мыслит, так же как она сама не шьет себе сапог и не печет хлебов. И в умственном, как и в материальном отношении она живет на всем готовом, и ее готовые мысли только способствуют ее чувству довольства, именно потому, что они не возбуждают в ней двух беспокойных вопросов: «да так ли это?» и «что же дальше?» (*Соловьев В.С.* Россия через сто лет // Собр. соч. Т. 10. М., 1913. С. 139–140). Публика — та же масса, но приобретающая поверхностный лоск.

В качестве примера кардинального различия между массой и народной культурой приведем эпизод из фильма «Начни сначала». Идет заседание художественного совета, на котором обсуждаются песни героя фильма, в частности, песня о поезде-жизни, в котором едут два пассажира. Один из них утверждает, что поезд везет его туда, куда ему нужно, другой — что он не знает, куда едет. Один считает себя машинистом, другой — простым пассажиром и т.д. Песня заставляет задуматься над тем, кто мы в этой жизни, куда «едем». Встает представитель худсовета и говорит: «О чем эта песня? Куда именно едет поезд в ней и зачем? Ничего не понятно. Возьмите другую песню “На недельку до второго я уеду в Комарово”». Здесь все ясно: куда человек едет и зачем. Вот как надо писать!» Данная сентенция — пример оболванивания, что делается сознательно. Здесь интересна одна деталь. Эстрадная бессмысленность в песне о поездке в Комарово выражается очень ярко, уводя слушателя от смысла, истории, гражданской активности. Это, так сказать, апофеоз бессмысленности, но в песне есть конкретный адресат и своя фактологическая реальность. Смысл этой реальности заключается, однако, именно в уводе от настоящей, духовной реальности культуры — реальности истории и смысла жизни, замене ее псевдореальностью. Эта в духовном отношении псевдореальность, уводящая от реальных жизненных проблем, именно и страшна и всегда связана с обманом и ложью. Это та реальность, которая не может устроить народ, реальность массовой культуры, псевдореальность, пытающаяся заглушить истинную реальность народной духовно-душевной жизни.

Конечно, можно защищать это и подобные ему произведения ссылкой на их не претендующий на многое развлекательный характер. Мол, надо людям когда-то и развлечься. Действительно, есть хорошая поговорка «Делу время, а потехе час», и опасность от данной продукции может быть в том случае, если она заполнит всю духовно-душевную жизнь человека в условиях, когда народная культура по тем или иным причинам не доходит до своего адресата, когда эстрадной бессмысленности не противостоят по-настоящему глубокие произведения. Роль народной культуры особенно важна еще и потому, что именно она, а не какие-либо запретительные меры, должна и способна помочь преодолению засилья массовой культуры.

Народная культура национальна, массовая культура не имеет отечества. Подчеркивание слова «отечество» не случайно, потому что именно через историю и философию своего народа идет наиболее полноценное приобщение к культуре мировой. Точно так же, как изучение литературы в первом классе начинается с русских сказок и со стихов Пушкина, который тоже, по его собственным словам, начал приобщаться к культуре через русские сказки, рассказанные няней Ариной Родионовной, так и изучение истории и философии должно начинаться с истории и философии национальной. Через душу, которая содержит в себе национальный компонент, и через дух, включающий архетип народа, идет подлинное понимание культуры, которую легче воспринять человеку той же нации. Ф.М. Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской души, но начинать надо со своей культуры, а потом осознавать и другие, иначе отзывчивость останется, а культурности не возникнет. Изучение собственной культуры — ступень, благодаря которой можно подняться до вершин мировой культуры и овладеть «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Современное положение можно считать переходным к двум возможным состояниям. Первое из них — окончательное вырождение народа в массу, которая отупляется тяжелым трудом или, наоборот, теряя связь с трудом, разлагается в бессмыслен-

ном времяпрепровождении. Однако можно надеяться, что получившие грамотность, материальное обеспечение и возможность досуга обыватели смогут подняться к вершинам культуры и творческого труда. Наперед нельзя сказать, какой из вариантов осуществится, потому что процесс развития общества — не естественно-исторический, протекающий сам собой. В конечном счете все зависит от силы и направления желания людей, от того, как они будут жить и по какому пути пойдут. Ясно одно: пока существует масса, будет и потребность в идеологии как системе идей, приуроченных к массовому сознанию и управляющих им. А покуда такая потребность сохранится, не может быть отказа от идеологии. Идеология, понимая или нет, что своим триумфом обязана массе, стремится омассовать всех людей (собственно, все кошмары, за которые она ответственна, вызваны стремлением осуществить данное желание). Это круг, выход из которого заключается в индивидуальном усилении каждого стать личностью.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ: АПОФЕОЗ ПОДМЕН

Сейчас время господства идеологии и кризиса культуры. Эти вещи взаимосвязаны. Кризис духовной культуры не от того, что она что-то не создала (новые религии и т.п.), а от созданного ею — идеологии. Ко всем отраслям культуры можно относиться одинаково хорошо за исключением идеологии, ввергшей изнутри культуру в кризисное состояние. Идеология подчиняет себе все отрасли культуры и уничтожает, если подчинить не удастся, уменьшая тем самым разнообразие культурной системы и ее устойчивость.

Идеология защищает интересы определенных групп общества, но не каждого и всех в целом. Поэтому все хорошие слова остаются невыполнимыми. На этапе становления идеология (как любая отрасль культуры, претендующая на господство) использует весь интеллектуальный и нравственный багаж для создания привлекательного образа. В дальнейшем демагогическая шелуха отбрасывается под причитания ортодоксов: «разве вы не помните, что классик написал то-то там-то?»

Кризис культуры в лице идеологии заключается в том, что слова остаются словами, более того, их значение искажается и извращается. Сначала происходит подмена смыслов, а потом реальности. Подавляющее (в буквальном смысле) большинство старается для себя. Общие интересы подменяются частными.

Причина кризиса культуры в том, что все три идеологии дискредитировали себя, а других нет. В эпоху выхода масс на мировую арену требуется организующая культурная сила, которая направляла бы их. Идеология порождает подлинный энтузиазм (порой за счет обмана), приводящий к свершению реальных дел. Но растворение культуры в массе понижает ее уровень, как видно на примере цивилизации. Массовая культура подчиняется идеологии и материальным запросам. Массовая музыка, например, почти биологическая, потерявшая художественность и символизм. В целом это раковая опухоль, из-за которой гибнет культурный организм.

В моменты кризиса культуры происходит ее расщепление и внутренняя борьба. Иногда говорят о культуре творческой и культуре потребительской. Последняя и есть массовая культура, так как масса может лишь потреблять, а не производить культуру.

В противоположность понятию массовой культуры уместно говорить об элитарной, или высокой, культуре, которая отличается от массовой как небо от земли не тем, что необычна, а тем, что подлинна. Либо массы поднимутся на вершины культуры, либо культура падет в пропасть. Будущее культуры и человека зависит от ответа на вызов идеологии.

Из всех отраслей культуры идеология наиболее демагогична. У нее самый большой замах — поднять всех на построение рая на земле, — и с ней же связаны самые тяжелые подмены. Очевидно, что так и должно быть, так как она намеренно снижает свой духовный уровень, чтобы быть понятной всем, и, добиваясь этого, больше всего связана с материальной действительностью, являющейся главным источником подмен.

Основная причина нынешнего кризиса культуры заключается в том, что произошел опасный перекосяк от духовной куль-

туры в сторону материальной жизни, от любовно-творческого стиля жизни, свойственного миру духовной культуры, к агрессивно-потребительскому стилю, свойственному миру материальной жизни человека. Движущей силой этого процесса является идеология как главная ныне отрасль культуры, которая сама по себе сдвинута в сторону материальной жизни.

Идеология возникает тогда, когда определенные слои общества готовы жертвовать собой во имя народа, и начинает переживать кризис, когда носители ее, придя к власти, начинают уничтожать несогласных. В конце концов сами проводники идеологии перестают верить в идеалы (если они у них были), и их уверения становятся ложью, видимой всем. Материальные средства искажают духовные цели и делают их неосуществимыми.

Сколько революционеров гибло за свободу и счастье людей, пока, наконец, идеология не победила. На алтарь принесены огромные жертвы, особенно в России. Но как только идеология приходит к власти, сразу начинается насилие и подмена. Идеология прикрывается гуманизмом — правами человека, класса, нации. На самом деле она — подмена гуманизма, потому что гуманное отношение к одним заменяется уничтожением других. Не может быть по-настоящему гуманного отношения к одним при геноциде по отношению к другим. Результат идеологической борьбы — две мировые войны и экологическая катастрофа. Война становится перманентной, переходя их горячей в холодную. Такой же постоянной становится война с природой.

Идеология неразрывно связана с тоталитаризмом, если не в виде подчинения человеку, то в виде подчинения материальному объекту. Формы тоталитарности разные: от жесткого физического принуждения до мягкого денежного насилия. Тоталитаризм национализма и социализма вытекает из того, что эти идеологии открыто называют слои общества, которые противостоят им и нацеливают своих сторонников на борьбу. Буржуазная идеология вроде бы не признает открытых противников, но пронизана скрытым, денежным тоталитаризмом.

Все идеологии, настоянные на ненависти к тому, что им противостоит, одинаково враждебны к природе и совместными уси-

лиями вызвали экокризис. Господство идеологии влечет насилие и кровь. Идеологии жертвуют людьми и природой в массовом масштабе, возводя насилие в культ. Появляется культ личности, а точнее культ против личности, из которого не вырастет культура. Идеология убивает не отдельных ученых, писателей, религиозных деятелей, а целые слои и классы, используя ссылки на волю Бога, объективные законы развития природы и общества и т.п. Это напоминает войны между кланами крыс до полного уничтожения всех кланов, кроме одного.

Почему не осуществились величайшие чаяния человечества? Религия отвечает: из-за изначальной греховной природы человека. Идеология говорит: не созрели производительные силы общества или оно было слишком традиционным и закрытым и т.д. Метаисторическое объяснение: людей ведут по лабиринту высшие силы и наблюдают, как они попадают в тупик. Толстой склонен был видеть нравственные причины. Агрессивность становится самодовлеющей, постоянно расширяясь, и если ее не сдерживает нравственность, ведет от подмены к подмене. Люди должны стать лучше, но этого не происходит, потому что духовные искания превращаются в материальную власть, а самопожертвование сменяется насилием. Неестественная для духа и культуры агрессивность вредит природе и самому человеку.

Подмены объясняются не только трудностью достижения результата, а тем, что люди живут по приказу властей, а власть приобретают те, кто стремится к ней ради нее самой. Это обстоятельство затрудняет прогресс человечества и грозит новыми подменами. Подмена философских исканий в Древнем Риме, когда он пошел по пути завоеваний и гонений на христиан; подмена христианских чаяний инквизицией и индульгенциями во 2-м Риме; подмена целей православия задачами построения централизованной империи в 3-м Риме; подмена социалистических утопий становлением тоталитарного государства; подмена развития национального самосознания построением фашистского государства; подмена демократического устройства потребительским обществом — сплошная цепь подмен, основа

которых власть, опирающаяся на насилие. Духовная эволюция зовет в рай. Но подмены ведут в ад. Это и есть «дорога в ад, вымощенная благими намерениями».

Подмены были и до идеологии, но именно в идеологическую эпоху они достигли грандиозных масштабов геополитического землетрясения. Идеология загнала себя в тупик самоистребления тремя противоборствующими частями: идеологией национального государства, превратившейся в фашизм; идеологией свободы, превратившейся в капитализм; и идеологией равенства, превратившейся в тоталитарный социализм. Кризис будет продолжаться, пока от подмен не вернуться к добровольной жертве.

Над идеологией поднялся свет, обещающий превзойти ее на ее же поле битвы; свет, зажженный Махатмой Ганди, сумевшим вдохновить культурой ненасилия массовое движение. Это свет в конце идеологического тоннеля. Что придет на смену? Экологический кризис свидетельствует: должно прийти то, что станет адекватным ответом на него — экологическая мудрость и культура. Это не значит, что все опасности прекратятся. Дискредитировать демократию могут демократы, пришедшие к власти. Дискредитировать экологию может достигшая власти экологическая партия, как раньше изменили своему предназначению, придя к власти, философия, религия, наука, идеология. Пока за идеи умирают люди, они побеждают; когда во имя их начинают убивать, они духовно деградируют. Это заставляет по-новому оценить толстовский уход и смерть Ганди от пули.

Любая отрасль культуры грозит подменой, если приходит к власти. Когда вся культура идеологизируется, наступает глобальный кризис, от которого нет иных путей спасения, кроме нравственного совершенствования. Иначе череда жертв и подмен неизбежна.

Вопросы для повторения

- Что такое идеология?
- Чем она отличается от мифологии, религии, философии, науки?
- Почему в наше время господствует идеология?

Глава 19. Идеология: кризис духовной культуры

- Какие этапы проходит идеология и в чем их различие?
- Каковы три основных источника идеологии?
- В чем сходство и различия между тремя основными идеологиями?
- Каковы главные особенности либерально-капиталистической идеологии?
- Каковы главные особенности националистической идеологии?
- Каковы главные особенности коммунистической идеологии?
- Что такое массовая культура и как она связана с идеологией?
- Каковы различия между массой, публикой и народом?
- Каковы особенности массовой культуры в отличие от народной?
- Чем отличается культурная реальность от житейской фактологичности?
- Почему именно народная культура ведет к приобщению к культуре мировой?
- Как связана идеология с кризисом культуры?

Литература

1. *Платон*. Государство. Законы // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1970.
2. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 2000.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии.
4. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
6. *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции. М., 1991.
7. *Барт Р.* Избранные работы. М., 1994.

Глава 20

Закономерности развития культуры

Для того чтобы быть услышанным людьми,
надо говорить с Голгофы, запечатлеть истину
страданием, а еще лучше смертью.
Л. Толстой

МАЯТНИК И ПРОГРЕСС

Говоря об истории развития человечества, Л.Н. Толстой подчеркивал, что настоящая история не в описании жизни правителей и их войн, а в культуре, отвечающей высшим нравственным чаяниям, которую творят представители народа. Подлинная история — история культуры, и прослеживая стадии ее развития, мы движемся в фарватере человеческой эволюции. Жизнь и смерть Сократа, проповедь и распятие Христа, энтузиазм и сожжение Бруно сделали больше для прогресса человечества, чем победы всех завоевателей. Культура в целом есть процесс и результат творческого постижения и преобразования человеком окружающего мира.

Как в материальном мире имеются четыре основные физические силы (биологи к ним прибавляют жизненную силу, а психологи — волю), так в мире духовной культуры имеются три основные силы — вера, воображение, разум, которые вместе с пятью чувствами и интуицией создают культуру.

Культура — культ предков, но чтить их можно не только поклонением, но попытками стать, как они, творцами культуры. Нужно соблюдать обряды и ритуалы, если они делают культурно сильнее и помогают выполнению созидательных задач, но становимся мы достойными тех, кто жил до нас, и обеспечиваем непрерывное развитие культуры именно тем, что творим сами.

Первобытные народы называли своих предков культурными героями, в этом проявляется значение, которое они придавали культуре. «Все эти мифы о героях, основанные на одних и тех же представлениях, обнаруживают по всей земле замечательное тесное родство между собой» (*Леви-Брюль Л.* Первобытная мифология... С. 354). Культурные герои считаются «вечными», «несотворенными», «создателями вещей». Предок-творец — вот оно могущество культуры. «Таким образом, первобытное предание ставит у колыбели человечества личность героя, потомство которого населяет мир» (Там же. С. 355).

Во всех первобытных культурах в основе лежат мифологические представления, в более развитых — религиозные, в античной — философские, в новоевропейской — научные. В основе каждого типа культуры определенные мифологические, религиозные, философские представления, составляющие ее архетип. Каждая культура дает свой образ мира, выражающийся в: 1) национальном характере народа; 2) ее собственной истории; 3) взаимосвязи с другими культурами. Общий образ мира данной культуры складывается из более частных — научной картины мира, философской и т.д.

Развивается культура циклично или линейно? На более ранние представления о линейности наложилась идея замкнутой цикличности Данилевского и Шпенглера. Они пытались обобщить многообразие проявлений данной культуры и подкрепляли свои взгляды использованием биологической и психологической терминологии, хотя именно за это подвергались критике. В идее сквозных типов культуры Сорокина (идеационального, чувственного, идеалистического) речь идет о периодической цикличности единого целого как некоей симфонии культуры. Отдельные культуры — неповторимые и своеобразные ступени. Именно поэтому уничтожение — действие антикультурное, и подлинное развитие культуры осуществляется посредством жертвы. Развитие типов культур удовлетворяет принципу цикличности. Рассматривая же развитие культуры в целом, необходимо соединять элементы цикличности и направленности, и таким образом, получаем принцип развития культуры по спирали.

XIX в. принял и во многом дискредитировал идею прогресса из-за представления о его жесткой предопределенности. Из этого не следует, что от данного понятия надо отказаться. Эволюция культуры от доисторического состояния к более рациональным формам не подлежит сомнению. Прогресс культуры можно видеть в этом, а также в увеличении содержания культуры и в появлении новых отраслей. О прогрессе культуры можно говорить в смысле смены господствующих отраслей и в том смысле, что к старым произведениям прибавляются новые, увеличивая общее количество и разнообразие культурной системы (в то время как верования примитивных народов похожи друг на друга). Рост количества произведений и отраслей увеличивает «видовое разнообразие» культурной системы и, стало быть, устойчивость культуры (по аналогии с прямо пропорциональной зависимостью между видовым разнообразием и устойчивостью экологических систем).

Есть определенное содержательное противоречие между культурным прогрессом и прогрессом техники. Вооруженные железом дорийцы победили обладавших бронзовым оружием минойцев, но это была, как считает Тойнби, победа варварства над цивилизацией. Рассматривая вопрос о критерии роста цивилизации, Тойнби пишет, что таковым не может быть территориальная экспансия. Скорее наоборот, территориальная экспансия ведет к замедлению роста и его полной остановке. Здесь противоположность физической и духовной сил. «Территориальная экспансия приводит не к росту, а к распаду» (Тойнби А. Постигание истории. С. 218). Основываясь на изучении истории древнего мира, Тойнби делает вывод, «что если экспансия и имеет какое-либо соответствие росту, то здесь обратная пропорция, другими словами, территориальные захваты — симптом не социального роста, а социального распада» (Там же. С. 219). «Географическая экспансия и духовный рост находятся в обратной зависимости друг от друга» (Там же. С. 220). И в пределах одного государства проявляется обратная зависимость между физической силой и ростом духовной культуры, сформулированная на примере России За-

белиным с поправкой на возможность достойного духовного ответа на давление власти. Критерием роста цивилизации, по Тойнби, не может быть и увеличение власти над природным окружением. И здесь действует, скорее, обратная зависимость.

Существует определенная аналогия между развитием культуры и отдельного человека. Развитие индивида Вико описывает так: «Люди сначала чувствуют, не замечая, потом замечают взволнованной и смущенной душой, наконец, обсуждают чистым умом» (*Вико Д.* Основания... С. 88). И человечество в целом сначала делает (материальная культура Человека Умелого), потом осознает смерть (мистика), чувства (искусство), пытается познать смысл чувствами (мифология), разумом (философия), верой (религия), проверкой (наука) и, отчаявшись, уходит в свои интересы (идеология), как бы возвращаясь к исходному пункту материальной культуры. Таково движение культуры по спирали с возвращением к исходной точке на новом уровне.

Вико показывает путь от антропоморфизма до овеществления: «человек посредством понимания проясняет свой ум и постигает вещи, а посредством непонимания он делает эти вещи из самого себя и, превращаясь в них, становится ими самими» (*Вико Д.* Основания... С. 147). Можно сказать, что значение духовной культуры росло по сравнению с материальной, и так было еще во времена господства религии. При лидирующем положении науки материальная культура начала подниматься на чаше весов, а господство идеологии еще более упрочило ее положение.

В данной книге рассмотрено семь отраслей духовной культуры. Каждая последующая — синтез предыдущих, рождающий новое качество и сохраняющий из предыдущего все ценное для себя (закон отрицания отрицания Гегеля). Развитие отраслей можно представить следующим образом: мистика + искусство = мифология + философия = религия + наука = идеология. Эта цепочка свидетельствует об усложнении культуры наподобие усложнения биологических видов.

Мистика и мифология — детство человека, философия и религия — его юность, наука и идеология — зрелость. Искусство,

начинаясь в детстве, сопровождает человека всю жизнь. Человек постоянно ищет, переходя от одних способов к другим. Возможно возражение, что ни философия, ни религия, ни наука не потеряли своего значения, но престиж философии никогда не был так высок, как во времена Платона и Аристотеля; религия никогда не располагала такой властью, как в Средние века; наука никогда не пользовалась таким уважением, как в XIX в. Эти отрасли и сейчас присутствуют в культуре и, может быть, добьются выдающихся успехов, но пик их могущества в прошлом.

От Сократа идет деградация философии вместе с накоплением знаний и престижа Академии. От Христа идет деградация религии вместе с ростом веры и укреплением церкви. От Бруно идет деградация науки вместе с ростом знания и значения научных открытий. Спираль начинает раскручиваться, и творческая энергия порыва уменьшается с переходом в знание. «Раз пробудившись, мысль уже не засыпает более, она развивается в известную систему мыслей, растет от человека к человеку, от поколения к поколению, пока не достигает своего полного развития, после чего эта система мысли не может уже более расти и должна уступить место другой» (*Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994. С. 22).

Как только какая-либо отрасль начинает кичиться силой и уничтожает окружающее, наступает конец ее могущества. И так от мифологии до идеологии, а если верить в существование и причины гибели Атлантиды, то от мистики. Смену господствующих отраслей культуры можно считать одной из культурологических закономерностей, отличной от закономерностей творчества, относящихся к психологии, и закономерностей отношений между носителями культуры, изучаемых в социологии.

Первым вопрос о поиске закономерностей развития культуры на прочную эмпирическую базу поставил английский этнограф Тайлор, отмечавший, что каждый этнологический музей демонстрирует удивительное сходство в орудиях, применяемых в самых различных частях света самыми разными народами. Тайлор обратил внимание на необходимость изучения культуры как целого. «Точно так же как каталог всех видов растений и жи-

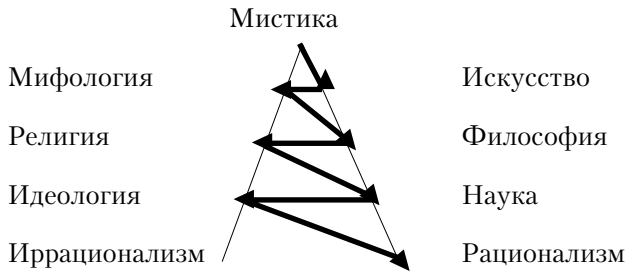
вотных известной местности дает нам представление о ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих принадлежность жизни известного народа, суммирует собою то целое, которое мы называем его культурой. Мы знаем, что отдаленные одна от другой области земного шара порождают такие виды растений и животных, между которыми существует удивительное сходство, которое, однако, отнюдь не является тождеством. Но ведь то же самое мы обнаруживаем в отдельных чертах развития и цивилизации обитателей этих стран» (*Тайлор Э.Б. Первобытная культура... С. 23*).

Закономерную смену господствующих отраслей культуры можно назвать принципом маятника. Любой процесс регулирования, в котором играют роль механизмы инерции (а культурный процесс именно таков), имеет тенденцию колебаться. В основе развития культуры лежит тенденция рационализации. Но она осуществляется не линейно, прибавляясь в каждой последующей отрасли, а скачкообразно. Философия более рациональна, чем мифология, но в следующей за философией религии рациональность уменьшается. Затем она опять повышается в науке, но уменьшается в идеологии. Это объясняется тем, что рационализм постепенно подходит к границам своих возможностей в пределах данной отрасли культуры, а вокруг остается широкое поле непостижимого. Обобщения на более широкие сферы приводят к росту иррационализма, поскольку обнажается неспособность разума их освоить. Приоритет начинают приобретать иррациональные течения, которые побеждают на какое-то время. Затем усиливаются попытки рационализации иррациональных результатов. Рациональность — тенденция, которая реально существует, но помимо ее есть идеалы, скажем, идеал бессмертия, и человек порывает с рациональностью, если иррационализм подает надежду на осуществление идеала.

Можно отметить другую причину смены лидирующих отраслей. Растущая дифференциация культуры вследствие увеличения ее разнообразия как более динамичная характеристика культурной системы приходит в противоречие с более статичными формами объединения содержания. Рост содержания кумуляти-

вен, рост форм характеризуется преемственностью. Форма — вещь консервативная и прочная. Ее нельзя по желанию гоголевской невесты превратить в идеального жениха путем представления одного качества одной формы к другому качеству другой. Это реальность, в которую можно влюбиться на всю жизнь, а можно разлюбить через определенное время. Обеспечение гармоничного развития культурной системы вынуждает замену одной формы другой как способ разрешения противоречия между формой и содержанием.

Маятник культуры выражает постоянный переход от главенства рационального компонента к главенству иррационального и обратно и необходимость того и другого. Это видно на схеме.

Мистика возникла до дифференциации на чувства и разум, когда разум как таковой еще не возник. Развитие чувств и образного мышления привело к становлению искусства. Затем развитие понятийного мышления привело к формированию мифологии, состоящей из двух уровней — образного и рационального. Дальнейшее развитие привело к становлению философии, в которой понятийный уровень стал единственным и самодовлеющим. Как только философия захватила власть (Марк Аврелий), выяснилось, что она не осуществит свои обещания, и начался откат к религии. После захвата религией власти в индугенционквизиционную пору культура повернулась к науке. Наука, став всемогущей, обнаружила свое бездушие. Люди обратились к идеологии, которая, придя к власти, продемонстрировала свою бесчеловечность.

Предпосылки одной отрасли постепенно созревали в другой: в мифологии растет рациональная компонента, и образы начинают пониматься иносказательно, вплоть до возникновения философии; в философии, по мере впадения в скептицизм, прорастала вера (в неоплатонизме), вплоть до торжества религии; в религии зреет разумное начало вплоть до торжества науки; в науке растет понимание того, что она тоже основывается на вере — в объективную реальность, вплоть до торжества идеологии. Таков ход маятника. Каждая отрасль не возвращается в исходную точку. Меняются преобладающие чувства: сначала в искусстве довлеет воображение, затем в религии вера, наконец, в идеологии интерес. Разум науки отличается от философского разума своей опорой на эмпирическую реальность.

С развитием тенденции рационализации амплитуда маятника увеличивается. Расстояние между мистикой, искусством и мифологией еще невелико, но философия дальше отходит от мифологии, религия от философии, наука от религии, а идеология от религии.

Отрасли чередуются по степени воздействия на массы: большее — у мистики, мифологии, религии, идеологии, меньшее — у философии и науки. Это связано со степенью рациональности. Менее рациональное распространяется на большее количество людей, что означает, что меньшинство людей мыслит рационально. В каждом типе культур имеет место различное соотношение отраслей, и этим определяется их своеобразие. В восточных типах культур, в которых создались все великие религии, данная отрасль культуры всегда имела большее значение, чем в западных типах, в которых преобладали философия и наука.

Еще один вывод из внутренней борьбы между отраслями культуры и учениями делает Тойнби, анализируя борьбу между конфуцианством и буддизмом в Китае и аристотелевской философией и богословием в средневековой Европе: «более сильной оказывается сторона, не находящаяся у власти» (Тойнби А. Постижение истории... С. 605).

На основе принципа маятника можно прогнозировать будущее культуры. На следующей ступени можно ожидать воз-

вращения к господству рационального. Тенденция рационализации, которую у нас нет оснований считать завершенной, служит интеллектуальной основой эволюции культуры.

Равновесие культуры — это миг отсутствия господства какой-либо отрасли над другими, когда одна уже потеряла лидирующую роль, а другая не приобрела. Борьба представляется неизбежной в определенный период. В этом смысле «не мир пришел я принести, но меч».

По аналогии с социальной, научной и т.д. можно говорить о культурной революции, имея в виду процесс скачкообразного перехода от главенства одной отрасли культуры к другой. По крайней мере три такие революции можно назвать: философскую, религиозную, научную. Движущей силой революции был творец, приносивший себя в жертву, а создателями новой отрасли культуры становились его ученики и последователи, вдохновленные его жертвой. Действительно, как иначе можно победить, если физический перевес на стороне противника.

Отрасли культуры, как живые организмы, этносы, экосистемы проходят цикл развития. В свою очередь, каждый человек проходит путь развития культуры в целом. «Подобно тому, как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой только повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков — по крайней мере более поздних» (*Энгельс Ф.* Диалектика природы. М., 1952. С. 140). В соответствии с так называемым «биогенетическим законом», современный человек не только телесно, но и духовно-психически сокращенно воспроизводит свое природно-биологическое прошлое.

Сначала, как установили психологи, имеет место синкретическое восприятие, затем восприятие с помощью построенных из образов схем, объективных или субъективных, и лишь затем аналитическое восприятие, которое развивается от вербально-

го синкретизма до теоретического синтеза. Это соответствует последовательному развитию мистики, искусства, мифологии, философии.

Пиаже установил три этапа развития ребенка: 1) до 7—8 лет — этап интеллектуального реализма, когда ребенок отождествляет слово и предмет; 2) 8—11 лет — этап вербального синкретизма, когда ребенок понимает причины действий, но не может объяснить причины абстрактных понятий; 3) 11—12 лет, когда появляется абстрактное мышление. 1-й этап соответствует мистике и искусству, 2-й — мифологии и 3-й — философии.

Исходной точкой служит отсутствие какой-либо дифференциации. Начиная с 1 года и 9 месяцев или с 2 лет, по Пиаже, существуют «да» или «нет», действительное и недействительное, без всяких оттенков. Это первая дифференциация. К 3 годам воображаемое отделяется от действительного. Эта стадия соответствует существованию искусства. К 7 годам ребенок овладевает мифологическим мышлением соположения, а после 7 лет формируется причинный и логический порядок рассуждения. «Главное свойство детской предпричинности и состоит в отсутствии различения причинной точки зрения от точки зрения логической, которые обе еще смешаны с точкой зрения намерения или психологического мотива» (Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб., 1997. С. 205). Исходным для ребенка является «почему» психологической мотивировки, из которой следует «почему» причинного объяснения и «почему» обоснования. Это объясняет характерный для детей антропоморфизм и анимизм, который присущ и развитию человека как вида.

Пиаже пишет далее: «После 7—8 лет эти черты эгоцентризма не исчезают мгновенно, но остаются кристаллизованными в наиболее отвлеченной части мысли, которой труднее всего оперировать, а именно в плане мысли чисто вербальной. Таким образом, между 7 с половиной и 11—12 годами ребенок может не обнаруживать никаких следов синкретизма в понимании восприятия, т.е. в мысли, связанной с непосредственным наблюдением (сопровождаемой или не сопровождаемой речью), и сохранить оче-

видные следы синкретизма в словесном понимании, т.е. в мысли, оторванной от непосредственного наблюдения. Этот синкретизм, наблюдающийся после 7–8 лет, мы будем называть вербальным синкретизмом» (*Пиаже Ж.* Речь... С. 134). Здесь загадка того, что примитивные народы мыслят вполне логично в практической сфере. И в то же время их мифология позволяет заключить о наличии дологической стадии мышления. Проводя аналогию между развитием ребенка и человечества, можно сказать, что данным народам от 7 до 12 лет. «В речи, как и в восприятии, мысль идет от целого к частностям, от синкретизма к анализу, а не обратно», — заключает Пиаже.

По Э. Гартману, сознание происходит из удивления перед нежелательным представлением. Что является наиболее нежелательным представлением? По-видимому, смерть. Она и является источником сознания. Так же, по Пиаже, для детей в жизни «нет ничего удивительного до тех пор, пока ребенок не осознает разницы между жизнью и смертью. С этого момента смерть вызывает особое любопытство ребенка именно потому, что если за каждым явлением скрывается мотив, то смерть требует особого объяснения. Следовательно, ребенок будет искать критерий для различения жизни и смерти; эти поиски приводят его к подстановке в части предпричинного объяснения и к отысканию мотивов причинного объяснения и даже иногда к осознанию случайного» (Там же. С. 215–216).

Что касается взрослого человека, то не только душу, как это делал К. Юнг, но и дух можно сравнить со строением: сверху более поздние отрасли, под ними ранние. В сознании и бессознательном сохраняются все стадии развития духовной культуры в форме архетипов. Люди тоже делятся на 7 духовных типов — мистики, художники, мифологи, философы, верующие, ученые, идеологи — в зависимости от того, какая отрасль господствует в них. Конечно, количество принадлежащих к данному типу зависит от того, какая отрасль господствует в данное время, но жесткой связи нет. В эпоху господства идеологии есть представители всех других типов, и, скажем, мистик по натуре, если он твор-

чески подходит к культуре, будет, как Р. Штайнер, использовать все достижения культуры для подтверждения своих взглядов. Так в XX в. возникает антропософия. Ее влияние на современников определяется не только историческими условиями, но и индивидуальной духовной силой, которая притягивает к себе все культурные феномены, осуществляя их синтез.

К образу прибавляется мысль, к мысли вера, к вере опыт, к опыту интерес, и получается культурный сплав, помогающий выживанию. Отрасли культуры не только сменяют друг друга на пьедестале, но в процессе борьбы составляют единство многообразного, в том числе противоположного.

ЖЕРТВЫ И ПОДМЕНЫ

Мы воспринимаем культуру как данность и не задумываемся над тем, сколько усилий стоило ее создание. Не только искусство требует жертв, но и философия, религия, наука, идеология. Культура в целом является «искупительной жертвой» человечества. Слово «культура», по Вико, связано со словом «жертва», так как первым культом было сооружение алтарей и принесение в жертву людей, осквернявших считавшиеся священными первые хлебные поля. Как растения рождаются после смерти зерна, так культура рождается после жертвы.

Если наука найдет гены, ответственные за жертву во имя истины, это будет биологическим объяснением феномена. Пока можно констатировать, что именно жертва ведет к победе культуры. Смерть Сократа, Иисуса Христа, Джордано Бруно — это, говоря современным научным языком, точки бифуркации в развитии культуры. Если синергетика дала действительно универсальную схему развития, то она приложима и к культуре. При этом жертва представляет точку бифуркации, синтез — линейный процесс роста, подмена — переход в неустойчивое состояние.

Жертвы Сократа, Христа и Бруно — экстраординарные события по своему значению, но они лишь высшее проявление разрешения противоречия между миром духовной культуры и

миром материальной жизни человека, которое действует всегда и повсюду. Как говорил Т. Элиот, «движение художника — постепенное и непрерывное самопожертвование».

Характер жертвы зависит от типа культуры. Так, в религиозном типе культуры человек жертвует всем ради Бога, в научном — ради знания, в идеологическом — ради интересов класса, нации. Во всех случаях жертва служит двигателем культуры. Она предпринимается не для того чтобы что-то произошло, а сама есть событие, за которым следует желаемое. Всякая жертва, если она, как писал Л. Андреев, чистая и печальная, содержит пользу в самой себе.

Культура не может победить насилием, она побеждает посредством добровольной жертвы. Отсюда обоснование добродетели: истинный прогресс — прогресс культуры, он идет через жертву, а для того, чтобы быть способным к жертве, надо обладать добродетелью. Святость жизни проверяется готовностью к жертве. Если человек рвется к власти и готов идти по трупам, лишь бы удержать ее, то такой человек от дьявола. Если человек ради своих убеждений готов пожертвовать собой и никогда не изменяет им под влиянием внешних обстоятельств — такой человек от Бога. Духовное значение жертв прозрели те, кто называл жертвующих собой святыми. Святой говорит: «Я разрушаю себя для того, чтобы мир жил. Я даю своей жертвой энергию миру».

Аналогично физической и психической энергии можно говорить о культурной энергии. Это энергия жертвы. Самопожертвование — не пассивное ожидание нападения, а активное стремление к жертвенности. Как при смене общественно-экономических формаций один способ производства как форма не обладает сам по себе достаточной энергией, чтобы вытеснить другой, так и отрасль культуры как форма не обладает необходимой силой, чтобы сделать это, и нужна энергия, чтобы «процесс пошел». Эту энергию обеспечивает жертва. Жертвы нужны как топливо, создающее необходимый для победы заряд энергии.

Жертва — энтропийный процесс с точки зрения физики, но неэнтропийный с точки зрения культуры. Разрушение телесно-

го ведет к развитию духовного. Жертва создает свободную духовную энергию в культурной системе, которая обеспечивает становление новой отрасли и новое качество культуры в целом. Энергия жизни создает культурный синтез, энергия смерти обеспечивает его победу. Приведа к торжеству данную отрасль культуры, энергия распространяется на ее последователей, а затем воздействует на широкие массы, делая рождающихся в духе людей, как говорят индусы, «дваждырожденными».

А. Гойнби пишет, «что каждая из философий и высших религий пришла в мир в то время и в том месте, когда и где бесконечные муки и страдания народа еще более усиливались горестным испытанием переживания упадка и гибели земной цивилизации» (Философия истории... С. 229) и приводит слова Эсхила, что знание приобретает через страдание. Это страдание является ферментом культурного прогресса. «Падение цивилизаций служит причиной возникновения высших религий» (Там же), потому что новый культурный синтез необходим как отправная точка развития новых цивилизаций. Как говорит герой Арцыбашева писатель Чатырев, для развития таланта надо страдать. «Мы творим от горя и страданья», — писал Бердяев. Все трудности жизни — причина для жертвы, ведущей к новому этапу развития.

В широком смысле культурная жертва есть способ инициации культуры и ее вечного возрождения. Жертва — мутация, ведущая к эволюции. Через добровольную жертву создается новый культурный код.

Каждая отрасль культуры имеет свой предмет, и они могли бы работать не мешая друг другу. Но идет борьба за привлечение интереса и интеллектуальных и материальных сил, которые всегда ограничены. Она в переломные периоды развития культуры может быть очень жестокой. «Подвижники прошлого для того, чтобы лучше запечатлеть в сознании людей величие провозглашенных ими истин, чаще всего кончали костром или героической гибелью. Во всяком случае жизнь их, как правило, несла на себе оттенок мученической аскезы или своего рода социального поражения» (*Ключников Н.И. Провозвестница... С. 144*). Слово «запечат-

ление» позволяет вспомнить, что этологи обозначают им способ научения. А слова «социальное поражение» означают, что господствующая отрасль культуры применяет физическую силу для борьбы с соперниками. Отсюда необходимость жертв.

Каков механизм действия жертвы? Будем основываться на аналогии с физическим процессом. Гибель высвобождает большое количество энергии, которая подпитывает систему и приводит ее в состояние неустойчивости. Чем больше количество энергии, тем больше вероятность перехода системы в новое качество. Это процесс, аналогичный процессу рождения материи в модели Пригожина и другим процессам, изучаемым синергетикой.

Два камня, которые человек бьет друг о друга, — это точка сингулярности материальной культуры, ведущая к созданию орудий труда и сопровождающаяся высеканием искры, ведущей к использованию огня. Так же борьба двух отраслей культуры сопровождается высеканием духовной искры, ведущей к духовному свету.

«Казни, как всегда, только усиливали веру последователей», — писал Л.Н. Толстой (*Толстой Л.Н. Почему христианские народы... // Толстовский листок. Т. 1. М., 1990. С. 23*). Основатель новой отрасли культуры должен физически погибнуть, чтобы создался духовный плод. «Тот, кто любит свою плотскую жизнь, тот теряет жизнь истинную, а кто небрежет жизнью плотской, тот сохранит ее в жизнь вечную» (Евангелие Толстого // Там же. С. 57). Жизнь вечная здесь и есть жизнь культуры. И Христос у Толстого говорит: «...смерть моя нужна для утверждения истины. Смерть моя, при которой я не отступаю от истины, утвердит вас, и вы поймете, в чем ложь, в чем истина и что выходит из знания лжи и истины. Вы поймете, что ложь в том, что люди верят плотской жизни, а не верят в жизнь духа; что истина в соединении с Отцом и что из этого выходит победа духа над плотью» (Там же. С. 59). Культура развивается через победу духа над плотью.

Хотя жертва приводит к созданию качественно нового, она не является сама по себе чем-то чудесным. «Показать, что религия, основанная Иисусом, была естественным следствием всего

предшествовавшего, не значит умалить ее значение; это значит лишь доказать, что она имела свои разумные основания, была законной, то есть соответствовала инстинктам и потребностям сердца данного века» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 291*). Не только данного.

Обычай приносить жертвы имеет универсальное общечеловеческое значение. Особо обращалось внимание на беспорочность жертвы, отсутствие у нее недостатков. Возраст также оговаривался. Это относилось к приносимым в жертву животным. У евреев из мелкого скота (козы, овцы) — однолетний, из крупного (быки, волы) — трехлетний.

Прогресс культуры имеет место именно потому, что побеждает ненасилие и непротивление злу. Это, видимо, имел в виду Лао-цзы, когда писал: «Слабейшее побеждает сильнейшее, нежное и хрупкое побеждает грубое и прочное». В мире материальной жизни господствует закон насилия, в культуре закон победы через жертву. Были жертвы большие и незаметные, подчас неизвестные. На их костях и крови созидалась культура. Как главной чертой бескультурья является насилие, так главной чертой культуры является жертвенность.

Отказ от культуры, даже если его назвать культурной революцией, ведет к торжеству насилия. Фашисты почерпнули у Э. Гартмана и Ницше так называемый «закон культурного развития», в соответствии с которым в мире господствует «естественный отбор и самоутверждение более сильного и храброго», а справедливость, мораль и т.п. «лишь вспомогательные средства каждой общественной системы для создания социального строя. Такие вспомогательные средства — изобретения человека и никоим образом не затрагивают вечного основного закона борьбы и отбора... Только сильнейший побеждает в мире и только он определяет, что есть справедливость и мораль» (*Откровения и признания. М., 1996. С. 399*). Если зло торжествует в сфере материальной жизни, то «смерть на Кресте означает... что царство Его не от мира сего» (*Тойнби А. Постигание истории. С. 445*). Смерть Сократа, Дж. Бруно означает, что культура не от мира сего. Царство Божие внутри нас — это мир духовной культуры.

Есть различия между законами материальной и духовной жизни человека. Законы мира духовной культуры — законы мира, любви и гармонии. В культуре действует принцип: «Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Матф. 23: 12). Борьба в сфере духа ведется иными способами, чем в мире материальной жизни.

Имеет место гегелевская триада: тезис — жизнь, антитезис — жертва, синтез — культура. К жертвоприношению в иных формах Элиаде приравнивает дуэли и войны. «Героическая дуэль — это жертвоприношение. Война — это декадентский ритуал, в котором богам победы приносятся бесчисленные жертвы» (*Элиаде М. Мифы...* С. 233). В этой системе представлений по-новому осмысливается понятие жертвы и героизма как такового. Смысл жертвы, возможно, не в родственном или групповом отборе, как считает социобиология, а в том, что в человеке существует культурное измерение, проявляющееся в жизни.

Но вот данная отрасль культуры приходит к власти, и жертвы перестают быть необходимыми. Наступает время построения того, за что отдана жизнь. Сократ пожертвовал собой, а Аристотель предпочел покинуть Афины. Христос был распят, а Петр трижды отрекся от него. Бруно сожгли, а Галилей отказался от своих убеждений. В период культурной революции преобладает борьба. Революция требует жертв, и гонения на другие отрасли культуры ведут к уменьшению культурного разнообразия. На синтезирующем этапе развития культуры, который можно назвать нормальным (по аналогии с нормальным периодом развития науки, по Куну), разнообразие культурной системы начинает увеличиваться. В целом процесс развития культуры напоминает введенный в социологии П. Сорокиным закон стратификации, в соответствии с которым в нормальный период развития общества расслоение увеличивается. Назовем аналогичный закон культурологии законом культурной стратификации (можно также использовать понятие культурной пирамиды). Основу стратификационного усложнения культурной пирамиды составляет то, что творчество представляет собой процесс создания новых связей.

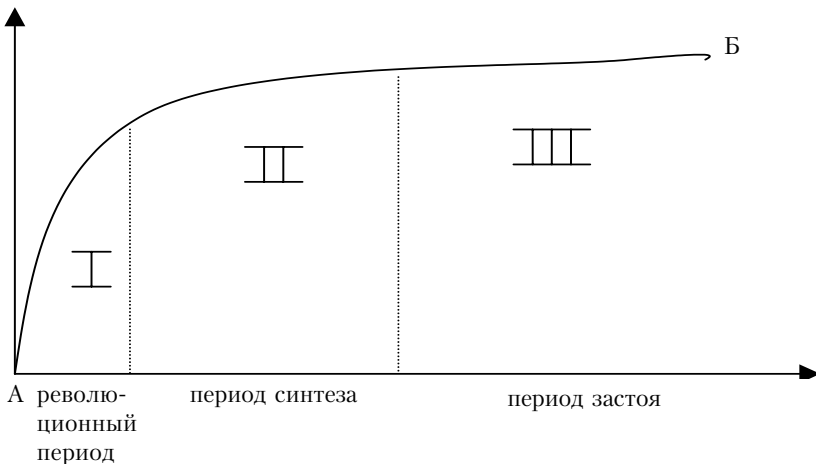
В науке имеет место преемственность теоретического знания, в философии — отрицание отрицания, т.е. сохранение на последующих стадиях всего ценного, что имело место на предыдущих стадиях, с устранением несущественного. Для синтеза в одной отрасли культуры необходим материал других отраслей. Например, для синтеза ислама понадобилась и философия (неоплатонизм), и мистицизм (учение гностиков), и мифы (религиозные и языческие), и искусство (текст Корана — произведение искусства) и т.п. Каждая новая отрасль культуры увеличивает выбор индивидуальных возможностей. Творчество увеличивает культурное разнообразие, а оно повышает устойчивость культурной системы (аналогично основному закону экологии о прямо пропорциональной зависимости между видовым разнообразием и устойчивостью). Разнообразие должно интегрироваться, чтобы система не распалась (как в природе интегрируются атомы, молекулы, клетки, организмы, экосистемы, биосфера). В основе развития культуры, как и природы, лежит принцип интегративного разнообразия.

Синтез, в свою очередь, подрывает господство данной отрасли культуры и приближает точку бифуркации и следующей культурной революции. Создателей новых отраслей культуры (Сократ, Христос) убивали, осуществлявших культурный синтез (Овидий, Данте) чаще изгоняли, но они не были лишены возможности выполнить свое предназначение, так как для синтеза требуется время.

Взаимодействие мира культуры со средой в чем-то аналогично экологическим взаимодействиям. По мнению К. Лоренца, культуру можно уподобить биологическому виду. В данном случае мы проводим аналогию между отраслью культуры и биологическим видом, тип культуры уподобляем экосистеме, а культурное окружение — природной среде. Развитие культурной системы аналогично развитию экосистемы. Оно также идет в направлении ослабления доминирования и конкуренции и роста разнообразия и информации. Стадия зрелости экосистемы соответствует стадии культурного синтеза, на которой истина уже

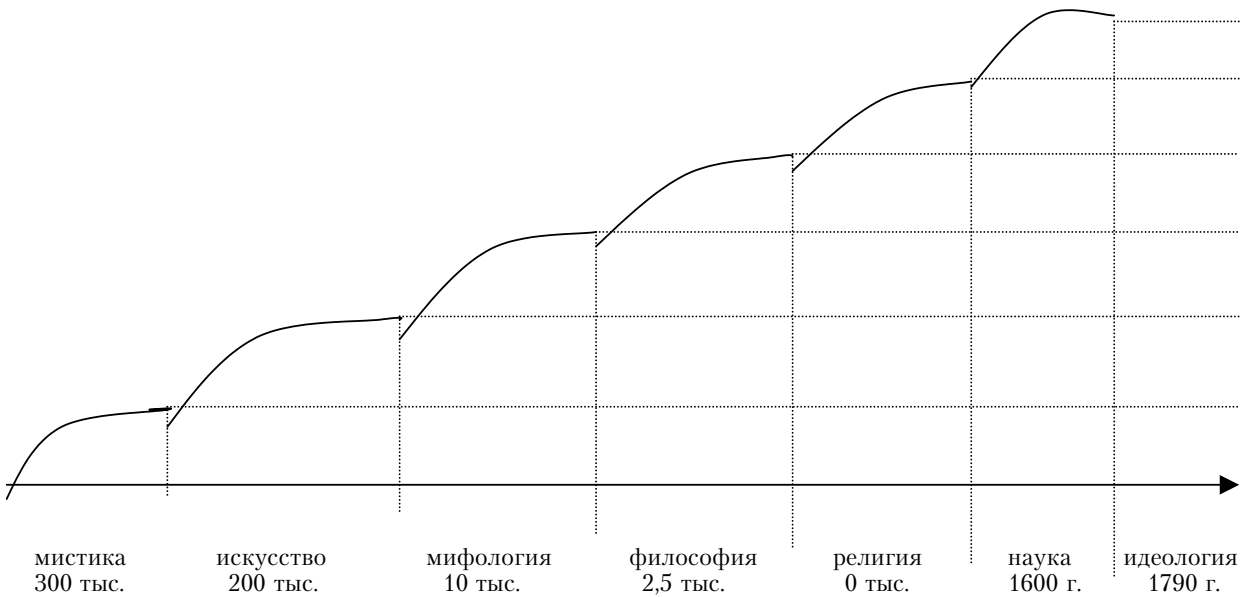
не глаголет устами младенца, а включает в себя все больше духовных компонентов, пока, наконец, на вершине могущества, когда кажется, что культурная система может включить в себя все, она не распадается.

Развитие отрасли напоминает развитие популяции: период резкого увеличения произведений и последователей (революционный период); плавный период (синтеза); горизонтальный период застоя (подмен), когда дух культуры засоряется материальностью (плотскостью), т.е. начинают преобладать интересы тела и агрессивно-потребительская модель поведения. Схематически это выглядит так.

На первой стадии имеет место жертва, дающая энергию, на второй — рост влияния отрасли, на третьей — подмена, тормозящая, аналогично силе трения, развитие отрасли. А и Б (начальная и конечная точки на графике) — точки бифуркации. Период застоя ведет к точке бифуркации, после чего главенствующее положение занимает другая отрасль.

Аналогично можно построить схему развития культуры в целом, где сплошной линией обозначено лидерство данной отрасли культуры, а пунктиром — развитие отрасли после потери ею лидирующей позиции.

Конечно, это всего лишь наглядная схема. Кривые развития отраслей могут также отличаться друг от друга, как формы галактик. Границы трех первых отраслей культуры условны.

Вспомним, что в универсальной схеме развития, предложенной синергетикой, чередуются фазы устойчивости и неустойчивости, нормального развития и революционных изменений. Культурные системы, которые являются одним из типов систем, наравне с физическими и биологическими подчиняются этим закономерностям. Как о физических, столь же оправданно говорить о духовных силах. Возможно, существуют культурные законы, аналогичные законам механики. Для количественной оценки развития культуры можно использовать методы экспертной оценки, индексы цитирования и т.п.

Продолжим аналогию между развитием культуры и сукцессией. Как в экосистеме вид создает условия, благоприятные для существования другого вида, давая ему дорогу (анаэробные бактерии, продуцируя кислород, создали кислородную атмосферу и условия для аэробной жизни), так в культуре одна отрасль создает учреждения, которые затем выступают против нее (созданные католическим духовенством университеты вскоре стали его противниками). В итоге имеем спираль развития: жертва → развитие данной отрасли культуры → ее доминирование → подмена → жертва. Каждая отрасль проходит свой цикл (аналог экологической сукцессии).

Жертва — революционный момент в развитии культуры, синтез — момент нормальный. За ним следует подмена. «Существует земной закон, по которому с того момента, как прекращается всякое преследование и достигается всеобщее признание, начинается и разложение» (*Ключников Н.И.* Провозвестница эпохи огня... С. 143, слова Е.И. Рерих). За великими жертвами стоят великие подмены: за Сократом — Марк Аврелий, за Христом — римский папа Борджиа, за Руссо — Робеспьер и т.д. Таков ритм развития духовной культуры, которое необратимо, поскольку закон необратимости эволюции, сформулированный в палеонтологии, универсален, а стало быть, приложим и к сфере культуры.

Подмены в культуре происходят потому, что культура не может развиваться по принципу власти, а становясь главенствующей, она получает власть. «Всякая идея утрачивает свою чистоту, лишь только она обнаруживает стремление осуществиться. Тут никогда нельзя добиться успеха без некоторого трения, от которого страдает чуткая душа» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 188*). Успех обманчив и приводит к подмене и поражению. Слава ведет в тупик, как писал В.И. Немирович-Данченко.

Подмены начинаются с момента достижения данной отраслью главенствующего положения (это свойственно, как считает Сорокин, и типам культур). Свидетельством начала подмены служит агрессивность. Какое искушение — господствуя, взяться за меч! Но «взявший меч от меча и погибнет». Добровольная жертва — наиболее эффективное средство утверждения идеи, убийство — начало ее подмены.

Став господствующей, отрасль поддается «соблазну физического насилия» (слова Тойнби о папстве), и тогда «остальные папские добродетели быстро превратились в пороки; замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, а все другие — лишь ее следствия» (*Тойнби А. Постигание... С. 330*). То же самое случилось ранее с философией, которую не мог спасти, а мог только погубить философ на троне Марк Аврелий, а позже с идеологией, которая доказала, что нельзя добиться духовных целей материальными средствами. Все это следствия «принесения в жертву духа во имя меча земного» (Там же. С. 331). Тут мы имеем дело с обратной жертвой — не низшего, тела, во имя высшего, духа, — духа во имя тела. В этом суть подмены — принесение в жертву духа. Подмена — жертва наоборот. Это возвращает к пониманию войны как жертвоприношения.

Становясь главенствующей, отрасль культуры привлекает к себе все больше сторонников из нетворческого большинства, не столько из-за своих идеалов, сколько из-за положения, славы и власти, которые она дает. И это увеличивает опасность предательства и извращения целей данной отрасли. Конец очевиден.

Жертва, переходя в организацию, а затем институт, приближает подмену, утверждал Сартр в «Критике диалектического ра-

зума». Сартр использовал понятия «инертной практики», «отчуждения», «овеществления», «серийности», «рассеяния» и т.д. Человеческая истина всегда находится на стороне жертвы, писал Сартр. Со стороны жертва предстает как личная трагедия, но это не так, если рассматривать ее изнутри.

Общество не может уничтожить культуру, потому что развивается за ее счет, но оно пытается упростить ее для повышения эффективности управления. Здесь действует кибернетический закон необходимого разнообразия, который составляет основу подмен. Прогресс человечества, за который ответственна духовная культура, сходит на нет и даже направляется в обратную сторону. Жизнь создает силу инерции, препятствующей движению. Материальное торжество данной культуры чревато ее гибелью. Как говорил А. Бергсон, инерция материи сопротивляется жизненному порыву, энергии жизненного импульса.

Могут ли существовать подмены без жертв? Жертва является источником развития и дает энергию, которая движет мир, а подмены стремятся его остановить. Можно привести аналогию с физическим законом инерции, который обобщил на биосферу В.И. Вернадский. Жертвенность создает энергию, которую гасит инерция подмен.

Зиммель указывает еще две причины подмен: 1) расщепление («эффект вавилонской башни») — подмена целостности отдельностями, когда культура расщепляется в своем развитии на отдельные части; подмена цели средствами в результате формализации и автономизации объектов культуры, когда они начинают существовать по своим внутренним законам и логике. Субъективную причину выдвигает Тэн — разращение творцов материальным.

Первой подменой можно считать «первородный грех». Жертва Христа искупила его. Жертва — это «жертва за грех» (Исход. 29: 14). Жертва искупает подмены, в соответствии с принципом Тойнби: поражение священника (имеется в виду духовная подмена) — сигнал для пророка. Подмены требуют жертв, которые стимулируют переход от одних отраслей к другим. То, что здесь

называется жертвой и подменой, И. Ефремов называл соответственно «моральной стойкостью» и «моральным износом цивилизации». Обобщив понятия жертвы и подмены, получаем то, что Ренан назвал «роковым законом» (*Ренан Э. Жизнь... С. 292*).

Почему нужно много отраслей и типов культуры и не происходит полной замены старого новым? Действует закон культурного разнообразия, который также аналогичен основному закону экологии, как закон жертвы — модели происхождения матери, предложенной Пригожиным, а закон подмены — закону роста энтропии. Закон жертвы ответствен за становление нового, закон разнообразия — за сохранение старого, закон подмены — за смену отраслей. Если бы не было подмены, не было бы потребности в обновлении; если бы не было жертв, не утверждалось бы новое; если бы не было разнообразия, старое погибало бы.

Данный подход утверждает, что добровольная жертва имеет не менее фундаментальное онтологическое основание, чем насилие, и каждый вправе занять свое место на шкале от жертвы до подмены, от насилия до любви. Имеется в виду, конечно, не любовь-эрос, а любовь-агапэ, жертвенная любовь.

Для сравнения изложим концепцию генезиса цивилизаций Тойнби. Первая стадия — вызов. «Вторая стадия в испытании человека — это кризис... в отчаянии и ужасе он восстает против судьбы, которая через его же деяния привела его на жертвенный костер. Кризис преодолевается осознанием себя как инструмента Бога, средства для достижения Его цели» (*Тойнби А. Постигение... С. 111—112*). Ситуацией типа «вызов и ответ» Тойнби объясняет возникновение цивилизаций. Начало подмен аналогично Тойнбиеву надлому цивилизаций, а торжество подмен — распаду. Надлом, по Тойнби, происходит от внутренних причин, одна из которых грех. Тут два варианта. Один — «стремление, совершив однажды творческий акт, почтить на лаврах» (Там же. С. 308). Второй — «когда субъект, опьяненный успехом, утрачивает душевное и умственное равновесие и сам становится причиной несчастий, пытаясь добиться невозможного» (Там же. С. 309). Тойнби называет также чрезмерное увлечение про-

шлым (это касается Афин) и самоидолизацию (это касается Венеции и Византии).

Рассматривая творческий ответ на вооруженную агрессию, Тойнби делает вывод, что «милитаризм сам по себе является источником творческой энергии» (Там же. С. 139). Бедность, унижение — это постоянно действующие стимулы к преодолению трудностей, тогда как богатство, слава, свойственные господствующему положению, расслабляют человека. Рассматривая представления Тойнби, необходимо помнить, что закономерности мира культуры не совпадают с закономерностями мира материальной жизни, так же как законы, по которым живет Человек Духовный, не совпадают с законами, по которым живет Человек Разумный.

Свою схему развития культуры формулирует А. Кребер: создание образца (паттерна) → его развитие → разложение его. Кребер считает, «что когда культурная энергия реализуется в творческих паттернах, ее высвобождение на подъеме происходит стремительно, в то время как спад происходит постепенно» (Антология исследований культуры. С. 477). В высших цивилизациях создание высших ценностей, как считает Кребер, проявляется в форме временных вспышек. Если это так, то вполне логично признать причиной их «всплеск энтропии», о котором говорится в модели происхождения материи, созданной синергетикой.

Вопросы для повторения

- В каком смысле можно говорить о прогрессе культуры?
- Как развивается культура: циклично или линейно?
- Каково соотношение духовного и технического прогресса?
- Как шло последовательное становление различных отраслей культуры?
- Как осуществлялась смена их лидирующей роли?
- Что такое принцип маятника?
- Как одна отрасль культуры создает предпосылки для развития другой?
- В чем аналогия между развитием культурных и экологических систем?

Глава 20. Закономерности развития культуры

- В чем аналогия между развитием культуры и развитием индивида?
- Какова роль жертвы в развитии культуры?
- Почему происходят подмены в развитии культуры?
- Каково значение синтеза в развитии культуры?
- Как можно графически представить эволюцию культуры?
- Каков механизм развития культуры?
- В чем суть концепции развития цивилизаций Тойнби?

Литература

1. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. Т. 2. М., 1998.
2. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
4. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
5. *Толстой Л.Н.* Закон насилия и закон любви // Евангелие Толстого: Избранные религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого. М., 1992.
6. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб., 1997.
7. Антология исследований культуры. СПб., 1997.

Глава 21

Будущее и смысл культуры

Для тех, кто работает для будущего,
смерть является желанной.

Э. Ренан

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ

В существующих концепциях культуры, ни одна из которых не представляется идеальной, можно выделить рациональное зерно. Ценность марксистской концепции — в представлении о законах и прогрессе, хотя она не учитывает специфики культуры как таковой. Ценность фрейдистской концепции — в анализе значения культуры для индивида, хотя это значение не выявлено в полной мере. Ценность идей Шпенглера — в формулировании особых закономерностей развития в пределах данного типа культуры, хотя специфика и динамика отраслей остается за рамками рассмотрения.

Отрасль культуры, которая является властительницей дум, может претендовать на господство. Таковой сейчас нет, хотя лидирующее положение продолжает занимать идеология. В этих условиях наблюдается стремление людей зацепиться за уступы искусства, мифологии, философии, религии, науки. Оно похвально, но мало кому удается. «Сегодня человек с болью воспринимает тот факт, что ни его великие религии, ни многочисленные философии не дают ему того мощного воодушевляющего идеала, обеспечивающего ту безопасность, в которой он нуждается перед лицом нынешнего состояния мира» (*Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991. С. 92).

Формальное господство идеологии при утрате ею созидательной энергии, которую не могут восполнить другие отрасли, ведет к кризису культуры и обострению глобальных проблем современ-

ности. Две главные глобальные опасности, грозящие культуре и всему человечеству, — истребление в термоядерной войне и экологическая катастрофа.

Ощущением и переживанием кризиса, который несет господство идеологии, проникнута книга Шпенглера «Закат Европы». Шпенглер дает одномерное видение развития цивилизаций. Отрасли культуры он рассматривает так, как будто они существовали от века, а не создавались одна за другой. Эволюцию трудно выявить на небольшом отрезке времени, как трудно заметить, идя по поверхности Земли, что она круглая.

В каком бы состоянии ни находилась культура, пока она существует, есть перспективы развития, которые непредсказуемы рациональными способами, хотя на основе познания прошлого можно предполагать, что нечто может наступить в будущем. Имея в виду основную тенденцию развития человечества, можно предположить, что будущее культуры зависит от способности человека, идя по пути рационализации, стать Человеком Духовным.

История культуры демонстрирует смену лидирующих отраслей культуры. Каждая из них имеет свои границы. Слова Ницше о том, что «когда дух науки дойдет до своих границ и его притязание на универсальное значение будет опровергнуто указанием на наличность этих границ» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии. С. 123), можно отнести ко всем отраслям культуры.

Возможно ли учение, которое удовлетворило бы человечество навсегда? Сомнительно, учитывая творческую природу человека и свойственную ему боязнь скуки. Люди хотят вечной жизни, но возможна ли вечная религия?

Общая линия развития дает возможность представить с долей вероятности, что может быть дальше. А именно: переход от устойчивого состояния порядка в зону неустойчивости, как во времена Сократа, Христа и Бруно, которая заканчивается жертвой в точке бифуркации. В период кризиса наверх поднимается темное, агрессивное. Оно побеждается с помощью механизма, ответственного за развитие культуры, — жертвы. Талейран сказал человеку, вздумавшему основать новую религию: «Иисус

Христос, чтобы основать свою религию, умер на кресте и воскрес; я полагаю, что вам надо попытаться сделать то же самое» (Всемирное остроумие. Дубна, 1995. С. 179). Итак, прогресс зависит от способности самопожертвования.

Достоверность предвидения ограничивается самим пониманием того, что такое прогресс. «В то время как ученые и философы задаются еще вопросом есть ли цивилизация зло или благо, истинные творцы этой цивилизации, безымянные народные массы, как кажется, всегда видели в цивилизации зло, ибо их заставляли силой и при помощи принуждения возводить здание мировой культуры» (*Мечников Л.И.* Цивилизация... С. 354). Цивилизация как равнодействующая между культурой и жизнью — и благо, и зло. Тем не менее задача творческого меньшинства — собирать черепки разбитых ожиданий и, склеивая их, пытаться создать нечто новое и вдохнуть в него душу. «Реальное изменение должно начаться внутри самого человека, и этим человеком может быть любой из нас» (*Юнг К.* Архетип... С. 92).

Возможно, когда идеология сойдет с пьедестала, возникнет новый синтез, наподобие возрожденческого, и в новую картину мира войдут мифологические, религиозные, философские, научные знания. Новое Возрождение объединит все достижения культуры. «Спасение могут принести ценности, которые кажутся далекими от борьбы и от политики как небо от земли» (*Лоренц К.* Агрессия... С. 264). Отдельные язычки духовного огня сольются в огромное пламя культуры. Во времена кризиса культура в целостном ее понимании может преодолеть опасность катастрофы. Это может быть первый всемирный синтез, объединяющий разные типы и отрасли культуры.

Будущий синтез вероятен, но не неизбежен, поскольку значение имеет социальная обстановка и наличие исполнителей. Он может получиться, потому что наука в XX в. подошла к вопросам, основным для мифологии, философии, религии: каково происхождение мира, материи, Вселенной? Научные ответы на них в чем-то повторяют ответы других отраслей культуры, правда, другими словами. Хаос превратился в неустойчивую систему, находящуюся вдали от состояния равновесия под влиянием флуктуаций,

мифологическое время — в предвремя, а действие Создателя — во «всплеск энтропии».

Смысл социальной утопии — счастье для всех. Входит ли сюда культура для всех в том смысле, что каждый станет творцом культуры (творянином, по В. Хлебникову). Эта культурная утопия может рассматриваться как задача, реализующаяся в горизонтной перспективе. Общество, взявшее эту идею за основу, будет принципиально иным, чем существующие ныне.

Одной из тенденций современного развития культуры является тенденция глобализации, сближения различных типов культур. Этот процесс положителен, если не уменьшается культурное разнообразие, если культура остается целостной интегративно-разнообразной гармоничной системой и имеет любовно-творческое основание в соответствии с тем, что развитие культуры не механическое, как в неживой природе, не органическое, как в живой природе, а гармоническое. Еще Данилевский предупреждал об опасности господства одного культурно-исторического типа. Стремление создать всемирную культуру не должно вести к потере разнообразия культур. Принцип интегративного разнообразия должен действовать. По Лоренцу, при уменьшении культурного разнообразия «межкультурный отбор теряет свое творческое действие» (*Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 416*) и, стало быть, замедляется культурный прогресс.

Древние цивилизации напоминают примитивные виды, которые не прогрессируют, но приспособлены к окружающей среде гораздо лучше, чем более сложные. Они нужны для устойчивости системы; поэтому важной задачей наряду с охраной природы является охрана культуры. От людей не зависит создание культур; это процесс, которым нельзя управлять. Но от них зависит охрана культур. Одним из первых это понял Н. Рерих, а теоретически обосновали Данилевский и Шпенглер.

ЭКОЛОГИЯ: ЕДИНСТВО КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДЫ

Наше время — время кризиса культуры вследствие того, что лидирующее место в ней занимает идеология. Это время кри-

зиса природы и взаимоотношений человека с ней. Культура отошла от целостности бытия, от мудрости природы, и в этом тоже причина ее кризиса. «Уже не слышит человек голоса камней, растений, животных и не беседует с ними, веря, что они слышат. Его контакт с природой исчез. А с ним ушла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь» (Юнг К. Архетип... С. 86–87).

Человек кажется себе всемогущим, думая, что победил природу. Но, во-первых, победить ее нельзя, а во-вторых, всеми нашими действиями по-прежнему руководит бытие и наше бессознательное, а разум исполняет иррациональные желания. Кого же победил человек? Свои собственные понятия о жизни, но не природу, которую он продолжает уничтожать ради материальных благ и своей потерявшей смысл агрессивности. «Несмотря на наше горделивое превосходство над природой, мы все еще ее жертвы, ибо не научились контролировать свое собственное естество» (Там же. С. 91).

Генетика показала, что человек гораздо ближе к другим существам по своему наследственному аппарату и поведению, чем представлялось ранее, а экология показала, как удалился человек от следования естественным законам, которым он подчиняется с неизбежностью смерти. Глобальный экологический кризис имеет ту же причину, что и предыдущие региональные кризисы. Это воля к власти и насилие — по отношению к природе.

Эгоистический стиль поведения по отношению к природе пагубен для самого человека. Это экологическая истина, показавшая, что все в мире сложнее, чем думалось прежде. Жертва природы наводит на размышления. Все отрасли культуры обещали истину и счастье. Но ни одна из них не решает проблемы взаимоотношений человека и природы. Нужна новая отрасль как ответ на экологический кризис.

Век идеологии уходит, потому что защита собственно человеческих интересов приносит в век экологического кризиса несчастье самому человеку. Преодолеть оба кризиса — культуры и природы — можно только одновременно. И сделать это может бу-

дущее культурно-природное единство. Кризис культуры будет преодолен, когда культура преодолеет власть идеологии, а экологический кризис будет преодолен, когда культура включит в себя экологию.

Человек стремился к победе над природой, а когда она якобы была достигнута, оказалось, что «победа над природой есть также и победа над человеческой природой, ее вывих, увечье и, в пределе, ее духовная и физическая смерть» (*Вейдле В. Умирание искусства // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 286*).

Отчуждение человека от природы достигло высшей точки, и необходимо возвращение «назад к природе», к чему призывал Руссо. Актуальны слова Пифагора, повторенные Толстым: «не только людям не следует делать того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, но также и животным». Одним из предтеч экологии как отрасли культуры является Швейцер, мыслитель и подвижник. Швейцер так представляет поступки человека, исповедующего «этику благоговения перед жизнью»: «Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка и не раздавит ни одно насекомое» (*Антология культурологической мысли... С. 225*).

Л.И. Мечников писал, что в наши дни зарождается всемирная эпоха вслед за атлантической. Она всемирна и в том смысле, что должна быть ненасильственной и человек должен объединиться с природой. В последние годы Запад удачно решает свои экологические проблемы, но потому, что существует неокOLONИализм, ухудшающий глобальную обстановку. В наши дни роль «коллективного пророка» выполняет природа.

Современное определение культуры как экологии духа, атмосферы, в которой пребывает человек, показывает, куда может пойти культура в 3-м тысячелетии. Это будет не «возделанная земля», как 10 тыс. лет назад, и тем более не изготовление орудий, как 3 млн лет назад, а соединение человека и природы (понятие ноосферы может здесь оказаться очень кстати).

Один из вариантов будущего — экологическая культура. Не только экология должна быть включена в культуру, а культура — в экологию. Экология в этом смысле не новая наука, идеология

или религия, а новая отрасль культуры, связывающая культуру с тем, чему она традиционно противопоставлялась, — с природой.

Это новое понимание экологии как жертвы человечества ради природы, умеряющего свои потребности и агрессивность. Понимание культуры в экологическом смысле и понимание экологии в культурном смысле смыкаются воедино, что является залогом становления экологии на высшую ступень пьедестала культуры.

Перед наступлением эры господства экологии может быть создана новая культурная картина мира, в которой в дополнение к религии, философии, науке, искусству будет и экологическая составляющая. Это не вера, как в религии, не знание, как в науке, не материальные интересы, как в идеологии, а гармония с природой. Идеология ориентирована на вражду, экология — на любовь, на ненасильственное общение с природой и себе подобными. Это кардинальное отличие, не дающее экологии превратиться в идеологию и заставляющее ориентироваться не на агрессивно-потребительскую, а любовно-творческую структуру личности. Духовная культура в целом стремилась к этому, а экология — ее неотъемлемая часть.

Экология базируется на следующих принципах.

1. Равноценность всего живого. Человек — самый сложный из видов на Земле, но не имеет никаких ценностных преимуществ перед другими видами, поскольку природе для устойчивости необходимо разнообразие экосистем, в которые входит человек, живые и неживые компоненты.
2. Потребительство противостоит эволюции природы, поскольку уменьшает устойчивость экосистем. Агрессивность человека препятствует его эволюции и эволюции природы, поскольку ныне не существует межвидовой борьбы человека с другими видами жизни.
3. Экология как отрасль культуры в своем отношении к природе возвращается к тому единству с ней, которое характерно для первобытного человека. Все отрасли культуры должны помочь в этом: мифология, философия, религия, наука, идеология, мистика, искусство.

Любовь к природе не означает отказа от культуры, потому что это нужно самому человеку. «По свойству своему любовь, желание блага, стремится обнять все существующее. Естественным путем оно расширяет свои пределы любовью — сначала к семейным — жене, детям, потом к друзьям, соотечественникам; но любовь не довольствуется этим и стремится обнять все существующее» (*Толстой Л.Н. Христианское учение // Толстовский листок. Т. 2. С. 11*). Та же мысль в «Смысле любви» В.С. Соловьева.

Возражают, что нельзя любить всю природу. Но, с точки зрения К. Лоренца, только любовь ко всей природе и может быть названа подлинной любовью. С Лоренцем соглашается Э. Фромм в «Искусстве любить». «Можно себе представить то, что составляет наше тело, которое теперь представляется как отдельное существо, которое мы любим предпочтительно перед всеми другими существами, когда-нибудь в прежней, низшей жизни было только собрание любимых предметов, которые любовь соединила в одно так, что мы его в этой жизни уже чувствуем собою; и точно так же наша любовь теперь к тому, что доступно нам, составит в будущей жизни одно цельное существо, которое так же близко нам, как теперь наше тело (у Отца вашего обитателей много)». Здесь будущая концепция ноосферы Тейяра де Шардена и Вернадского, которая, к сожалению, оказалась далека от практики человеческой природообразовательной деятельности и не смогла предсказать экологический кризис.

Экология восстанавливает и считающуюся важной современной психологией (в частности, Юнгом) эмоциональную «бессознательную идентичность» человека с природными явлениями. Для экологии важны архетипы, несущие в себе и образы, и энергию, а не только научные теории и философские понятия. Этим она поднимается к новой целостности. Материя для нее не просто философское понятие, но Мать-Земля, а дух — Отец всего. Философия, чтобы трансформироваться в экологию, должна вернуться (М. Хайдеггер) к досократическому ощущению жизни без потери, впрочем, рациональной истины. В экологии проявляется традиционная тоска по гармонии рационального и чув-

ственного. Из мистики и квантовой механики экология берет представление о единстве субъекта и объекта.

В этом направлении развивалась и религия. Христианский священник не лишает жизни жертвенных животных, а приносит бескровную жертву и ныне читает в церкви проповеди в защиту животных. Человек уничтожает естественные экосистемы, но из жертвы природы рождается новый диалог с бытием, основанный на включении в сферу нравственности всей природы, понимании, что насилие — механизм подмены, что воля к власти ведет к гибели личности и человечества. Ницше понимал под властью большую жизнь, но большая жизнь на самом деле — это жизнь в культуре.

Вряд ли Вселенная расширяется для того, чтобы наше сознание становилось более узким. Соответственно расширению Вселенной должно расширяться сознание человека, включая в себя животных, растения, камни, весь окружающий мир. Можно сказать, что нравственность не только углубляется, но и осознает себя, поскольку с расширением Вселенной идет расширение сознания.

В связи с этим можно говорить о трех стадиях этики: единство с Богом (через религию); единство с людьми (через закон); единство с природой (через экологию). Новый гуманизм, включающий в себя природу, — экологический гуманизм. Знать себя полностью мы можем, только зная себя как природу, утверждают авторы книги «Глубинная экология: жить с уважением к природе» Б. Дивол и Дж. Сессион, и стало быть, именно таким путем можно осуществить программу самопознания Сократа. Экология означает примирение с миром как он есть, возвращение к бытию. Стремление учиться и мудрость, продолжают Дивол и Сессион, невозможны без любви к другим существам и природе, связанной и с дологическим единством человека и природы, и с принципом реинкарнации, трансформировавшимся в ахимсу. Язык нашего времени, объединяющий все отрасли культуры, — язык экологический.

В экологической перспективе выделяется роль понятия социально-природного прогресса как синтетического по сути и

коренящегося в истории культуры (понятие «сельскохозяйственные культуры» связывает культуру и природу в единое целое).

Экология — синтез предыдущих отраслей культуры. Социальные теории вообще повторяют и обобщают результаты науки. В кибернетике появилось понятие информации, и его применение ко всем отраслям знаний и в технике привело к концепции информационного общества. В биологии Л. Бергаланфи разработал теорию биологических объектов как открытых систем, находящихся в динамическом равновесии со средой (общая теория систем), и вскоре возникла концепция «открытого общества». Так и представление об экологическом обществе поднимается на волне экологических исследований.

Есть опасность, что при переходе в область человеческих отношений будет упущена из вида социальная специфика. Она сейчас — во власти как таковой и деньгах как инструменте власти. Забыв об этом, можно создать прекрасные полотна, не имеющие отношения к реальности. Эту опасность явно недооценил Поппер. И с экологией можно попасть впросак, если ограничиться поверхностными концепциями устойчивого развития.

Улучшат ситуацию не декларации, а реальная борьба против антиэкологических тенденций; сами же по себе рассуждения могут служить дымовой завесой, призванной затушевать антиэкологическую политику. Трезвая оценка существующего положения, эмоциональные вздохи по поводу исчезающей природы, познание законов развития экосистем, экологическое право и т.п. мало что значат без порыва и энтузиазма. Необходима добровольная жертва ради природы. Экология сходится с культурой в точке жертвенности, но это не языческие жертвы, а нечто совершенно обратное. Происходит своеобразная инверсия. Если некогда человек жертвовал животными ради своих целей (жертвоприношения), затем стал жертвовать собой ради других людей (философское, религиозное, научное время), то сейчас вопрос ставится о жертве человека ради природы. Так выделяются три этапа жертвоприношений: дофилософский, философско-религиозно-научный и экологический. Принесение человеком себя в жертву природе — плата за создание новой отрасли культуры.

Человек удалился от природы и может вернуться к ней через культуру. Он не может вернуться к исходной точке, но может вернуться к единству с природой на новом уровне (по принципу спирали). С экологией развитие духовной культуры выходит на качественно иной уровень. Она начинает препятствовать уничтожению биосферы и объединяет человека с ней. Человек сознательно отказывается от убийства слабейшего. Он любит природу не как всемогущего Бога, а как страдающую, уподобляясь тем самым Христу, который принес себя в жертву во имя нравственного идеала, выраженного в Нагорной проповеди.

В этом самопожертвовании может сказать свое веское слово русская космическая цивилизация. При древнегреческом понимании космоса космическая цивилизация есть в то же время экологическая. Будущее за экологическим обществом. Здесь понадобится русская всечеловечность и ограничение потребностей. Низкий материальный уровень, если не думать о «золотом тельце», помогает духовному порыву. Экология — наследник русской философской мысли, идущей от Соловьева и Бердяева.

Близка к экологии этика благоговения перед жизнью, поскольку подводит к необходимости собственного жертвоприношения ради природы. Культура благоговения создает гармонию между миром культуры и жизни. Надо пройти по ступеням культуры, чтобы прийти к экологии как новой парадигме культуры. Через жертву: сначала природы (символ которой «Распятая птица» Э. Неизвестного), потом человека — культура отвечает на вызов ситуации.

ПРОГРЕСС И ОБРАЗОВАНИЕ

Культурный прогресс лежит в основе социального и научно-технического, но он не обязательно ведет к прогрессу человека, становлению Человека Духовного. На это может уйти много времени. От Человека Разумного до Человека Духовного дистанция не меньше, чем от Человека Умелого до Человека Разумного, которую он прошел за 3 млн лет. Мир материальной жизни человека представляет собой отрицание мира природы, но мир духовной

культуры есть новое отрицание, и он кое в чем даже ближе к миру природы. Мы имеем три мира, причем мир духовной культуры как созданное ближе к миру идей Платона, а как создаваемое ближе к идеям в понимании Аристотеля.

Цивилизация — путь от культуры к жизни, на котором присутствует опасность омащивления, подмен, отвлечения друг от друга рациональности и чувственности. Носителем культурных свойств является прежде всего круг творческой интеллигенции в специфически русском смысле слова, который соединяет в себе творческую с нравственными и гражданскими чувствами. Духовные творцы или растворены в массе, или пытаются создать оазисы культуры типа монастырей, толстовских коммун, научных сообществ. Человек Духовный рождается в мире культуры и живет по ее законам. Отсюда следуют выводы для системы образования.

Смысл образования — в культурном перерождении. Культура в целом выполняет роль, аналогичную инициации в примитивных племенах. Инициация готовит к полноценной взрослой жизни путем осознания смысла жизни и смысла смерти. Можно удивляться и возмущаться жестокостью обрядов инициации, но они более действенны, чем современное обучение, которое предпочтительней в отношении накопления знаний, но ничего не дает для воспитания чувств, воли, веры, а без этого знание бесполезно. Светское обучение уступает даже церковной литургии, которая заставляет переживать жертву Христа.

Если внутреннего перерождения не происходит, значит, образование малоэффективно. Оно имеет значение тогда, когда включает в себя шок, связанный с пониманием смысла жертвы. Шок нужен, чтобы подключить чувства до целостного восприятия, вызвать волю к культуре. Это, конечно, не значит, что светское образование не может быть усовершенствовано. Место традиционной архаичной инициации должно занять личное самосознание индивида. «Каждый имеет прирожденный талант, — писал Ницше, — но лишь немногим прирождена или привита воспитанием та мера упорства, выдержки, энергии, в силу кото-

рой он действительно становится талантом, то есть становится тем, что он есть, — это значит: выявляет себя в произведениях и действиях» (*Ницше Ф.* Человеческое... С. 381).

Интересно рассуждение Ницше о макрокосме и микрокосме культуры. Человек создает внутри себя здание культуры, в котором примиряются различные силы и направления. «Но такое здание культуры в отдельной личности будет иметь величайшее сходство со строением культуры в целые исторические эпохи и служить постоянным уроком для понимания последней по аналогии» (Там же. С. 387). За первые 30 лет, по Ницше, человек познает «курс, над которым человечество трудилось, быть может, тридцать тысяч лет» (Там же. С. 385). Высшее образование и представляет собой познание отраслей и типов культуры в целом. Если принять такое определение, то преобладающее ныне образование точнее назвать специальным.

Метод изучения культуры — «подъем на вершины». Их можно выделить несколько десятков из 10 цивилизаций: от семи чудес света до египетской живописи, шумерской мифологии, финикийского алфавита, вавилонского эпоса, конфуцианства, даосизма, буддизма, йоги, христианства, ислама, греческой скульптуры, архитектуры, драмы, философии, римской поэзии, европейской живописи, музыки, науки и техники, русской иконописи и литературы.

Их развитие — ответ на важнейшие вопросы культуры: что такое жизнь и смерть, каково происхождение и устройство мира, что такое человек и каково его соотношение с миром и Богом, что такое любовь, истина, добро, красота, чувства, разум, сознание и т.п. Культура целостна и незавершена. Соединив все, что мы знаем и делаем, мы получаем искомую истину, которая не будет окончательной, коль скоро жизнь продолжается.

СМЫСЛ ЖИЗНИ И СМЫСЛ СМЕРТИ

Все отрасли культуры имеют структуру, придающую им высший смысл: через жертвы — к вечности. Сознание понадобилось для осознания смерти, осознание — для появления страха, страх —

для его преодоления посредством жертвы, жертва — для развития культуры, культура — для предохранения от гибели во внутривидовой борьбе. Мысль, по Карлейлю, это пробуждение от смерти к жизни, ответ на неизбежность смерти. По мнению Пиаже, мышление ребенка является целевым, но не причинным и логичным, и именно размышление о смерти приводит «ребенка к тому, что он оставит стадию чистого представления, что все имеет цель, и усвоит понятие о статистической или случайной причинности» (*Пиаже Ж.* Речь... С. 186). «Первая обязанность человека до сих пор все еще заключается в подавлении страха. Мы должны освободиться от страха... Теперь, как и всегда, он лишь настолько человек, насколько побеждает свой страх» (*Карлейль Т.* Теперь... С. 30). Уничтожение своего Я, пишет Карлейль, «высочайшая мудрость, какую только небо открыло нашей земле» (Там же. С. 50).

С осевого периода принципиально меняется характер жертвы. Ею становится сам творец, а не другой человек или животное. Мифологическое жертвоприношение сменяется самопожертвованием. Человек осознал себя как личность, и появилось желание принести себя в жертву. С тех пор каждый философ, религиозный деятель, ученый проверяется на подлинность своей идеи готовностью принести себя в жертву. Личность предается в руки культуры, которая требует жертв. Степень готовности умереть служит мерилom подлинности личности.

Великие завоеватели — Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон — побеждали мечом на поле боя; великие деятели культуры — Сократ, Христос, Бруно — побеждали, добровольно принося себя в жертву. Энергия сожжения зажигала других, от одного передавалась многим. Жертва есть способ пробиться к другому через культуру. Жертва может быть созидательной. Тогда человек обретает счастье и обретает вечность в вечности культуры.

В творческой работе человек забывает о себе. «Художник, исследователь, основатель религий — все они могут совершить понастоящему великое дело лишь тогда, когда целиком отдаются своей задаче и, работая над ней, забывают о своем собственном

существовании» (*Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 160). Забвение себя — шаг к жертве. Обобщая сказанное Тарковским, приходим к выводу, что хорошую картину, книгу, здание можно создать, только пожертвовав тому делу, которому служишь. Чтобы стать культурным человеком, надо пожертвовать собой для культуры. Не противиться злему и погибнуть, на практике подтверждая свои слова и создавая культуру.

Перефразируя Шпенглера, можно сказать, что благодаря жертве жизнь возвышается через смерть до той неодолимой силы, уже одно наличие которой означает победу, «жизнь коротка — искусство вечно». Обобщая — культура вечна. Это способ стать бессмертным, который искал оставшийся благодаря искусству в памяти потомков Гильгамеш. В более узком смысле культура — способ остановить самоистребление, от которого человека, в отличие от хищников, не предохраняют спасительные инстинкты.

Важно не только создание произведений культуры, но и выход культуры обратно к человеку. Культура тогда добивается конечных целей, когда обеспечивает человека пониманием смысла его жизни и смерти. Смысл жизни превосходит жизнь. «Как на физиологическом уровне жизнь есть постоянное воспроизведение, и потому жить значит в то же время и больше, чем жить, так на духовном уровне она порождает нечто большее, чем жизнь: цель, в себе несущую ценность и смысл. Это свойство жизни подниматься к чему-то большему, чем она сама, не есть в ней нечто привходящее, это — ее подлинное существо, взятое в своей непосредственности», — писал Зиммель. Марсель завершает эту мысль: «суть всякой жизни — ее кульминация, в чем-то таком, что в известном смысле запредельно ей; и тем самым слова «истина жизни» приобретают реальный смысл» (*Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX в.... С. 361). Жертва и есть один из вариантов запредельности, определяющий смысл жизни, который не находится в самой жизни. Смысл жизни жертвующий собой находит умирая, на границе жизни и смерти. Человек уходит в культуру от бессмысленности существования и обретает в ней смысл жизни и смерти.

«Деятельным людям, — писал Ницше, — обыкновенно недостает высшей деятельности — я разумею индивидуальную деятельность. Они деятельны в качестве чиновников, купцов, ученых, то есть как родовые существа, но не как совершенно определенные и отдельные и единственные люди; в этом смысле они ленивы» (*Ницше Ф.* Человеческое... С. 390). Чем больше человек развивает свою индивидуальность, тем меньше у него соперников.

Решив вопрос о смысле жизни, который состоит в культурной реализации своей индивидуальности на благо людей, можно приступить к следующему вопросу: о смысле смерти, этой «вечной раны существования» (Ницше). Осознание смертности — начало сознания, и с этого момента включается страх и стремление ответить на вопрос приговоренного к смерти: «За что?».

Страх смерти испытывает только человек, но и культуру создает только он. Страх смерти, по Шпенглеру, источник религии, философии, естествознания (*Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2... С. 361). Почему не культуры в целом? «И преодолевается он нахождением смысла смерти в культуре. Под страхом смерти и из жажды бытия мы должны и хотим творить культуру, и не только культуру духовную, но и материальную» (*Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994). Культура есть попытка отдалить смерть, уйти от страха, удовлетворить жажду счастья и бессмертия. «Жить для бессмертия — и цель, и долг», — писал Унамуно (*Унамуно М.* Избранное. Т. 2. Л., 1981. С. 37). «И всякий народ — как, впрочем, и всякий человек — представляет собою ценность ровно лишь постольку, поскольку он способен наложить на свои переживания клеймо вечности» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии. С. 150). «Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально» (*Бердяев Н.А.* О культуре // Антология культурологической мысли... С. 196).

Как писал Конт, «наш социальный прогресс, главным образом, основан на смерти; это значит, что последовательные шаги человечества непременно предполагают постоянное, достаточно быстрое обновление действующих сил общего движения, кото-

рое, будучи обычно почти незаметным в процессе каждой индивидуальной жизни, действительно бросается в глаза лишь при переходе от одного поколения к другому» (Философия истории... С. 118). Смерть — источник культуры, ее энергия.

Культура в целом решает проблему смерти. Человек посредством жертвы создает мир духовной культуры как вечное из временного — своей жизни. Жертва рождает вечное, побеждая смерть и являясь смыслом ее. Жертва как смысл смерти в том, что из жертвы восстает новая жизнь. Культура постоянно подпитывается жертвами. Жертва — движущая сила ее развития. «Жить для себя на свете только можно, но умереть возможно для других» (Некрасов), в том числе для культуры.

В культуре концентрируется человеческая энергия и застывает для последующих поколений. Произведение — ступок культурной энергии, концентрат духа. Из семени — жертвы — вырастает культурное древо. Его кольца — отдельные отрасли культуры — прибавляются друг к другу. Культура негэнтропийна, говоря языком науки. Недаром своих предков — создателей культуры — первобытные народы называют вечными и несотворенными. Они создают вечную действительность. Культура дает проблеск надежды на бессмертие, оправдывающий ее существование. Культура — способ уйти от времени, ведущего к смерти. В отличие от других способов она делает это без разрушения личности. Вечное не исчезает. Отсюда мистическое, мифологическое, философское, религиозное желание уйти от времени.

Культура — способ сохранения жизни в условиях, когда это становится невозможным. Она подпитывает мир жизни. Между жизнью и культурой нет непреодолимой грани. Культура учит жить и преодолевать страх смерти.

К чему страшиться смерти? Ведь Господь
На муку и на гибель шел смиренно,
Терпел, в ничтожество вергая плоть...

(Петрарка Ф. На смерть Мадонны Лауры. CCCLVII //
Книга песен. Из европейской лирики XIII—XVI веков. М., 1986.
С. 66).

Человек становится человеком в полном смысле тогда, когда понимает, что культура бессмертна, и все его действия в области мистики, искусства и т.п. — это попытки приблизиться к бессмертию. Желание преодолеть смерть — пружина развития культуры. Проявление вечности — в религии, науке и т.д. — всегда культурно. В этом смысле человек по природе культурное существо, хотя встречаются люди умелые, но некультурные.

Только человек может преодолеть смерть в культуре, и жизнь культуры показывает, что она сильнее смерти. Культура есть способ встания в бессмертие. «Из этого следует, что бессмертие не должно восприниматься как выживание *post mortem* (после смерти. — *А.Г.*), а скорее, как ситуация, которую человек постоянно сам создает для самого себя, для которой он готовится, в которой даже принимает участие с данного момента и далее из этого настоящего мира. Значит, не имеющее смерти бессмертное должно представляться как конечное состояние, идеальное состояние, к которому человек стремится всем своим существом и которого пытается достичь, постоянно умирая и воскрешаясь» (*Элиаде М. Мифы...* С. 266).

Два понимания культуры: как способа отвлечься от поиска смысла и неизбежности смерти и как поиска смысла жизни и подготовки к смерти. Оба философски обоснованы в Древней Греции. При первом главное забытья, и человек умирает ребенком; при втором осознает себя пережившим смерть (как в инициации) и обретшим через это смысл. В настоящее время предпочитается первый путь, а в результате «боль перед Небытием и Смертью, похоже, является специфичным для современности явлением» (Там же. С. 273).

Культура развивается по иным законам, чем жизнь, и для нее не существует смерти как противоположности жизни. Противоположно ей бескультурие. В сфере культуры не действует закон смерти. Ее достижения, в отличие от материальных благ, легко поделить на всех. Она способна распространяться на огромные территории. Материальная гибель способствует ее расцвету. Бескорыстное служение культуре создает большую часть

прибавочной стоимости, присваиваемой властью имущими. Культура обеспечивает бессмертие человеческому роду, покупаемое эксплуатацией и смертью творцов.

Культура начинается с осознания смертности, а утверждается добровольной смертью. Гартмановское сознание, рождающееся из удивления человека перед нежелательным ему представлением, объясняется фактом смертности, который переходит внутрь человека, вселяя в него ужас. Страх смерти ведет к осознанию ее и затем к культу и культуре. Генезис сознания совпадает с генезисом культуры.

Противоречие между волей к смерти, провозглашенной Фрейдом, и возражениями Лоренца, который считал, что таковая отсутствует у животных и вообще антиэволюционна, преодолевается тем, что воля к смерти отсутствует на животном уровне, но присутствует у человека. Не в природном, а в культурном смысле, и не как воля к смерти, а как воля к жертве, которая может быть движущей силой культуры. Жертвы существуют и в животном мире, когда родители жертвуют жизнью ради детенышей, но в человеке жертвенность поднимается до уровня культуры. Спор между Фрейдом и Лоренцем решается таким образом: единственное осознающее свою смертность существо может иметь волю к смерти, которая нужна культуре как ее биологическая основа. Жизнь жертвует собой, но ради утверждения культуры, а не власти.

Смысл жизни и смерти в раскрытии внутренних творческих потенциалов и культурном умирании, т.е. жертве собой на благо культуры, которая требует от нас жертв. В готовности развить внутренние потенциалы есть героизм; в готовности пожертвовать собой — святость. А между ними, как писал Шпенглер, не мудрость, но заурядность. «Лишь в результате познания смерти возникает то, чем мы, люди, обладаем в отличие от животных, — мировоззрение» (*Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 19–20*).

Человек способен отказаться от собственной жизни ради своих убеждений. Это выражение торжества культуры над смертью. Культура побеждает смерть, находя нечто, что ставится челове-

ком выше. Жертва есть торжество культуры над жизнью и смертью. Нельзя победить смерть, если не победишь жизнь, отказавшись от нее. Таков парадокс: победить смерть можно отказавшись от жизни в пользу культуры (а не в пользу ничто, как полагал герой «Бесов» Кириллов, хотя в желании покончить с собой тоже слышится позыв жертвенности).

Ценность жизни лежит и в ней самой, и вне ее, и через понимание ценности в этом втором смысле человек оказывается способен покончить с жизнью. Может ли быть ценностью жизни смерть? С точки зрения здравого смысла жизнь и смерть — противоположности. Но в диалектике противоположности сходятся. Смерть в основе жизни, как и рождение. Так можно интерпретировать слова Платона, что философствование есть медленное умирание, и другие аналогичные высказывания. Смерть как жертва может быть ценностью жизни. Можно сказать, что ценность жизни в возможности жертвы.

Культурная жертва есть жертва ради смысла, который находится не в самой жизни, а на границе жизни и смерти. Выход за пределы жизни есть одновременно выход за пределы смерти. Таким путем жертва преодолевает смерть. Если учесть, что жизнь имеет культурный смысл, можно сказать вслед за Ницше: «...наиболее прекрасна жизнь того, кто не печется о ней» (Философия истории... С. 132). Вспомним и Лао-цзы: «Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тот тем самым ценит свою жизнь».

Жертва культуре есть жертва вечности. Жертвенность обеспечивает вынесение и перенесение смертности, и культура помогает этому. Жертва доказывает, что культура сильнее смерти. Жертва рождает культуру и обновляет мир. Страх смерти немистически настроенный человек может осилить с помощью осознания роли жертвы. Человек жертвует собой, чтобы жизнь продолжалась и развивалась. Таким образом оказывается сопротивление и чувству страха, и экзистенциальному абсурду.

Итак, смысл культуры — в преодолении страха смерти, а жертва — способ достижения этого. Культура предстает как череда жертв, что позволяет выделить ее основу, которая глубже отличий между отраслями и типами культуры.

Точка сингулярности материальной культуры — когда австралопитек взял два камня и начал бить одним о другой, создавая первое орудие труда. Цель материальной культуры — увеличение силы человека, начиная от примитивных дубин, с которыми он охотился на мамонта, и кончая атомной бомбой, которой он угрожает себе подобным. Точка сингулярности духовной культуры — когда неандерталец осознал свою смертность. Цель духовной культуры — мудрость, которая запрещает человеку уничтожать себе подобных и всю Землю.

Принцип жертвы можно сформулировать таким образом: движущей силой развития культуры является жертва, которая создает духовную энергию, необходимую для достижения данной отрасли культуры господствующего положения, после чего начинается процесс подмены ее целей и задач. Жертва, происходящая в точке бифуркации, представляет собой конкретный способ и результат преодоления страха смерти в данных условиях. Можно сделать вывод, что сущность культуры составляет потребность преодоления страха смерти, и жертва реализует данную потребность. Главная проблема, приведшая к возникновению духовной культуры, — проблема смерти. Человек отличается от животных осознанием смертности, культура лечит его от шока осознания. Прогресс культуры связан с постоянным изменением отраслей и типов с целью нахождения адекватного лекарства, которое заставит перестать бояться смерти. Не случайно даже современные атеисты, возвращаясь к обычаям древних цивилизаций, устраивали в XX в. мавзолеи на главных площадях. Смысл жертвы, которую заставляла принести себе каждая отрасль культуры, заключался в преодолении страха смерти.

Вопросы для повторения

- Каковы основные особенности современного кризиса культуры?
- В чем его причина?
- Какова роль идеологии и массовой культуры в кризисе культуры?
- Каковы пути выхода из кризиса?
- Какова может быть роль экологии в преодолении кризиса культуры?

Глава 21. Будущее и смысл культуры

- Каковы основные принципы экологии?
- Какое значение для культурного прогресса имеет образование?
- Какие принципы должны лежать в основе образования?
- Какова связь образования с инициацией?
- Как культура решает вопрос о смысле жизни и смерти?
- Какова роль страха смерти в развитии сознания и культуры?
- Как решается проблема «культура и бессмертие»?
- В чем различие законов развития культуры, законов развития природы и законов материальной жизни человека?
- Каков генезис культуры?
- В чем значение и смысл культуры?

Литература

1. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
2. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998.
3. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
6. *Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991.

Заключение

Истина есть то, за что человек может умереть.
Г. Марсель

Люди склонны верить тем, кто не жалеет своей жизни для торжества идеи. Если вам не за что умереть, вы не знаете истины. Если вы не способны за что-либо умереть, оно перестает существовать. Если вы не способны умереть за Родину, вы теряете ее. Если не способны умереть за близких, теряете их. Если не способны умереть за себя, становитесь рабом и перестаете существовать как самостоятельная личность. Понимание жизни как ценности, которая выше самой жизни, заставляет жертвовать ею. Знание смысла жизни дает понимание ее ценности. А находится смысл жизни в человеческой культуре. Появляется человек, а вслед за ним культура, сообщающая смысл его существованию. Культура — это творение смысла жизни, а человек, создающий смысл, может быть назван Человеком Духовным. «Только забывая о себе, находим себя. Только умирая, воскресаем к жизни вечной», — говорил Фома Аквинский (Магистр. 1993. № 2. С. 51). «Человеческий дух всегда должен себя трансцендировать, подыматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве. Поэтому жертва есть путь реализации личности» (*Бердяев. Н.А. Философия любви. Смысл творчества. М., 1989. С. 137*).

На творческом усилии и жертве развивается культура как древо духовной жизни. Корни его — мистика и мифология, ствол — философия и религия, цветы — искусство, плоды — наука и техника. «Есть две жизни — жизнь в природе и жизнь в духе, и мы должны умереть для первой, чтобы стать причастными ко второй» (*Джеймс У. Многообразие религиозного опыта... С. 140*). После-

дних называют дваждырожденными. Человек выходит из мира природы и если не доходит до мира духовной культуры, то оказывается в мире материальной жизни. Он может быть лучше животных или хуже их, но никогда не будет таким, как они.

Что дает духовная культура? Преодоление страха смерти и опасности самоуничтожения, смысл жизни и смерти. Задача культуры — обеспечить человеку полноценную жизнь, направить его волю к творчеству, созидая душевно-духовный синтез. Становление Человека Духовного — идеал, в осуществление которого вносят вклад все нации.

Проблема нахождения закономерностей духовной эволюции человечества встала в полный рост в Новое время, когда наука с ее поисками всеобщих причинных связей поднялась на высшую ступень пьедестала культуры, и особенно в XIX в., когда вступил в свои права историзм в подходе к реальности.

Именно на скрещении этих двух тенденций в середине XIX в. появилась концепция О. Конта, который выделил три отрасли культуры, последовательно сменяющие, по его мнению, друг друга — мифологию, метафизику (в широком смысле сюда можно включить и религию и философию) и науку (позитивное знание). Высшая, по Конту, фаза культуры дала название самой концепции.

То было время, когда философия абсолютного идеализма Гегеля хотя и теряла сторонников, все же была достаточно сильна, чтобы оправдывать уверенность в том, что все народы развиваются по единому предначертанному Абсолютной Идеей плану. Когда этот постулат историзма был подвергнут критике и отброшен, О. Шпенглер создал концепцию, в соответствии с которой культуры похожи между собой только структурными особенностями, которые выражаются в переходе от культуры к цивилизации. Что же касается содержания, то каждая культура развивается в соответствии со своей собственной душой, совершая цикл, кончающийся закатом культуры и народа, ее создавшего. С точки зрения Шпенглера, наука есть феномен только западной культуры, и в том виде, в котором она существует, ее бесполезно искать у народов с другой душой.

Очарование Шпенглером было недолгим, и рационалист К. Ясперс вернул культурологию к поиску общекультурных закономерностей. Правда, он был достаточно скромнен в своих выводах, и лишь сформулировал представление об осевом периоде истории от 0,8 до 0,2 тыс. лет до н.э., в течение которого возникли основные религиозные представления и философия. Что же касается схемы Конта, то, прослеживая развитие культуры на протяжении последних 100 лет, Ясперс сделал вывод об одновременном сосуществовании отраслей культуры, которые у Конта исторически сменяли друг друга — религии, философии, науки. Принципу последовательной смены видов культур Конта и типов культур Шпенглера Ясперс противопоставил принцип одновременности их появления и развития.

В XX в. историзм оказался на грани краха, и К. Поппер в «Нищете историзма» писал, что история в отличие от других наук занимается только единичными событиями и неспособна улавливать закономерности; к тому же будущее вообще невозможно предвидеть, поскольку оно включает в себя принципиально новые факторы, предсказать появление которых нельзя.

Вопрос о закономерностях духовной эволюции человечества стал методологически проблематичным. Но даже если с выводом Поппера о невозможности предвидения будущего согласиться, остается тем не менее возможность использования метода аналогии для вывода об альтернативах будущего, которые имеют шанс осуществиться, если никаких принципиально новых факторов не возникнет. Именно этот метод аналогии можно использовать не для предвидения (это прерогатива ясновидящих), а для продумывания возможных вариантов будущего.

Изучение истории культуры показывает, что мы не наблюдаем простой смены одних видов культуры другими. Нельзя и сказать, что все виды культуры всегда находились в одинаково развитом состоянии. Общая картина сложнее. Несомненно, что на протяжении от 5 до 2,5 тыс. лет тому назад господствующей отраслью культуры была мифология. 2,5 тысячелетия назад возникла в Древней Греции философия, оттеснившая мифологию на

второй план. Пик философии пришелся на IV в. до н.э., когда после казни Сократа его ученики — Платон, Антисфен, Аристипп пользовались огромным влиянием в древнегреческом полисе. Затем престиж философии начал постепенно снижаться, и через несколько веков загорелась искра христианства. Борьба философии и религии продолжалась пять веков от распятия Христа и кончилась закрытием Академии Платона. Господство религии, которая получила новый импульс в VII в. с созданием ислама, продолжалось до эпохи Возрождения, когда на небосклоне культуры зажглась звезда науки. В Новое время на науку возлагались такие надежды, как в античности на философию и в средние века на религию, — дать человечеству счастье. XVII—XVIII вв. — период расцвета науки. В конце XIX в. с кризисом наиболее передовой ее области — физики — престиж науки стал снижаться. Ее репутация была сильно подмочена экологическим кризисом, а создание атомной бомбы и перспектива уничтожения человечества испугала людей. XX в. стал веком идеологий — либеральной, коммунистической и националистической. К концу века идеологии потеряли свое обаяние, также не оправдав возлагавшихся на них надежд. Таким образом, можно выделить следующую последовательность отраслей культуры, которые занимали главенствующее положение в обществе: мифология → философия → религия → наука → идеология.

Нельзя сказать, что они заменяли одна другую, но они выходили на первый план, заставляя другие отрасли культуры служить себе. Так, философия из независимой высшей сферы культуры превратилась сначала в служанку богословия, затем в служанку науки, а в XX в. в служанку идеологии.

Причиной смены господствующих отраслей культуры является то, что претендент на лидерство обещает людям столько, сколько находящийся впереди не смог дать. Он обещал все, но обещаний не выполнил, а духовное давление его, связанное с насилием, порой не только психологическим, но и физическим, начинало раздражать. Тут появляется нечто новое, многообещающее и поначалу вызывает всеобщий энтузиазм. Причины после-

дующего падения его те же, что у предшественника, и те же, что и причины его появления: несбывшиеся обещания. Люди устали ждать второго пришествия Христа и обратились к науке, обещавшей рай на земле. Его же потом гарантировала идеология.

Взаимоотношения между отдельными отраслями культуры включают борьбу и сотрудничество. Путь к новой духовной парадигме лежит через трагедию. На переломе от мифологии к философии Сократа обвинили в непочтительности к старым богам и развращении молодежи и приговорили к смерти. Христа распяли за неуважение к традициям и мудрости его времени. Вопрос Пилата: «Что есть истина?» — ответ философии в эпоху ее погрузившегося в скептицизм заката на глаголемое устами пророка: «Я есмь путь и истина». Бруно сожгли, когда религия была готова на все, чтобы защитить свои догмы от напора новых истин научного знания. Три имени стали символами отраслей культуры: Сократ — олицетворением философии, Христос — богочеловеком, Бруно — энтузиастом науки.

Что имеем сейчас в эпоху кризиса идеологии? На роль властителя дум претендуют, с одной стороны, различные мистические, порой наукообразные направления, связанные с изучением человека (парапсихология), космоса (уфология), Бога (теософия), а с другой стороны, новая экологическая нравственность как ответ на кризис во взаимоотношениях человека и природы.

Какова судьба традиционных отраслей культуры? В качестве повторяющегося элемента, который претендует на закономерность, можно выделить то обстоятельство, что, раз возникнув в качестве главенствующей, данная отрасль культуры затем может увеличивать свое значение под влиянием различных причин, но никогда не достигает прежней высоты, хотя и не исчезает. Религия, даже испытывая в наше время нечто похожее на ренессанс, далека от своего средневекового величия. Философия, хотя и воспряла духом в Новое время, все же не достигла престижа античности. Исходя из этого можно предположить, что и наука с идеологией не поднимется в дальнейшем на прежние высоты. Процесс развития культуры не является сменой одних видов

Заклучение

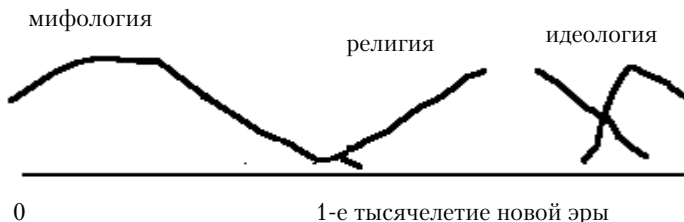
другими, как думал Конт, но не наблюдается и их одновременное гармоническое сосуществование. Скорее развитие идет по принципу затухающих колебаний.

Каждый тип культуры имеет свою специфику вплоть до того, что в отдельных типах культур не все отрасли получают свое наивысшее развитие. Так, например, в русской культуре, не столь рациональной, как западная, преимущественно рациональные отрасли культуры, такие как философия и наука, не достигают своего пика. Славянская мифология, минуя философскую стадию, непосредственно сменилась религией, а последняя была потеснена идеологией. С учетом двух выпавших стадий схема развития русской культуры имеет вид:

мифология → религия → идеология.

Последние две стадии явились двумя модификациями так называемой русской идеи. Они не повторяли содержательно западные, а соответствовали русскому национальному характеру и проявили себя в форме русского православия и русского коммунизма. Высшей точкой русского православия было время создания школы Сергия Радонежского, а высшей точкой русского коммунизма — середина XX в., ознаменовавшаяся выходом в космос.

Сначала церковный, выделивший старообрядцев, а затем светский раскол XIX в. на западников и славянофилов подорвал господство русского православия. Распад идеи шел через раздвоение на сторонников традиций русской жизни и сторонников западного пути. Точно так же русский коммунизм ныне распался на демократов и патриотов.

Можно предположить, что русская идея в дальнейшем опять объединит оба пути. Нынешние духовные тенденции в России те же, что на Западе. Это экологическая нравственность в виде русского экологизма. Можно предположить, что она послужит основанием для третьей модификации русской идеи.

Итак.

1. Культура развивается по своим законам, отличным от законов природы и материальной жизни людей.
2. Механизм развития культуры: жертва → синтез → подмена — приводит к смене главенствующей роли отраслей культуры — от мистики до идеологии. Потерявшая господствующее положение отрасль остается на вторых ролях.
3. Появление и занятие господствующего положения данной отрасли зависит: а) от того, на каком уровне развития находится человек; б) от общественных давлений и потребностей; в) от специфики предыдущей отрасли культуры.
4. Культура развивается под действием тенденции рационализации, дополненной реакцией иррациональности. В результате их борьбы между собой смена отраслей культуры определяется принципом маятника. Степень рациональности отраслей культуры постепенно растет, хотя не линейно, а по спирали.
5. Каждая новая отрасль получает господство в результате жертвы, а ее энергия рассеивается от подмен, которые присущи лидирующей отрасли культуры.
6. В процессе роста культурной системы при создании новых отраслей действуют естественные силы дифференциации, усложняющие культурную пирамиду, и создаются условия для подмен. Под их действием культурная пирамида становится

- неустойчивой и в ней растет тенденция к синтезу. Последний создает почву для развития новых отраслей, которые появляются с помощью жертвы.
7. В целом культурная система увеличивает свою сложность и разнообразие и, стало быть, эволюционирует. Истинный прогресс человечества — это прогресс культуры, а так как он происходит благодаря жертве, то можно сказать, что жертва — двигатель прогресса.
  8. Основные человеческие ценности — истина, добро, красота и др. — получают свое оправдание, поскольку способствуют прогрессу культуры, а стало быть, прогрессу человека.
  9. Культура, более слабая физически, часто побеждает своих завоевателей духовно (завоевание семитами шумеров, арийцами дравидов, дорийцами ахейцев, римлянами греков, персов и евреев).
  10. Субъектом культуры является Человек Духовный, живущий по законам развития культуры. Задача человека как культурного существа — способствовать развитию культуры. Социум является переходным состоянием от Человека Разумного к Человеку Духовному, средой существования которого является мир культуры.
  11. Высшие культурные принципы человечества: а) принцип жертвы, связанный с происхождением мира и развитием культуры; б) принцип синтеза, связанный с творением нового; в) принцип загробного суда, связанный с существованием нравственности, предохраняющей от самоистребления, — имеют смысловое значение. Первый принцип раскрывает смысл смерти, второй — смысл жизни, третий — смысл посмертного существования.
  12. Кризис культуры в эпоху господства идеологии требует культурной революции для обеспечения способности культуры к развитию и становления Человека Духовного. Можно предположить, что таковой будет занятие лидирующей позиции новой отраслью культуры — экологией.

Список литературы по всему курсу

1. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
2. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
3. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
4. Антология культурологической мысли. М., 1996.
5. Антология исследований культуры. СПб., 1997.
6. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
7. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М., 1990.
8. *Бруно Дж.* О героическом энтузиасте. Киев, 1996.
9. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
10. *Гринденко Г.В.* Хрестоматия по истории мировой культуры. М., 1998.
11. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. Т. 2. М., 1998.
12. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
13. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994.
14. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.

Словарь терминов

Аккультурация — процесс приобретения одним народом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в результате общения этих народов.

Ампир (фр. empire — империя) — стиль позднего классицизма в западной архитектуре и прикладном искусстве, возникший во Франции в период Наполеона. Для ампира характерны строгие монументальные формы (дорический и тосканский ордера) и обращение к древнеримским и древнеегипетским декоративным формам (крылатые сфинксы и т.п.).

Античная культура — древний период в развитии культуры, в основном включающий древнегреческую и древнеримскую культуры.

Антропологическая культурология — раздел культурологии, смежный с антропологией и изучающий связи между культурными феноменами и природой человека, психологией и менталитетом отдельных народов.

Ареал культурный — географический район, внутри которого у разных народов обнаруживаются одни и те же культурные особенности.

Архетип — базовая структура мышления (часто проявляющаяся на бессознательном уровне), находящая отражение в культуре.

Барокко (ит. barocco — вычурный) — художественный стиль конца XVI — середины XVIII в., отличается декоративной пышностью, динамическими сложными формами, живописностью, импульсивностью, чрезмерностью.

Бронзовый век — период в жизни общества, следующий за каменным веком (в некоторых культурах — медным веком), ког-

да человек пользовался орудиями труда из бронзы (приблизительно от 4 до 3 тыс. лет назад).

Возрождение — эпоха в развитии западной культуры, начавшаяся после Средневековья и характеризующаяся резким повышением интереса к античной культуре и философии. Различают раннее (XIV—XV вв.), высокое (XV—XVI вв.) и позднее (XVI—XVII вв.) Возрождение.

Восточные типы культуры — типы культур, возникшие на Ближнем и Дальнем Востоке и характеризующиеся преимущественным развитием таких отраслей духовной культуры, как мистика, мифология, религия, искусство.

Глобальные проблемы — проблемы, важные для всего земного шара, такие как экологическая, демографическая, ресурсная, предотвращения мировой термоядерной войны. Появились в середине XX в.

Готика (фр. gothique — от названия германского племени готов) — художественный стиль, преимущественно архитектурный, зародившийся в XII в. во Франции и распространившийся в позднем Средневековье по всей Западной Европе. Готическое зодчество характеризуется стрельчатыми сводами, обилием каменной резьбы и скульптурных украшений, применением витражей.

Динамика культуры — совокупность изменений, происходящих в культуре. Есть различные типы и виды культурной динамики — линейная, циклическая и т.д.

Доминанта — преобладающая в данной культуре основная черта, определяющая другие.

Духовная культура — совокупность духовных продуктов, созданных человеком как видом Homo Sapiens.

«**Душа**» культуры — понятие, под которым имеется в виду основной прасимвол: аполлонический — в древнегреческой культуре, фаустовский — в новоевропейской культуре. Ин-

дивидуальный неповторимый стиль и в то же время внутренний смысл данной культуры.

Железный век — период в жизни общества, когда человек перешел к использованию орудий труда из железа (приблизительно с середины 1-го тыс. до н.э.)

Западные типы культуры — типы культур, возникшие в Древней Греции, Древнем Риме и Западной Европе и характеризующиеся преимущественным развитием таких отраслей духовной культуры, как философия и наука.

Инкультурация — процесс введения человека в систему нормативно-ценностных регуляторов социальной практики, в иерархию этих ценностей.

Искусство — отрасль духовной культуры, возникшая вслед за мистикой и представляющая собой совокупность специфически человеческих продуктов, основанных преимущественно на воображении и творении образов. Создает на основе образного мышления эстетически значимые ценности.

История культуры — раздел культурологии, изучающий историю развития культуры различных народов преимущественно в ее хронологической последовательности.

Каменный век — самый ранний период в жизни общества, когда человек пользовался каменными орудиями труда (приблизительно до 6 тыс. лет назад).

Картина мира культурная — общее представление о мире с точки зрения отдельной или мировой культуры, включающее представление об устройстве и функционировании мира, месте в нем человека, соотношении естественного и сверхъестественного и т.п.

Классицизм — период в развитии древнегреческой культуры (V—IV вв. до н.э.), когда она достигла расцвета своих форм и возможностей; также стиль, возникший в подражание древнегреческому в европейском искусстве Нового времени.

Коды культуры (по аналогии с генетикой) — совокупность достижений культуры в виде условных знаков, символов, смыслов, передающихся из поколения в поколение путем социального наследования.

Культура — совокупность всего специфически человеческого, что создано им как видом *Homo Sapiens*.

Культурогенез — процесс формирования основных сущностных характеристик культуры.

Культурология — наука о культуре, возникшая в середине XX в. и изучающая закономерности развития культуры.

Локальная культура — культура, существующая в определенном месте и не связанная с имеющимися вне ее; обладающая своим набором индивидуальных неповторимых черт.

Массовая культура — возникшая в XX в. часть культуры, которая ориентируется на приобщившихся к культуре в результате развития средств массовой информации и коммуникации, всеобщую грамотность и увеличение досуга у массы населения.

Материальная культура — совокупность специфически человеческих искусственных, неорганических материальных продуктов (орудий труда и т.д.), созданных им как видом *Homo Sapiens*.

Медный век — период жизни общества после каменного века, когда в некоторых культурах человек начал пользоваться медными орудиями труда (приблизительно от 5 до 4 тыс. лет назад).

Межкультурные коммуникации — разнообразные виды взаимодействий между отдельными культурами.

Менталитет — способ чувствования и мышления, присущий людям определенной общности и определяющий особенности их культуры.

Мировая культура — совокупность лучших достижений всех отраслей и типов культуры, отражающая общечеловеческие ценности и приоритеты.

Мистика — первая отрасль духовной культуры, основывающаяся на синкретичном восприятии мира, не разделяющем четко объекты действительности на естественные и сверхъестественные.

Мифология — отрасль духовной культуры, возникшая вслед за искусством и представляющая собой систему взглядов, отвечающих на основные вопросы человеческого бытия в форме образов и верований.

Модернизация культурная — изменения в культуре, отвечающие современным требованиям к ней в плане рационализации и соответствия основным потребностям современного человека.

Морфология культуры — направление в культурологии, изучающее формы культуры как самостоятельные образования, имеющие собственную логику развития, и их смену в ходе культурного процесса.

Наука — рациональная отрасль духовной культуры, основанная на познании реальности в теоретической форме, допускающей эмпирическую проверку, и выявляющая устойчивые повторяющиеся связи между явлениями действительности.

Научно-техническая революция — коренное преобразование производительных сил общества, произошедшее в середине XX в. на базе превращения науки в ведущий фактор общественного производства. Служит отправной точкой становления постиндустриального информационного общества.

Национальная культура — синтез культур различных слоев исторически сложившейся общности людей, характеризующейся единством территории, социально-экономической деятельности и менталитета. Национальные культуры письмен-

ны, обладают широким ареалом действия, передаются через образование.

Неолитическая революция — скачкообразный переход от присваивающего хозяйства (охоты и собирательства) к производящему (земледелию и скотоводству), совершившийся в эпоху неолита 9—6 тыс. лет назад.

Новейшее время—XX—XXI вв.

Новое время — эпоха в развитии мировой культуры, наступившая после Средневековья и характеризующаяся развитием науки как преобладающей отрасли культуры (XVII—XIX вв.).

Ноосфера — сфера взаимодействия общества и природы, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития. Концепция ноосферы сформулирована П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским.

Нормы культурные — совокупность общепринятых положений, регулирующих поведение людей, их общение и участие в совместном духовном и материальном производстве.

Общество — совокупность людей и устойчивых, структурированных связей между ними.

Отрасли культуры — крупные направления в развитии культуры, последовательно возникавшие — от мистики до идеологии — друг за другом. Отрасли являются связующими нитями в культуре. За счет них отдельные типы культур получают новые стимулы своего существования.

Первобытная культура — совокупность культур народов, живших в каменном веке.

Прикладная культурология — совокупность исследований, во-первых, нацеленных на изучение и разработку методик целенаправленного прогнозирования и управления культурными процессами и, во-вторых, ориентирующихся на проблемы охраны и реставрации культурно-исторического наследия.

Природа — понимается в трех основных смыслах: как все существующее; как основа всего существующего; как совокупность естественного в противоположность искусственному, т.е. созданному человеком. В 3-м значении чаще всего употребляется в культурологии.

Прогресс культуры — форма развития, при которой культура становится сложнее, многограннее, в ней накапливаются произведения, отрасли и типы.

Промышленная революция — революция в производстве, связанная с изобретением парового двигателя и приведшая к быстрому росту промышленности и становлению индустриального общества.

Просвещение — эпоха в развитии культуры Нового времени (XVIII в.), характеризующаяся стремлением деятелей культуры внедрять ее достижения в широкие слои общества.

Революция — глубокое качественное изменение в развитии общества.

Религия — отрасль духовной культуры, основанная на вере в Бога и являющаяся основой духовного объединения больших групп людей в наднациональные образования.

Реституция — возвращение одним государством другому имущества, в том числе культурных ценностей, незаконно захваченных им во время войны.

Реформация — эпоха в развитии католичества (XVI—XVII вв.), характеризующаяся стремлением широких слоев верующих изменить обряды и догмы католической церкви на базе протестантизма.

Рококо (фр. гроссо — раковина) — стиль в архитектуре и декоративном искусстве, возникший в начале XVIII в. и особенно распространившийся во Франции при Людовике XV, отличавшийся причудливой асимметричной орнаментацией и изяществом форм.

- Романский стиль** — стиль западного искусства (X—XIII вв.), отличающийся в архитектуре простотой, строгостью и массивностью, в изобразительных искусствах — условностью и яркой внушительностью форм.
- Романтизм** — направление в европейском искусстве 1-й половины XIX в., которому свойственны исключительность героев, страстей и контрастных ситуаций. Характеризуется метафорической углубленностью и психологической задушевностью.
- Самоидентичность культурная** — отождествление людей и общественных учреждений с данной культурой, в пределах которой они существуют; осознание культурой самое себя.
- Семантика культурная** — раздел культурологии, изучающий культурные феномены как средство коммуникации между личностью и обществом.
- Семиотика** — наука о знаковых системах, в том числе о культурных знаках, являющихся носителями культурной информации.
- «Серединная» культура** — культура, находящаяся в тесном взаимодействии с другими типами культур и являющаяся промежуточной между двумя или большим числом культур.
- Символ** — знак, имеющий более одного значения. Символы составляют базовый язык культуры.
- Синергетика** — наука о процессах самоорганизации в природе, эволюции в неживых системах и универсальных закономерностях процессов развития.
- Синкретизм** — сочетание разнородных культурных элементов при отсутствии непротиворечивости их друг другу.
- Современность** — время, в которое человечество живет в данный момент. Иногда в контексте имеется в виду более продолжительный период (скажем, вторая половина XX в.).
- Социализация** — процесс приобщения индивида к культурным ценностям общества.

Социальные институты культуры — совокупность социальных структур, общественных учреждений, устойчивых общественных взаимодействий, в рамках которых развивается культура.

Социология культуры — дисциплина, промежуточная между культурологией и социологией, изучающая отношение к культуре представителей различных социальных групп, и социальные институты, имеющие отношение к культуре.

Специфическая культура — культура, не похожая на другие, развивающаяся по своим внутренним законам и мало связанная с другими культурами и культурными универсалиями.

Средневековье — эпоха в мировой культуре, начинающаяся после античности и характеризующаяся преобладанием религии как отрасли культуры (V—XVI вв.).

Стиль — букв. заостренная палочка у древних римлян, которой выцарапывались буквы. Неповторимое творческое своеобразие данного человека или направления в культуре, совокупность характерных свойств, не похожих на другие.

Структурный метод — метод, основанный на изучении взаимосвязей составных частей системы.

Тенденции культурные — основные направления, по которым развивается данная культура, совокупность ее черт, которые переходят из прошлого в будущее.

Теоретическая культурология — раздел культурологии, нацеленный на исследование собственных фундаментальных проблем культуры и выявление общих закономерностей ее развития.

Техника — совокупность орудий труда, способов и приемов преобразования мира; важнейший элемент материальной культуры.

Типология культур — классификация различных типов культур в соответствии с их специфическими особенностями, выявляющая их характерные свойства и взаимосвязи.

Типы культур — целостные культурные образования, возникшие у данного народа или совокупности народов, имеющие общие свойства и не похожие на культурные образования других народов.

Традиции культуры — совокупность достижений культуры, передающихся в рамках данной культуры от одного поколения к другому.носителем культурных традиций является народ.

Трансформация культуры — изменения в культуре под влиянием внешних и внутренних факторов.

Универсалии (инварианты) культуры — фундаментальные проблемы, с которыми человечество сталкивается во всех культурах, и общие способы их решения.

Философия — рациональная отрасль духовной культуры, вдохновленная любовью к мудрости и представляющая собой совокупность ответов на фундаментальные вопросы, стоящие перед человеком: что есть истина? Каково происхождение и устройство мира? В чем смысл жизни? И т.д.

Философия культуры — раздел философии и культурологии, изучающий наиболее общие проблемы культуры и соотношения философии и культуры.

Функциональный метод — метод, основанный на изучении поведения, функций системы и взаимосвязи функций со структурой и элементами системы.

Человек Разумный — последний вид в роду Номо, современный человек, обладающий речью и разумом, т.е. способностью к абстрактному, обобщенному, понятийному мышлению. Возраст по разным оценкам 100—200 тыс. лет.

Человек Умелый — первый вид в роду Номо, названный так потому, что начал изготовление орудий труда. Возраст 2—3 млн лет.

Ценности культурные — совокупность всех культурных достижений, значимых для человека.

Цивилизация — современная стадия развития культуры, имеющая исходным пунктом развитие городов, письменности, становление целостных мифологических систем и высокий уровень техники. Цивилизации во множественном числе означают крупные сообщества людей, объединенных общими материальными и духовными ценностями и нормами.

Цикл культуры — время существования данной культуры от зарождения до гибели.

Эволюционизм — концепция развития мировой культуры, в соответствии с которой она проходит последовательно через ряд стадий, причем каждая культура повторяет общий путь и находится в данный момент времени в определенной точке общего для всех пути.

Экология — наука о взаимодействии живых и неживых систем, возникшая в 20-х гг. XX в., в широком смысле становящаяся новой отраслью культуры, призванная преодолеть кризис во взаимоотношении человека с природной средой.

Экспансионизм — стремление одной культуры навязать свои особенности и ценности другим культурам. В настоящее время речь идет об экспансии западной и прежде всего американской культуры по отношению к другим культурам земного шара.

Элитарная культура — противостоящая массовой часть культуры, ориентирующаяся на интересы элиты общества, недоступная и непонятная массам.

Этническая культура — культура этносов — человеческих сообществ более высокого уровня, чем племя, но менее высокого, чем нация. Обладает такими особенностями, как традиционализм, локальность, анонимность, дописьменность.

Этнография — наука, занимающаяся преимущественно описанием древних и примитивных культур. Возникла в XIX в. и послужила одной из основ культурологии. Изучает достижения культуры того или иного народа во всем их многообразии и целостности.

Персоналии

АВГУСТИН (351—430) — западный религиозный деятель, автор произведений «О благодати и свободном произволении», «Исповедь» и др.

АВИЦЕННА (980—1037) — мусульманский ученый, философ.

АКСАКОВ Константин Сергеевич (1823—1886) — русский философ, общественный деятель, славянофил.

АЛЬ-ГАЗАЛИ (1058—1111) — мусульманский философ.

АЛЬ-ФАРАБИ (870—950) — мусульманский философ.

АНАКСИМАНДР (VI в. до н.э.) — древнегреческий философ, представитель ионийской школы.

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1906—1958) — русский писатель, автор романов «Дневник Сатаны», «Сашка Жегулев» и др.

АНТИСФЕН (ок. 445—365 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель школы киников.

АРИОСТО Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд».

АРИСТИПП (ок. 435 — ок. 355 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель школы киренаиков.

АРИСТОТЕЛЬ (ок. 383—322 до н.э.) — древнегреческий философ.

БАЙРОН Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт, видный представитель романтизма.

БАКУНИН Михаил Александрович (1814—1876) — русский общественный деятель, видный представитель анархизма.

БАЛЬЗАК Оноре де (1799–1850) — французский писатель, видный представитель реализма.

БАХ Иоганн Себастьян (1685–1750) — немецкий композитор.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811–1848) — русский литературный критик, представитель критического реализма.

БЕНЕДИКТ Нурсийский (480–543) — итальянский религиозный деятель, основатель знаменитого монашеского ордена.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874–1948) — русский философ, персоналист.

БЕРКЛИ Джордж (1685–1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма.

БЕТХОВЕН Людвиг ван (1770–1827) — немецкий композитор.

БОККАЧЧО Джованни (1313–1375) — итальянский писатель, автор «Декамерона».

БОЛДУИН Джеймс Марк (1861–1934) — американский писатель.

БОТТИЧЕЛЛИ (1445–1510) — итальянский художник эпохи Возрождения.

БРУНЕЛЛЕСКИ Филиппо (1377–1446) — итальянский архитектор Возрождения.

БРУНО Джордано (1548–1600) — итальянский философ-естествоиспытатель и поэт.

БРЮЛЛОВ Карл Петрович (1799–1852) — русский художник.

БУАЛО Никола (1636–1711) — французский поэт, теоретик искусства.

БУДДА (кон. VII — нач. V в. до н.э.) — индийский религиозный деятель, основатель буддизма.

БЭКОН Френсис (1561–1626) — английский философ. Обосновал применение экспериментального метода в науке.

- ВАГНЕР Рихард** (1813–1883) — немецкий композитор, теоретик музыки.
- ВАСНЕЦОВ Виктор Михайлович** (1848–1926) — русский художник, реалист.
- ВЕЛАСКЕС Диего** (1599–1660) — испанский художник.
- ВЕРГИЛИЙ** (70–19 до н.э.) — древнеримский поэт, автор «Энеиды».
- ВЕРДИ Джозеппе** (1813–1901) — итальянский композитор.
- ВЕРЛЕН Поль** (1844–1896) — французский поэт, символист.
- ВИВЕКАНАНДА Свами** (1863–1902) — индийский философ.
- ВИЙОН Франсуа** (1431/1432 — год смерти неизв.) — французский лирический поэт.
- ВИКО Джамбаттиста** (1668–1744) — итальянский мыслитель, автор книги «Основания новой науки об общей природе нации».
- ВОЛЬТЕР** (1694–1778) — французский философ и писатель, представитель деизма.
- ГАЛИЛЕЙ Галилео** (1564–1642) — итальянский математик, физик и астроном, автор книги «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой».
- ГАНДИ Мохандас** (1869–1948) — индийский политический деятель.
- ГАРТМАН Эдуард** (1842–1906) — немецкий философ.
- ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих** (1771–1830) — немецкий философ, объективный идеалист.
- ГЕРАКЛИТ** (ок. 544–483 до н.э.) — древнегреческий философ, политический деятель.
- ГЕРДЕР Иоганн Готфрид** (1744–1803) — немецкий философ эпохи Просвещения.

ГЕРОДОТ (490/480—430/422 до н.э.) — древнегреческий историк, автор «Истории».

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812—1870) — русский философ, общественный деятель. Представитель западничества.

ГЕТЕ Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий писатель, представитель классицизма.

ГОМЕР (VIII в. до н.э.) — древнегреческий поэт, автор поэм «Илиада», «Одиссея».

ГОРАЦИЙ (65—8 до н.э.) — древнеримский поэт, автор од.

ГРИГОРИЙ Нисский (ок. 335 — ок. 394) — византийский религиозный деятель.

ГРОЦИЙ Гуго (1583—1645) — итальянский философ.

ГУТЕНБЕРГ Иоганн (1394/1399—1468) — основоположник книгопечатания.

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (1822—1885) — русский философ, автор концепции культурно-исторических типов.

ДАНТЕ Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

ДАРВИН Чарльз (1809—1882) — английский естествоиспытатель, создатель теории эволюции в биологии.

ДЕКАРТ Рене (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

ДЕМОКРИТ (ок. 460 — ок. 371 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель атомизма.

ДЖЕЙМС Уильям (1842—1910) — американский философ, представитель прагматизма.

ДЖЕФФЕРСОН Томас (1743—1826) — американский общественный деятель.

ДИДРО Дени (1713–1784) — французский философ, энциклопедист.

ДИОГЕН Лаэртский (1-я пол. III в.) — древнегреческий философ, автор книги «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

ДИОГЕН Синопский (ок. 412–323 до н.э.) — древнегреческий философ.

ДИОНИСИЙ (1440–1502/3) — русский иконописец.

ДИСТЕРВЕГ Фридрих Адольф Вильгельм (1790–1866) — немецкий педагог.

ДОМИНИК (1170–1221) — испанский религиозный деятель, основатель ордена доминиканцев.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821–1881) — русский писатель, автор романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и др.

ДЬЮИ Джон (1859–1952) — американский философ, представитель прагматизма.

ЕФРЕМ Сирин (IV–V вв.) — учитель христианской церкви.

ЗИММЕЛЬ Георг (1858–1918) — немецкий философ, автор работы «Конфликт современной культуры».

ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович (род. 1922) — советский философ и писатель.

ЗОЛЯ Эмиль (1840–1902) — французский писатель, представитель натурализма.

ИБН АЛЬ-МУКАФФА (723/724–759/760) — мусульманский писатель, переводчик на арабский языка «Калилы и Димны».

ИБН-АРАБИ (1165–1240) — арабский философ.

ИОАНН Златоуст (347–407) — византийский православный религиозный деятель.

КАМЮ Альбер (1906—1960) — французский философ и писатель, представитель экзистенциализма.

КАНТ Иммануил (1727—1804) — немецкий философ, субъективный идеалист.

КАРЛЕЙЛЬ Томас (1795—1881) — английский мыслитель, моралист и историк.

КАРНЕГИ Дейл (1888—1955) — американский философ, автор популярных книг «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить».

КАРСАВИН Лев Платонович (1882—1952) — русский религиозный философ и историк.

КАССИРЕР Эрнст (1874—1945) — немецкий философ, неокантианец.

КАТУЛЛ (87/84 до н.э. — ок. 54 до н.э.) — древнеримский лирический поэт.

КИРЕЕВСКИЙ Иван Васильевич (1806—1856) — русский философ, публицист.

КОНТ Огюст (1798—1857) — французский философ, основатель социологии.

КОНФУЦИЙ (ок. 551 — ок. 479 до н.э.) — древнекитайский мыслитель и моралист.

КОПЕРНИК Николай (1473—1543) — польский ученый, создатель гелиоцентрической системы мира.

КОРНЕЛЬ Пьер (1606—1684) — французский драматург, основатель классического театра.

КРЕБЕР Альфред (1876—1960) — американский культуролог.

КРОПОТКИН Петр Алексеевич (1842—1921) — русский мыслитель, представитель анархизма.

КСЕНОФОНТ (ок. 450–354 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, автор «Воспоминаний о Сократе».

КЪРКЕГОР Серен (1813–1855) — датский философ, предтеча экзистенциализма.

ЛАО-ЦЗЫ (VI–V вв. до н.э.) — древнекитайский мыслитель, основоположник даосизма.

ЛЕЙБНИЦ Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ и ученый.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (1452–1519) — художник и ученый эпохи Возрождения.

ЛЕССИНГ Готхольд Эфраим (1729–1781) — немецкий философ, поэт, литературный критик.

ЛИВИЙ Тит (59 до н.э. — 17 н.э.) — древнеримский историк, автор книги «История Рима от основания Города».

ЛОБАЧЕВСКИЙ Николай Иванович (1792–1856) — русский математик, создатель неевклидовой геометрии.

ЛОКК Джон (1632–1704) — английский философ, представитель эмпиризма.

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711–1765) — русский ученый, мыслитель, поэт.

ЛОНГФЕЛЛО Генри (1807–1882) — американский поэт, автор «Песни о Гайавате».

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА (1562–1635) — испанский драматург.

ЛОСЕВ Алексей Федорович (1893–1988) — советский философ, автор многотомного труда «История античной эстетики».

ЛОРЕНЦ Конрад (1903–1989) — австрийский зоолог, основатель этологии.

ЛУКИАН (ок. 120 — ок. 190) — древнеримский писатель, сатирик.

ЛУКРЕЦИЙ Кар (ок. 96 до н.э. — ок. 55 до н.э.) — древнеримский философ, поэт, автор поэмы «О природе вещей».

ЛЮТЕР Мартин (1483–1546) — немецкий религиозный деятель, основатель лютеранства.

МАКСИМ Исповедник (582–662) — византийский православный деятель.

МАНИ (216–277) — основоположник манихейства.

МАРК АВРЕЛИЙ (121–180) — древнеримский философ, император, автор дневника «Размышления».

МАРСЕЛЬ Габриэль (1889–1973) — французский философ, экзистенциалист.

МАРЦИАЛ (ок. 40 — ок.104) — древнеримский поэт, автор эпиграмм.

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович (1834–1907) — русский химик, создатель периодической таблицы химических элементов.

МЕЧНИКОВ Лев Ильич (1838–1888) — русский географ, автор книги «Цивилизация и великие исторические реки».

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ (1475–1564) — итальянский художник, скульптор, поэт эпохи Возрождения.

МИЛЬТОН Джон (1608–1674) — английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай».

МОЛЬЕР Жан-Батист (1622–1673) — французский драматург, комедиограф.

МОНТЕНЬ Мишель (1533–1592) — французский философ.

МОНТЕСКЬЕ Шарль Луи (1689–1755) — французский философ, автор книги «О духе законов».

МОЦАРТ Вольфганг Амадей (1756–1791) — австрийский композитор.

МО-ЦЗЫ (ок. 479 — ок. 400 до н.э.) — китайский мыслитель.

МУХАММАД (570–632) — основатель ислама.

- НАХШАБИ Зийа ад-Дин** (последняя четверть XIII в. — 1350) — мусульманский писатель, автор «Книги попугая».
- НЕРУ Джавахарлал** (1889—1964) — индийский политический деятель, последователь Махатми Ганди, автор книги «Открытие Индии».
- НИЗАМИ** (1141—1203) — азербайджанский поэт, автор поэмы «Лейли и Меджнун».
- НИЦШЕ Фридрих** (1844—1900) — немецкий философ, автор книг «Рождение трагедии из духа музыки», «Так говорил Заратустра», «Человеческое, слишком человеческое» и др.
- НЬЮТОН Исаак** (1643—1727) — английский ученый, основоположник классической физики.
- ОВИДИЙ** (43 до н.э. — 17/18 н.э.) — древнеримский поэт, автор «Метаморфоз».
- ПАВЛОВ Иван Петрович** (1849—1936) — советский ученый, физиолог.
- ПЕСТАЛОЦЦИ Иоганн Генрих** (1746—1827) — швейцарской педагог.
- ПИФАГОР** (580—500 до н.э.) — древнегреческий философ, математик.
- ПЛАТОН** (ок. 427—347 до н.э.) — древнегреческий философ, автор диалогов «Пир», «Апология Сократа», «Горгий» и др.
- ПЛУТАРХ** (ок. 46 — ок. 126) — античный историк.
- ПУЧЧИНИ Джакомо** (1858—1924) — итальянский композитор.
- РАДИЩЕВ Александр Иванович** (1749—1802) — русский философ, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву».
- РАСИН Жан** (1639—1699) — французский драматург, последователь классицизма.
- РАСТРЕЛЛИ Бартоломео** (1700—1771) — русский архитектор, строитель Зимнего дворца в Петербурге.

РАФАЭЛЬ САНТИ (1483—1520) — итальянский художник эпохи Возрождения.

РЕМБРАНДТ ван Рейн (1606—1669) — голландский художник.

РЕНАН Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский ученый, автор книг «Жизнь Иисуса» и др.

РЕПИН Илья Ефимович (1844—1930) — русский художник, реалист.

РОНСАР Пьер де (1524—1585) — французский лирический поэт.

РОТТЕРДАМСКИЙ Эразм (1469—1536) — голландский философ эпохи Возрождения.

РУБЕНС Пауль (1577—1640) — голландский художник.

РУБЛЕВ Андрей (1360 — ок. 1430) — древнерусский иконописец, автор иконы «Троица».

РУМИ Джалаледдин (1207—1273) — персидский поэт.

РУССО Жан-Жак (1712—1778) — французский философ, общественный деятель.

СААДИ (1203/1208—1292) — персидский поэт.

САРТР Жан-Поль (1905—1980) — французский философ, экзистенциалист.

СВЕТОНИЙ (ок. 70 — ок. 140) — древнеримский писатель.

СЕКСТ Эмпирик (конец II — начало III в. н.э.) — древнеримский философ, последователь скептицизма.

СЕНЕКА Анний Люций (ок. 5 до н.э. — 65 н.э.) — древнеримский философ, стоик, автор «Нравственных писем к Луцилию».

СЕРВАНТЕС Мигель де (1547—1616) — испанский писатель, автор «Дон-Кихота».

- СИМЕОН Столпник** (356–459) — христианский аскет, основавший род подвижничества, который называется столпничеством.
- СКОВОРОДА Григорий** (1722–1794) — русский философ.
- СОКРАТ** (469–399 до н.э.) — древнегреческий философ.
- СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич** (1853–1900) — русский философ.
- СОРОКИН Питирим Александрович** (1889–1968) — русский философ, социолог.
- СПЕНСЕР Герберт** (1820–1903) — английский философ, последователь эволюционизма.
- СПИНОЗА Бенедикт** (1632–1677) — голландский философ, представитель пантеизма.
- ТАССО Торквато** (1544–1595) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим».
- ТАЦИТ** (58 — ок. 117) — древнеримский историк.
- ТЕРТУЛИАН** (ок. 160–220) — древнеримский христианский деятель.
- ТОЙНБИ Арнольд Джозеф** (1889–1975) — английский историк, автор книги «Постижение истории».
- ТОЛСТОЙ Лев Николаевич** (1828–1910) — русский писатель.
- ТОРО Генри** (1817–1862) — американский философ, общественный деятель.
- ТРУБЕЦКОЙ Евгений Николаевич** (1863–1920) — русский философ, автор книг «Смысл жизни», «Три очерка о русской иконе» и др.
- УАТТ Джеймс** (1736–1819) — английский изобретатель.
- УШАКОВ Симон** (1626–1686) — русский иконописец.

ФАЛЕС (ок. 625 — ок. 545 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель ионийской школы.

ФЕДОРОВ Николай Федорович (1828—1903) — русский философ.

ФЕЙБЛМАН Джеймс Керн (род. 1904) — американский философ, культуролог.

ФЕЙЕРБАХ Людвиг (1804—1872) — немецкий философ.

ФЕОФАН Грек (ок. 1340 — после 1405) — русский иконописец.

ФИРДОУСИ (ок. 940—1020/1030) — персидско-таджикский поэт, автор поэмы «Шахнаме».

ФОМА Аквинский (1225—1274) — западный католический философ, теолог, автор «Системы теологии».

ФРАНКЛИН Бенджамин (1706—1790) — американский ученый, общественный деятель.

ФРАНЦИСК Ассизский (1181/2—1226) — христианский проповедник, основатель ордена францисканцев.

ФРЕЙД Зигмунд (1856—1939) — австрийский невропатолог, психиатр, философ.

ФРОММ Эрих (1900—1980) — австрийский психоаналитик, философ.

ФРЭЗЕР Джеймс Джордж (1854—1941) — английский историк религии, автор книги «Золотая ветвь».

ФУКИДИД (ок. 460—400 до н.э.) — древнегреческий историк, автор книги «История Пелопонесской войны».

ХАЙДЕГГЕР Мартин (1889—1976) — немецкий философ, экзистенциалист.

ХАЙЯМ Омар (ок. 1048 — после 1122) — арабский поэт, математик и философ.

ХАФИЗ (1325—1390) — арабский поэт.

- ХОМЯКОВ Алексей Степанович** (1804–1860) — русский философ, славянофил.
- ЧААДАЕВ Петр Яковлевич** (1794–1856) — русский философ, основоположник западничества.
- ЧЕРНЫЙ Даниил** (ок. 1360–1430) — русский иконописец.
- ЧЕХОВ Антон Павлович** (1860–1904) — русский писатель, драматург.
- ЧОСЕР Джон** (ок. 1340–1400) — английский писатель.
- ЦИЦЕРОН** (106–43 до н.э.) — древнеримский философ, общественный деятель.
- ШЕКСПИР Уильям** (1564–1616) — английский драматург.
- ШЕЛЛИНГ Фридрих Вильгельм Йозеф** (1775–1854) — немецкий философ.
- ШИЛЛЕР Фридрих** (1759–1805) — немецкий поэт, философ.
- ШОПЕНГАУЭР Артур** (1786–1861) — немецкий философ.
- ШПЕНГЛЕР Освальд** (1880–1936) — немецкий философ, культуролог.
- ШТАЙНЕР Рудольф** (1861–1925) — немецкий мыслитель, основоположник антропософии.
- ЭВГЕМЕР** (конец IV — начало III в. до н.э.) — древнегреческий философ.
- ЭЙНШТЕЙН Альберт** (1879–1955) — немецкий физик-теоретик, создатель теории относительности.
- ЭЛИОТ Томас** (1888–1965) — американский поэт.
- ЭМЕРСОН Ролф Уолдо** (1803–1882) — американский писатель, философ.
- ЭПИКТЕТ** (ок. 50 г. — ок. 140 н.э.) — древнеримский философ, стоик.

Персоналии

ЭПИКУР (341–271 до н.э.) — древнегреческий философ, основатель эпикурейской школы.

ЮВЕНАЛ (ок. 60–127) — древнеримский сатирик.

ЮМ Дэвид (1711–1776) — английский философ.

ЮНГ Карл Густав (1875–1961) — швейцарский психолог, философ.

ЯСПЕРС Карл (1883–1969) — немецкий философ, экзистенциалист.